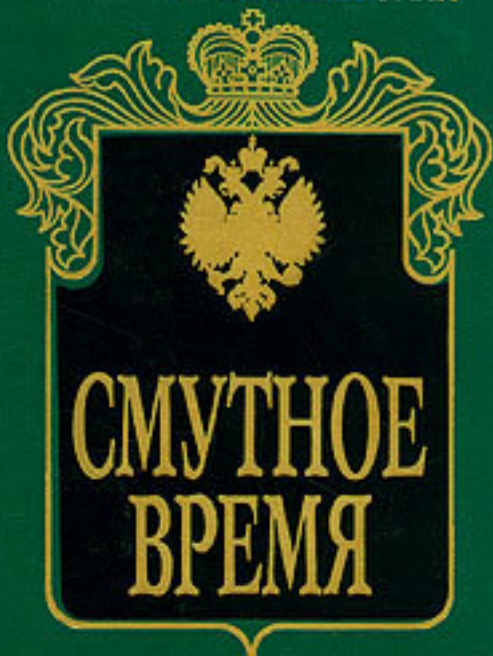

КАЗИМИР ВАЛИШЕВСКИЙ

Казимир Феликсович Валишевский

Смутное время

Серия «Происхождение современной России», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172363
Смутное время: Терра – Книжный клуб; Москва; 2003
ISBN 978-5-275-01448-8, 5-275-00782-5

Аннотация

Историческое сочинение «Смутное время» польско-французского историка Казимира Валишевского (1849-1935) на сегодняшний день является одним из наиболее увлекательных изложений истории России конца XVI-XVII века, времени великой разрухи. Текст произведения представлен в новой редакции и в современной орфографии.

Содержание

	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	60
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	100
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	159
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	159
ГЛАВА ПЯТАЯ	240
ГЛАВА ШЕСТАЯ	286
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	344
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	380
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	380
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	441
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	490
Глава 11	551
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	588
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	588
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	618
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	647

Казимир Валишевский

Смутное время

Предлагаемую русским читателям книгу сам ее автор считает второй частью задуманного им обширного труда – «Происхождение современной России». Начинаясь характеристикой царя Феодора Иоанновича, она, действительно, как бы служит продолжением «Иоанна Грозного» того же автора, но вместе с тем дает вполне законченную, сжатую и красивую картину самой бурной эпохи в истории России. Вихрь событий, в начале XVII-го века охвативший громадное пространство восточной Европы, пестрый калейдоскоп оригинальнейших, часто загадочных личностей, вращавшихся в его волнах, давно приковывает к себе внимание историков и писателей. Смутное время имеет своих специалистов-исследователей, как проф. С. Ф. Платонов, и меценатов, организаторов изысканий, как гр. Шереметев. Отдельные стороны грозного кризиса, расшатавшего государственную жизнь России, разработаны в трудах В. О. Ключевского («Боярская Дума»), М. А. Дьяконова

(«Власть московских государей»), П. Милюкова и мн. других. Смутное время породило богатую литературу, и книга К. Валишевского займет в ней свое собственное и видное место; она очень любопытна и поучительна для русского читателя, как живой, яркий рассказ иностранца-поляка, горячо, кровно заинтересованного событиями бурной поры, резко отразившимися на судьбе его отечества. Автор проводит интересные параллели между политической жизнью Руси и Польши; в своих заключениях он касается той и другой страны, отмечая, как различно повлияла смута на их последующую историю. Польские источники и польская историческая литература занимают большое место среди материалов, на которых построена книга К. Валишевского, и уже это одно придает своеобразный характер его изложению и делает его труд важным, даже необходимым пособием для занимающихся русской историей.

Как все работы К. Валишевского, его история «Смутного времени» написана с сильным литературным темпераментом, живо и популярно. Его характеристики выпуклы и ярки. Отдельными остроумными замечаниями, попутными соображениями он умеет оригинально осветить туманный эпизод, твердым штрихом запечатлеть в памяти читателя метко схваченную особенность исторического лица. Страницы,

посвященные драматической судьбе Лжедмитрия и Марины Мнишек, читаются с захватывающим интересом, как современный политический роман.

Е. Н. Щепкина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Угасающая династия

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наследство Грозного

I. Блаженный на троне

Богатырю следовало бы принять тяжкое наследие Грозного, а наследником оказался звонарь. Говорят, сам Иван IV наделил этим прозвищем младшего из своих сыновей, Феодора, а судьба в отместку предопределила его наследовать престол. Старшего – Ивана, как известно, отец убил собственноручно в припадке бешеного гнева.

Наследие Грозного! Внутри государства затеяны огромные преобразования, – почти государственный переворот, приостановленный в самом зачатке и возбудивший противодействие, которое было заглушено одним из самых ужасных проявлений деспотизма, какие известны в истории; заглушено, но не уничтожено.

Все шатко на глухо клокочущем вулкане! Извне – Польша и Швеция готовы были продолжать свои победы и мстить за былые поражения. Да, нужен был богатырь. А между тем 18 марта 1584 г. вступил на престол 27-летний Феодор... Вот как насмешливые иностранцы, – свои не посмели бы, – Флетчер, Пирсон и Маржерет описывают в своих записках его обычное времяпрепровождение.

Молодой государь обыкновенно вставал в четыре часа утра. Покончив с одеваньем, он посылал за духовником; духовник являлся с большим крестом и, коснувшись им лба и щек государя, подносил крест к устам для целования. За ним следовал дьякон с иконой святого, память которого в тот день праздновалась по святцам. Ее ставили на самое почетное место среди бесчисленных икон, которыми была усыпана сверху донизу комната царя. Иконы были грубого письма, но в богатых ризах с жемчугом и драгоценными камнями; перед ними горели восковые свечи и неугасимые лампы. Феодор сейчас же становился на молитву перед принесенной иконой. Четверть часа царь усердно и истово, клал земные поклоны. На это время духовник уходил и возвращался с чашей святой воды и кропилом. Каждый день эта вода доставлялась по очереди многочисленными московскими монастырями, в знак благоговейного почтения к особе

государя.

Совершив эту первую утреннюю молитву, царь посылал справиться о здоровье царицы, как почивала? Супругой Феодора была Ирина Годунова, сестра знаменитого Бориса, которому судьба готовила высокую, полную трагизма долю. Феодор только накануне многочисленных в православной церкви постных дней разделял ложе супруги и приглашал ее к своему столу. Их покои разделяла зала; получив ответ посланного, царь шел навстречу государыне и проводил с нею некоторое время. Затем они отправлялись вдвоем в свою домовую церковь к заутрени, которая длилась около часа. По возвращении царь отправлялся один в приемную палату и, сидя в большом кресле, принимал тех придворных бояр, кого считал достойным этой милости. Около девяти часов он отпускал своих приближенных. Пора звонить к обедне. Царь сам исполнял эту обязанность, а так как обедню служили в одном из кремлевских храмов со всем сложным чином по обрядам греческой церкви, то эта ежедневная служба занимала царя еще часа на два. На самом-то деле, по крайней мере у окружающих царя, время тратилось не на одну молитву. В эти часы церковь служила палатой совета, под звуки бесконечных песнопений думные бояре заводили шумные мирские споры, замолкая по временам, когда справлялись о мне-

нии своего государя. Но у государя своего мнения никогда не было; он выслушивал, блаженно улыбался и, не говоря ни слова, продолжал перебирать четки. По окончании этого второго богослужения, царь возвращался во дворец обедать. Обед подавался к одиннадцати часам весьма торжественно. После обеда государь почивал три часа, а затем опять шел в церковь к вечерне. Остальные часы до ужина посвящались вполне заслуженному отдыху. Ирина проводила это время вместе с супругом, и оба они развлекались разными забавами, обыкновенно балагурством шутов и кувырканием карликов. Иногда, впрочем, государь удостоивал своим вниманием работы своих золотых и серебряных дел мастеров и иконописцев. После ужина он снова молился со своим духовником и получал его благословение на сон грядущий.

Только по воскресеньям да по большим праздникам изменялось это распределение дня. В такие дни государь посещал монастыри в окрестностях столицы. Иногда, чтобы не нарушать чересчур круто обычаев страны и порядков, заведенных его предшественниками, он присутствовал на боях с медведями или на кулачном бою, но ему они не доставляли никакого удовольствия.

Вот каков был новый царь всея Руси. Личность, словом сказать, довольно близкая по типу и к «иди-

оту», как его изобразил в своем знаменитом романе Достоевский, и к юродивому, каких еще и теперь можно встретить в русских деревнях, и к блаженным, которых набожные люди средних веков причисляли к лику святых. Разные писатели того времени, как светские, так и духовные, действительно, изображают Феодора вполне отрешившимся от мирских дел и помышляющим только о вечной жизни. Правда, один из этих писателей, патриарх Иов, под влиянием чувства, довольно близкого тому, которым вдохновлялся великий русский романист, готов был видеть в этом нищем духом еще и разумного правителя и образец государя. Но он один был такого мнения. Лев Сапега, выдающейся государственной деятель Польско-Литовского государства, вернувшись из Москвы, куда он ездил в качестве посла, говорил: «Напрасно говорят, что у этого государя мало рассудка: я убедился, что он вовсе лишен его».

Флетчер оставил нам такое описание наружности государя: росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водянке; нос у него ястребиный, на постоянно улыбающемся лице, поступь нетвердая и неясная речь. С этим описанием довольно сходен портрет царя с сиянием вокруг головы, сохранившийся и до сих пор в Архангельском соборе в Москве.

Да и на самом деле, при вступлении Феодора на престол никому и в голову не приходило, будто он способен управлять страной; да и сам он кротко покорился вспомогательному правительству, которое было учреждено немедленно. В таком зачаточном и почти еще аморфном состоянии, в каком пребывала тогда Московия, потребности создают органы. У смертного одра Грозного естественно из лиц наиболее приближенных к покойному царю образовалась своего рода пентархия. Первое место по почету, но без наибольшей власти, занял ближний боярин, князь Иван Феодорович Мстиславский, потомок древнего рода князей литовских, породнившийся с царствующим домом. Способности у него были посредственные, и он сознавал это. В пользу одного из его товарищей, Ивана Петровича Шуйского, говорило то, что он был Рюрикович, из доблестной линии Александра Невского. Недавняя защита Пскова против Батория придала ему лично известность. Но он был воитель, и только. Другой товарищ, Богдан Бельский, был смутьян. Да и по общему мнению, Грозный больше всего возлагал свое доверие на своего шурина, родного дядю Феодора, Никиту Романовича Захарьина-Юрьева (Романова), а услужливая легенда, о которой я упоминал в другом месте, наделяла Никиту Романовича всевоз-

можными добродетелями.¹

Последнее место в этом ареопаге выпало на долю шурина Феодора, Бориса Годунова; его сравнительно невидное происхождение, по-видимому, не позволяло ему заявлять притязания на высшее положение. А между тем оказалось, что среди всех этих вельмож это был единственный человек, способный исполнить важную роль; что его властолюбие ожидало только благоприятных условий, чтобы развернуться вширь, и события скоро должны были выдвинуть его на первый план.

Впрочем, о составе этого своеобразного опекунского совета, принимавшего на себя попечение о новом монархе и о его государстве, неизвестно ничего вполне достоверного. Источники противоречат друг другу.² Из них с очевидностью вытекает только одно: что это олигархическое правление, каковы бы ни были его участники, заключало в себе элементы непримиримого раздора и было бессильно по существу своему, так как это были те же самые элементы разложения, какими болела вся аристократия страны. В глазах Мсти-

---

¹ Waliszewski, K. Ivan le Terrible, стр. 490. (К. Валишевский. Иван Грозный. Страницы – по французскому изданию.)

² Арцыбышев, Н. С. Повествование о России. М. 1843, т. III, стр. 1–2, *Historica Russiae Monum.* т. II, № VIII; Летопись о многих мятежах (Никоновская летопись), т. VIII, стр. 5–7.

славского и Шуйского, представители выдвинувшихся вперед московских бояр новой или старой выслуги, как Годунов и Романов, одинаково были выскочками; но и сами Мстиславский и Шуйский, пришедшие в упадок представители старшей линии или других отраслей владетельных князей, в своей вековой борьбе с младшей, восторжествовавшей надо всем домом Рюрика, потеряли даже обаяние, которое в былое время было связано с их первенством в роде; сами-то они еще вспоминали про него, но кругом них позабывали об этом. К тому же опричина³ вместе с системой местничества успели стереть все привилегии и преимущества, основанные на исторических правах. Отныне лишь разрядные книги да милость государя определяли место и чин каждого из подданных.

Этот порядок был навязан тяжелой рукой Ивана IV, которая сокрушала всякое сопротивление, но только она одна и могла поддерживать его. Не стало Грозного царя – и тотчас же неизбежно наступило «смутное время».

В первую же ночь по смерти Грозного в Москве вспыхнул мятеж. Его характер и размеры еще недостаточно выяснены. Судя по его последствиям, есть основание думать, что поводом к нему служил тот младенец, которому предопределено было в близком

---

³ Ivan le Terrible, стр. 66, 321 и сл.

будущем исполнять роль главного героя великой национальной драмы, которую я предполагаю восстановить в памяти.

Феодор был сын первой супруги Ивана, Анастасии Романовны, но кроме него, от шестой или седьмой жены, — числа их никак нельзя было точно установить, — Грозный оставил еще сына, малолетнего Дмитрия. Дмитрий жил со своею матерью, Марией Нагой, в одной из обширных пристроек дворца. И вот один из опекунов Феодора, Богдан Бельский, задумал выставить его соперником нового царя. Это была безумная затея. Не говоря уже о правах Феодора как старшего брата, Дмитрий, по-видимому, устранялся от престола даже вследствие своего рождения в браке, запятнанном незаконностью: уставы православной церкви признают только три брака, отвергая законность последующих. Но, пожалуй, Бельский действительно был сумасбродом, насколько мы о нем знаем; а с другой стороны, наследование престола в этой стране не подчинялось еще строго установленным или обычно соблюдаемым правилам. На деле оно зависело от трех противоречащих друг другу принципов; здесь смутно давали себя знать при своем столкновении неподходящие друг к другу понятия о наследственном праве на престол, о семейной власти и о политической свободе: первородство, выбор государя и избра-

ние. Монарх указывал себе преемника, обыкновенно своего старшего сына, а народное собрание – земский собор – утверждало этот выбор.⁴

Итак, Бельский замышлял дворцовый переворот, первый из тех переворотов, которые затем в течение двух следующих столетий так часто изменяли порядок управления страной. Товарищи его по совету, однако, оказали ему сопротивление, обратившись с воззванием к простонародью. Двое рязанских дворян, братья Ляпуновы, будущие герои революционного движения, особенно отличились своим рвением в защите прав законного государя, и Феодор одержал верх.

Так говорит большинство иностранных летописцев – Горсей, Флетчер и Пирсон. Но по другим свидетельствам можно думать, что это была только попытка восстановить опричнину против опять начавших пробуждаться притязаний аристократического элемента, либо просто ссора за первенство. Но самое возмездие, к которому прибегли победители, по-видимому, противоречит такому толкованию. Так, Бельского отправили воеводой в Нижний Новгород, – почетная ссылка такого рода часто применялась тогда, – а Дмитрий, его мать и многочисленная родня их поки-

---

⁴ Сергеевич. Лекции и исследования по истории древн. рус. права, стр. 128.

нули Москву; их выслали в Углич, небольшой город Ярославской области, назначенный молодому князю в удел.

Если мы примем во внимание время и место действия, такое обращение не покажется нам слишком суровым; но помимо того, что волки не имеют обыкновения пожирать друг друга, защитники Феодора должны были еще сообразоваться с благочестивыми настроениями государя. Сам царь оставался в прекрасных отношениях с высланными: Нагие посылали ему пироги, а он отдаривал их мехами.

В то время никто, конечно, и не предвидел, сколько бедствий произойдет от такого вступления в улажение родственных счетов.

Чтобы бесспорно укрепить права нового царя, был созван Земский Собор.⁵ По свидетельству летописцев, видные представители всех областей «слезно» умоляли Феодора быть царем и венчаться на царство. Слезы составляли неотъемлемую принадлежность исконного церемониала, и, хотя серьезные историки допускают, что этот парламент, как называет собор Горсей, в самом деле занимался избранием Феодора, все же позволительно думать, что все это действие было просто соблюдением обряда. Более серьезно, по-видимому, высокое собрание посвяти-

---

⁵ Ключевский. Состав Земских Соборов, «Русская Мысль», 1890 г.

ло себя решению некоторых вопросов административного порядка, как-то: подтверждение предпринятых ранее мероприятий для отобрания в казну церковных имуществ и отмены тарханских грамот, или освобождений от налогов, чересчур щедро жалованных предыдущими правителями разного рода владельцам, по большей части духовным. Впрочем, благочестие Феодора должно было служить немалой помехой строгому исполнению обнародованных в этом духе законов.⁶

Коронавание Феодора было великолепно, изумляя свидетелей-иностранцев своим блеском и внушая им, бесспорно, преувеличенное представление о богатствах, которые оно обнаруживало. В таких случаях, исполняя обычай страны, выставляли все, какие только имелись, драгоценности, но эта показная пышность только прикрывала мрачную нищету.

После отъезда Бельского, в Совете осталось четыре члена. Первое время преобладающую власть сохранял за собой Никита Романович, в этом ему помогали преданность и способность двух его подчиненных, дьяков Щелкаловых, Василия и Андрея, имена которых мы встретим опять в превратностях предстоящей драмы. Однако уже в августе того же года здоровье Никиты Романовича оказалось тяжело расстро-

---

⁶ Латкин. Земские Соборы, стр. 87 и след.

енным, а год спустя он умер. Тогда возшла звезда Бориса Годунова.

По единогласному свидетельству современников, царица Ирина была женщина с ясным умом, разумная и решительная, что при тогдашнем ее положении возвышало ее над обычным уровнем влияния московских цариц. Она нежно любила брата и всегда и во всем поддерживала его. Хотя она редко разделяла ложе своего хворого и целомудренного супруга, зато часто она являлась соучастницей его правления или даже заменяла его в исполнении верховной власти,⁷ а на самом деле это было правление Бориса, которое оттесняло, таким образом, правление Совета. С каждым днем захват власти проявлялся все сильнее, возбуждал явное противодействие себе, которое навлекло опалу на несколько знатных семейств – Мстиславских, Воротынских, Головиных и Колычевых. Обстоятельства, вызвавшие эту опалу, остаются темными. Один летописец упоминает о заговоре на жизнь Бориса: предполагали убить его на пиру у Ивана Феодоровича Мстиславского. Так или иначе, но в 1585 году старый вождь московского боярства исчез со сцены: он был заточен в монастырь и, принужденный постричься в иноки под именем Иосифа, вскоре

---

⁷ Акты исторические, I, 219 и Добавление, I, 143; Акты археографической комиссии, I, 341.

там и скончался. Один из Головиных – Михаил Иванович – отправился в Польшу увеличивать кучку политических «отъездчиков», последователей знаменитого Курбского.

К той же оппозиционной партии принадлежали, понятно, и Шуйские. В ту пору их пощадили; их черед наступил через два года. Летопись рассказывает о тех происках, к которым они прибегали, чтобы склонить Феодора к разводу с Ириной, потому что она бесплодна. Усилиям Шуйских помогало и ставшее силой благодаря политике Грозного сословие московских купцов, которые устраивали буйные зрелища перед Грановитой палатой. Но с помощью братьев Щелкаловых и митрополита Дионисия Борис укротил бурю. И Шуйские, проворно менявшие направление, стали сторониться от своих единомышленников, пытаясь лицемерно примириться с царским любимцем.

«Вы примирились нашими головами!» – крикнул им один возмущенный купец. Этот несчастный исчез в следующую же ночь, но и Шуйские недолго пользовались плодами своей подлой трусости. Донос одного подкупленного слуги послужил предлогом к новым и более строгим гонениям. Борис, которому теперь предоставлено было действовать по его усмотрению, будучи более уверен в послушании своего венценосного питомца, не задумался нанести решительный

удар. Знаменитый воин Иван Петрович Шуйский был сослан на Белоозеро, а двоюродный брат его, Андрей Иванович, в Каргополь, и оба они были задушены. Восемь купцов сложили свои головы на плахе, а сотни их, действительных и подозреваемых сообщников, или были заключены в тюрьмах, или разосланы по разным областям.

Вполне ли точны эти подробности, – сомнительно, ведь Ирина не была бесплодна. У нее было несколько выкидышей, а в 1592 году она разрешилась от бремени дочерью, царевной Феодосией. Во всяком случае, суть этого события, т. е. казнь Шуйских Борисом Годуновым, не подлежит никакому сомнению, хотя московские послы, находившиеся в то время в Польше, и получили наказ решительно отрицать факты, гул от которых пошел за границу. Послы должны были уверять, будто Шуйские вовсе не были в опале, а напротив, даже пользуются расположением и щедротами государя. Что же касается Головина, бегства которого нельзя было оспаривать, то он будто бы провинился в воровстве.⁸

Такая дипломатическая ложь составляла часть исконного обычая, который соблюдался непрерывно и впоследствии. Но наверное митрополит Дионисий и архиепископ Варлаам – глава важной Крутицкой

---

⁸ Соловьев. История России, т. VII, стр. 270 (по изд. 1861 г.).

епархии – ходатайствовали в это время отнюдь не за вора и понесли за это кару. Оба священнослужителя были заточены в монастырь. Митрополичий престол занял вполне преданный Годунову ростовский архиепископ Иов, и царский любимец стал всемогущ.

II. Борис Годунов

Род Годуновых происходил от татарского мурзы Чета. Этот мурза-перебежчик, покинув Золотую Орду, поступил на московскую службу в царствование Ивана Калиты (1328–1341). Здесь он вскоре крестился, основал знаменитый Ипатьевский монастырь и сделался родоначальником нескольких фамилий, которым суждено было оставить память по себе в истории усыновившей его страны. Чета считали своим предком и Сабуровы, породнившиеся через первую жену Ивана Грозного с царствующим домом. Близость к царю Бориса, несомненно, была такого же происхождения. Его женитьба на дочери знаменитого опричника Малюты Скуратова давала ему более прочное право рассчитывать на милость царя, а брак его сестры с Феодором обеспечил его положение. Борису было за тридцать, когда на престол вступил его зять. Нет ни одного подлинного портрета, который мог бы дать нам представление о его наружности: те, что воспроизво-

дятся в гравюрах, только копии внушенного фантазией рисунка, исполненного в XVIII веке. Борис пользовался большой известностью красавца, несмотря на свой небольшой рост, плотное сложение и некоторую преждевременную хилость. Он обладал, по-видимому, величавой осанкой, способностью повелевать и большим врожденным даром слова, которого совсем был лишен Феодор. Образования, однако, Борису не доставало еще в большей степени, чем Феодору. Должно быть, это был первый случай безграмотности царя на престоле. Но зато он обладал в наивысшей степени тем даром усвоения и той силою интуиции, которые остаются одними из характерных черт его соотечественников, и он так же изумительно умел скрывать свои недостатки, как и извлекать выгоды из своих достоинств. Грозный для своих врагов и способный питать непримиримую ненависть, он был великодушнейшим из друзей и умел при случае выставить напоказ свое человеколюбие. Горсей описывает, как Борис остановил казнь одного английского подданного, Джона Горнеби, обвиненного в шпионстве и подвергнутого пытке.

Но больше всего в течение всей его карьеры в нем обнаруживается великий честолюбец, всегда владеющий собой и никогда не теряющий из виду намеченной цели; он сумел быть воздержным в этой стране

пьяниц и не упустил ни единого повода, ни единого случая, ни единого средства, чтобы выдвинуться вперед. После опалы Шуйских, на самом деле облеченный властью регента некоторого рода, он терпеливо и искусно трудился над тем, как бы упрочить свое положение и придать этой должности правовую санкцию, потому что примеров ее не имелось в летописях страны. Первый из временщиков в хронологическом порядке, он сразу вознес преимущества этого сана на такую высоту, какой только они могли когда-либо достигнуть. С 1581 года Борис был боярином, начиная с 1584 он присваивает себе один за другим целый ряд титулов, которые уже тем, что они были исключительны и единственны, вели его, словно ступени лестницы, вверх от степени до степени до наивысшего сана. Он был «конюшим», «слугою», «ближним великим боярином», «наместником царств Казанского и Астраханского» до того дня, когда в 1594 году ему был присвоен официальной грамотой титул, действительно соответствующий его должности, и с тех пор он стал правителем, регентом.

Любопытная подробность: этой последней ступени он достиг лишь благодаря некоторому, так сказать, обходному движению, использовав для этого старательно приобретенные связи в заграничных землях. В агенте Английской Торговой Компании, Горсее, Борис

нашел в высшей степени искусного и преданного ему дипломатического посредника. Благодаря именно посредничеству Горсея, уже в 1586 году английская королева шлет Годунову письмо, в котором называет его «князем» и «любезнейшим другом». Три года спустя сам Горсей в своем отчете о путешествии, тогда же изданном и получившем широкое распространение, наделяет его титулом «лорда-протектора». В то же время посольства, отправляемые в европейские и азиатские государства, получали подобные этому негласные предписания, а последствием их внушений были послания, в которых государи, заранее настроенные таким образом, расточали предполагаемому властелину Московского государства свидетельства своего уважения и наделяли его соответствующими титулами. Борис прикидывался смущенным: следует ли ему отвечать? Вопрос этот поднимался не раз в течение 1588–1589 годов и был решен, как и следовало ожидать, в утвердительном смысле.

Искусное сочетание мелочей этикета служило той же цели: на приемах иностранных послов Борис один только из всех присутствующих бояр стоял у трона; и дошло до того, что как-то раз его протянутая рука, как будто не нарочно, овладела «государевым яблоком», державой – эмблемой власти, которую вечно улыбающийся Феодор и не подумал у него оспари-

вать. За аудиенцией у царя следовал прием у царского любимца, где послы опять встречали тот же торжественный церемониал. Когда их приглашали на придворные пиры, они слышали там, как за здоровье Бориса пили одновременно с тостами за здоровье Феодора. В бумагах, которые они получали из посольского приказа, неизменно указывалось, что все постановления зависели и исходили от Годунова.

В 1594 году, как я уже указал, такое положение его было официально признано. Но и этого было мало: год спустя официальные документы присоединили к имени «правителя» Бориса и имя его сына. Прежде чем умер Феодор, прежде чем утвердилась уверенность, что он не оставит наследника (Ирина только что подала надежду на потомство), его наследие казалось уже predetermined в пользу новой династии!

Борис полагался на свое счастье. Он верил в звезды. Будучи настолько же суеверным, насколько он был необразованным, Борис окружал себя звездочетами, гадалками и колдунами. Один из них, говорят, предсказал Борису, что он будет царствовать, но всего лишь семь лет. — «Хоть бы один день!» — ответил будто бы на это царский любимец. Анекдот этот, вероятно, придуманный нарочно, хорошо воспроизводит свойство того пламенного и вместе с тем не находя-

щего себе покоя честолюбия, которое позволяло этому избраннику судьбы ясно сознавать всю необычайность своего быстрого возвышения; оглядываясь ежедневно на уже пройденный путь и измеряя предстоящий, он видел в нескольких часах царствования вполне достаточную награду за совершенные усилия. Как ни высоко поднялся уже Борис, он все же продолжал быть некоторым образом смиренным. Он подвигался к трону крадучись, неслышными шагами: в совет, который номинально еще существовал, он удержал за собой то место, которое занимал и вначале, т. е. последнее; он придумывал особые званые обеды в покоях царя, на которых собирался избранный кружок, но сам воздерживался от посещения этих собраний. А по правде сказать, он в то же время давал обеды у себя, и быть приглашенным на них считалось еще большею честью.

Борис быстро приобрел значительные богатства. Английский посол Флетчер приписывал ему доход в 93 700 рублей, сумма для того времени громадная: рубль соответствовал тогда почти фунту стерлингов. Горсей считал для Бориса вполне возможным набрать и содержать армию до 100 000 человек! Это были, вероятно, преувеличения, причастные той известности, которая создавалась вокруг имени Бориса; а в частности цифры, приводимые Флетчером, в настоя-

щее время признаются неточными.⁹ Впрочем, Борис, хотя и получал такой хороший доход, совсем не копил денег, чересчур усердно стараясь излить свои щедроты и своими благодеяниями стяжать себе народное расположение. Это был второй Сеян, только ему не приходилось бояться никакого Тиберия. Не менее расточительный и в государственных расходах, Борис много строил, увеличивая число каменных зданий и церквей среди деревянных построек, которые обыкновенно преобладали не только в главных городах, но и в самой столице, – «украшая Москву, словно красивую женщину», по свидетельству патриарха Иова.

В общем, его регентство было счастливо и одинаково благоприятно интересам страны как внутри, так и во внешних сношениях. Вначале во внешней политике ему угрожала страшная опасность; но в войне, как и в дипломатии, счастье ему не изменило.

III. Война и дипломатия

Борис Годунов не знал ратного дела и, конечно, перед таким противником, как Баторий, его постигла бы жалкая участь. Победитель Грозного, между тем, решил возобновить наступательные действия; напере-

---

⁹ Середонин. Сочинения Джильса Флетчера, стр. 180.

кор равнодушию и скуности своих подданных, он нашел теперь, к кому обратиться: римский престол занимал Сикст V, и этот великий папа словно был создан, чтобы действовать заодно с великим королем. О том, насколько они сговорились между собою, свидетельствует то, что в 1586 году в Риме спорили лишь, какими способами удобнее всего переслать в Краков по тайности субсидии, которых просили для завоевания Москвы.¹⁰

«Если бы жизнь и гений Батория не угасли до кончины Годунова, то слава России могла бы навеки померкнуть в самом первом десятилетии нового века».

Слова, эти принадлежат Карамзину.¹¹

Но Батория не стало. Неумолимая болезнь остановила его военные приготовления, и 2 декабря 1586 года он скончался. Положение дел сейчас же изменилось: Феодор, казалось, мог теперь рассчитывать на наследие Ягеллонов и надеяться, что путем избрания на польский престол он приобретет Краков. Польская шляхта не прочь была поладить с государем, известным своей кротостью. Борис, однако, или не сумел, или не захотел воспользоваться таким благоприятным случаем. С одной стороны, здесь, в Польше,

---

¹⁰ Wierzbowski. Materiały do Dziej(w Pi(mennictwa polskiego, t. I, p. 264–308.

¹¹ История Государства Российского, т. X, гл. II, стр. 49.

корона вручалась уже тому, кто больше давал; а посланники царя приехали на сейм с пустыми руками; а с другой стороны, они сами выказали себя чересчур требовательными. Вот что они предлагали: столицей соединенных государств должна быть Москва; в общем гербе корона Польши будет помещена под шапку Мономаха, и, last but not least, будущий царь-король не будет менять своей православной веры. Эти требования вызвали единодушный протест.

«Москвитяне хотят пришить Польшу к своей стране, как рукав к кафтану!» – воскликнул один из наиболее влиятельных избирателей – Христофор Зборовский. Известно, каковы были результаты: избранными оказались одновременно Сигизмунд Шведский и Максимилиан Австрийский, брат императора Рудольфа II.¹² Сигизмунд скоро одержал верх, и такая развязка приобретала для Москвы особенно угрожающий характер: сын Иоанна III, с таким ожесточением воевавшего мечом и пером с Иваном Грозным, и Екатерины Ягеллонки, новый король унаследовал от обоих и принес с собой на трон неутолимую злобу и ненасытное честолюбие. Москва, однако, отделалась только тревогой. В Польше Сигизмунду много было хлопот, чтобы окончательно вытеснить Макси-

---

¹² Caro. Das Interregnum Polens, стр. 59 и след., Hist. Russiae Monumenta, т. II, № XVI.

милиана и покорить его приверженцев; помимо этого, будучи ярым католиком, он, подобно большинству современных ему западных государей, ревностнее всего занимался религиозными делами. Занимаясь в свободное время живописью, – картины его были довольно неудачны, – он на одной картине изобразил себя укрощающим ересь. Картина эта находится в Аугсбургской галерее, – недавно еще ее приписывали Рубенсу! Он действовал так хорошо, или, вернее, так плохо, что в Москве, поняв свою безопасность, скоро успокоились и решили даже, что настала благоприятная пора посчитаться со своим шведским соседом. После бурных препирательств Борис в 1590 году уговорил самого Феодора стать во главе громадного войска и двумя последовательными походами добился от Швеции уступки двух городов, Копорья и Иван-города, которые давно уже служили предметом спора между обеими сторонами. Потом, когда велись переговоры с Польшей о заключении перемирия на двенадцать лет, Борис стал замышлять достигнуть еще большего, после того как Иоанн III умер, унося с собой в могилу проекты отмщения, не перестававшие тревожить Москву.

Это событие стоило нескольких побед. Наследие покойного возбудило вражду между Сигизмундом и его дядею – Карлом, который был облечен властью

регента; пользуясь этим, Москва в 1595 году вынудила у Швеции окончательные условия мира. В Тявзине, при посредничестве императора, был подписан весьма выгодный, хотя и вызывавший довольно жестокие нападки, мирный договор. Ко всему уже приобретенному ранее царь присоединил и Кексгольм. Одна статья договора, сохранявшая за шведами исключительное право торговли в Нарве, правда, казалась не очень благоприятной; во всяком случае, она наносила чувствительный удар, но лишь выгодам Ганзейского союза, а жертвовать его интересами был уже заведенный обычай.¹³

Император потребовал уплаты за свои услуги, и вот, начатые в 1588 году переговоры привели, с его стороны, к одной из самых странных дипломатических неразберих, о каких когда-либо свидетельствовали архивы. Со времени появления в 1588 году на берегах Дуная тайного агента Феодора, Луки Паули, – авантюриста темного происхождения, – и после трех последовательных миссий императорского посла Николая Варкоча, за которыми последовала в 1597 году миссия бургграфа Доны, – Венский двор совсем запу-

---

¹³ См. об этом в рус. летоп.: Никоновская, VIII, 12–13; 16–17 и 29–30; Первая Псковская летопись (Полное собрание летописей, V—320); Kelch, *Lievl. Hist.* 447–449; Hiaern (*Mon. Liv. Ant.* I, 369–371); Соловьев. История России, VII, 329 и след.; Форстен. Балтийский вопрос. II, 52.

тался в интриге, готовившей ему одни разочарования. После неудачи в Польше, он рассчитывал одно время великолепно вознаградить себя в Московии. Венский двор льстил себя надеждой достичь двойной цели: пополнить московскими рублями вечно пустую императорскую казну и обеспечить за принцем австрийского дома наследование Феодору!

Паули прибыл в 1588 году с предложением субсидии, чтобы поддержать в Польше кандидатуру Максимилиана, – спор о ней был уже покончен, – а затем от своего имени сообщил новость, будто существует тайное завещание Ивана IV, предназначавшее московский трон австрийскому принцу (мудрено понять: как так и почему, ведь Феодор был жив!). Варкочу, – понятно почему, – не удалось увидеть этого таинственного завещания, и он удовольствовался сообщением, будто подлинник погиб во время пожара. Не довелось ему увидеть и московского серебра, хотя в одном, вероятно подложном, рассказе о своем первом путешествии он будто бы говорит о трех миллионах флоринов, вывезенных им из Москвы и, для пущей предосторожности, скрытых в бочках с воском.¹⁴ Зато сначала от Бориса, а затем и от самого Феодора Варкоч получил обещания и поощрения, по его мнению, крайне заманчивые. Посредником для сношений

---

¹⁴ Adelung. Uebersicht der Reisenden, I, 401.

с Феодором служил начальник Посольского приказа, весьма могущественный и очень влиятельный дьяк Андрей Щелкалов, вскоре впавший в немилость, надо думать, за свое дерзкое вмешательство в эту интригу.¹⁵ Борис заявлял, что царь не покинет императора, «хотя бы ему пришлось есть из деревянных чашек», а когда его заставили высказаться начистоту, договорился до того, будто его государь смог бы накопить пять миллионов для помощи Рудольфу против общих врагов. А что касается вопроса о завещании, то тут Годунов обнаружил больше сдержанности и даже несколько мистифицировал Варкоча, а тот, по-видимому, и не догадывался об этом: документ-де существовал, и если Максимилиану удастся водвориться в Варшаве, то «могут произойти большие дела», – ведь Феодору, очевидно, не суждено иметь наследника. А между тем, когда при Бычине (24 января 1588 года) эрцгерцог был разбит и даже взят в плен, Рудольф завел переговоры о его освобождении, как раз ценой полного отречения его от притязаний на корону Польши! Правда, во время второго пребывания в 1593 году Варкоч не посмел уже заговорить с Борисом об этом щекотливом предмете. Он наверстал свое в беседе

---

¹⁵ Щепкин. Archiv f(r Slavische Philologie, XXII, 401; Платонов, Журн. Мин. Нар. Просв., июнь 1898; ср. у Лихачева. Разрядные дьяки. Стр. 191 и след.

со Щелкаловым, а этот в свою очередь самым странным способом тешился над его легковерием, говоря от имени Феодора; если, мол, Венский двор немедленно пришлет в Россию принца лет четырнадцати или пятнадцати, то этого юношу могут усыновить и воспитать как будущего наследника царского!

Как бы это ни казалось неправдоподобным, Венский двор попался на удочку; он снова отправил одураченного дипломата, хотя теперь вопрос о сомнительном наследстве уступает место другому, более неотложному. Турки совершили нашествие на Венгрию, а императорская казна была пуста. Поэтому, не пренебрегая предложением Щелкалова, посланник должен был прежде всего стараться привезти денег. И он их привез; по крайней мере думал, что привез. О сокровенных намерениях, которые будто бы были у Феодора, Варкоч не смог ничего разведать, так как глава Посольского приказа, дьяк Щелкалов, был уже не у дел; к тому же царь сам стал теперь отцом. Без сомнения, ему не лучше удалось бы изведать сокровенные тайны московской казны, если бы многократные посольства его не показались сами по себе разорительными для финансов царя. В свой последний приезд Варкоч со своею свитой в тридцать три человека в течение четырех месяцев съели: 48 быков, 336 баранов, 1 680 кур, 112 гусей, 224 утки, 11 200 яиц

и 336 фунтов масла! Выгоднее было уж прямо поступиться кое-какими деньжонками! Надоедливого просителя отправили с целым обозом тяжело нагруженных телег, а когда их распаковали в Вене, советники императора Рудольфа увидели целый набор мехов!

Известно, что тогда шкурки куниц и сибирской белки часто заменяли в Москве золото и серебро. Это была последняя и самая жестокая мистификация.

Хотя и тщетно пытался Рудольф обратить в деньги громоздкий товар, однако не пал духом. Но и заменивший в 1597 году Варкоча Авраам Дона имел не более успеха. Дипломатия Годунова на этот раз пустила в ход средство, столь часто и столь успешно применявшееся Грозным: казна царя в распоряжении императора; но ведь речь идет о войне с турками? Значит, сперва необходимо создать общий союз всех христианских государей, а так как посол римского первосвященника находится как раз тут, то к делу можно приступить немедленно. Агент Климента VIII, Александр Комулович, действительно только что приехал в Москву, где он побывал уже два года тому назад. Но целью его миссии был исключительно вопрос о соединении обеих церквей, а Дона, со своей стороны, не имел достаточных инструкций для устройства нового крестового похода, и переговоры таким образом пре-

рвались.¹⁶

Возобновить их уже не привелось за неимением времени. Гроза приближалась. Много было сделано и с той и с другой стороны попыток к сближению, и все они остались тщетными. Пока все еще действовали ощупью, натываясь на многочисленные препятствия, разделявшие обе страны: расстояние, глубокое различие цивилизаций, интересов и психики; эту черту можно считать самой характерной вообще для зарождающихся сношений России с Западом во времена Феодора и Бориса.

IV. Сношения с Западом

Борис пытался даже и с отдаленной Францией завязать сношения. Посланный в Париж переводчик Петр Рагон вернулся в Москву в 1586 году с официальным агентом Франциском де Карле, по всей вероятности племянником известного Ланселота де Карле, сотрапезника Лопиталья, Ронсара и дю Беллэ. Дядя был

---

¹⁶ Смотри для этого эпизода: Fiedler, Beziehungen Oesterreichs zu Russland, Almanach der K. Akad. der Wiss. 1866, стр. 257 и след.; Форстен. Балтийский вопрос. т. II, стр. 56 и след.; Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений, I, 13–14; Соловьев. История России, VII, 346; Pierling, Papes et Tsars, стр. 443 и след. – Документы: Памятники дипломатических отношений, I, 1049 и след.; II, № 32 и след. Hist. Russiae Mon., II, XXV; донесения и заметки Варкоча в Венских Архивах.

блестящим представителем короля Генриха II в Риме, а племянника уполномочили известить об отправлении посольства, которое так и осталось в проекте.¹⁷

С Англией дела шли значительно успешней, так как Боус, посланник Елизаветы, находился в Москве при восшествии Феодора на престол. Но после крупных разногласий с Грозным этот вспыльчивый дипломат собрался уехать и, садясь на корабль в Архангельске, в запальчивости даже бросил полученные им обычные подарки и письмо нового царя с существенными условиями нового торгового договора. Однако ливонец Бекман, отправленный курьером вслед за Боусом, в свою очередь остался недоволен тем, что будто бы Елизавета приняла его «в огороде», хотя королева уверяла, что «ни чесноку, ни луку там не росло». Более успешно постарался восстановить хорошие отношения между обоими дворами агент английской Компании Иероним Горсей; в 1587 году ему удалось даже получить очень выгодную для своих соотечественников грамоту. Эта, пятая по счету, грамота значительно сокращала и так уже относительно очень низкие пошлины, которыми еще обременяли в Московском государстве английских купцов. К несчастью, могущественная Компания не прочь была злоупотреблять своими привилегиями, подвергаясь,

---

¹⁷ См. Paris, La Chronique de Nestor, I, 381.

именно за эти привилегии, ярким нападкам со стороны своих соперников из Германии, Франции, Нидерландов и даже самой Англии. Под покровительством Компании некоторые из ее агентов предпринимали личные спекуляции, и близкий советник Елизаветы, сэр Франциск Вельшингем (Walshingham), не гнушался принимать в них участие; между тем Московия не могла их считать выгодными, тем более что зачастую они оказывались разорительными для ее подданных. Даже сам Годунов пострадал от одного банкротства. Но, с другой стороны, и Иерониму Горсею, этому покупцу и дипломатическому посреднику, не всегда везло. Так, в 1586 году Борис тайно поручил ему привезти из Англии для Ирины ученую лекарку, которая помогла бы царице иметь детей, а Горсей вернулся с повивальной бабкой!

Годунов усиленно заботился, чтобы забыли это происшествие, а той порой злосчастное впечатление уменьшалось и тогда же привезенными Горсеем подарками; особенно способствовал этому орган, собиравший перед Кремлем целую толпу слушателей. Хотя Феодор не унаследовал от отца личных причин, побуждавших Грозного оказывать внимание Елизавете, зато царский любимец, как свидетельствует Горсей, наоборот, видимо, был проникнут подобными заботами. Он хотел обеспечить себе убежище в Англии, и,

когда Горсей уезжал туда, Борис, в свою очередь, отправил королеве подарки; они были так великолепны, что Елизавета, рассматривая их с увлечением, даже «вспотела», хотя дело было в октябре!

Но Годунов был не Грозный. Английская Компания возбудила против себя недовольство, отказав перевести главный пункт своей торговли из Нарвы, оставшейся в руках шведов, в гавань Святого Николая на Белом море, как этого хотели москвитяне. Борис принужден был считаться с этим недовольством, и премьернику Боуса от 1588 до 1589 года, Джильсу Флетчеру, стоило немало труда снова все уладить. Победа, одержанная Елизаветой над испанским королем, сильно способствовала его стараниям, и шестая грамота прибавила к прежним привилегиям английских купцов право свободного проезда через все Московское государство. Однако эта шестая грамота не вернула им полной свободы от пошлин, полученной в 1576 году, когда Грозный мечтал жениться в Англии. И Флетчер даже лично не мог похвалиться вниманием, которое ему оказывали.

Он отомстил тем, что, вернувшись в Англию, обнародовал книгу, которая, несмотря на многочисленные ошибки и слишком явное, преднамеренное зложелательство, остается самым ценным источником для политической, социальной и экономической ис-

тории России в эту эпоху.¹⁸ Компания, встревоженная тем, что сочинение приобрело громкую известность, и опасаясь, как бы это не отразилось на делах ее, потребовала его конфискации, и Елизавета охотно согласилась на это. Своей едкой критикой абсолютной власти книга внушала опасения даже в Англии. Появившийся в 1845 году русский перевод был немедленно конфискован, а издатель его был лишен кафедры, которую занимал в Московском университете.

Между тем англо-русские отношения продолжали оставаться на хорошем пути, и правительство Феодора или Годунова вышло без больших потерь из этого дипломатического поединка. – Последствия расширения владений, одновременно предпринятого на востоке и юге государства, в течение 1590 года готовили России более тяжелое испытание.

V. Расширение владений на востоке

Медленно оттесняя азиатский элемент за свои по-

---

¹⁸ The Russian Common Wealth, 1591. (О Государстве Русском. Сочинение Флетчера. СПб. Изд. А. С. Суворина). – См. для этого события: Russia at the close of the XVI. С. Введение, ст. LXXXIX и след. и Приложение I, ст. 281; Толстой, Россия и Англия, №№ 61–64, 67–74, 76–80; Бантыш-Каменский. Обзор внешн. снош., I, 94 и след. Сборник Имп. Рус. Ист. Общества, XXXVIII, 186–246; Середонин, Сочинения Джильса Флетчера, стр. 140.

стоянно расширяемые границы, Москва до конца XVI века была ограждена от возвратного наступательно-го движения мусульманских народов, с одной стороны, беспрестанными смутами, волновавшими Крымский полуостров, а с другой – набегами запорожских казаков, которые, беспокоя татар и турок, все замыслы их о возмездии обращали на Польшу, потому что казаки эти были ее подданными. Миротлюбивое расположение крымского хана поддерживалось кое-какими подачками, посылаемыми в Бахчисарай. Но в 1590 году Швеция догадалась дать больше, и последствия этого испытал на себе посланник Феодора, Бибиков. Подражая Баторию, Казы-Гирей, выслушивая царское послание, отказался встать, а весной следующего года Орда выступила в поход. Татары говорили, будто они идут на Польшу, но в Москве скоро узнали истину. В подобных случаях тревогу подымала умно устроенная сторожевая служба. Через всю степь, возле каждого высокого дерева, стояли по два казака: один время от времени взлезал на верхушку, чтобы осмотреть горизонт, другой держал коня своего товарища. И как только туча пыли показывалась вдали, сторожевые скакали до ближайшего дерева по направлению к границе, а этот пост, получив тревогу, в свою очередь извещал следующий.¹⁹ Это был теле-

---

¹⁹ Карамзин. История Государства Российского, т. X, гл. III, стр. 138.

граф того времени. И вот благодаря ему 3 июля в Кремль узнали, что татары перешли Оку. На следующий день они были у ворот столицы. Наспех собранная и немногочисленная рать, казалось, не в состоянии будет защитить Москву. Что произошло тогда, так и осталось невыясненным в точности. Одна из тех паник, которой порою подвергались в те времена даже более дисциплинированные войска султана, внезапно обратила Казы-Гирея в столь стремительное бегство, что посланные в догоню за ним несколько московских отрядов настигли арьергард хана только уже около Тулы.

Наибольшую выгоду из этой победы извлек опять-таки Годунов. Кажется, он никоим образом не содействовал успеху. Он не был предводителем войска. А между тем главнокомандующий, Ф. И. Мстиславский, подвергся опале за то, что в своем донесении не приписал всей заслуги в этом событии временщику, как подобало. В конце концов всем воеводам были розданы великолепные награды – шубы «с царского плеча» и поместья, – но Годунов получил из них лучшую долю.

Впрочем, с Казы-Гиреем не все еще было кончено. Вернувшись сильно изуродованным в Бахчисарай, он обласкал Бибикова, сделал вид, будто ничуть не опечален этой неудачей, и позволил себе даже шутить по

этому поводу.

– Меня плохо приняли у вас, – говорил он послу.

– Ты слишком скоро ушел, – ответил Бибиков, – если придешь другой раз, тебя лучше попотчуют.

Хитрый татарин ухмылялся и подумывал об отместке. Москва была рада, когда, два года спустя (в ноябре 1593 года), в Ливнах на Сосне ей удалось заключить окончательный мир, причем она обещала рассеять донских казаков и заставить терских не беспокоить турок. Хан в то время служил, действительно, обычным посредником между царем и султаном. Долгое время в Константинополе даже упорно отказывались вступить в непосредственные сношения с Москвой. «Его Величество, говорилось там, отправляет посланников только к великим государям Франции, Англии и Испании, которые платят ему дань». Благов, отправленный в Константинополь в 1584 году, чтобы известить о восшествии Феодора на престол, достиг того, что в Москву было снаряжено ответное посольство. Но и после мира в Ливнах разбойничьи набеги казаков и захваты русской колонизации по-прежнему мешали установить сколько-нибудь прочное соглашение.²⁰

Москва, действительно, беспрестанно подвигалась все далее и далее. В 1586 году она проникла в Закавказье.

---

²⁰ Соловьев. История России, VII, 370 и след.

казье, но, по правде сказать, тут ее первые шаги были неудачны. Один грузинский князь усиленно просил помощи против турок и персов, а ему послали монахов и иконописцев! Так как князь настаивал на своей просьбе, решили двинуть в поход отряд войска, но предводитель этого отряда князь Хворостинин был разбит и потерял 3 000 человек.²¹

Попытки возобновить сношения с Персией, сделанные одновременно с этим, были прерваны трудностями сообщения. Из всего многолюдного посольства, отправленного к шаху Аббасу в 1598 году, прибыли по назначению только одни сокольники, сопровождавшие драгоценных птиц.²²

Более успешно шли дела на северо-востоке: замирение возмутившихся черемисов и постройка целого ряда новых городов – Цывильска, Уржума, Санчурска – обеспечивали прочное владение. В низовьях Волги возникли новые города Саратов, Царицын. В Сибири, после смерти Ермака²³ и отступления его товарищей под предводительством атамана Матвея Мещеряка, на некоторое время торжествовал дикий Кучум. Но скоро по следам богатыря, искателя приключений,

---

²¹ Там же, VII, 387.

²² Веселовский. Памятники дипломатических сношений с Персией, I, 334 и след.

²³ Waliszewski. Ivan le Terrible, стр. 478.

пошли один за другим московские отряды. В 1585 году воевода Мансуров построил при слиянии Иртыша и Оби укрепленный город и пушечным ядром сокрушил знаменитого идола, которого остяки противопоставили его артиллерии. В течение следующих лет были основаны Тюмень и Тобольск, а в 1590 году вслед за Лугуем, владевшим двумя городами и четырьмя крепостями на Оби, сам Кучум изъявил покорность.

Мирному завоеванию этого края способствовали и заселения Строгановых. Их промышленные успехи и создание Пелыма, Березова, Сургута, Тары, Нарыма и Кетского Острога, которые служили центрами привлечения русских земледельцев и ремесленников, позволили Феодору с 1592 года говорить о Сибири как об окончательно присоединенной к его владениям области. Кажется, теперь в России об этом забывают.

Во всяком случае, как внутри, так и извне, правление преемника Иванова было вполне мирно, и страна, после жестоких испытаний в царствование Грозного, обязана Феодору как бы перемирием между потрясениями недавнего прошлого и бурей недалекого будущего.

VI. Внутреннее управление

Из всех имевших значение в русской истории временщиков Годунов был, без сомнения, наиболее достойным своей высокой доли. Он был неграмотен; но ему никак нельзя отказать в довольно правильном понимании пользы и нужд своей родины в ту пору, когда он был призван ею править. Бывши сотрудником Ивана Грозного в его разрушительной работе, он сумел понять, что после перекройки следовало снова сшивать: положить конец экономическому расстройству, бывшему последствием революционной политики предшественника; восстановить обрабатывание земли в обезлюдненных центральных областях; оказать помощь классу «служилых людей», поместья которого обратились в пустыню; облегчить тягость налогов, которые обременяли сократившееся в числе тяглое население; наконец, ослабить до крайности обострившиеся столкновения между различными элементами населения. Годунов хвалился, что он всюду установил в такой мере «порядок и правосудие, что под его управлением никто, как бы велик и силен он ни был», не решится обидеть «даже сироту». Это были только красные слова; но после свирепых неистовств опричнины уже одно то, что прави-

тельство хвалилось честностью и правосудием, имело некоторую цену.

Борис Годунов был кичлив непомерно. В 1691 году московские послы утверждали в Варшаве, будто он освободил по всей стране землю от всяких налогов. Ни одной десятины, платящей хотя бы копейку! Опять одни красные слова, подобные обычному жесту Бориса, с каким он, теребя богато вышитый ворот своей рубахи, объявлял, что он готов поделиться всем, до этой одежды включительно, с первым попавшимся нищим. А в это самое время печальные угличские изгнанники и заведовавший земским хозяйством дьяк Битяговский, у которого впоследствии произошли с ними и другие более серьезные ссоры, спорили из-за размеров подати, причитавшейся с каждой обработанной десятины! Частичные льготы, отмененные ввиду истощения казны между 1580 и 1584 годами, были только что снова восстановлены, и Борис, по своему обыкновению, воспользовался этой щедростью и пустил пыли в глаза своим соседям, полякам.

Однако страна весьма заметно оправлялась от только что перенесенных ужасных испытаний. Население успокаивалось и увеличивалось, благодаря возвращению большего количества беглецов. Несмотря на упадок внешней торговли, который отмечен Флетчером и, без сомнения, объясняется потерей

Нарвы, торговые обороты вообще заметно увеличились.²⁴ Но зло было глубоко, и те средства, к которым прибегали, могли оказать свое действие лишь со временем.

Политика Ивана Грозного стремилась расчленить некоторым образом и перестроить общество, положив в основание сословие «служилых людей», которое отбывало только воинскую службу и никоим образом не должно было приобретать значение органического элемента в общественном строе. Лицом к лицу с этим непроемким и неспособным к почину сословием стояли разъединенные, полные разлада, вооруженные друг против друга – крупный землевладелец, освобожденный от всяких повинностей; монах, ненасытно алчный к захвату земель; одинаково разоренные мелкий и средний собственник и превращенный в бродягу, ушедший в степь «казаковать» крестьянин, – все они выжидали только случая порешить с этой непрестанно ожесточавшейся враждой.

Впрочем, Годунов продолжал некоторым образом следовать программе Грозного, не проявляя лишь его жестокости. И русские и иностранные летописцы, как Тимофеев или Флетчер, вполне согласуются в указании на то, что Борис покровительствовал людям низкого звания в ущерб родовитой знати. И возвышение

---

²⁴ Платонов. Очерки по истории смуты, стр. 593.

таких людей, как Клешнин, и значение, которое придавали в Думе дьякам вроде Щелкалова, по-видимому, оправдывают эту оценку. Но Годунов вместе с тем деятельно выступал в качестве примирителя в ожесточенной свалке тех обломков бывшего общественного строя, которые, покоряясь присущему им закону развития, стремились со своей стороны органически преобразоваться, но сталкивались между собою в страстной борьбе. Борьба шла за обладание землей, и в еще более жестоком виде – за обладание рабочими руками. Монахи и крупные помещики захватывали лучшие доли того и другого; а мелким собственникам приходилось оспаривать друг у друга немногие оставшиеся в их распоряжении пригодные к обработке десятины, охотиться на человека, на землероба; его преследовали в плохо охранявшихся поместьях, разыскивали по кабакам, где так удобно коварно переманить его, завлекали в дебри двусмысленного законодательства и продажного правосудия.

Годунов, в бытность своею правителем, а впоследствии царем, сильно заботился о том, какое придумать средство против этой хозяйственной и общественной язвы; и вот, под влиянием этой заботы или, вернее, с целью положить конец беспрестанному шатанью населения, обеспечить возделывание земли и искоренить разбойничество, он в 1592 году отменил,

как полагают, право перехода, которое до той поры было предоставлено большинству крестьян.

Это было прикрепление к земле, безжалостный закон, одним росчерком пера закрепостивший тысячи человеческих существ!

Я уже высказал свое мнение по этому предмету,²⁵ и теперь, после нового исследования этого вопроса, я все еще отказываюсь допустить, что Годунов должен нести перед историей такую страшную ответственность. За неимением ни единого прямого свидетельства, его обвинителям остается ограничиваться умозаключениями, добытыми при помощи законодательных текстов позднейшего времени, из которых одни сомнительны или явно подложны, другим же можно давать самые различные толкования. Как ни много проницательности употреблено было на то, чтобы истолковать их в желательном смысле, мне все еще кажется неправдоподобным, чтобы почин одного человека мог, даже в этой стране произвола и насилия, ввести в один час то, что во всех других местах было созданием нескольких веков и следствием совокупности экономических и социальных причин. Те же самые причины издавна оказывали свое влияние и здесь, и последствием их вековой работы, завершившейся в XVI веке, было порабощение земледельца либо зем-

---

²⁵ Ivan le Terrible, стр. 29.

лею, либо землевладельцем (и этот вопрос тоже остается спорным).

Законодательный акт 1592 года, если он в самом деле причастен к вопросу, как и все последующие акты XVII и XVIII веков, относящиеся к этой области, издан был, вероятно, лишь с целью упорядочить на время истинное положение вещей, освященное житейским обиходом. В 1601 году, когда Борис уже царствовал, другое временное распоряжение должно было отчасти восстановить для некоторых разрядов крестьян право перехода, и вот из этого-то именно распоряжения исследователи и извлекли довод в пользу своего предположения об отмене права перехода в 1592 году. Но, лишая единовременно и притом самым прямым образом этой привилегии некоторые разряды крестьян, распоряжение это, подлинный текст коего дошел до нас, исключает, по-видимому, всякую мысль об общем законодательстве, касающемся этого вопроса. И будучи правителем, и сделавшись царем, Борис преимущественно прибегал к временным мерам, лишь бы выйти из затруднения, и этим он положил начало той «показной» политике, которой суждено было оказывать такое большое влияние на дальнейшую судьбу его родины.

Другой разительный пример этой политики можно видеть в самом важном событии его времени, имев-

шем значение как с политической, так и с религиозной точки зрения, – я имею в виду учреждение патриаршества.

По своим непосредственным причинам это событие, несомненно, находится в прямой связи с великим делом соединения обеих церквей; но в этом вопросе, как видно по отрицательному результату двух уже упомянутых выше миссий Комуловича, Годунов сумел занять лишь пассивное положение.²⁶ А вопрос этот был не таков, чтобы можно было выжидать, воздерживаясь от решения. Откладывать его нельзя было никак. Флорентийская уния обращалась в ничто под воздействием трех факторов: московской пропаганды, византийского влияния и безучастного отношения к ней католического духовенства. Но оказалось, что подготавливалось иное сближение, в силу двух весьма различных и, тем не менее, действовавших согласно между собою причин: нового подъема религиозной энергии, возбужденного в католичестве натиском реформации, и происходившего в то же самое время расстройств, – я сказал бы, почти полного разложения – православной церкви в Московском государстве.

---

²⁶ См. для истории этих миссий: Памятники дипломатических сношений, X, 393–502; Hist. Russiae Monumenta, II, №№ 26–29; Pierling, Papes et Tsars, стр. 448 и след.; его же, La Russie et le Saint-Siège, II, 330 и сл.

Русские историки прежде обвиняли по этому поводу польское правительство в макиавеллизме, а теперь и они²⁷ признают, что побочное возникновение этой досадной задачи было, главным образом, последствием внутреннего перелома в лоне национальной церкви. Конечно, Польша не могла оставаться безучастной к этому вопросу. В одних только польских владениях князя Константина Острожского (а они заключали в себе, со своими 35 городами и местечками и семью сотнями деревень, значительную часть нынешней Волынской и часть губерний Киевской и Подольской), в одних этих владениях насчитывали 600 православных церквей, большое количество православных монастырей и ни единой униатской церкви! Спустя тридцать лет после смерти этого властелина, его внучке Анне-Алоизе Ходкевич пришлось председательствовать при закладке иезуитской коллегии в Остроге; тогда как наследник другой части владений, князь Владислав Доминик Заславский, издал в 1630 году распоряжение, коим предписывалось, чтобы все православные священники присоединились к унии.²⁸ Конечно, это было делом ополячивания, которое совершалось таким образом. Но поляки лишь восполь-

---

²⁷ См. у Ореста Левитского, в его предисловии к шестому тому Архива юго-западной России, стр. 9.

²⁸ Кулиш. История воссоединения Руси, I, стр. 251 и след.

зовались движением, исходившим из недр самой православной церкви. После Флорентийской унии Брестская уния (заключенная 23 декабря 1595 года при единодушном содействии всех русских епископов, имевших епархии в Польше) была лишь своего рода расколом, происшедшим, как и раскол XVII века, вследствие болезненного состояния церковного организма.²⁹

Главным действующим лицом этого истинного раскола был воспитанник иезуитов Михаил Рагоза, рукоположенный в 1589 году константинопольским патриархом Иеремией в киевские митрополиты. Сам Иеремия, изгнанный в то время турками, искал убежища и... определения на должность. Удержавши его в Польше, можно было бы извлечь еще больше выгоды из его расположения. Но Сигизмунд упустил этот благоприятный случай, и странствующей патриарх направился в Москву, где его приняли с распростертыми объятиями.

С одной стороны, здесь чувствовали необходимость противодействовать тому, что подготовлялось в Польше, а с другой – преобразование национальной церкви уже давно стояло на очереди. Осуществленная уже на деле автономия русской церкви требовала еще освящения, а в то же самое время неизбеж-

---

²⁹ Архив юго-западной России, VI, № 246.

ный упадок восточных патриархов делал безотлагательным разрыв номинальной зависимости, которой ничто уже не соответствовало в действительности. Во время своих частых посещений Москвы патриархи появлялись в ней почти только для собирания милостыни. Антиохийский патриарх Иоаким только что прожил там довольно долго; согласившись занимать второе место после московского митрополита, своего подчиненного по каноническому учению, он этим и внушил Годунову мысль обратить действительное положение дела в законоустановленное. Начали разрабатывать вопрос об учреждении независимого московского патриаршества. Приезд Иеремии содействовал осуществлению этого замысла. Обольщенный надеждой, что он сам займет новый патриарший престол, он охотно согласился взять задуманное учреждение под защиту своего авторитета. Но ему предложили кафедру во Владимире, так как митрополит Иов не мог уступить ему своего места в Москве, и вот 26 января 1589 года Иеремия покорился судьбе и рукоположил этого своего соперника.³⁰

Указ, обнародованный по этому поводу, напоминает, что после Рима и Константинополя Москва сделалась средоточием христианской церкви, третьим

---

³⁰ Собрание государственных грамот и договоров, II, стр. 95. Сличите у Терновского. Изучение Византийской истории, т. II, стр. 72–73.

Римом; он и определил быть новому патриарху на третьем месте после константинопольского и александрийского. Это последнее постановление не было утверждено Константинопольским собором, который в 1590 году дал согласие на самый акт, который Иеремия взял на свою ответственность. Новый московский патриарх оказался отодвинутым на пятое место. Но в Москве об этом и знать ничего не хотели.³¹

Ясно, что это было прекрасное добавление к зарождающемуся великолепию государства. Но все это было лишь украшение «напоказ». Как признает один из крупных русских историков, учреждение патриаршества не принесло национальной церкви никакого приращения внутренних сил, не внесло в нее никакого оздоравливающего и животворного начала. Будучи и без того уже автокефальной, даже более чем незави-

---

³¹ См. по этому вопросу: Николаевский. Учреждение патриаршества; Зернин, то же заглавие (Архив истор. и юрид. наук, изд. Калачевым, т. II, 1-ая часть, стр. 1—34); Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку; Макарий. История русской церкви, X; Haigold (Schlözer), *Beilagen zum neueränderten Russland*, I, стр. 1; Adelung, *Uebersicht der Reisenden*, I, 381. Источники: Древняя Российская Вивлиофика, тт. XII и XVI; Русская истор. библиотека, II; Акты исторические. Дополнения, № 76. — Греческие повествования: Иерофея, именуемого также Дорофеем; в русском переводе у Терновского, указанное соч., Арсения Элассонского, напечатанное в *Codices manuscripti Bibl. Taurinensis*, Turin, 1749, т. I, по рукописи, которая теперь находится в Парижской Национальной библиотеке.

симой в своих отношениях с нуждающимися восточными иерархами, русская церковь не приобрела того, что ей было гораздо более необходимо: никакого нового обеспечения от произвола светских властей, а только они одни и угрожали ее независимости.³² Как покажет потом близкое будущее, патриаршество сделалось скорей преградой для преобразований внутри церкви, и опять-таки лишь они одни могли бы поднять национальное духовенство на высоту его призвания.

Но, предваряя подвиги, которыми блистали и многие другие из будущих властителей России, Годунов имел склонность к прикрасам и пусканию пыли в глаза, и к этим приемам введения в обман он прибег вскоре при таком событии, которое имело более решающее значение, когда его судьба, хотя все еще восходящая, наткнулась на зародыш рокового падения и разилась им.

На пороге тревожной эпохи, изучение которой составляет истинный предмет настоящего труда, и о которой я сейчас начну рассказывать, царствование Федора походит на тот промежуток обманчивого безветрия и лучезарного затишья, который предшествует бурным событиям в природе. Излагая по возможности сжато его историю, я, к сожалению, чувствую, что мне все-таки не удалось избавить своих читателей от

---

³² Костомаров. Русская история в жизнеописаниях, т. I, стр. 599.

некоторой скуки в этом несколько тусклом прологе. В следующей главе читатель будет введен в самую суть драмы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Драма в Угличе

I. Династический вопрос

Без сомнения, в наше время громадная Сибирь, предназначенная для более славной участи, скоро перестанет быть местом ссылки. Однако, по-видимому, там останется по крайней мере один ссыльный, и – любопытная подробность – он находится в ссылке с 1591 года! Да, он начал в ту пору одну из самых печальных глав в истории человечества. Он был в первой партии ссыльных, отправленных из Углича в Тобольск и Пелым.

Вплоть до восемнадцатого века сохранился обычай увечить осужденных в ссылку преступников, таким образом отправляемых в далекий край, – это был способ отметить их и лишить надежды на успех побега. Им рвали ноздри, а иногда и отрезали уши. Это служило, вместе с тем, как добавочное наказание и знак позора. Ссыльный 1591 года не избег этого варварского обращения. Более счастливый, чем некоторые из его товарищей по несчастью, он пережил свою

рану, и в 1837 году в Тобольске около дома протопопа построили маленький сарай, где этот печальный свидетель скорбного прошлого был показан наследнику престола во время его путешествия по области. В 1849 году жители Углича ходатайствовали о его помиловании, и просьба, представленная императору, была принята благосклонно. Но вмешательство Святейшего Синода заставило отказаться от задуманного дела милосердия, и возобновленная в 1888 году попытка имела не больше успеха.

Читатель уже догадался, что этот ссыльный был из материала более способного, чем человеческое тело, сопротивляться времени и страданиям. Это – колокол, а отбитые ушки его – отрезанное ухо. За какое неискупимое преступление этот колокол понес наказание, до сих пор не обезоружив неумолимого преследования гражданских или церковных властей? 16-го мая 1591 года он возвестил жителям города Углича о смерти царевича Дмитрия.³³

Генеалогическое древо Рюрикова дома представляет редкую особенность. Из всех царственных родов он лучше других исполнял заповедь: плодитесь и размножайтесь. С девятого по шестнадцатое столетие мощный ствол, посаженный основателем русской

---

³³ Исторический Вестник, 1890 г., окт., стр. 198. Очерк Пыляева с приложением изображения этого колокола.

империи в славяно-финскую почву, покрыл огромное пространство своими постоянно расширяющимися ветвями. А между тем младшая линия в потомстве Александра Невского, утвердившаяся в Москве, имела в то же время противоположную судьбу. По мере того как ее политическое первенство укреплялось на развалинах соперничающих домов, число ее представителей все уменьшалось, так что их насчитывали очень немного. Впрочем, это явление можно легко объяснить: общее правило всех русских наследственных владений требовало более или менее равного раздела вотчин, вследствие чего все более и более увеличивалась ценность наследства, и в свою очередь обнаруживалось влияние закона борьбы за существование. Так, молва говорит, что Василий Темный (1425–1462) то ядом, то железом устранил обоих своих двоюродных братьев, Василия Косого и Дмитрия Шемяку, а также и внучатого племянника, Василия Боровского, и его трех сыновей. Иван III, великий «собиратель земли русской» (1462–1505), счел уместным предупредить раздробление своего значительно увеличившегося государства, погубив своего внука Дмитрия Ивановича и сидевшего в Угличе брата его Андрея с двумя его сыновьями. Отец Грозного Василий Иванович (1503–1533) принял те же меры предосторожности по отношению к внучатному двою-

родному брату, Василию Шемяке-Рыльскому, и даже правительница Елена (1533–1538), перед тем как сама умерла от отравы, позаботилась отправить на тот свет двух своих шурьев, Юрия и Андрея.

Сверх того, московские великие князья только в виде исключения давали своим братьям разрешение жениться, и при восшествии Феодора на престол поле соперничества оказалось, таким образом, весьма суженным. Правда, в княжеских фамилиях Долгоруких, Лобановых, Гагариных оставалось еще бесчисленное потомство Рюрика, но торжествующий род Калиты отодвинул на второй план эти пришедшие в упадок дома и устранил их из числа соперников. Новая политика Москвы даже противопоставила им в лице таких фамилий, как Квашнины, Бутурлины, Воронцовы и Шереметевы, новую аристократию. Из родственников, имевших право наследования, у Феодора оставались только его младший брат Дмитрий и дочь Владимира Андреевича (это был двоюродный брат Ивана IV, в свое время также умерщвленный), Мария Владимировна, вдова Магнуса, носившая титул королевы Ливонии.³⁴

Королева эта жила в Риге, и польское правительство, с одной стороны, тяготившееся обязанностью содержать ее, а с другой – удовлетворенное обла-

---

³⁴ Ivan le Terrible, p. 285, 291.

данием такой заложницы, оказывало вдове Магнуса неприветливое гостеприимство. Она имела малолетнюю дочь Евдокию. В 1586 году Годунов решил вернуть в Россию обеих принцесс и начатые по этому поводу переговоры поручил Горсею. Возможно, что он хотел принести новые жертвы предусмотрительной политике, которая обеспечила величие Москвы. Но Горсей сочинил целый роман, рассказывая, будто бы различными уловками и с разными приключениями, вроде ухаживания, ночного похищения и т. д., ему удалось отнять эту добычу у бдительных ее сторожей. А истинный ход дела был таков: получив согласие Марии Владимировны, московское правительство самыми безупречными дипломатическими приемами обеспечило выдачу обеих царственных женщин.³⁵ Впрочем, Горсей, пожалуй, помог уговорить вдову Магнуса если и не тем, что расточал ей любезности, то по крайней мере надеждой на лучшее обращение сравнительно с тем, какое она испытала в Польше. А ведь она могла предвидеть, что ее ожидало в самом благоприятном случае. В Московском государстве, по заведенному обычаю, признавалось, что вдовы пристра-

---

³⁵ Horsey, Trevels, в *Russia at the close of the XVI. C.*, стр. 210 и след. Ср. статью Цветаева в Ж. М. Н. Пр. 1878 г., март, стр. 83; также смотри официальную переписку в «Чтениях Общ. Ист. и Древн.», 1837, VIII, 392–898.

иваются только в монастырь. Итак, вернувшись на родину, Мария Владимировна должна была принять иноческий чин в монастырь, соседнем со знаменитой Троицкой лаврой. Но здесь по крайней мере она была в безопасности с тех пор, как перестала быть опасной, и в течение следующих лет мы встретим этот печальный обломок мечущимся среди самых реальных и весьма трагических приключений. Дочь ее, напротив, так как ее еще нельзя было постричь в монахини, вскоре погибла, и на Бориса пало подозрение, что она погибла насильственной смертью.³⁶

Устранив таким образом эти препятствия, Годунов очутился перед другим возможным соперником, который уже был царем, и это тем более указывало на него, хотя было лишь подобием царствования. Мои читатели, должно быть, не забыли этого бывшего царя, татарина Симеона, которого Грозный вздумал однажды сделать своим заместителем. Но этот соперник, удаленный в Кучалино и случайно или иным образом лишившийся зрения, не шел взаправду в счет. В 1589 году – предполагаемый год смерти малолетней Евдокии – кроме надежды на потомство, которое царица Ирина могла сохранить, династический вопрос был упрощен как нельзя более. Остался один только

---

³⁶ Могилы обеих принцесс находятся в Троицкой лавре, где они последнее время пребывали. См. «Москвитянин», 1841 г., II, 557.

Дмитрий, который запутывал его, мешая вероятным честолюбивым замыслам Годунова.

Для того времени Углич был довольно значительным городом – три собора, полтораста церквей, двенадцать монастырей, две тысячи монахов и тридцать тысяч жителей. Полузаконный царевич мог довольствоваться таким уделом, а деревянный дворец, – ведь и в восемнадцатом веке палаты Елизаветы и Екатерины были еще деревянные, – отвечал требованиям княжеского жилища, если не великолепием архитектуры, по крайней мере, своими размерами; а между тем брату Феодора и семье его было нелюбо в нем, они тосковали по Москве, им хотелось быть поближе к Кремлю, а здесь они обречены были терпеть враждебное отношение к себе людей, приставленных для надзора за ними, и уже упомянутый Михаил Битяговский выделялся среди них своим сварливым нравом и вымогательствами.

Если верить некоторым летописцам, Дмитрий, хотя он был еще ребенок, обнаруживал особенную чуткость к этому дурному обращению, проявляя буйный нрав, мстительный характер и даже предрасположение к жестокости. Он был действительно сын Грозного. Рассказывали, что Дмитрий охотно смотрел, как резали быков или баранов, а иногда он пробирался в кухни, чтобы собственноручно свернуть шею

нескольким цыплятам. Однажды зимой, играя со своими сверстниками, царевич велел сделать из снега двадцать человеческих изображений и, дав им имена приближенных своего старшего брата, с криком: «Вот что вам будет, когда я буду царствовать», – рубил их изо всей силы саблей. И Борис не был забыт в этой игре в возмездие. Но может быть также, что иностранные повествователи служили только эхом лживых рассказней, умышленно распускаемых самим же Борисом. Один из них – Флетчер – сообщает в 1589 году более правдоподобное известие, которое необходимо сохранить в памяти, – известие, что в то время неоднократно делались попытки отравить малютку.³⁷

Спустя два года, 15 мая 1591 г., Углич всполошился. Колокол церкви Спаса ударил в набат, десятка два других подхватили его. В толпе, быстро сбежавшейся к ограде дворца, слышались крики о мести, затем произошла кровопролитная свалка, и распространился слух, что царевич только что убит.

Дмитрий родился 19 октября 1583 года, ему было семь лет и семь месяцев без четырех дней, когда случилось это несчастье. Обстоятельства, при которых оно произошло, требуют внимательного исследования.

---

³⁷ Russia at the close..., стр. 22.

II. Смерть Дмитрия

В большинстве летописей повторяется с небольшой разницей в изложении один рассказ об этом событии, и рассказ этот сохранил вплоть до наших дней совсем особый характер достоверности; в самом деле, повествование это получило сугубое подтверждение – и официальными документами, и церковными канонами. Это повествование о совершенном в Угличе 16 мая 1591 года убийстве было в 1606 году внесено в манифест одного из преемников Феодора, Василия Шуйского, и оно же послужило основанием для причисления мученика-младенца к лику святых, которое провозглашено было в том же году. Вот его краткое изложение.

Годунов, сам добиваясь трона, несколько раз пытался избавиться от малолетнего Дмитрия. После безуспешных попыток отравить его, Борис сговорился со своими родными и друзьями совершить иное покушение на его жизнь, и окольный Андрей Петрович Клешнин, выдвинувшийся по милости временщика, взялся его исполнить. Его заботами в Углич в качестве городских приставов были отправлены Михаил Битяговский с сыном Даниилом и племянником Никитой Качаловым и сын мамки Дмитрия, Осип Во-

лохов. Они навлекли на себя подозрения царицы Марии Нагой, и она усугубила бдительность. Но 16 мая 1591 года, около полудня, царица оставила своего сына на попечение мамки Василисы Волоховой; мамка, будучи участницей заговора, не обращая внимания на возражения кормилицы, Ирины Ждановой, повела царевича во двор. Убийцы выжидали этой минуты. Осип Волохов взял царевича за руку и спросил его об ожерелье, которое он носил; ребенок поднял голову, чтобы ему ответить об этом ожерелье, и в этот миг Волохов ударил его ножом по горлу. Но рана оказалась легкой, хотя жертва упала без чувств. Кормилица бросилась на тело царевича, чтобы прикрыть его собою, и пронзительно закричала. Между тем убийца обратился в бегство. Тогда Данила Битяговский и Качалов, избивши до полусмерти Жданову, вырвали из ее рук мальчика и прикончили его. Прибежала мать и, в свою очередь, подняла крик, но никто не услышал ее. Было время послеобеденного сна, и родственники царицы почивали в покоях, занимаемых во дворце или же в соседних домах. Тревогу поднял сторож церкви Спаса; он находился случайно на колокольне, откуда видел все происшедшее, и ударил в набат. Сбежался народ. Толпа, узнав, что случилось, бросилась на убийц; во время этих беспорядков были убиты Битяговский и одиннадцать предполагаемых

его соучастников. Той порой тело царевича перенесли в собор Преображения Господня, а в Москву, чтобы уведомить Феодора, отправили гонца. Как и следовало ожидать, весть прошла сначала через руки Годунова, который позаботился изменить ее смысл. Было признано, что Дмитрий, играя ножом, сам лишил себя жизни, и следственная комиссия, составленная из преданных временщику людей, подтвердила этот рассказ.³⁸

Хотя причисление Дмитрия к лику московских мучеников продолжает поддерживать доверие к этому рассказу об убиении, все-таки он возбуждает многочисленные возражения. Прежде всего, в то время, когда произошло это прискорбное событие, смерть царевича как раз не могла настолько послужить на пользу честолюбию Годунова, чтобы внушить ему мысль о преступлении. Если он и в самом деле питал во-

---

³⁸ Русские летописи: Летопись о многих мятежах; повесть 1606 года (Иное сказание); Повесть о убиении царевича Дмитрия (издана в 1864 г. Бычковым в Чтениях Общ. Ист. и Древн.); Сказание о Гришке Отрепьеве (Русск. Истор. Библ., XIII, 707) и др. источники, указанные Платоновым в его книге «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени», стр. 330. Сличение жития: первое житие Святого Дмитрия было написано в 1607 г.; это лишь краткое изложение Повести 1606 года; второе было составлено князем Шаховским и имеется в полном собрании его сочинений; третье жизнеописание появилось около середины XVII века в Минеях Милютина (Рус. Истор. Библ. XIII, 901) и в минеях Тулупова (там же, XIII, 880).

зделения на наследство Феодора, то в ту пору его отстраняло пока от наследства еще иное препятствие: Ирина, будучи отныне совсем здоровой, через год (14 июля 1592 г.) должна была стать матерью. Во-вторых, Битяговский и его сообщники были отправлены в Углич не в 1591 году; они вступили в исполнение своих обязанностей вслед за водворением в этом городе Дмитрия, – значит, еще в то время, когда Годунов не мог и думать сделать их орудием преступного замысла. Наконец, хотя этот рассказ и признается официальным, но ведь существуют и другие, тоже имеющие притязания считаться официальными. Архивы сохранили несколько таких сообщений, которые, опять-таки официально, были признаны при сличении их между собою непримиримо противоречащими друг другу. В хронологическом порядке рассказ о «несчастном случае», источником которого были правительственные следователи 1591 года, занимает даже первое место. Несчастный ли случай или убийство, но сила обоих этих утверждений одинакова, тем более что их ответственным виновником оказывается одно и то же лицо. Председателем следственной комиссии 1591 года и вдохновителем манифеста и канонизации 1606 года, действительно, был все тот же Василий Иванович Шуйский, невозмутимо противоречивший себе в обоих случаях.

III. Следствие

Уже один выбор Шуйского председателем следственной комиссии, кажется, представляет достаточно красноречивое свидетельство в пользу невиновности Годунова. Ведь Василий Иванович принадлежал к семье, среди членов которой правитель менее всего мог искать себе соучастников. Чтобы устранить этот довод, указывали на недавнюю женитьбу Дмитрия Шуйского – брата Василия – на свояченице Годунова, дочери Малюты Скуратова. А с другой стороны, товарищи Шуйского, Клешнин, дьяк Елизар Вылузгин и митрополит Геласий, представляли-де все поруки своего полного послушания. Пусть будет так.

Все протоколы следствия сохранились в московских архивах, не хватает лишь немногого (но официальное издание преувеличило значение этих пропусков).³⁹ Эти пропуски, если их и в самом деле так много, во всяком случае, касаются лишь подробностей, сравнительно несущественных. Документ этот несчетное число раз был анализирован, подвергается самой кропотливой и порой чересчур суровой критике. Конечно, следствие Шуйского и его товарищей

---

³⁹ Собрание государственных грамот и договоров, II, 103–128.

нельзя назвать образцовым. Да и странно было бы искать таких образцов в юридических памятниках шестнадцатого века. В их произведении легко можно заметить кое-какие упущения по небрежности и много странностей. Так, не достаёт показаний главного свидетеля – царицы Марии; ее, оказывается, не допрашивали. Показания большинства других свидетелей чересчур согласны между собой и производят впечатление хорошо заученного урока. Очных ставок не делали, когда это было явно необходимо сделать, а в других случаях не допрашивали порознь, когда это послужило бы на пользу дела. Горожане, селяне, чиновники всех степеней, попы, архимандриты, игумены, простые священники – из которых один, прозываемый «Огурец», лишившись жены, недавно перед этим был разжалован в пономари, – дворцовые слуги, повара, поварята, булочники, истопники, холопы, – все были призваны сразу и хором повторяли за Василисой Волоховой рассказ, явно бывший отголоском чужих слов. Все они признаны свидетелями-очевидцами, а между тем многие из них, явное дело, не могли ничего видеть.

Это подозрительное однообразие, однако, не всеобщее. В форменном противоречии со всеми остальными находится показание Михаила Нагого. И, в частности, оно свидетельствует об относительной искрен-

ности при допросе обеих сторон.

Кажется, этот документ был составлен не на месте допроса; в нем есть указания на такие действия следователей, которые они могли исполнить только впоследствии, только прибывши уже в Москву. И этого обстоятельства вполне достаточно, чтобы объяснить отмеченные выше недостатки в соблюдении формальностей.

Наконец, следователи упустили начать дело с начала, а именно, они не осмотрели внимательно тело жертвы; они не видали его! Наоборот, еще прежде чем приступить к делу, они допустили как уже добытое следствием самое существенное, что именно следователи и должны были вывести на свет Божий, — смерть царевича и род этой смерти. Они признали достоверным, что малолетний Дмитрий в припадке черной немочи нанес себе смертельный удар, и все свое старание употребили лишь на то, чтобы выяснить, кто подлежит ответственности за этот несчастный случай или за последствия его. Итак, главным образом, они затеяли дело против Нагих, обвиняя их в том, что те без всякого уважительного повода подстрекнули перебить Битяговского и его товарищей по несчастью.

Однако источник этот и в теперешнем его виде не может быть совсем окончательно отвергнут. Вся история человечества перестала бы существовать более

чем наполовину, если бы мы без дальних рассуждений отвергали все подобные и еще более сомнительные свидетельства. Даже время, когда так изложено было событие 1591 года, дает ему превосходство перед вторым официальным повествованием, которое спустя пятнадцать лет – и на этот раз явно – было внушено посторонними делу соображениями или легендами. В 1591 году обстоятельства события были еще в полной силе и потому не позволяли полного искажения. Толкуя их произвольно, следствие не могло, вероятно, изменить самой сути дела. Вот эти факты, как они выясняются на основании официального дознания.

С некоторых пор царевич Дмитрий прихварывал. У него обнаружилась склонность к падучей болезни. В один из недавних припадков он поранил свою мать свайкою и укусил палец одной из приставленных к нему женщин. Чтобы исцелить ребенка, обратились к знахарю, а когда беда случилась, его обвинили в порче царевича. Эти сведения, собранные следствием, не могут быть все до одного явной выдумкой. Накануне несчастья больному стало лучше, мать повела его к обеду, а вернувшись домой, позволила ему играть во дворе. На следующий день царица поступила так же; ребенок остался с мамкой Василисой Волоховой, кормилицей Ириной Тучковой (по му-

жу Ждановой, называемой в некоторых документах Дарьей) и постельницей Марией Колобовой (по мужу Самойловой). На заднем дворе к ребенку присоединилось четверо товарищей, мальчики из сословия «жильцов»: Петр Колобов, Бажен Тучков, Иван Красенский и Григорий Козловский. Стали играть в «тычку», попадая ножами в цель. Вдруг у царевича начался припадок эпилепсии; падая, ребенок поранил себе горло ножом, который собирался метать. Дмитрий скончался не тотчас же; брат царицы Григорий застал своего племянника еще живым, а он прибыл на место происшествия немало времени спустя, когда тревога разнеслась уже по всему городу. Кормилица с криком подхватила ребенка на руки. На крик ее прибежала мать. Ребенок был ранен, но, очевидно, с первого взгляда нельзя было сообразить, насколько рана была опасна. Что же делает мать? Надо было бы ожидать, что она кинется на помощь своему ребенку и вырвет его из рук провинившейся кормилицы, виновной в непростительной оплошности; ведь, конечно, было безумием позволить ребенку, страдавшему падучей, играть с ножом. Но нет! Как я уже указывал выше, рассказ Василисы Волоховой послужил основанием и, так сказать, лейтмотивом для большинства показаний, собранных следствием. А ведь, если верить мамке, царица в этот трагический момент не занялась ни

раненым, ни кормилицей. Она все свое внимание обратила только на нее, мамку, и вот эта мамка становится главным лицом и почти, можно сказать, главной жертвой драмы.

Заметим кстати, – эта женщина вышла в люди по милости царицы. Будучи низкого происхождения, она проникла во дворец и получила звание большей боярыни только потому, что снискала благорасположение последней супруги Грозного. И вот покровительница и любимица вступают в драку. Раненый ребенок тут же, но одно чувство воодушевляет и побуждает действовать мать, это – гнев. Она схватила полено и с размаху ударила Волохову. В то же время она указывает на сына мамки Осипа, как на убийцу царевича. Осипа не было на месте происшествия; по крайней мере он не присутствовал тут, когда произошло несчастье с царевичем. Каким образом и почему на него взваливают вину? Но вот ударили в набат; где именно, – на колокольне ли церкви Спаса или царя Константина, – этот вопрос остается нерешенным. Кто первый зазвонил, или кто отдал приказание звонить, это – тайна. Собралась толпа, и вместе с ней прибежали братья царицы, Михаил и Григорий. Михаил был «мертвецки пьян»; к тому же у него были личные счеты с дьяком Битяговским. По крайней мере один из свидетелей во время следствия – Суббота, на

очной ставке с Федотом Афанасьевичем по прозванию «Огурец», – показывает, что Михаил Нагой требовал от Битяговского больше денег, чем тот хотел дать. С другой стороны, уже издавна началась вражда между Нагими и Борисом Годуновым. По свидетельству одного летописца,⁴⁰ после женитьбы Грозного на Марии Нагой один из братьев новой царицы, Афанасий, стал обвинять этого временщика перед царем. И вот теперь другой брат, Михаил, присоединяется к голосу сестры и указывает толпе на Михаила Битяговского и его сына Даниила как на сообщников Осипа Волохова в умерщвлении царевича: они-де совершили злодеяние по приказанию Годунова. Толпа взламывает дверь избы, в которой заперся Михаил Битяговский с Даниилом Третьяковым, и убивает обоих. Данилу Битяговского, в свою очередь, нашли в дьячьей избе; его убили вместе с Никитой Качаловым и другими несчастными, вступившимися за Битяговских и Волохову. Погоня за Осипом Волоховым ворвалась даже в церковь, и здесь его убили в присутствии царицы.

Кто видел все эти ужасы? Кто свидетельствует о них? – Всё Волохова. Между тем ее саму ударили первую и, если поверить ей, чуть живую бросили на месте события. Излив на мамку весь свой гнев, цари-

---

⁴⁰ Хронограф Латухинский (Степенная книга), см. Карамзин, т. IX, примеч. 618.

ца передала полено Григорию Нагому, и тот с ожесточением бил мамку этим поленом. Другие палачи присоединились к нему. Все равно! Жертва все видела, следила за всеми переменами драмы.

А между тем – и это еще более удивительно – ни четверо детей, участвовавших в игре с Дмитрием, и никто из свидетелей-очевидцев не указывают мамки среди присутствовавших во время несчастья женщин. Каким образом и за что приобщили ее к делу и так жестоко с ней расправились?

Возникает еще другой вопрос: что же случилось с царевичем среди этой сумятицы и резни? В этом пункте единодушны все свидетели: на руках кормилицы он долго мучился в судорогах. «Его долго било», повторяли один за другим все свидетели. В какую минуту он умер? – Неизвестно. Кто же убедился в его смерти? – Никто. Тело поспешно было перенесено в церковь, с той же торопливостью похоронено, и равнодушие, проявленное при долгой агонии, сопровождало несчастного ребенка до самой могилы. Три дня спустя, 18 мая, Михаил Нагой, протрезвившись, постарался только оградить себя лично от ответственности. По его распоряжению приказчик Русин Раков набрал разного оружия – пищалей, кинжалов, палиц – и, вымазав их кровью нарочно зарезанной для этого курицы, разложил около трупов Битяговских и других

убитых, – вот, мол, улики их причастности к убийству царевича. Действительно, брат царицы крепко ухватился за эту мысль и с величайшей энергией отстаивал ее против всех противоположных свидетельств, включая сюда и свидетельства других Нагих, Григория и Андрея. Только один Афанасий не присутствовал при дознании, – он бежал.

Новая странность. Этому дяде царевича, совсем непричастному к несчастному событию, казалось, нечего было опасаться последствий его. Почему же он бежал? Быстро добравшись до Ярославля, несколько дней спустя, когда следствие уже началось, он постучался в полночь у ворот Иеронима Горсея, который случайно проживал в этом городе. Нагой сообщил английскому агенту о смерти царевича, убитого ставленниками Годунова, и просил лекарства для царицы; она, говорил он, тоже стала жертвой отравления, ей грозит смерть, у нее выпадают волосы и ногти, и сходит кусками кожа.⁴¹

Что это значит? Мать Дмитрия не сопровождала Афанасия в этом необъяснимом бегстве, и нет другого свидетельства, где бы упоминалось о покушении на ее жизнь в это время. Да если бы ей и действительно нужна была такая помощь, то какие средства оставались у находившегося в бегах брата, чтобы доставить

---

⁴¹ Russia at the close of the XVI. C., стр. 254.

ей эти лекарства?

Но и поведение самого Михаила Нагого не менее необъяснимо. Говорили, что царевича зарезали ножом; каким же образом дяде его пришло в голову указывать на пищали и палицы как на орудия убийства?

Обстоятельства дела, представленные таким образом в протоколах следствия или в добавочных показаниях, кажутся несовместимыми, так как сами свидетели подозрительны. Григорий и Андрей Нагие, признанные в качестве свидетелей-очевидцев, прибыли на место происшествия, только уже услышав набат. Пономарь «Огурец», который ударил первый в набат, и которого легенда потом сделала зрителем происшествия с высоты колокольни, в действительности находился дома, когда произошло смятение; даже нога его не была на дворе дворца, и он не видал царицы. Звонить он стал, повинуюсь какому-то приказанию, но следователям не удалось выяснить, от кого исходило это приказание. Иные из собранных ими показаний обличают явную ложь. Таков рассказ некоторых горожан: переправляясь через Волгу на призыв набата, они будто бы видали, как убивали Битяговских; спросив затем убийц, из-за чего идет эта резня, они получили такой ответ: царевич зарезался, играя ножом. Очевидно, убийцы не могли так оправдывать свои жертвы в то самое время, когда избивали их.

Однако – иначе мы должны будем отказаться от всякой исторической критики – некоторый свет проливается на это темное, запутанное событие. Существует два возможных предположения, и второе из них почти что достоверно: во-первых, царевич был подвержен эпилептическим припадкам, и во-вторых – 15 мая 1591 года он стал жертвой или несчастного случая, или преступления. В остальном мы остаемся в области догадок; между ними, однако, я замечаю одну, по-видимому, логически вытекающую из всех известных обстоятельств, отчасти достоверных, отчасти вероятных; она невольно приходит на ум; вместе с тем в ней нет тех поразительных несообразностей, которые лишают силы все остальные гипотезы, какие можно было бы противопоставить ей. Я не колеблюсь ее высказать – 15 мая 1591 года царевич Дмитрий не умер. Он не погиб от поразившего его удара, и его жизнь даже на миг не была в опасности.

Допустите противоположную, преобладавшую до этого времени гипотезу и попытайтесь восстановить событие, как оно описано свидетелями при следствии. Можете ли вы представить себе царицу Марию в том положении и с теми движениями, которые они ей придавали на следствии? Представите ли вы себе ее отдавшеюся только чувству гнева и ненависти, только стремление ударить в свою очередь или

донести на предполагаемых виновников покушения? Неужели врожденное чувство не побудило ее помочь ребенку – своему детищу, – ведь он пока жив еще и требует ее забот!

Я взываю ко всем матерям!

Но вот еще: в то время как несчастное, покинутое всеми существо долго бьется на руках служанки в предсмертных схватках и судорогах, рядом с матерью, каких не бывает, каких никогда не бывало ни в Московии, ни вообще на свете, можете ли вы представить себе всех тех, кого несчастный случай или покушение на жизнь собрало к месту действия: слуг, родственников, горожан, крестьян, безучастно не обращающими внимания на продолжительные предсмертные муки царевича, подражающими его матери-извергу и занятыми только мезтью?

Это невозможно! Ни в какое время, ни в какой стране это не могло так происходить!

Впрочем, вот еще другие указания, поддерживающие то же доказательство. Следователи виновниками смерти Битяговского и других людей, убитых рядом с ним, считали Нагих и взбунтованных ими граждан Углича, вследствие чего семья царицы и весь город Углич подверглись ужасному и беспощадному возмездию. Царицу принудили принять монашество в глухом Никольском монастыре около Череповца на Вик-

се. Отправленные в Москву, Нагие покинули темницы и застенки, где их пытали, лишь для того чтобы быть сосланными в разные отдаленные места. Двести обывателей города Углича погибли в пытках, другим отрезали языки, и наконец большинство, почти все население, было приговорено к ссылке. Пока в далеком Пелыме собирались осужденные, самый колокол церкви Спаса, включенный в огульную опалу, был отправлен в Тобольск.

За что такая суровость? Чем виноват этот колокол, ударивший в набат по воле неизвестной руки? Торжественный ли звон, или тревожный – обязанность колокола, и он исполнил ее; ведь ребенок, царевич, был смертельно ранен, – кругом его раздавались крики и зловещий ропот! А сами убийцы Битяговского и соучастников его? Неужели не нашлось, по меньшей мере, обстоятельств, смягчающих виновность, и притом таких, что судьи, каковы бы они ни были, в такой стране, как тогдашняя Русь, должны были, казалось, принять их во внимание. Сбежавшись на звуки набата, эти люди увидели зарезанного, плавающего в своей крови ребенка, и какого ребенка! родного брата своего царя; они услышали мать – вдову наиболее чтимого в народе из государей – она призывала ко мщению! И в самом деле, разве нельзя их было извинить? ведь, нанося удары, они желали со сво-

ей стороны проявить верность и преданность подданных. Неужели в стране самодержавия, в стране, твердо установившейся искони преданности единодержавию и непомерного подобострастия к своему государю и его окружающим, такой поступок мог быть так жестоко наказан? Не напрашивается ли убеждение, что это возмездие было возбуждено другими причинами, которые надо отгадать?

Еще указание. В 1606 году, полагая, что царевич скончался и был погребен в Угличе в церкви Преображения Господня, вырыли его тело. Два свидетеля – русский Тимофеев, автор упомянутой летописи, и голландец Исаак Масса, мемуары которого оказываются одним из наиболее ценных памятников для истории той эпохи, – говорят, что ребенок в одной руке держал вышитый платок, а в другой горсть орешков. Явное дело, присутствие таких предметов в гробу может быть объяснено только заботами хоронивших: предать тело вечному покою в том самом виде, в каком его застигла смерть. Но тогда этот ребенок, обе руки которого были заняты, не играл в тычку! Он не поразил себя ножом и, вероятно, даже не был убит таким способом; ведь, конечно, к другим памяткам присоединили бы тогда и орудие его смерти. Присутствие в руке ребенка самих орешков исключает, кажется, возможность и покушения на жизнь и несчастного слу-

чая в такое время и при предполагаемых обстоятельствах. Царевич возвращался от обедни; где, на каком чудесном дереве он мог сорвать в мае месяц эти предательские орешки? Если предположить несчастный случай, я становлюсь в тупик перед той невероятностью, будто бы в руках ребенка, страдавшего падучей, оставили нож, – острое орудие, достаточное для причинения смертельной раны; если предположить покушение на его жизнь, невероятно время дня, избранное убийцами.

Какой же из всего этого вывод и заключение?

Я считаю допустимым лишь один исход: труп, отрытый в июне 1606 года, не был телом Дмитрия.

Официальные сообщения о событии натываются, таким образом, на целый ряд невероятностей и невозможностей, и лишь это кажется возможным при логически доказанной несогласимости легенды с историей.

IV. Легенда и история

Участие Годунова в преступном покушении на жизнь царевича и даже самое предположение о преступлении в событии 15 мая 1591 года должны быть решительно отвергнуты. Ничто не подтверждает, а все, напротив, согласно опровергает те обвинения,

какие возводились на Бориса по этому поводу. Обвинения эти основаны лишь на рассказах, созданных воображением, и главный из них («Иное сказание») явно был внушен или переработан политическими противниками шурина царя Феодора; Борис жаждал любви народной, и потому он не посмел бы так сурово наказывать людей, которые провинились лишь тем, что самовольно расправились с убийцами, даже – тем более! – если эти убийцы были наняты им самим.

Мамка не досмотрела за ребенком, и царевич, подверженный припадкам эпилепсии, играя с детьми, поранил себя. Рана оказалась неопасной, нож был просто игрушкой, и ребенок не мог им пронзить себе горло, тем более что он, по тогдашнему обычаю, носил на шее широкое ожерелье, вышитое жемчугом и драгоценными камнями. Только припадок эпилепсии – причина происшествия – представлял некоторую опасность, но, следуя за другими недавними припадками, он не возбуждал особенной тревоги. Прибыв на крик кормилицы, мать излила тем не менее всю свою злобу на нерадивую мамку и, не владея собой, бросилась ее бить; между тем опытная кормилица занималась раненым больным, понимая, конечно, какого ухода он требовал. Волохова заголосила под ударами полена, наносимыми сильной рукой, и сын ее Осип вступился за мать. Происходит ссора и же-

стокая перебранка. Этот юноша принадлежал к шайке Битяговских, с которыми у царицы были постоянные нелады, и в своем гневе она могла указать на него и Битяговских как на виновников происшествия. Причиной роковой и сугубой ошибки могло послужить и созвучие слов «бить» и «убить», их легко можно спутать, а тем более перепуганным людям. Случается, что и в наше время «побитый» слывет за «убитого». Набат привел в смятение весь город, во двор дворца сбежались спросонок люди, появился и пьяный Михаил Нагой – заклятый враг Битяговских; легко себе представить, каковы будут последствия: смятение, резня, смерть царских приставов.

Эта резня, явно вызванная царицей и одним из ее братьев, резня, нисколько не оправдываемая обстоятельствами, не могла не повлечь за собой сурового возмездия. Выжидая каждого удобного случая выместить за прежние обиды, Годунов не мог, конечно, упустить столь благоприятный повод. Придя в себя после катастрофы, Нагие, несомненно, ясно представили себе, какую ответственность они навлекли на себя, и начали выискивать способы избавиться от нее. Они искали оправданий, – нашлось лишь одно: царевич, действительно, был жертвой преступного покушения на жизнь его. Известно, что Михаил Нагой упорно настаивал на этом утверждении. Вполне есте-

ственно предполагать, что оно было согласно с общим уговором, которому остальные члены семьи не сумели остаться верными.

Если мы примем во внимание свидетельство Флетчера о прежних покушениях на жизнь царевича, – а мы не имеем никакого основания отвергнуть его, так как оно напечатано за несколько лет до событий 1591 года, – мы поймем, как такое средство спасения само собой пришло им на ум в минуту отчаяния. Впрочем, царице Марии, заранее настроенной ждать беды, могло показаться, что и в этом несчастном случае было не без злого умысла, тогда как для меня лично обстоятельства этого несчастья все еще остаются весьма загадочными.

С другой стороны – и мы можем это предположить, – мысль спасти это дорогое существо от все новых и новых опасностей, укрыть его в верное и потаенное убежище, уже приходила на ум тем, кто охранял его. Происшествия 16 мая 1591 года окончательно побудили и ускорили исполнение этого замысла; таким образом, естественно объясняется и бегство Афанасия Нагого и таинственное появление его в Ярославле, вероятно, вместе с лицом, которому нужна была медицинская помощь.

Раненый, но оставшийся в живых ребенок был увезен из Углича и доверен своему дяде, который, будучи

в Ярославле, старался найти ему врачебную помощь и убежище. А той порой в Угличе остальные Нагие разгласили о смерти царевича, но согласились дать уговорить себя, что он пал жертвой несчастного случая. Только Михаил, верный прежнему уговору, один против всех и всего отстаивал рассказ об убиении царевича.

Такое предположено – это, конечно, не более как гипотеза – объясняет с одинаковым удобством непостижимую иначе судьбу злополучного города Углича и его несчастных обывателей. Показания Михаила Нагого и придуманная им печальная обстановка не могли доказать, что царевич был убит, – значит, убийц Битяговского с товарищами следовало наказать, а что важнее всего, надо было это происшествие покрыть непроницаемой завесой и для этого устранить возможно большее число свидетелей. Эта последняя предосторожность оказывалась прямо необходимой, потому именно, что, ведь, считаемый за мертвого царевич остался в живых. Раз он исчез из Углича, он и должен был считаться мертвым! Пока он был на глазах и под надзором, он ни в ком не возбуждал тревоги; но когда его нет, когда он ускользает от всякого надзора, он становится опасным, если его будут считать живым. Для своей безопасности и для безопасности царевича Нагие пожелали, чтобы Дмитрия

считали мертвым, – их поймали на слове. Доказать убийство они не могли, и этим навлекли на себя ответственность за резню, которую несчастный случай оправдать не мог. В то же время, чтобы обеспечить выдумку Нагих против всяких разоблачений, политика Бориса прибегла к соответствующим понятиям того времени мерам: она привлекла к ответственности даже бедный колокол, который зазвонил некстати.

Мне не надо, конечно, настаивать, насколько важно решение этой задачи. Если, как это вероятно, царевич Дмитрий не умер в 1591 году, то есть также немало вероятности предполагать, что человек, который тринадцать лет спустя носил то же самое имя и предьявлял притязания на московский престол, не был обманщиком. Вопросы о подлинности этого знаменитого искателя престола я пока не стану решать. Исследование его я отлагаю до другой главы этого сочинения, а здесь я намечаю этим только дальнейший путь. Смерть маленького Дмитрия в Угличе научно не доказана. Достоверность этого события не опирается ни на одно имеющее силу доказательство, и признание его истинным наталкивается на весьма многие и весьма важные затруднения. Я позволю себе еще прибавить, что, хотя историческая критика в России, по соображениям не строго-научного характера, все еще далека от признания этого предварительного

сведения, а все же в последнее время заметно приблизилась к нему. И, может быть, решительный шаг был бы уже сделан, если бы книга графа Шереметева – труд долгих лет – вышла в свет. Но вряд ли можно надеяться, что она будет издана в близком будущем, и что мы познакомимся доподлинно с теми документами и новыми обстоятельствами, на которых основано убеждение автора, находившегося в наиболее благоприятных условиях для того, чтобы черпать прямо из источников, даже таких, которые недоступны большинству ученых. Тем не менее убеждение его не подлежит сомнению, потому что оно выяснилось нам в переписке графа с известным историком Бестужевым-Рюминым, которую миновали строгости цензуры.⁴² Хотя нельзя еще в России утверждать, что царевич Дмитрий пережил день 15 мая 1591 года, но читателям, умеющим читать между строк, уже позволяется дать понять это. Правда, некоторые из предположений, намечаемых этой перепиской, оказываются чересчур смелыми: такова, например, роль, которую будто бы играли в угличской драме Романовы, или предполагаемый уговор между царицей Марией и Волоховой, с которой царица столь сурово обошлась. Другие же построены на вещественных ошиб-

---

⁴² Бестужев-Рюмин. Переписка о Смутном времени. С.-Петербург, 1898.

ках, как свидетельство, приписываемое Льву Сапеге, а в действительности принадлежащее его двоюродному брату Андрею – свидетелю без всякого авторитета.⁴³ В общем, однако, обмен мнений между двумя учеными весьма поучителен: он выдвигает хотя не убедительные доказательства, но все-таки ряд возможностей.

Но почему не дозволено говорить о том, на что можно таким образом намекать?

В 1823 году Карамзин сообщил по тайности своему товарищу по истории М. П. Погодину только что сделанное им открытие, которым он надеялся вскоре, в десятом томе печатавшейся тогда Истории Государства Российского, порадовать своих читателей. Открыто это должно было разрушить установившиеся понятия об убиении царевича Дмитрия по приказанию Годунова. Дело заключалось не в том только, чтобы восстановить доброе имя этого правителя. Над этой задачей Карамзин поработал уже в одном из своих прежних трудов.⁴⁴ На этот раз знаменитый историк нашел кое-что получше. Каково же было изумление Погодина, когда, открыв этот том, содержание которо-

---

⁴³ Заблуждение это следует приписать опечатке в сборнике, откуда взята справка (Archivum Domus Sapiehanae, I, 177).

⁴⁴ Сочинения. Москва, 1825. IX, 235 (Воспоминания о поездке в Троице-Сергиеву Лавру).

го ему так было сообщено, он прочел там... рассказ об убиении царевича по приказанию Годунова! Между рукописью, уже приготовленной к печати, и печатным станком вступилось официальное вмешательство и, хотя оно и не изменило личных убеждений историка, по крайней мере заставило переиначить изложение дела.⁴⁵

В 1830 году выступил в свою очередь и Арцыбышев; в «Вестнике Европы»⁴⁶ он напечатал статью, в которой, хотя и не утверждал, что Дмитрий пережил 15 мая 1591 года, по крайней мере защищал Годунова против обвинения в убийстве. Статья эта прошла. Но историк задумал передать смысл ее и в своем «Повествовании о России»; труд остался неизданным до смерти автора, и, когда в 1841 году Общество Истории и Древностей занялось его изданием, глава, касающаяся угличского события, была переделана под редакцией одного историка, правда, пользующегося известностью. Это был Устрялов, а между тем раньше он и сам пришел к убеждению если не в непричастности Годунова, то, во всяком случае, в отсутствии доказательств, устанавливающих его виновность.⁴⁷

---

⁴⁵ См. Павлов. Правда о Лжедмитрии. «Русский Архив», 1886, № 3.

⁴⁶ Перепечатана вновь в «Русском Архиве», 1886 г., № 3.

⁴⁷ Устрялов. Сказания современников о Димитрии Самозванце, II, 280. См. статью Иконникова в «Русском Архиве», 1886, XII, 523.

Но почему и в наше время с официальной точки зрения считается необходимым, чтобы царевич Дмитрий был убит в 1591 году? Потому что в 1606 году сочли необходимым, чтобы юный царевич, в качестве мученика, был причтен к лику святых. Я вполне искренно верю, что каноны всех церквей принуждены сводить с историей свои счеты, которые бывает еще гораздо труднее уладить. Причисление к лику святых всегда подвергалось пересмотру; примеры отмены чествования святых, столь частые в летописях римско-католической церкви со времени знаменитого «упразднителя святых» Жана де Лонуа, встречаются и в истории православной церкви, и даже по отношению к святым, принадлежащим к царствующим домам. Так, в 1745 году было упразднено почитание князя Владимира Ржевского и супруги его княгини Агриппины, установленное церковью в конце семнадцатого века.⁴⁸

В исследуемом случае нет даже и надобности прибегать к такой крайности. Кто был причислен к лику святых в июне 1606 года? Этой почести удостоили младенца, тело которого было найдено в церковном склепе в Угличе с вышитым платком в одной руке и с горстью орешков в другой; останки его, перенесен-

---

⁴⁸ Голубинский. Истории канонизации святых в русской церкви, стр. 198.

ные в одну из московских церквей, творили чудеса. Именно на эти чудеса, когда подлинность их подтвердилась, указывали как на основную и существенную причину причисления к лику святых. История, не признавая таких уклонений от законов природы, все же может считать их удостоверенными в такой области, которая не подлежит ее ведению, и таким образом устраняются все трудности. Как звали причтенного к святым младенца, к какому роду он принадлежал, это не особенно важно. Его мощи исцеляли больных, и вот это надлежащим образом удостоверенное деяние послужило основанием для канонического постановления компетентных церковных властей; вот почему день празднования святого может остаться в святцах, и нет никакой необходимости, чтобы этот причтенный к лику святых чудотворец отождествлялся с тем царственным младенцем, который 15 мая 1591 года, играя в тычку, поранил себя в припадке эпилепсии.

Скажут, что это отождествление было провозглашено самим актом канонизации. Церковные власти в этом отношении действовали только по внушению манифеста, который был в то самое время обнародован царем Василием Ивановичем Шуйским и приписывал смерть царевича Дмитрия убийству, совершенному по приказанию Годунова. А ведь пятнадцать лет перед этим тот же самый Шуйский, в качестве комис-

сара – следователя – предоставил все обаяние своего имени и своего полномочия в защиту иного рассказа, в котором смерть эта приписывалась «несчастному случаю», так что не только устранялась мысль о «мученичестве», но и исключалось всякое предположение о возможности причисления жертвы к лику святых. И в самом деле, по воззрениям того времени, страдавший «черной немочью» считался бесноватым, а по всем предположениям, припадки падучей у сына Ивана IV и Марии Нагой оказываются почти достоверными; а из этого вытекает, что церкви прямо-таки полезно склониться к тому решению, какое я предлагаю; ведь вследствие него устраняется соблазнительное противоречие, несовместимое с установленным чувствованием. Во всех церковных уставах числятся тысячи безымянных святых. Признали бы еще одного, и историки спокойно могли бы беседовать промеж собой об истории.

До жития лица, причтенного к лику святых в июне 1606 года, истории нет дела; но царевич Дмитрий принадлежит ей, и его мнимое «мученичество» бесспорно вымышлено и создано легендами. По самой природе своей, легенды в своих очертаниях лишены определенности и точности. Будучи отражением пережитой действительности в народном воображении, они всегда передают и колебания этого зыбкого зеркала.

ла. Они изменяются и разлагаются до бесконечности. Джон Мерик, соотечественник Горсея, как и тот бывший агентом торговой английской компании, проживая в то время в Московии, записал рассказ, по которому Дмитрий был убит наемниками Бориса темной ночью, и убийцы в то же время подожгли город со всех четырех концов.⁴⁹ П. В. Шейн в народных песнях саратовской губернии в 1872 году встретил и другую легенду; она нам рассказывает, будто бы Дмитрий был убит одним из своих сотоварищей по игре, и убийца был не кто иной, как тот самый Гришка Отрепьев, с которым после отождествляли несчастного царевича.⁵⁰

Сами официальные документы, современные правлению Годунова и царствование Василия Шуйского, в значительной мере лишь переиначивали на свой лад разные виды одного непрерывного заблуждения. И это общее заблуждение прошло через столетия. В 1726 году один монах в Тобольской области был наказан кнутом за то, что напрасно попрекнул одного из своих собратьев, прозываемого Качановым, будто бы тот был Качалов и происходил от потомства одного из убийц царевича Дмитрия.⁵¹

А между тем в Угличе, в дом, где жили некогда Ма-

---

⁴⁹ Histoire des revolutions de Moscovie, франц. издание, стр. 176.

⁵⁰ «Русская Старина», 1874, I, 200.

⁵¹ «Русская Старина», 1883, XXXIX, 430 (статья Н. И. Барсова).

рия Нагая и ее сын, недавно устроили музей.⁵² Надо надеяться, что в стенах этого блюстителя истории, несмотря на существование раки в соборе Михаила Архангела, истина получит наконец то место, которого она достойна.⁵³ И отныне стало уже возможно выделить некоторые из ее основных положений, как достоверные. Годунов не был причастен смерти царевича, но басню, которая выдавала царевича за мертвого, распространил он; и вот, содействуя распространению этой лжи, которая помогала его политическим замыслам, он возбудил новые измышления, которые обратятся уже против нее самой.

Проследим же развитие этого злого рока.

---

⁵² «Художествен. Новости», 1889, № 16; «Сын Отечества», 1889; «Киевлянин», 1889, № 149.

⁵³ Кроме указанных источников, смотрите для этой I главы: М. Погдин, Исторические и критические отрывки, издан. 1846 г., I, 364; Белов, статья в Журн. Мин. Нар. Пр. июль – август 1873; Карамзин. История Государства Российского, X, гл. II и XII, стр. 1, прим. 2; стр. 32, прим. 97; Голубовский. Вопрос о смерти царевича Димитрия, «Исторический Вестник», 1896, декабрь; Соловьев. История России, VII, 444 и след.; Краевский, статья в энцикл. словаре, Петербург, 1836, т. VI; критика этой статьи в XIV т. того же словаря; Костомаров. Исторические монографии и исследования, XIII, 330; его же полемика с Павловым в «Русском Архиве», 1886, VIII, 593 и след., и с Беловым, «Вестник Европы», 1873, IX, 174; С. Аксаков, статья о VII томе Истории России Соловьева, «Русская Беседа», 1858, II, 24; Б—ский, статья в «Историческом Вестнике», 1891, XLIV.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новая династия

I. Кончина Феодора

Семь лет спустя наивный либо лукавый летописец⁵⁴ изображает нам, как умирает сын Грозного, и какое представлено дает он на смертном одр своим приближенным. Кроме кровавой тени, восставшей на его горизонте вследствие мрачного происшествия, которое я только что описал, царствование Феодора Ивановича продолжало быть мирным и благополучным – не было ни войн, ни новых несчастий. А между тем, все возрастающее беспокойство овладевало страной. Слабое с детства здоровье государя все ухудшалось. Всегда улыбаясь, но все более и более чуждаясь забот и обязанностей своего сана и положения, он был, казалось, уже одной ногой в другом мире, где, должно быть, надеялся вечно благовестить. А в то же время стало ясно, что он не оставит природного наследника. В 1592 году у него родилась дочь, но этот столь долгожданный ребенок спустя несколько меся-

---

⁵⁴ Bussow (Behr). *Rerum rossicarum scriptores exteri*, I.

цев умер. Ирина не дала ему другого, и теперь все было кончено – государь умирал в свою очередь. Он медленно угасал, и вместе с ним прекращался дивный и могучий род, который в течение почти восьми столетий давал России государей. Кто получит его наследство? Кто возьмет на себя бремя продолжать его дело?

На своем смертном одре Феодор не беспокоил себя столь тяжелой заботой. Забавляясь скипетром, он только спрашивал себя, в чьи руки передаст он этот жезл, который в его руках был не более, как игрушка. Склонившись к его изголовью, Ирина шептала ему на ухо имя Бориса. Но благочестивый монарх качал головой и оставался в нерешимости. Как ни близок был к престолу теперь Борис, но ввиду многочисленной материнской родни, которая за неимением более близких единокровных родственников составляла семью государя, он был не более, как временщик и чужак. Он сам в этот час скромно прятался за племянниками царицы Анастасии, окружавшими ложе умирающего.

Не имея более силы превозмочь нерешительность и сомнение и чувствуя приближение конца, царь вручил скипетр старшему из своих двоюродных братьев, Феодору Никитичу Романову. Феодор Никитич выразил глубокую благодарность, но в свою очередь скромно отклонил высокую честь и передал скипетр

своему младшему брату Александру. Минуту спустя в том же положении оказался третий брат, Иван, и он слагал с себя бремя, обращаясь к четвертому, Михаилу, который также отказывался.

Видя это, царь первый раз в жизни потерял терпение и в то мгновение, когда он готовился предстать у врат рая, совершил грех, – единственный грех, который известен.

«Пусть возьмет его, кто хочет», крикнул он гневно.

Тогда, разрывая семейный круг, приблизился один человек и мощной рукой схватил пренебрегаемую эмблему.

Это был Борис Годунов.

Сказка красива, но, на беду, это – только сказка. Феодор скончался 7-го января 1698 года,⁵⁵ и, по-видимому, и перед самой смертью он думал не более, чем при жизни, что станет с его скипетром. По свидетельству другого летописца, государь на этот вопрос, заданный патриархом Иовом, ответил: «Во всем царстве волен Бог: как ему угодно, так и будет».⁵⁶ В жизнеописании Феодора, составленном тем же Иовом, патриарх толкует по-своему эти слова, утверждая, что государь передал скипетр своей супруге Ирине. Но офи-

---

⁵⁵ Число это согласно поправке Мюллера, *Sammlung Russ. Gesch.* V, 65.

⁵⁶ Никоновская летопись, VIII, 3–4.

циальные документы – грамоты об избрании Бориса Годунова и Михаила Романова – не сохранили следа такого облечения властью. В них говорится только, что царь Феодор «оставил на престоле царицу Ирину»; простое признание положения дел *de facto* и *de jure*. Будучи действительно на престоле после смерти своего супруга, Ирина сохраняла это право вплоть до той поры, пока вопрос со свободным престолом не будет решен как-нибудь иначе. Царица была назначена занимать его временно, и, надеясь таким путем отдалить грозный срок – торопились принести ей присягу. Ирина была еще молода, она могла царствовать долго, а там будет видно.

Но Ирина, – потому ли, что она была связана обязательствами со своим братом, или ее побудили личные соображения – отказалась подчиниться этому решению, которое страдало тем недостатком, что ничего не разрушало. Таким образом созданное временное положение не могло заменить династию. Вдовствующая царица умерла для мира. На девятый день после смерти своего супруга она удалилась в Новодевичий монастырь и приняла иночество под именем Александры.

И вот страна, где воля властелина была все, осталась без хозяина. Однако тут все же было правительство. Инстинкт самосохранения заставил, долж-

но быть, членов Думы последовать примеру Польши, где на время столь частых, к несчастью, междуцарственных обязанности верховной власти исполнял архиепископ – примас королевства. И здесь патриарх был призван к исполнению той же обязанности. Но мысль, что власть непременно должна исходить от трона, так крепко укоренилась в умах, что Иов не считал возможным исполнять свои полномочия иначе, как от имени добровольно постригшейся царицы Ирины. Уже будучи монахиней, она все еще сохраняла обаяние, потому что служила еще источником и необходимым органом всей власти.

Если верить грамоте об избрании Бориса, Дума попыталась было вмешаться своей собственной властью. Дьяк Василий Щелкалов, выйдя из дворца, чтобы говорить с собравшимся перед Кремлем народом, добивался присяги «Совету из князей и бояр». Но его тотчас же прервал негодующий крик:

– Мы не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу. Да здравствует Ирина Феодоровна!

– Но царица постриглась...

– Да здравствует Борис Феодорович!

Эта манифестация подготовила будто бы избрание Бориса. Патриарх с духовенством, боярами и множеством народа отправился в Новодевичий монастырь просить Ирину благословить своего брата на царство.

Ирина не желала лучшего, но Борис наотрез отказал. Он даже не хотел и думать об этом. Такое важное дело должно было решить народное собрание из всех сословий государства. Борис требовал созвания Земского Собора.⁵⁷

Пришлось покориться этому требованию, а в ожидании собора Ирина покорно согласилась, хотя бы лишь по видимости, носить царский венец на своем клобуке.

По взглядам того времени, для вступления на престол избрание «всею землею» не было необходимым, и Борис, провозглашенный царем только московским народом, мог бы венчаться на царство. Чтобы объяснить его поведение, предполагали, что бояре хотели вручить ему власть только на некоторых условиях. В неизданных бумагах Татищева сохранилось одно свидетельство в этом духе.⁵⁸ И вот Борис нашел уместным обратиться к великому народному собранию против замыслов Боярской Думы.⁵⁹ Но, без сомнения, и само это собрание не внушало ему полного доверия: ведь в то время, пока собирали «представителей всех городов», Ирина тайно призывала к себе начальников

---

⁵⁷ Акты археографической комиссии, II, № 7; Wichmann, Sammlung, Стр. 451.

⁵⁸ Соловьев. История России, т. VIII, стр. 464, примеч. 12.

⁵⁹ Чичерин. О народном представительстве, стр. 541.

стрельцов и расточала им обещания и деньги. Борис, со своей стороны, обращаясь к монахам и нищим, к своим многочисленным искателям милостей, обычно пользовавшимся его щедротами, работал над созданием для себя вполне независимого положения.⁶⁰

II. Избрание

Собор открылся 17 февраля 1598 года. Плохо осведомленные критики оспаривали законность его решений. Бесспорно, это собрание не соответствовало тому понятию о народном представительстве, какое мы имеем теперь. В сохранившихся документах, которые, несомненно, дают сведения, относящиеся к разным временам, число участников колеблется между 457 и 502; причем, вследствие необычайно затянувшейся сессии, число наличных членов собора беспрестанно изменялось. Подсчет по спискам дал такой свод: 83 представителя от духовенства, из которых 23 принадлежали к черному духовенству; 338 принадлежат к сословию служилых людей; 21 – к разряду торговых людей и, наконец, несколько представителей от городских управлений – старосты и сотники.⁶¹

---

⁶⁰ Хронограф Румянцевского музея, № 457, и другие источники.

⁶¹ Ключевский. Состав Земских соборов, «Русская Мысль», 1890; Соловьев. История России, VIII, 5; Павлов, статья в «Отечественных За-

Словом, этот собор, как и соборы 1550 и 1566 года, был, в сущности, собранием лиц, состоявших на государственной службе.⁶² И с другой стороны, хотя некоторые историки и усиливались восстановить выборный механизм, примененный на этот раз, материал для этого воссоздания они заимствовали целиком из своей фантазии. На самом деле мы ровно ничего не знаем о том, были ли депутаты, призывавшиеся к участию в московских соборах шестнадцатого и семнадцатого века, выборными в точном смысле этого слова. Было бы крайне трудно сказать, кем они были выбраны; наиболее вероятным представляется, что они получали свои полномочия от центральной власти или от ее местных представителей. Впрочем, приверженцам русского парламентаризма нечего краснеть за эти прежние примеры и падать духом. Даже в Англии народное представительство прошло через ряд подобных воплощений, пока принцип современной его организации выяснился с идейной и формальной стороны путем медленного изнашивания первичных зачатков.

Собор 1598 года – не более как зачаток, который на-

писках», 1859, I; Беляев, Московские Унив. Известия, 1867, стр. 21; Загоскин. История русского общественного права. I, 228; Латкин. Земские Соборы. Стр. 93.

⁶² См. Waliszewski, K. Ivan le Terrible, стр. 182.

шему предубежденному взору кажется подобием карикатуры. Председатель-патриарх странно исполнял свои обязанности: предложив собранию вопрос об избрании нового царя и не выждав ответа, патриарх тотчас же объявил, что сам он и согласно с ним митрополиты, архиепископы, все духовенство, бояре, дворяне, служилые люди, купцы и, наконец, все православные христиане желают Бориса Феодоровича.⁶³

Что же могло поделывать собрание, когда его таким образом спрашивали? Оно провозгласило царем Бориса, и этим голосование было закончено.

Но бывший правитель не торопился им воспользоваться. Вступить на опустевшийся московский престол было легко. Последующие события более чем достаточно доказали это. Удержаться на нем было трудно. Мы уже видели, было подозрение насчет замысла ограничить власть избранного государя; мысль эта вскоре сама собой придет на ум некоторым из избирателей; может быть, она уже пробивалась наружу. И какое чувство должны были возбуждать народные приветствия в душах тех из них, которые, по родовой своей, скорей могли считать себя назначенными принять наследство Феодора и Рюрика! Андрей Сапега, занимавший на польско-московской границе в Орше сторожевой пост, заранее наметил трех кан-

---

⁶³ Акты археографической комиссии, II, № 7, стр. 16.

дидатов, которые могли бы нанести поражение Борису: князя Ф. И. Мстиславского, Ф. Н. Романова и Б. Бельского.⁶⁴ Это сведение подтверждается и другими источниками, которые присоединяют еще и нескольких Шуйских к этим соперникам. Среди них одно имя должно было особенно привлекать внимание Годунова и внушать ему беспокойство. Романовы были более любимы народом, чем он. Племянники Анастасии все занимали высокое положение, и уже слагалась легенда, будто покойный царь завещал свой престол одному из них – Феодору Никитичу. Андрей Сапега был заранее предуведомлен об этом; в то же время он уловил еще и другой слух: рассказывали, будто бы Борис, предусматривая возможность поражения, воспитал одного юношу, поразительно похожего на угличского царевича Дмитрия, и собирался выставить его кандидатуру в том случае, если его собственная не найдет поддержки.

Действительно, в то время существование этого двойника было, кажется, очень распространенной верой. Да сам ли Борис хранил его в запас? В очень неясном повествовании Андрей Сапега сообщает нам про ссору, которая возникла по этому поводу между Годуновым и Феодором Романовым, причем последний разгорячился до того, что далее ударил бывшего

---

⁶⁴ Archivum Domus Sapihanae, I, 176, 180.

правителя. И вот, перед тем как явиться во всем своем блеске, будущий искатель престола, который вскоре станет Лжедмитрием, некоторое время будто бы укрывался среди челяди Романовых, – и может быть, и они также помышляли припасти себе такую помощь против соперника, который легко мог стать врагом.

Но во всех гаданиях из этих указаний вполне достоверно вытекает, что в угличской драме занавес еще не опустился окончательно, что угрожающей призрак жертвы подымался уже на горизонта.

Годунов, по-видимому, весьма удачно действовал среди этих трудных обстоятельств; правда, он употреблял довольно грубые приемы, но, без сомнения, они вполне согласовались с духом и нравами его будущих подданных. Романовы были еще молодой народ; отец их, будучи при смерти, вручил их будущее всемогущему любимцу царя; они пользовались милостями под его покровительством и по своему происхождению и служебному поприщу вместе со всеми своими родными и друзьями принадлежали, понятно, к группе, представителем которой служил бывший правитель. Борис продолжал им льстить и, надо думать, с успехом противопоставлял их возникающее властолюбие властолюбию других кандидатов. С другой стороны, он продолжал свою тактику, лишь бы выгадать время. Патриарх еще раз сопровождал в Но-

водевичий монастырь, куда удалился со своей сестрой шурин Феодора, новую, более многочисленную депутацию, которая «слезно» умоляла Бориса принять бразды правления, – но Борис остался непреклонен. Прежде всего, исконные приличия требовали, чтобы он вел себя именно так. В те времена на званых пиршествах благовоспитанные гости сначала всегда отказывались от самых отменных блюд, коими их потчевали, и степень чванливости во всех подобных случаях, по заведенному обычаю, должна была соответствовать значительности предлагаемого. Даже кошевые атамань запорожских казаков и те более или менее продолжительное время заставляли просить себя принять эту должность. Вместе с тем Борис выигрывал этим драгоценное время, пользуясь которым, он сообща с Ириной продолжал свою пропаганду.

Расчет его оказался верен. Попытку убедить Бориса патриарх сделал 20-го февраля 1598 года; на следующий день, по окончании богослужения, совершенного во всех церквах столицы по случаю праздника Божией Матери, от Успенского собора с патриархом Иовом во главе двинулось необычайное шествие и направилось к местопребыванию упорствующего Бориса. За духовенством и иконами, молясь в песнопениях, плача, тяжело вздыхая, теснилась густая толпа, среди которой особенно выделялись заплаканные

женщины с грудными младенцами. Патриарх перед тем объявил, что в случае нового отказа Бориса он отлучит его от церкви, прекратит богослужение во всех церквах государства, и в то же время он сам и все епископы сложат с себя сан и облекутся в рясы простых монахов. Подобное бедствие никогда еще не постигало древнюю Московию, и надо было употребить все меры, чтобы предотвратить его. Поэтому среди других чтимых икон в этом крестном ходе несли и высокочтимую икону Владимирской Божьей Матери; по преданию, она была написана евангелистом Лукой и, привезенная из Константинополя в Киев, в 1154 году была перенесена из этого города во Владимир и затем в Москву.

Но Борис и тут сперва не смутился. Он вышел встретить шествие со столь же почитаемой иконой Смоленской Божьей Матери и с такими дерзновенными словами обратился к принесенному образу Владимирской Божьей Матери:

«О милосердная владычица, зачем такой подвиг сотворила, чудотворный свой образ воздвигла?»

Борис пал ниц перед этою иконою и, орошая землю своими слезами, продолжал свои возгласы... Потом обратился к патриарху: зачем он преследует его?

«Не я, – ответил патриарх Иов, – пришел указать тебе твой долг, а Пречистая Богородица со своим Пред-

вечным Младенцем. Покорись!»

Борис все еще оставался непоколебимым. Крестный ход вступил уже в церковь, а Борис еще не уступил; после богослужения решили обратиться к Ирине. Когда патриарх, бояре и члены Думы, проникнув в келью бывшей царицы, возобновили свою неотступную просьбу, толпа перед окнами столь же убедительно выражала свою просьбу. Если верить иностранным летописцам, – почти все они недоброжелатели Бориса, – манифестанты действовали, подчиняясь разным побуждениям, но в них не было ничего добровольного. Одни из них пришли сюда потому, что им дали денег; другие потому, что им угрожали плетьюми; сообразно с этим они и вели себя. Один русский летописец указывает нам пособников Бориса, которые из кельи управляли этим хорошо дисциплинированным хором и условными знаками поддерживали манифестацию.⁶⁵ Но этот рассказ сомнителен: ведь тот же самый повествователь указывает среди присутствующих соперников бывшего правителя, которые, конечно, обличили бы все эти хитрости. Между тем даже и Тимофеев, весьма враждебный к Годунову, не упоминает об этом.⁶⁶ Правда, в полном согласии с иностранцами, он указывает на присутствие нескольких детей, вы-

---

⁶⁵ Иное сказание. Рус. Истор. Библ., XIII, 15.

⁶⁶ Там же, XIII, 325 и след.

ставленных как бы напоказ и подстрекаемых к пронзительным крикам, – по свидетельству Пеера Пирсона, их были тысячи. Другие свидетели насчитывали их меньше, а Тимофеев доподлинно слышал всего одного, но он кричал так пронзительно, что покрывал своим криком голос всего народа. Наконец, один отрывок летописи, также русского происхождения, говорит, что манифестанты, мужчины и женщины, повинувшись грозным внушениям, мочили себе глаза слюной и, бросаясь на землю, иступленно вопили: «Да здравствует царь Борис!»⁶⁷

Желаемая цель была достигнута: Ирина в конце концов объявила, что «она уступает своего брата народу, который требует его». Борис вздыхал, плакал, еще противился, но и он позволил себя упросить.⁶⁸

Из всех многочисленных причин, побуждавших нового царя прибегнуть к такой длинной комедии, одна оставила свой след даже в покрестной записи, в той присяге, которую должны были давать при его восшествии на престол: в обещании не покушаться ни зельем, ни заговором на жизнь царя, на жизнь его жены

---

⁶⁷ Новгородская летопись, стр. 454.

⁶⁸ Кроме указанных уже источников, см. для истор. этого избрания: Загоскин. История русского общественного права. I, 227 и след.; Павлов. Об историческом значении царствования Бориса Годунова. Стр. 3—36; его же, О некоторых Земских Соборах, «Отечественные Записки», 1859 г., I, 166; Беляев. Земские Соборы в России. 1867. Стр. 21.

и его детей; не желать в цари Симеона Бекбулатовича, или кого другого, и доносить о тех, кто лелеет подобные замыслы. Ни один из предшествующих документов этого рода не содержит такое количество совсем необычных статей. Но Борис и с такими клятвами не торопился вступать на престол. Великий пост и Святую он провел со своей сестрой в монастыре и только 30 апреля торжественно въехал в Кремль.

А потом неожиданная тревога заставила его отложить венчание на царство: опять давал о себе знать Казы-Гирей со своими татарами. В июне месяце была поспешно собрана огромная армия, – несколько преувеличенно в ней насчитывают до 500 000 человек; и преемник Феодора двинулся вместе с нею в Серпухов. Однако можно было думать, что Борис не столько готовился к энергичному отпору, сколько старался привлечь к себе новых приверженцев, потому что весь царский двор сопутствовал ему; в стане Борис устраивал богатые пиршества, на которых присутствовало до 70 000 гостей. Быть может, он имел более верное мнение о том, откуда опасность грозила его отечеству. И действительно, вопреки всем слухам, хан не трогался с места; он отправил только своих послов; и, как говорят нам официальные донесения, Борис сумел придать грозный вид своим огромным военным силам и так этим поразил послов ханских, что,

представ перед ним, от страха они смутились и не могли даже произнести ни слова. С богатыми подарками и ласковыми словами Борис отправил их обратно и победителем вернулся в Москву.

Однако он не был спокоен; ему думалось, что не все еще предосторожности он принял перед тем грозным порогом, который он только что перешагнул. 1 августа, созвав бояр, приказных, служилых людей и купцов, патриарх Иов заставил их подписать новую грамоту и еще раз подтвердить свою преданность новому царю и его семье. В то же время было обнародовано соборное определение об избрании нового царя; нас поражает в нем одно утверждение: исполняя волю Ивана IV и в знак благодарности за все оказанные шурином услуги, Феодор оставил престол Борису. Впрочем, патриарх нашел уместным оправдать такое избрание царя примерами из Священного Писания и истории, – он ссылался на царя Давида и Феодосия Великого. Еще лучшим примером ему мог бы послужить Атаульф, зять Алариха, но, может быть, патриарх никогда не слыхал об этом короле вестготов.

Венчание на царство совершено было 1 сентября 1598 года; в речи, произнесенной при этом, Борис объявил, что Феодор велел своему народу избрать царем, кого он пожелает. Борис одинаково противоречил и собору и патриарху, но Иов не смутился и, от-

вечая царю, привел новое подтверждение, которое, в свою очередь, ослабляло два другие; он утверждал, что Феодор оставил трон Ирине. Вов эти три противоречивые повествования были внесены рядышком в официальные акты;⁶⁹ и любопытный факт, бросающий свет на душевный склад того времени: такое соединение, по-видимому, не поражало современников. Вероятно, этим разнообразием пытались удовлетворить раз личные чувства, и, переходя от одного впечатления к другому, медленно работающий ум не мог тотчас же заметить сопоставления, которое побудило бы его к критике. Критика предъявит свои права впоследствии. Во время венчания на царство Борис особенно привлек всеобщее внимание утверждением, что в его царствование во всем государстве не останется ни одного бедняка, — и своим обычным жестом он подчеркнул это обещание.

Бывшему правителю было тогда сорок семь лет; и едва ему перевалило за пятьдесят, все сокровища, которыми он обладал, оказались недостаточными не только для того, чтобы перестали встречаться бедняки, с которыми он так великодушно обещался делить все, «вплоть до ворота своей рубахи», но даже для того, чтобы иные из них тысячами не умирали на его

---

⁶⁹ Акты археографической комиссии, II, № 6 и 8; Акты исторические. Дополнение I, № 146; ср. Соловьев. История России, VIII, 16–17.

глазах от голода.

III. Царствование

Первое время Борис считал своим долгом исполнять данное обещание. Новое правление открывалось необычайными щедротами: служилым людям было выдано двойное жалованье; купцам на двухлетний срок даровано право беспошлинной торговли; землевладельцы освобождены на год от податей; вдовам и сиротам, русским и чужеземным, розданы деньги и съестные припасы; даже противникам жаловали должности, чины и звания. Поистине новый царь делил! Впрочем, при всем своем варварстве, он и в самом деле не был чужд великодушных побуждений, – так же, как, будучи сам безграмотен, он понимал значение образования. Вступив на престол, Борис отворил двери темниц и освободил даже и одного из Нагих, Ивана Григорьевича. Лучше Грозного, не так часто допуская нарушения, он всегда отстаивал в пользу иностранцев веротерпимость и относительную свободу. В его глазах, эти люди – с которыми еще недавно обращались как с отверженными – представляли элемент высшей культуры, и вполне искренно он желал, чтобы его родина усвоила себе этот элемент. У него зародилась мысль, если даже не план,

создать здесь целую научную организацию, учредить школы и университеты. И в то время, когда поселившиеся в Москве немцы получили разрешение свободно совершать свое богослужение, двое из них отправились приглашать ученых – Иоганн Крамер в Гамбург, а Рейнгольд Бекман в Любек. Еще будучи правителем, Борис пытался привлечь в Россию старого математика и астролога англичанина Джона Ди, предлагая ему 2 000 фунтов стерлингов ежегодного содержания.⁷⁰

Ди отказался; когда же Борис стал царем, его проекты натолкнулись на непреодолимое противодействие духовенства. И он должен был удовольствоваться тем, что к своему сыну Феодору и дочери Ксения пригласил иностранных учителей и в то же время отправил нескольких русских юношей в западные школы. К несчастью, и с этой стороны его ожидала неудача. По окончании своего образования эти русские юноши должны были вернуться в свое отечество и принести ему приобретенные сокровища науки. Но в расчете ошиблись! Шесть человек отправились во Францию; удержала ли их там несокрушимыми узами Сорбонна, или они нашли на берегах Сены дру-

---

⁷⁰ Карамзин. История Государства Российского. XI, прим. 125; Nakluyt. Collection of early voyages, I, 573; Акты исторические, II, № 34; Собрание государственных грамот и договоров, II, 71–73.

гие непреодолимые приманки, но от них не было получено никаких известий. Из пяти студентов, посланных в Любек, двое убежали от своих учителей и бесследно исчезли; что же касается их товарищей, то члены магистрата этого Ганзейского города, жалуюсь на их непослушание и леность, настоятельно просили водворить их опять на родине. В 1602 году четырех учеников доверили английскому торговому агенту Джону Мерику, который привез уже в Москву француза Жана Паркэ, юношу восемнадцати лет, и британского подданного пятнадцатилетнего Вильяма Коллера. Эти последние, действительно, совершили чудо: они изучили русский язык и, вернувшись в свое отечество, оказывали важные услуги. А попытка, сделанная в Англии с русскими подданными, дала, к сожалению, совсем другие результаты. Сначала, до 1613 года, среди разразившейся на их родине сумятицы про них позабыли; когда же собрались их вызвать, один из них, Никифор Григорьев, имел неотразимый повод не возвращаться: он принял протестантство и исполнял обязанности пастора! Что случилось с остальными, так и не удалось узнать. Этих «стипендиатов», на которых возлагалось столько надежд, было восемнадцать человек. В Москву вернулся, кажется, только один. Но и этого нельзя сказать с уверенностью.⁷¹

---

⁷¹ Арсеньев. Первые русские студенты за границей, «Исторический

Однако в этом злосчастном опыте не все пропало даром для Бориса. И как бы безуспешны ни были его попытки на этом пути, он подготавливали Европу к тому впечатлению, которое через сто лет произвели деяния Петра Великого. Товий Лонций, профессор права, писал из Гамбурга новому царю, величая его «отцом отечества». Другой ученый в Кенигсберге сравнивал его с Нумой Помпилием.⁷² И в некотором отношении Борис заслуживал этих похвал: он был предтечей. Однажды знаменитый келарь Троице-Сергиевской лавры Авраамий Палицын упрекал царя за то, что он убеждает своих приближенных бояр остричь себе бороды. Ведь это начиналась уже великая реформа. Обученный иностранцами, сын государя начертил первую карту России; и вплоть до Петра Великого это была единственная напечатанная карта, исполненная по русскому почину. Но молодому Феодору Борисовичу не суждено было следовать своим склонностям и развить уже приобретенные способности, — вскоре его унесла буря. И то же несчастье постигло все дело его отца. Борис свободно разрешил прожи-

---

Вестник», 1881 г., V, 544 и след.; Александренко, статья в Журнале Министер. Народ. Просв., 1889 г., декабрь, стр. 274. Сравн. Карамзин. История Государства Российского, XI, прим. 126; Пекарский, статьи в Записках Академии Наук XI. — Документы: Сборник Импер. рус. Историч. общ., XXXVIII, 424–430.

⁷² Панегирик, изданный в 1602 г.; рус. перев. Воронова, 1773 г.

вавшим в Москве иностранцам протестантского вероисповедания построить храм, но он не мог даровать ту же милость католикам – этого не допустило бы православное духовенство; и такое различное обращение еще долгое время было в обычае в России, обнаруживая неодинаковые чувства к инославным вероисповеданиям. К протестантскому вероисповеданию москвитянин шестнадцатого и семнадцатого столетия относился с презрением, а католичество для него было врагом. Итак, единоверцы Иоганна Крамера имели церковь, но она вскоре исчезла, – ее сожгли ратники Лжедмитрия II.⁷³

С другой стороны, Борис, будучи наследником Грозного, оказался разумным эпигоном. Считая, что в деле истребления аристократического класса, к чему стремился Иван IV, достаточно достигнуто, и пора покончить с ним, Борис старался извлечь возможно больше пользы из получившегося таким образом равенства, и, укрепляя новые основы социального здания, он пытался управлять созданием нового общества на развалинах разрушенного прошлого. Сообразно с этим планом он старался поднять города, разоренные политическими и экономически-

---

⁷³ Цветаев. Из истории иностранных исповеданий в России. Ср. Пыпин. Иностранцы в Московской России, «Вестник Европы», 1888, январь, стр. 266 и след.

ми последствиями причиныны – Курск и Воронеж, и заселить безлюдные пространства, размножившиеся вследствие этого образа правления по всему государству. Без сомнения, в этом же смысле следует толковать упомянутую выше грамоту 1601 года о восстановлении или сохранении права свободного перехода для крестьян мелких землевладельцев. Но эта мера не достигла своей цели: слишком трудно было примирить противоположность интересов в этом деле. Лица, для коих она была явно выгодна, извлекали незначительную пользу. Мелкие землевладельцы были в общем более плохими господами, чем крупные, и возможность бросить их составляла драгоценное преимущество; но еще более выгодна была бы свобода соперничества между крупными землевладельцами, потому что она повлияла бы на ценность рабочих рук и повысила бы их заработную плату. Борис, склонный покровительствовать среднему классу, и не подумал вступить на этот путь, и обиженный его законодательством высший класс отомстил ему впоследствии, обвинив его в установлении крепостного права; а крестьяне, не находя достаточной защиты, в свою очередь, в своем осуждении смешивали царя со всем классом землевладельцев.⁷⁴

---

⁷⁴ Белов. О значении русского боярства. Журнал Мин. Нар. Пр., 1886 г., март, стр. 35 и след.

Преемник Феодора был притом и дельный колонизатор. Кроме случая с Пелымом, он не подражал Грозному и его предшественникам в их диких предприятиях, когда они произвольно и насильственно переселяли с одного места на другое все население целиком. Между тем как он укреплял сначала Астрахань, потом Смоленск и опоясывал Москву новой каменной стеной, щедро дарованная свобода от податей или денежные пособия привлекали в юго-восточные степи тысячи поселенцев, которые находили себе более надежную защиту в превосходно устроенной сторожевой службе на рубеже.

Борис из-за окраин не упускал, все-таки, заботиться о населении центральных частей государства; исполняя свое обещание, он успевал бороться с бедностью и нищетой. Как только он получал известие о несчастии, пожаре, наводнении, неурожае, он торопился отправить деньги, съестные припасы, одежду и лекарства. Будучи весьма деятельным, он часто доставлял их сам, охотно переезжая с места на место и непрестанно объезжая области, где он неустанно кормил, поил, говорил речи и ласкал простой народ.

Наконец, эта вполне согласная с его характером политика, действительно, сделала из него наиболее миролюбивого по своим стремлениям и деяниям государя, какого знала когда-либо Русь. В этом отноше-

нии его задача облегчалась войной между Польшей и Швецией; начиная с 1601 года, эта война продолжалась более полувека и в конце концов должна была упрочить на севере Европы преобладающее значение России. Неприятельские действия, открытые шведами взятием Гельсингфорса и Выборга и обострившиеся еще более вследствие провозглашения в 1604 году на сейме в Норчепинге герцога Зюдерманландского Карла королем, завершились в следующем году большим сражением под Киркгольмом в окрестностях Риги, где польский гетман Ходкевич с незначительным войском, всего в 3 800 человек, разбил на голову 14 000 шведов, предводительствуемых самим королем. Это чудо совершила своим грозным натиском несравнимая польская кавалерия, которой в недалеком будущем предстояло разлить ужас в самом сердце России.

А той порой отправленный в Москву Лев Сапега, наиболее опытный из польских дипломатов, представил проект вечного мира, содержащий в себе двадцать три статьи. В сущности, дело шло о соединении обоих государств, так что предвиделось даже создание общего флота на Балтийском море! На этом поприще Борис проявил себя менее способным. Думая больше о том, как бы извлечь выгоду из распри двух наций, он прибегал к слишком явному вымога-

тельству; так, полякам он говорил, будто Карл Зюдерманландский «покоряется царю и уступает ему Эстляндию», а шведам – будто Сигизмунд ради союза с царем передает ему Ливонию. И в то же время Сапега и Татищев обменивались записанными в протоколах разговорами в таком роде:

Татищев. – Ты лжешь!

Сапега. – Ты сам лжешь, холоп! Тебе бы говорить с конюхами, которые убирают навоз, да и там найдутся более воспитанные, чем ты!

Результаты переговоров были незначительны: несмотря на все усилия, шведы не уступили Нарву, а Сапега, подписав двадцатилетнее перемирие, но отказавшись признать титул царя, «незаконно похищенный Борисом», уехал озлобленный и хвастался тем, что порвал связь Москвы с Волошским воеводой. Но некоторые указания заставляют думать, что во время своего долгого пребывания на Москве-реке (1600–1601), кроме своих посольских обязанностей, Сапега занимался такими делами, которые открывали для будущности нового царствования более грозные опасности. В одном из его донесений, представленного польскому королю, находится обстоятельно обоснованный проект войны против Московии.⁷⁵ Са-

---

⁷⁵ Чтения в обществе истории и древностей, 1861, IV, по рукописи, хранящейся в Швейцарии.

пега имел достаточно свободного времени, чтобы изучить страну и распознать непрочность создания новой династии, которая управляла ее судьбой. Вероятно, он не упустил также случая приобрести личные связи и припасти своему правительству людей, сообщавших ему полезные сведения. Впоследствии предпологали, что в его свите под чужим именем находился будущий Лжедмитрий.⁷⁶ Мнение, что последний был польской креатурой, не имеет теперь сторонников; но тем не менее в разговорах этого посла с некоторыми московскими боярами личность претендента могла упоминаться. И возможно даже, что в это время Сапега имел случай увидеть предназначенного к этому ребенка.⁷⁷

Так подготовлялось его роковое появление.

Борису не более посчастливилось с Австрией и императором Рудольфом. Тщетно старался он убедить этого государя, что польский король ведет переговоры

---

⁷⁶ Bussow (Behr), *Rerum ross. script, ext.*, I, 30; Massa, I, 77, II, 84; сравн. Hirschberg, *Dymitr Samozwaniec*, стр. 43, и Оболенский, предисловие к книге Russell. *La légende de la vie de... Démétrius*.

⁷⁷ Мы имеем дневник посольства, составленный секретарем Ильею Пельгржимовским и изданный в Гродне в 1846 г. Трембицким. См. также: Древняя Российская Вивлиофика, изд. Новиковым, т. V, часть 10, стр. 86 и след.; *Hist. Russiae Mon.*, II, № XXXI; Kognowicki, (*ycia Sapieh(w, I, 63 и след.*; Соловьев. История России, VIII, 25 и газеты того времени («*Neue Zeitung*», в Вольфенбюттельской библиотеке, и *Erklärung*, в Венских секретных архивах).

с турками, чтобы пропустить через свои земли крымского хана, замышлявшего поход против Вены. Эти пустые уловки тем более не имели успеха, что посланники царя сопровождали их разными выходками против общепринятых приличий. В 1600 году в Лондон был отправлен Григорий Иванович Микулин; находясь здесь во время восстания графа Эссекса, он выражал свою готовность защищать мечом королеву – о чем его не просили, – но отказался принять приглашение лорда-мэра, потому что не считал себя вправе уступить высшее место представителю государыни.⁷⁸

Крупным дипломатическим событием царствования было посольство Ганзейского союза, однако и оно сначала как будто принимало вид коллективного представительства от всех городов, которые входили еще в эту умирающую конфедерацию, а свелось к посылке представителей одного только города Любека. Борис придавал большое значение развитию торговых сношений. Не позволяя себя загипнотизировать, подобно Ивану IV, английским миражем, он поспешил удовлетворить просьбу Тосканского герцога, разрешив флорентийским купцам посещать Москву и русские гавани; некий Сион Луччио не замедлил воспользоваться этим, открывая путь своим соотечественникам, приезжавшим из Феррары и даже из Пап-

---

⁷⁸ Сборник Импер. Общества Русской Истории, XXXVIII, 278 и след.

ской Области.⁷⁹ Однако, не желая ради этого упускать из вида отдаленный Восток, царь в то же время возобновил попытку относительно Персии.⁸⁰ Но для Москвы Ганзейский союз все еще сохранял преобладающее значение.

Представители города Любека, вместе с протестом против условий русско-шведского договора 1595 года, принесли жалобу на обычную недобросовестность русских купцов, умело вкладывавших в бочки с салом разные посторонние предметы, чтобы увеличить их вес. Подобные приемы долго еще оставались одним из главных препятствий для развития внешней торговли этой страны. Прием, оказанный послам, сулил впереди много хорошего. После представления царю в Кремле их угостили «сто девятью» различными яствами, принесенными на золотых блюдах. Узнав об этом, Бремен, Гамбург, Росток, всего двенадцать еще остававшихся в Ганзейском союзов городов, потребовали своей доли в ожидаемых привилегиях. Любек выказал себя великодушным и сделал вид, будто желает объединить свое дело с делом этих городов, – которые, однако, отказались внести свою долю на расходы по посольству; но Москва, разрешив Любеку, наряду с голландцами и англичанами, завести

---

⁷⁹ Форстен. Балтийский вопрос, II, 57.

⁸⁰ Сугорский, статья в «Русском Вестнике», 1890 г., X.

торговые ряды в Новгороде и Пскове и совершать богослужение протестантам, не пожелала распространить эту льготу и уступку на остальные заинтересованные города, и Любек примирился с этим привилегированным положением.⁸¹

В 1604 году в Архангельск прибыли из Лондона, Амстердама и Диеппа двадцать девять английских, голландских и французских кораблей с самым разнообразным грузом: тут были жемчуг, драгоценные камни, сукна, шелковые ткани, сафьян, полотна, вина, сахар, изюм, лимоны, винные ягоды, пряности, медь, олово, свинец, порох, бумага, сельди, соль, сера, стеклянная посуда, золотая и серебряная канитель, мыло.⁸² Итак, начатая Борисом либеральная политика одержала в этой области блестящую победу. К несчастью, в то время уже его управление, подрываемое внутренними причинами, связанными с его происхождением, начинало рушиться; а с другой стороны, даже и во

---

⁸¹ Форстен, ук. соч., II, 60 и след.; BI(mcke. Berichte und Akten der Hansischen G.; Brehmer. Die H. Gesandtschaft, Hansische Geschichtsblätter, 1889, стр. 29–51; Schleker, Reisebericht der H. G., *ibid.*, 1888, стр. 32–65; Winckler, Die deutsche H. in B., главы VII–XII; Болдаков, Сборник материалов. См. также Adelung, Uebersicht, II, 186, главу, посвященную Брамбаху, автору донесения об этом посольстве, изд. несколько раз, именно: в Hansische Ghronick, I, P. «Willebrandt'a, Hamb. 1748, III, 140 и в Hist. R. Mon., дополнение, стр. 253—7.

⁸² Соловьев. История России, VIII, 53.

внешних сношениях его дипломатия потерпела такой удар, который должен был быть особенно чувствителен честолюбивому выскочке.

В 1601 году, желая произвести впечатление на Льва Сапегу, царь показал ему шведского принца, которого он предполагал выставить третьим кандидатом на шведский престол – этот предмет раздора между Карлом и Сигизмундом. Это был несчастный Густав, незаконный сын Эрика XIV и Екатерины Мандоттер; этот странствующий принц уже в течение многих лет возбуждал своими похождениями и необычайными познаниями любопытство северных стран: получив воспитание у иезуитов в Браунсберге, в Торне и в Вильне, где он добывал себе пропитание, исполняя обязанности конюха; соперник Рудольфа II в науках и алхимии; не то полоумный, не то гений, он гордился более своим прозвищем «Нового Парацельса», чем титулом королевского принца. Борис вступил в сношении с этой личностью еще при жизни Федора, по донесению Варкоча. Он приглашал Густава приехать в Москву, где ему помогут опять завоевать себе королевство, а в ожидании этого дадут великолепный удел. В то время принц-конюх умирал в Италии с голода: получив подкрепление в виде подарка, сопровождавшего письмо правителя, он поспешил ответить на столь заманчивое приглашение. Он не на-

шел возможности стать шведским королем, но, на худой конец, он получил «в кормление» Калугу и три других города. А Борис, вступивши на царство, продолжал оказывать ему свое благорасположение, задумал даже женить его на своей дочери Ксении, которая таким образом могла стать королевой.

Но тщетно! Бедной царевне судьба готовила иную, весьма горькую долю. Густав привез с собой из Данцига, где он останавливался по дороге, жену хозяина немецкой гостиницы Христофора Катера и открыто жил с этой любовницей; вскоре она подарила его детьми, и Густав катал их в карете, запряженной четверней. Тщетно пытался Борис прекратить этот скандал, а принц еще умножал свои сумасбродства и более дурные выходки; пришлось Борису признать, что он сделал плохой выбор. Ксения лишилась жениха и утратила свои надежды, а неблагодарный авантюрист был отправлен в Углич, затем в Ярославль и наконец в Кашин, где он и умер в 1607 г.⁸³

Царь решил найти для своей дочери лучшего жениха и воспользовался благосклонностью датского двора, желавшего обеспечить себе союзника в своих спорах со Швецией. И в самом деле, он действовал настолько успешно, что в сентябрь 1602 года из Копенгагена, с целью жениться на русской княжне, вы-

---

⁸³ Цветаев. Из истории брачных дел, стр. 28–31.

ехал принц Иоанн, родной брат короля Христиана IV. Но увы! Ксению не покидало горе-злосчастье. Борис, по своей привычке все делать с пышностью и широко, принимая своего будущего зятя в Москве, устраивал так часто и столь обильные пиршества, что через несколько недель этот двадцатилетний юноша скончался от несварения в желудке.⁸⁴

Спустя немного лет могила этого злосчастливого принца была разграблена и уничтожена поляками. И в довершение несчастья возникло подозрение, будто бы смерть его умышленно ускорил Борис. После угличской драмы воображение его подданных неотступно преследовали ужасные представления. А между тем отец Ксении так страстно желал найти ей супруга королевского происхождения! В следующем году он возобновил брачные переговоры с Данией, но они затянулись: в Копенгагене не думали повторить опыт.⁸⁵ Борис пытался найти жениха в Австрии, Англии и даже Грузии, но везде тщетно. Ксения оста-

---

⁸⁴ См.: брачный договор в Русской Историч. Библиот. XVI, 883; Датское донесение о путешествии молодого принца Bűschings Mag. VII, 255–298; другое донесение, издан. в Копенгагене в 1606 г. (Hertog Hansis... Keise til Rydsiand); другое еще в секретных архивах в Копенгагене; русское донесение у Müller, Sammlung R. G., V, 140–157; статья на рус. языке в «Северном Архиве», 1882, № 8 и на немец. языке St. Petersburg. Monatsschrift, 1882, № 34.

⁸⁵ Щербачев. Русская Историч. Библиот. XVI, 395.

лась в девицах, и венчанному выскочке не удалось дать своему шатающемуся трону ту поддержку, которая все более и более казалась необходимой. Ведь это ужасное и нелепое подозрение, столь жестоко отягчая достойную жалости утрату надежд, не могло не указать бывшему правителю на ту бездну, которая беспрестанно увеличивалась под головокружительным зданием его чудесной судьбы. Разверзалась мрачная пропасть, полная ужасных кошмаров и угрожающих призраков. И Борис должен был по совести сознаться, что пропасть эту создал он сам, и своими собственными руками он бессознательно увеличивал ее.

IV. Последствия угличской драмы

Вступая на престол, Борис, казалось, сам был уже во власти мрачной галлюцинации. Окружая себя с таким подозрительным избытком необычайными предосторожностями, он внушал окружающим мысль о преступлении; и при своем чрезмерном недоверии обнаруживая беспокойство и тревогу по всякому поводу, он продолжал распространять эту мысль. Он не сумел принять вид князя, уверенного в своих правах и убежденного в верности и преданности своих подданных. Борис боялся их, и эта боязнь только помогала

им оправдать его мнения о них; и столь же неизбежно он будил в них воспоминание о прежних государях, — как мало он был похож на них! — и приводил на память образ молодого князя, который, должно быть, либо погиб в Угличе, либо считался мертвым, чтоб царский любимец мог стать царем. Но в самом ли деле умер царевич?

Борис сумел снискать себе некоторую преданность своей щедростью и красноречием; но кроме черни, которую легко привлечь мелкой лестью и обычными подачками, ему вскоре нечего стало ни обещать, ни давать. А как раз в это время глубокая трещина открылась в этом формирующемся обществе, где при отсутствии всякой нравственной связи отсутствие всякого внутреннего объединения оказывалось еще более чувствительным. В моральном отношении русский человек семнадцатого столетия оставался столь же изолированным, сколь в девятом веке он был изолирован физически. В беспрестанно обостряющейся борьбе экономических и социальных интересов не приходил на помощь никакой примиряющий принцип, никакой общий идеал не смягчал материальные антагонизмы. Только одна религия могла бы сблизить таких врагов по самой природе, как ожесточенно эксплуатирующего землевладельца и безземельного крестьянина, столь же ожесточенно разоряющего своего про-

тивника; но для безграмотных, грубых и алчных священников сама религия служила только более лицемерным и столь же жестоким орудием вымогательства и притеснения.

Сравнительно мирное состояние, достигнутое Борисом при помощи временных мер, было только перемирием. Борьба должна была возобновиться; и еще свежее воспоминание о пережитых в царствование Грозного ужасах позволяло предвидеть, какова она будет. Как из своего сердца, Иван успел вырвать и из сердца своих подданных всякое чувство жалости. Бояре и крестьяне, то жертвы, то палачи, то зрители, то исполнители его кровавых оргий, стали похожи на диких зверей, которые не могли уже, увидев друг друга, не оскалить зубы. Всякое доверие, даже в самых обычных отношениях, казалось, было потеряно. Приятель, одалживая своего друга, требовал залог, в три раза превышавший стоимость ссуды, и взимал четыре процента в неделю! Грабили без стыда, выжидая поры, когда будут истреблять друг друга без пощады.

Таким образом и общество уже разрушалось, ряды его расстраивались, рассыпаясь прахом; тревожным показателем в этом отношении служило грозное и непрерывное умножение «гулящего люда» – казачества. В этом явлении, которое объясняли разными причинами, при ближайшем исследовании, невоз-

можно не распознать прямого последствия династического перелома, приготовленного в Угличе. Испытание застигло еще не окрепший организм в процессе наслоения и внутреннего слияния. Вплоть до смерти Феодора, совершалась ли эволюция или шла революция, работа эта охранялась железной оправой, которою князья из дома Калиты сумели окружить то огромное горнило, где они нагромождали и перетирали составные части сплава. Этой защитой была автократия, воля царя самодержавная, безусловная и заменяющая собой все то, что в созревших обществах сплачивает людей, мешает им броситься и истребить друг друга. Но вот эта железная оправа рушилась. Правда, царь еще был, но какого рода? Вчера еще боярин, каких были сотни, который переругивался с равными себе и дрался с ними на кулаках. Борис вводил в заблуждение, будучи правителем: тень наличного государя, хотя бы и блаженного, покрывала его, и оттого он казался великим и мощным. Но после смерти Феодора иллюзия исчезла скоро: быстро подметили, что за этим призраком деспота нет ничего. И также скоро увидели, что и в стране нет уже ничего, что представляло бы какую-либо социальную силу: ни закона, ни порядка, ни чести, ни веры, ни совести, ни здравого рассудка, – ничего! Среди общей разнузданности всех враждебных общественному строю инстинктов

осталось только смутное чувство народности; но чтобы это чувство определилось и окрепло, ему надо было пройти через испытание нашествия чужеземцев, которые оскверняли и разоряли родную страну.

По всей стране в то же время возникало казачество: когда украинские и донские казаки пришли из своих степей вслед за первым искателем престола, внезапно их наличный состав удвоился, даже утроился огромным наплывом казаков внутренних – бродяг, разбойников, людей, лишенных покровительства закона, всякого происхождения и общественного положения, разорившихся землевладельцев, беглых или промысляющих воровством крестьян, – всех тех, кто давно уже объявил войну господствующему порядку да и вообще всякого рода порядку.

Полагали, что происхождение смутного времени возможно связать с установлением крепостного права. Но здесь заблуждение очевидно. Ведь если даже и допустить, что крепостное право было установлено в эту пору, Борис явно старался улучшить до некоторой степени положение крестьян; а с другой стороны, никогда, ни в один момент в течение всего этого бурного периода крестьяне, как таковые, ни разу не поднимали знамени восстания на защиту своих особых интересов. Смута не была революционным движением какого-нибудь класса: в ней участвовали все классы;

и тот, которому Борис покровительствовал наиболее, как я уже указывал, не составлял исключения. В этом среднем элементе он видел прочную опору для социального здания, которому его мирная и миротворческая политика старалась придать твердую устойчивость и постоянство на долгие времена, и он думал, что нашел окончательную формулу для этого. Как это свойственно всем выскочкам, Борис воображал, что его возвышение до верховной власти должно было положить предел тому восходящему движению всех социальных элементов, которое его самого вознесло так высоко. Но стремление вверх продолжалось, и еще неоплотневший пластический материал отказывался принять то устойчивое положение равновесия, которое Борис затевал ему придать только в силу одного лишь принципа самодержавия, хотя, воплощаясь в лице его, принцип этот утрачивал все, что составляло его обаяние и силу.

Этому результату способствовало соседство Польши. Обе страны в своей эволюции шли в то время в противоположном направлении: между тем как в Москве, разрушив все исконные предания о свободе, Годунов ухищрялся сохранить и укрепить свой личный деспотизм, в Польше шляхта с неменьшим усердием старалась стереть последние следы власти некогда могущественных князей из династии Пя-

стов или Ягеллонов. И подданные Бориса, несмотря на строго охраняемые границы и различие интеллектуальной среды, не могли избежать заразы, а особенно в ту пору, когда пресечение древней династии в самой основе потрясло политическое здание, искусными и могущественными строителями которого были последние Рюриковичи.

И так же напрасно ответственность за грядущие события возлагали на то либо иное отдельное лицо или на отдельную группу: древнюю аристократию, которая стремилась подняться из своего упадка; новую аристократию, которая намеревалась увеличить свои недавно приобретенные преимущества; безгласных соратников Бориса, происшедших из демократического движения опричнины и заявлявших притязания на разделение власти; монахов, которые во время опричнины обогатились благодаря переходу в их руки поземельной собственности и были озлоблены тем, что охранительные меры Бориса и его колонизаторские предприятия прекратили этот их захват земли. Смута произошла не от одного какого-либо из этих элементов порознь; все они внесли в эту сумятицу свою долю властолюбия и алчности, злобы и гнева; но ни один из них не вызвал непосредственно начала смуты. Она была общим явлением политического сдвига и социального разложения.

И в ту пору, когда это явление происходило, от сознания самих русских людей ускользнули и причины его и его сущность. Объяснение, которое обыкновенно приходило на ум в этой стране наивной веры, было: это – божеское наказание. И виновный был указан: Борис обладал всею властью, и на него падала вся ответственность. Такова точка зрения летописца – «Повести 1606 года». Служа выразителем целой историко-политической литературы, он видит во внезапной смерти царского любимца и в истреблении его семьи законное искупление, которое предвещает конец народных бедствий. Но бедствия продолжают; Бог не перестает поражать. Тогда пробуждается мысль о коллективной ответственности, и мысль эта связывается с представлением необходимости борьбы на защиту истинной веры и русского отечества против ереси и нашествия чужеземцев. Исповедуются, раскаиваются в своих грехах; сражаются с поляками и всенародно оглашают те грехи, за которые развращенное и испорченное общество, действительно, заслужило столь жестокую кару. Вот существенное убеждение, истолкователем которого после многих других выступает Авраамий Палицын. Однако при окончательной отделке его произведения те места, где он его развивает, были вычеркнуты, – подобно тому, как в более близкую нам пору, в царствование Александра II, был

выпущен в общественных молитвах стих, приписывающий нашествие 1812 года подобной же причине.⁸⁶

Это пробуждение народной совести послужит залогом победоносного возрождения. Но прежде будут пролиты потоки крови; и в глазах историка ни общественное неустройство, бывшее прямой причиной этой революционной вспышки, ни последовавшее за нею исправление, подготовившее затихание смуты, нельзя считать определяющими причинами ни той, ни другой фазы национальной драмы. Это были еще только последствия. Сами по себе ни смерть Феодора, не оставившего потомства, ни восшествие на престол выскочки в лице Бориса еще недостаточны, чтобы объяснить проникновение кризиса и его продолжительность. Ведь в конце концов Русь Рюриковичей, на самом деле, сумела обойтись и без своей древней династии и приспособиться к другой, потому что эта династия даровала ей то же самое, с той лишь разницей, что Руси показалось невыносимым терпеть на престоле род бывшего временщика. Годунов или Романов – разница была еле заметна. Но в промежутке между восшествием на престол того и другого положение должно было совсем измениться. По всей видимости, упорные надежды и отчаянные попытки

---

⁸⁶ См. Кедров. А. Палицын, как писатель, «Русский Архив», 1886, XIII, 460; ср. в том же журнале 1872 г. стр. 243.

восстановить династию, взбудоражив всю страну, и возбудили в ней смятение утративших связь между собою элементов. Угличская драма своей кровавой загадкой, своими возмутительными последствиями, тем, что предполагаемый убийца получил наследство своей жертвы, – вот что возмутило народное сознание и долго поддерживало смятение, доставляя в то же время предлог и бранное поле для столкновения других менее законных интересов. Итак, чтобы стало возможным восстановить порядок и мир, прежде всего необходимо было явно убедиться в невозможности вернуться вполне к прошлому; затем, чтобы в своих тщетных усилиях создать новый порядок управления, революционные элементы исчерпали свои силы до полного истощения и изнурения; и наконец, чтобы жгучая боль иноземного нашествия побудила консервативные элементы сплотиться на какой угодно боевой клич, лишь бы он ручался за нерушимость национального достояния с его наиболее драгоценными интересами, или хотя бы с теми, которым они сами придавали наибольшую ценность. И тогда оказалось, что под властью новой династии был восстановлен в точности старый порядок. Таков удел многих революций.

А между тем именно против этого результата, осуществленного в первый раз, и поднялась эта революция! В совокупности своей она была делом двух пар-

тий, враждебных друг другу, преследующих противоположные цели, и тем не менее они оказались случайно в союзе между собой ради общей работы. Каково бы ни было происхождение первого претендента, без сомнения, он пользовался в России могущественным и аристократическим покровительством. И путь в столицу открыл ему переход на его сторону родовитых предводителей московского войска. Но мы увидим, что в его собственной армии преобладал демократический элемент – казаки. И те и другие были единодушны в своей одинаковой ненависти к Борису. Казнимая, разоряемая и уничижаемая опричной аристократия не прощала выскочек, что он продолжал этот ненавистный образ правления; и, чтобы получить наследство Грозного, она мечтала о царе из своей собственной среды, который положил бы начало образу правления, восстанавливающему ее прежние права. И наоборот, Борис, продолжая политику Грозного, не вполне удовлетворял желаниям простого народа; и вот, не имея законного наследника популярного царя, народ пришел к убеждению, что только он один способен хорошо устроить свои собственные дела.

Возмущенная России должна была, таким образом, пройти через сугубое испытание олигархии и анархии, через ужасающие бедствия, прежде чем она достигла

тихого убежища.

V. Эпоха бедствий

Уже на третий год своего царствования Борис, казалось, истощил все свои средства. Он слишком много насулил, он оказался не в силах удовлетворить всех и сдержать свое слово. Ливонцам, бежавшим из своей родины, которую оспаривали друг у друга поляки и шведы, он обещал московский рай: «Приходите! Дворян мы сделаем князьями, горожан боярами, крепостным дадим свободу. Всех я наделю землею и крестьянами. Я одену их в шелк и бархат и наполню их карманы золотом!..» Что же оставалось ему предложить своим собственным подданным? В 1600 году Богдан Бельский был послан в Борисов, чтобы там, где можно перейти Донец вброд, построить для защиты против татар крепость; в этой почетной ссылке Бельскому надо бы жить тихо и мирно, а Бельский вздумал стать царем! И почему бы ему не стать царем в Борисове, как Годунов был царем в Москве? Быть может, Бельский не удовольствовался тем, что изображал собою независимого государя, а к этой дерзости присовокупил еще более тревожные происки. Приходит на память, что при восшествии на престол Феодора на Бельского пало подозрение, будто бы он же-

лал противопоставить ему царевича Дмитрия. Он был весьма близок с Нагими. Без сомнения, он в точности был осведомлен о том, что произошло в Угличе, и, если юный князь был жив, он знал его убежище и его замыслы. Результаты следствия 1591 года были встречены всеобщим недоверием, а Богдан Бельский мог иметь особые причины для такого недоверия. Не обнаружил ли он чего-нибудь такого в Борисове? Суровость наказания, постигшего его вскоре после назначения туда, и та новая таинственность, которая окружала это проявление строгости, наводят на такое предположение. Но Борис не умел наносить удары, хотя он и прошел хорошую школу; злопамятный и мстительный, в своих возмездиях он обнаруживал нерешительность и был чересчур склонен к полумерам. «Царь Борисовский» был лишен звания, имущества и наказан кнутом. Кроме того, по некоторым известиям, Борис велел одному из своих медиков-иностранцев выщипать по волоску всю бороду у несчастного.⁸⁷ Это было либо чересчур, либо недостаточно. Борис забыл, что из противников, от которых желают избавиться, не возвращаются только мертвые. И судьбе угодно было, чтобы та рука, которая прежде всегда готова была давать, теперь была всегда под-

---

⁸⁷ Никоновская летопись, VIII, 46–47; Тимофеев. Русская Ист. Библ., XIII, 276–276. ср. Платонов. Очерки по истории смуты. 243–244.

нята, чтобы поразить.

Я упоминал выше про опалу Андрея Щелкалова. Она постигла человека, который принадлежал к тесному кругу бывшего царского любимца и, подобно ему, был креатурой Ивана IV и опричнины; и может быть, столь же таинственные причины этой опалы нельзя связывать только с теми переговорами, которые этот чересчур предприимчивый дьяк смело начал с посланником императора. Угличский выходец с того света, при появлении своем на сцене, вскоре укажет на него, как на одного из своих спасителей. За Щелкаловым пришла очередь Богдана Бельского, а за ним та же участь постигла и других. Точное время этого происшествия неизвестно; его можно отнести приблизительно к 1601 году; а между тем в это же время слуга Александра Никитича Романова, – второго из пяти сыновей знаменитого брата Анастасии, – донес, что его господин хранит у себя мешок с ядовитыми кореньями, очевидно, злоумышленно. Начались повальные аресты; они захватили в сети сразу всю семью обвиняемого, всех его друзей и привели их в застенок. В июне 1601 года состоялся приговор: старший из братьев, Феодор Романов, принужден был принять монашество под именем Филарета и был заточен в отдаленный Антониев монастырь в Сийск; жена его – Шестова, женщина бедная и низкого происхождения,

на которой его заставили жениться, чтобы унижить его род, под именем Марфы была пострижена в одном из заонежских монастырей.

Это были отец и мать будущего основателя династии, которая дала России Петра Великого.

Другие члены семьи были рассеяны по городам и селениям Сибири.⁸⁸ В маленькой церкви в Ныробе Пермской губернии благоговейно хранятся громадные цепи, в которые был закован сын Никиты – Михаил; предание говорит о его богатырском сложении, и эти печальные реликвии, кажется, готовы это подтвердить. Одна цепь, которую узник носил на шее, весит двенадцать фунтов! Из пяти братьев остались живы только двое – Филарет и Иван; в гибели остальных обвиняли Бориса. В действительности, и в этот раз он не сумел согласовать свою политику со своими природными влечениями. Приставам, которые были назначены для надзора, строго было приказано следить, чтобы ссыльные не общались ни с одной живой душой; но в то же время они должны были заботиться о безопасности жертв и даже о некотором их благосостоянии.

Если принять во внимание обстоятельства и время, Борис просто повредил успеху той меры строгости, в которой он проявил, быть может, полезную энергию,

---

⁸⁸ Акты исторические, II, 34 и след.; Никоновская летопись, VIII, 42–43.

этой мерой послабления, явно обнаруживавшей его слабость. В борьбе, которая уже начиналась, всякое снисхождение отнюдь не могло принести ему пользы, а только вред. Оно было понято как знак бессилия, его нельзя было даже применить! У него не было для этого орудий. Подчиненные Бориса, будучи воспитанниками Грозного, каким был и сам Годунов, лучше его запомнили полученные вместе уроки и невольно нарушали слишком снисходительные приказы. Пристав, следивший за Александром Романовым, получил за это выговор, но ссыльного уже не было в живых! Впрочем, весьма вероятно, что предание преувеличило ту суровость, которую терпела в ссылке семья, всегда любимая народом. Обыватели Ныроба рассказывали впоследствии, что Михаил Романов жил в землянке, его держали на хлебе и воде, а простой народ приносил ему тайком пищу и лакомства. А между тем, согласно приказу, пристав должен был давать ссыльному белый хлеб и два или три блюда из мяса и рыбы; ему отпускалась на это достаточная сумма.⁸⁹ Быть может, он откладывал определенную долю в свой карман?

---

⁸⁹ Карамзин. История Государства Российского, XI, 62 и примеч. 155. Официальные документы, относящиеся к истории этой опалы, были сокращены при издании (Акты исторические, указ. место); см. Павлов (Бичин), Правда о Лжедмитрии, «Русский Архив», 1886, VIII, 530.

Но где причина этой опалы, постигшей всю семью и целую группу людей, которые до тех пор если и не очень искренно, то, по-видимому, добросовестно связывали свою судьбу с судьбой Годунова? Очевидно, мнимая находка подозрительных кореньев у одного из них была только предлогом. Впоследствии стало известно, что в то время, когда с такой строгостью велось следствие по этому поводу, через границу бежал какой-то юноша темного происхождения и неопределенного общественного положения, чтобы на время бесследно затеряться в беспредельной дали польской или казацкой украины и затем появиться под именем царевича Дмитрия.⁹⁰ Официально этого беглого отождествляли с Гришкой Отрепьевым; однако, другие столь же официальные документы считали его особой личностью, давая понять, что он был только товарищем походов монаха-расстриги, носившего это имя, который, несомненно, проживал некоторое время среди челяди Романовых и Черкасских, заодно с ними пострадавших в 1601 году. Пребывание Льва Сапеги в Москве точно так же совпало по времени с теми мерами опалы, которые были приняты против недавних друзей, и, может быть, загадочные сношения этого посланника с разными приближенными к Борису лицами не были чужды этого события. На-

---

⁹⁰ Акты археографической комиссии, X, 46–47.

конец, следует отметить, что Мария Нагая, по свидетельству Маржерета (будущего товарища по оружию Дмитрия), в это же время была удалена из подмосковного монастыря, где ей дозволено было поселиться, в монастырь значительно более отдаленный.

Это сцепление происшествий очень знаменательно, и его следует запомнить. Оно нам поможет если и не разрешить бесспорно загадку, которой мы займемся в следующей главе, то по крайней мере исследовать ее предлагаемые решения с полным знанием дела.

Официально Романовы были наказаны за стремление «достать царство», и, быть может, в эту пору они вели двойную игру: сын Марии Нагой, воспитанный с их участием в укромном месте и тайно постриженный в монахи, мог послужить орудием для низвержения Бориса, и в то же время он пролагал бы путь другому кандидату. В самом деле, всегда была бы возможность в удобный момент объявить монашеский чин искателя престола и тем преградить ему доступ к высшей власти. Ведь, как ни честолюбив был сам Филарет, и он почувствовал всю тяжесть клобука, словно гвоздем прибитого к его голове предусмотрительной рукой – и уступил место своему сыну.⁹¹

---

⁹¹ См.: Платонов. Очерки по истории смуты. Стр. 247; Акты археографической комиссии, II, № 28, стр. 78; Собрание государственных грамот

Борис, должно быть, почуял, что ему грозит серьезная опасность, если он так жестоко преследовал своих приближенных. Ведь ему удалось оттеснить боковые ветви Рюрикова рода с помощью Романовых и их приверженцев, подобно ему бывших представителями той новой аристократии, которую приблизили к трону браки Ивана IV и Феодора. Но вот эти помощники как будто собираются оспаривать завоеванное им место. Борис был еще достаточно силен, чтобы отразить удар, но он остался одиноким; один он встретил и новые напасти: сама природа обратилась против него и отняла у него последние средства для защиты.

Всем своим подданным он обещал благосостояние, а многим даже богатство; но именно с этого 1601 года у большинства не стало хватать хлеба. Вследствие непрерывных дождей и сильного заморозка на Успение погиб весь урожай. Начался ужасный голод: родители покидали своих детей, мужья своих жен; по дорогам голодные, подобно скоту, питались травой; во рту у мертвых находили человеческий кал; озверевшие матери ели своих детей, а дети убивали и ели своих родителей! Путешественники избегали останавли-

---

и договоров, II, № 152, стр. 322; Бантыш-Каменский, статья в «Чтениях в обществе Истории и Древностей», 1861, I, 44; Болдаков, Сборник материалов, стр. 63; Русск. Истор. Библиот., XIII, 716; Костомаров. Кто был Лжедмитрий I? Стр. 41 и 48; Иконников. Новые изыскания по истории Смутного времени, стр. 72.

ваться: на постоянных дворах, ведь, легче было быть съеденным другим гостем, чем самому найти пищу. На рынках продавалось человеческое мясо! Летописец утверждает, что он был свидетелем ужасного зрелища на одной площади столицы: мать разрывала на части своего еще живого ребенка! Ногтями она отрывала куски мяса и спокойно их ела!⁹²

Чтобы прекратить бедствие, Борис сделал огромное усилие. По сообщениям Маржерета и Буссова, он раздавал ежедневно до 600 000 денег (деньга – первоначальное название копейки). Но этим он достиг только одного: уже изголодавшееся население Москвы быстро умножилось, со всех сторон сюда сбегались нищие. И в то же время, пренебрегая строгими наказаниями, которые грозили скупщикам, богатые люди, и не только какие-нибудь темные спекулянты, но и лица высокого общественного положения и чина – игумены, архимандриты, управители епископских вотчин, даже Строгановы, старались извлечь пользу из народного бедствия. Захватывая в свои руки весь наличный хлеб, они пользовались щедрою раздачею денежной милостыни по царскому указу, чтобы еще поднять и без того непомерно высокую цену. Борис понял свою ошибку и заменил денежную милостыню раздачей пищи; но хлеб все-таки давал утечку в руках

---

⁹² Peer Persson. Rer. Ross. script. ext., I, 165.

посредников, и голод все увеличивался.⁹³

Он продолжался более двух лет; не считая тех, которые получили более почетное погребение в четырехстах церквях столицы, на кладбищах было похоронено 127 000 трупов, – так насчитывает Палицын. Другие насчитывают число жертв до 500 000.⁹⁴ Поздно, слишком поздно Борис догадался из тех областей, где был избыток вследствие обильной жатвы, именно из Курской, доставить хлеб в центральные области, наиболее пострадавшие. И только урожаем 1603 года прекратил это бедствие. Но тогда появились его обычные и зловещие спутники: моровая язва и разбой. Многие господа отпускали своих крепостных, не желая или не имея возможности их кормить; в большинстве случаев они не давали им отпускных грамот, сохраняя, таким образом, право впоследствии потребовать их обратно и заставить тех, кто дал им пристанище, заплатить себе вознаграждение. Такое положение отрезало все пути: холопы толпами бродили по полям, составляли вооруженные шайки, грабили и убивали. Число бродяг увеличивала многочисленная челядь недавно сосланных бояр: обычай требовал,

---

⁹³ «Русская Старина», 1891, XI, 489–504; Платонов. Очерки по истории смуты. Стр. 256.

⁹⁴ Русск. Истор. Библ. XIII, 479; Никоновская летопись, VIII, 47–48; Карамзин. История Государства Российского. XI, примеч. 170.

чтобы вместе с господами были наказаны и слуги – они теряли право поступать на службу к другим. Многие из таких слуг обучались военному делу; они собирались в степи, пограничной с Северной областью, уже ставшей средоточием тревожного мятежного возбуждения.

Уже давно в эту Украину,⁹⁵ более близкую, чем Украина казацкая, толпами стекались беглецы всех сословий – крестьяне и дворяне, которым не удалось ужиться с московским образом правления: одних изгнало государство, другие сами почувствовали необходимость удалиться от непосредственной близости всегда мечущего грома Олимпа, где царь собирал верных себе людей. Иван IV ссылал сюда тех из приговоренных к смерти, которых ему случалось помиловать. Но по мере своего заселения эта страна, где все находили приют, теряла свою свободу. Москва постепенно распространяла свою политическую и административную систему, содействовала переселениям и, таким образом, проникла сюда и наложила свою тяжелую руку на здешних выходцев. Стараясь щадить центральные части своего государства, Борис именно для этой окраинной области наметил целый ряд менее либеральных мер; он сводился к тому, чтобы насильно вернуть некоторое число добровольных из-

---

⁹⁵ Это название обозначало все пограничные области.

гнанников на родные места, а других заставить войти в рамки общей организации и обложить их более, чем приходилось на их долю по раскладке общенародных тягот и повинностей.⁹⁶

Осенью 1603 года эти меры вызвали первое мятежное волнение. Атаман Хлопко Косолап собрал целое войско и двинулся к Москве; царь должен был выслать против него значительный отряд под предводительством воеводы Ивана Феодоровича Басманова. Битва произошла почти под стенами Москвы, победа осталась за царским войском, но воевода был убит. Тяжело раненого Хлопко взяли в плен и повесили вместе с несколькими товарищами. Однако многим из них удалось вернуться на свою Украину, и вскоре эта уже заряженная электричеством среда получила и с другой стороны страшный толчок.

Буря приближалась. Скончалась инокиня Александра; говорили, что бывшая царица Ирина не вынесла тех несчастий, которые угнетали ее родину и ее семью, что она предвидела еще худшие. Еще в 1596 году около Нижнего Новгорода на берегу Волги сползла гора, на которой был построен Печерский монастырь. В этом событии народ увидел зловещее предзнаменование: разрушение почитаемого храма было связано с пресечением национальной династии и со

---

⁹⁶ Платонов. Очерки по истории смуты. 254, 256.

вступлением на престол потомка безбожника Четы. В 1601 году ночная смена стрельцов, идя в Кремль, видела, как над царскими палатами промчалась колесница, запряженная шестерней; одетый по-польски ямщик хлестал своим бичом ограду дворца и так ужасно крикнул, что все эти стрельцы разбежались.⁹⁷

Угрожающие предостережения все учащались. Народ видел то, чего никогда еще не случалось видеть: волки пожирали друг друга! В 1604 году новое невиданное зрелище поразило жителей Москвы – по улицам бегало множество лисиц; одну из них убили около дворца; мех ее был настолько темнее всех местных видов лисиц, что какой-то купец дал за него пятьдесят рублей, словно за чернобурую сибирскую. Страшные ураганы опустошали разные места. Где перевелась вся рыба, в другом месте не видно было больше птиц. А кроме того, где-то женщина разрешилась от бремени каким-то уродом. Появилась комета такой величины, что летом, средь бела дня, ее можно было ясно видеть на небе.

Ни один астроном не отметил прохождения этой кометы и ее яркого сияния; и, без сомнения, все рассказы летописцев о тех чудесах, которые сопровождали ее появление, надо тоже приписать народному воображению. Но в мятежной уkraine, где снова уже соби-

---

⁹⁷ Костомаров. Смутное время, I, 69.

рались остатки войска атамана Хлопко, замечалось явление более реальное и более грозное: распространялось известие, что угличский царевич Дмитрий жив, что он открылся некоторым магнатам соседней Польши.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Политический кризис

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Выходец с того света

I. Появление претендента

По замечанию одного немецкого писателя,⁹⁸ претендент это – историческая разновидность человеческого рода, существование которой обусловлено стечением благоприятных моральных обстоятельств, подобно тому, как благоприятная совокупность физических элементов создает разновидности в животном мире. Они не приспособляются безразлично ко всем странам и ко всем эпохам. В иные периоды и в иных местностях они выходят словно из земли и размножаются, как грибы после дождя. В другие периоды и в других местностях они появляются единично и развиваются с трудом. Папа Климент VIII на полях донесе-

---

⁹⁸ Brückner. Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands, стр. 6.

ния от 1 ноября 1603 года, извещавшего его о появлении Дмитрия, написал: *Sara uno altro re di Portogallo resuscitato.*⁹⁹ Вполне достоверно известно, что знаменитый португальский король дон Себастиан был убит в Африке; но начиная с 1578 года многочисленные самозванцы, самовольно принимавшие его имя, были обычным явлением того времени. Королевство династии Браганцев переживало тогда ряд политических кризисов, поэтому оно сделалось излюбленным поприщем для этих авантюристов. Около того же времени, когда в Молдавии прекратилась династия Богдаников, это государство стало столь же чудесным поприщем для предприятий такого же рода; и, ожидая более крупных подвигов на более широком поприще, в них принимали участие запорожские казаки.

Какое же другое поприще могли они найти, более благоприятное, чем эта обширная Московия, так глубоко замутившаяся в то время! Все, и таинственное исчезновение последнего представителя дома Рюрика, и слабость новой династии и несчастья, угнетавшие страну, и начавшееся уже в пограничных областях брожение, – все подготовляло именно здесь на заре семнадцатого века идеальное местопребывание для всевозможных искателей приключений.

«Не вызывай волка из колка», говорит русская по-

---

⁹⁹ Pierling. *La Russie et le Saint-Siège*, III, 41.

словица. Один, правда, подозрительный свидетель сообщает, будто Борис совершил эту неосторожность. В 1598 году, когда исход борьбы за наследие Феодора казался ему еще сомнительным, он надумал приготовить на всякий случай воззвание к народу; в нем объявлялось о вступлении на престол, под именем Дмитрия, так похожего на сына Марии Нагой юноши, которого Борис хранил про запас. Один экземпляр этого документа был послан в Смоленск.¹⁰⁰ Можно сомневаться в этом свидетельстве, но все же оно дает нам назидательное указание для оценки той моральной среды, где собирались подобные новости и где им верили. По всей Смоленской земле, по соседней Северной и еще далее по берегам Дона и нижней Волги, на запад и на юг по окраине громадного государства волновались беспокойные головы и ретивые сердца; в погоне за неизвестным они чуяли волка и призывали его в своих горячих мольбах.¹⁰¹

И волк явился!

Уже в 1601 году обнаруживаются его следы, сначала в Киеве, затем у воеводы этой области князя

---

¹⁰⁰ Письмо Андрея Сапеги, Орша, 16 февраля 1598 г. *Archivum Domus Sapiehanae*, I, 177–179.

¹⁰¹ Письма Остерского старосты на польской границе, Михаила Ратомского, в Архивах ватиканских, отдел Боргезе, III, 90 B, fol. 165; Русские документы в Копенгагенских Архивах, Русская Истор. Библиот. XVI, 401.

Константина Острожского, образ которого я воспроизвел выше. В то время никто еще не знал ни имени, ни происхождения этого искателя престола. Он явился в виде молодого монаха, затерявшегося в толпе набожных богомольцев, которые стекались к чтимым святыням древнего города, или посещали соседние монастыри. Он выбрал удачно место для своего появления. Несмотря на Брестскую унию и тот раздор, какой вызвало это событие в православном мире, князь Острожский остается непреклонным защитником православия; в его обширных владениях собираются и находят убежище все жертвы этой великой религиозной войны. Князь Острожский – могущественный покровитель. Его ежегодный доход определяют в 1 200 000 флоринов. Он держит у себя до 2 000 человек челяди и шляхтичей; этим двором управляет маршалок, который получает 70 000 флоринов жалованья. Хозяин – большой хлебосол, кормит наотвал: говорят, один из слуг князя, некий Богдан, съел за завтраком жареного молочного поросенка, гуся, двух каплунов, кусок говядины, три больших хлеба, громадный сыр и, кроме того, запивал все это восемью литрами меда! И после он с нетерпением ждал обеденного часа.¹⁰²

Этот двор служил пристанищем для всех против-

---

¹⁰² Niesiecki. Herbarz, в изд. 1841 г., VII, 183.

ников Рима: православных, реформатов, кальвинистов, тринитариев, ариан. Всякий, кто ненавидел «латинскую ересь», находил здесь радушный прием. И, может быть, будущий претендент сделал именно тут первую попытку открыть себя и просил поддержки у могущественного магната? Слух об этом дошел до Кракова вместе с известием, что воевода поспешил вышвырнуть из своего замка дерзкого авантюриста. Старому патриарху православия пришлось пережить достаточно приключений, порой небезопасных, в которые бросала его, на склоне лет, та роль, которую он должен был выдержать до конца. И действительно, в своем письме к польскому королю от 3 марта 1604 года он отрицает, будто имел личные сношения с этим бродягой-монахом. Последний мог найти убежище в каком-либо из монастырей, находящихся под покровительством князя, но князю об этом не сообщили. Однако сын воеводы Януш, краковский кастелян, был в то время более осведомлен. Он указал следы странствований и последовательных превращений того, кто выдавал теперь себя за Дмитрия. Он точно знал, что этот искатель приключений довольно долгое время прожил во владениях князя Острожского, и именно в Дерманском монастыре.¹⁰³ О другой стороне, более известное продолжение этой одис-

---

¹⁰³ Pierling. *La Russie et le Saint-Siège*, III, 44–45.

сеи не позволяет предполагать, что она началась в Остроге такой унижительной неудачей. В самом деле, немного времени спустя авантюрист снова обнаруживается в Гоще, этом центре арианской пропаганды и местопребывании гаевского кастеляна Гавриила Гойского. А. ведь этот Гойский не кто иной, как столь щедро вознаграждаемый маршалок двора князя Острожского! Нельзя допустить, чтобы претендент обратился к слуге, после того как его так плохо принял хозяин. Вероятнее всего, что в Гоще, как и в Остроге, он проживал неизвестным и незамеченным. По одному свидетельству, он служил в Гоще на кухне.¹⁰⁴ Это не очень-то вероятно. Принимая во внимание те навыки и познания, которые он обнаруживал впоследствии, мы склонны предположить, что этот искатель престола более разумно распорядился своим временем. На взгляд людей, умевших ценить, на его православии всегда замечался оттенок арианской и социнианской ересей; очевидно, он учился в той школе, которая была в Гоще.¹⁰⁵ И весьма вероятно также, что он искал еще своего пути.

В 1603 году мы находим его в Брагине, у князя Ада-

---

¹⁰⁴ Barezzo-Barezzi (Possevino), стр. 6. Ср. Русская Истор. Библ., XIII, 21.

¹⁰⁵ Левицкий. Социнианство в Польше, «Киевская Старина», апрель – май 1882 г.

ма Вишневецкого. Здесь открываются перед ним более широкие горизонты. Князь Адам, этот крупный магнат, – племянник знаменитого Дмитрия Вишневецкого, злосчастного кандидата на молдавский престол, – полу-русский, полу-поляк, питомец виленских иезуитов и, однако, ревнитель православия – принадлежал к знаменитому роду кондотьеров, который утвердился по обоим берегам Днепра на окраинах двух государств и стремился за счет обеих стран выкроить себе независимое княжество. Именно в это время Вишневецкие обнаруживали лихорадочную колонизаторскую деятельность, заселяя оба берега Сулы, одного из притоков великой реки, по направлению к Снятину и Прилукам.¹⁰⁶ Но и москвитяне, в свою очередь, не дремали: они только что отобрали внезапным набегом оба эти местечка – предмет давнего спора, и враждебные отношения с той и с другой стороны не прекращались; их смягчала лишь необходимость щадить как русское, так и польское правительства.

Уже в Гоще, должно быть, незнакомец скинул свою ряску и здесь открылся. Но как он это сделал? На этот счет ходили самые разнообразные рассказы: про сцену в бане, когда Вишневецкий вспылил на небрежность прислуживавшего ему слуги, а тот остановил его словами: «Вы не знаете, кого бьете»; про действи-

---

¹⁰⁶ «Киевская Старина», 1897, III.

тельную или притворную болезнь юноши с его «предсмертной» исповедью одному монаху. Я не стану их пересказывать. Чтобы доказать истинность вырвавшегося у него признания, он показал крест – подарок своего крестного отца, князя Мстиславского, и особые приметы, подтверждавшие его знатное происхождение: бородавку на шее, красное пятно повыше правой кисти и то, что одна рука короче другой. Немного спустя среди челяди Льва Сапеги оказался московский перебежчик, некий Петрушка, известный в Польше под именем Петровского, который в былое время будто бы служил в Угличе при особе царевича. Его доставили в Брагин и хотели устроить претенденту ловушку, представив ему этого человека под другим именем. Но он не задумываясь признал Петрушку, и в то же время был признан им.¹⁰⁷

И другие источники указывают участие Сапеги в этом сенсационном выступлении;¹⁰⁸ правда, литовский канцлер после отрицал это, новее позволяет думать, что в ту пору он, действительно, был склонен если не считать претендента истинным царевичем, то по крайней мере служить его делу.¹⁰⁹ Вскоре, когда известие о нем стало распространяться, в Бра-

---

¹⁰⁷ Pierling. *La Russie et le Saint-Siège*, III, 49.

¹⁰⁸ Pierling. *Rome et Démétrius*, стр. 178.

¹⁰⁹ *Archivum Domus Sapietanae*, I, 405–406.

гин нахлынуло множество москвитян, которые, в свою очередь, убежденно заверяли, что перед ними был сын Ивана IV и Марии Нагой. Это обстоятельство, засвидетельствованное Вишневецким, не может не изумлять: трудно представить себе, чтобы эти люди через двенадцать-тринадцать лет были в состоянии узнать князя, которого они видели еще ребенком, если только они его когда-либо видели. Но, как это свидетельствует со своего наблюдательного поста остерский староста, вся окрестная земля была переполнена людьми, которые, не побывав даже в Брагине, все равно, готовы были провозгласить претендента истинным царевичем.

Сам Вишневецкий был в этом уверен или не прочь был поверить. 7 октября 1603 года он пишет коронному гетману и великому канцлеру польского государства Яну Замойскому, извещая его о событии, и просит его взять под свою защиту интересы Дмитрия.¹¹⁰ Впрочем, эта просьба могла быть вызвана теми тревожными для Вишневецкого последствиями, причиной которых уже послужило появление претендента. Скоро извещенный обо всем, Годунов попытался положить сразу конец этому предприятию: он обещал на выгодных условиях разрешить известные нам по-земельные споры, но требовал, чтобы брагинский ка-

---

¹¹⁰ Sobieski. Szkice historyczne, стр. 81.

стелян выдал покровительствуемого им юношу. Вишневецкий медлил с ответом, вследствие чего в виде предостережения о грозящих ему мерах возмездия москвитяне разорили некоторые пограничные владения. Это была уже война, и польский король для ее успешности должен был обеспечить себе средства. Но, в свою очередь, и Замойский не торопился принять то или другое решение. Он хотел, путем правильного расследования, предварительно вытеснить тайну, и с этой целью требовал присылки претендента в Краков.¹¹¹

Вишневецкий не решался пойти на это. Польша только что подписала двадцатилетнее перемирие с Москвой и продолжала вести войну со Швецией; трудно было предположить, что она предпримет еще и другую войну. И с какой целью? С целью даровать Москве законного царя, который, без сомнения, более Бориса постарается идти по следам Грозного и станет опасным соседом! Надо было по крайней мере исследовать почву и подготовить благоприятное настроение. Не желая выпустить из своих рук раз взятое под покровительство лицо, брагинский кастелян отправил в Краков донесение с кратким изложением автобиографии этого искателя престола, составленной, оче-

---

¹¹¹ Одно из писем Замойского было напечатано в *Listy (ólkiewskiego)*, стр. 129; другое находится в Архиве Замойского в Варшаве.

видно, под его диктовку; затем он стал выжидать событий.

Но Дмитрий уже нашел себе других покровителей. Адам Вишневецкий поспешил завязать сношения между претендентом и своими двоюродными братьями: Михаилом Вишневецким, овручским старостой, проживавшим за Днепром в Лубнах, куда вскоре набралось много приверженцев царевича, и Константином – ревностным католиком, который через свою жену, Урсулу Мнишек, породнился с фамилией, имевшей большое значение при краковском дворе. Действительно, это была находка! Таким путем претендент проникал в новую среду, где он мог надеяться найти для своего дела поддержку, могущественную в ином смысле. В Заложнице у Константина Вишневецкого он нашел Марину.

Но прежде, чем излагать роман, который завязался при этой встрече, я должен остановить внимание читателя на загадке, которую Замойский хотел разрешить путем расследования.

II. Загадка

И в России и за границей личность «Лжедмитрия» была предметом самых разнообразных предположений как во время его появления, так и впоследствии.

Так, из иностранцев – Буссов, наслушавшись поляков, сообщает, что «Лжедмитрий» был сыном Батория; и недавно еще один польский историк снова разработал это предположение в своей обильной документами работе, причем он опирается на некоторые черты физического сходства. Бородавка претендента сыграла значительную роль даже и в его посмертной судьбе.¹¹² Швед Видекинд слышал, с одной стороны, что родиной этого юноши была Валахия, а с другой – что он был итальянец по происхождению.¹¹³ Многие из русских людей склонны были видеть в нем поляка, но для столь же многих поляков его русская национальность не представляла никакого сомнения. Даже среди тех, кто рассматривает его как лжецаревича, иные допускают, что он мог быть вполне искренен, а среди тех, кто признает его сыном Грозного, существует неуверенность во мнениях относительно имени, которое он носил, прежде чем открылся.

В общем, однако, нам приходится разобраться в двух положениях, ставших как бы классическими в своем вековом противоречии: подлинность претендента и, согласно с грамотами Бориса, тождество его с монахом Григорием, или Гришкой Отрепьевым, при-

---

¹¹² Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, стр. 279–280. Вержбовский. Материалы к истории Моск. гос., III, стр. VII.

¹¹³ Hist. belli sueco-moscovitici, стр. 21.

надлежавшим к семье ярославских бояр. Я не позволю себе сказать, подобно одному историку, что, если претендент не был Отрепьевым, он мог быть только истинным Дмитрием,¹¹⁴ – но безусловно загадка заключается в этих двух предположениях. В своей медленной эволюции историческая критика становилась то на сторону одного, то на сторону другого предположения, но в наше время она, как будто, склоняется скорее ко второй гипотезе.

В мутных и смущающих глубинах этого спора происходит, словно встречное течение, странное возвращение к отвергнутому уже мнению. Лет двадцать тому назад один историк заявлял, что утверждение, отождествлявшее «Лжедмитрия» с Отрепьевым, окончательно осуждено и отвергнуто наукой. Он писал: «Костомаров осудил это мнение; он доказал, что оно зиждется на слишком шатких основаниях, чтобы отныне его можно было признавать в истории».¹¹⁵ Прошло двадцать лет, и тот же самый ученый, наперекор тем, кого он привлек к своему мнению, – т. е. наперекор большинству – стал решительным поборником противоположного положения.¹¹⁶ Между тем, не обнаружилось ни одного нового обстоятельства, по крайней

---

¹¹⁴ Бестужев-Рюмин. Письма о Смутном времени, стр. 48.

¹¹⁵ Pierling. Rome et Démétrius, 1878, стр. XV.

¹¹⁶ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, 1901, III, 397.

мере из тех, которые истории должна принимать к сведению. Единственный новый документ, внесенный за это время в прения, это – найденный о. Пирлингом польский подлинник письма Дмитрия к папе Клименту VIII, которое до этого времени было известно только в латинском переводе. В этом собственноручном письме специалисты¹¹⁷ единогласно признали почерк и стиль москвитянина или русского из Белоруссии. Как бы учены ни были эти выводы, мне они кажутся довольно сомнительными; когда идет речь о письме, плохо написанном на польском языке, ничего не может быть, по моему, более сходного, как приемы письма русского, который воспитывался в Польше, с письмами поляка, воспитанного в России. Во всяком случае, предполагая, что автор послан был русский, надо еще доказать, что это был именно Отрепьев. Пытались ли, по крайней мере, заново истолковать в этом смысле издавна известные документы? Нисколько! И как на войне убитыми всегда остаются одни и те же храбрецы, так и в этом споре всегда служат все одни и те же доводы; их выворачивают наизнанку и этим довольствуются. Мы не обладаем ни одним непосредственно исходящим от пре-

---

¹¹⁷ Пташицкий. Письмо первого Самозванца в «Изв. Ак. Наук». Спб. 1899. Baudouin de Courtenay. Strona j(zykowa oryginalu polskiego listu Dymitra S. etc. Краков 1899.

тендента документом, где бы он указал, каким образом избег он смерти. А между тем нам известно, что он высказывался по этому поводу. Вопреки обычаю, даже в самый день своего коронования он говорил народу речь, продолжительно рассказывая свои приключения.¹¹⁸ Эти ценные признания, должно быть, были собраны; и если всякий след их исчез из московских архивов, или нет возможности его обнаружить, тогда очевидно, что правительства, последовавшие за правлением Дмитрия, сочли уместным уничтожить неудобное им свидетельство.¹¹⁹ Так рассуждали двадцать лет тому назад. А потом все изменилось. Молчание, которое официально присвоили Дмитрию его преемники, считалось доказательством того, что он рассказал нечто такое, что оправдывало его и осуждало их; теперь оно служить свидетельством его самозванства!

Но, как я имел уже повод указать, этот спор, по крайней мере в России, стоит не на чисто научной почве. Знаменитый историк восемнадцатого века – Миллер считался сторонником отождествления Дмитрия с Отрепьевым. А между тем англичанин Кокс¹²⁰ утвер-

---

¹¹⁸ Pierling. *La Russie et le Saint-Siège*, III, 189.

¹¹⁹ Утверждение, будто бы в царствование Дмитрия не вели никаких списков официальных бумаг, кажется весьма невероятным.

¹²⁰ *Travels*, Лондон, 1802, 5-ое изд., IV, 19.

ждает, что в своих беседах с этим ученым он добился его признания в противоположном убеждении: Миллер считал «Лжедмитрия» – истинным Дмитрием. «Я не могу высказать мое убеждение в России, говорил он; но если вы прочтаете то, что я написал об этом вопросе, вы поразитесь слабостью тех доводов, которые я выдвигаю. Если вам придется, в свою очередь, высказаться по этому вопросу, не колеблясь противоречьте мне, но не выдавайте меня, пока я жив». И Миллер сообщил поводы, почему он покорно мирился с научным обманом, утверждая, что Дмитрий был обманщик. В один из своих приездов в Москву императрица Екатерина спросила его:

– Я знаю, вы не верите, что Дмитрий был самозванец. Скажите мне откровенно правду.

Миллер молчал; но на новые настойчивые вопросы государыни он, наконец, ответил:

– Вы, Ваше Величество, знаете также, что мощи истинного Дмитрия почивают в соборе Архангела Михаила и творят там чудеса.

Императрица не настаивала далее.¹²¹

Полагаю, что я уже устранил это затруднение и, следовательно, могу свободно приступить к изложению вопроса, который не будет более им затемняться. На этом поприще я имел уже предшественников даже

---

¹²¹ «Русская Старина», 1877, XVIII, 320.

и в России. Хотя граф С. Д. Шереметев еще хранит в тайне результат своих продолжительных и терпеливых исследований, и хотя его ученый друг, благодаря большей свободе печатания, которой стали пользоваться его труды, только наметил этот результат в упомянутой выше переписке, – зато периодическая печать пошла несколько далее вперед. Издатель «Нового Времени» А. С. Суворин в целом ряде статей, которые обратили на себя внимание, дерзнул пополнить пробелы между строками.¹²²

Я спешу оговориться, что в подробностях высказанные таким образом предположения – а они не более чем предположения – не кажутся очень твердо обоснованными. Нагие допустили зарезать вместо царевича мальчика, по фамилии Истомина; Дмитрий, скрытый ими в безопасном месте и принявший потом под именем Леонида монашество, в 1603 году ушел из монастыря, чтобы потребовать обратно свое наследие. Блестящий полемист «Нового Времени» воспользовался при этом работами французских невропатологов и нашел возможным даже распознать в нравственном складе и телосложении претендента все характерные признаки прирожденной эпилепсии: сочетание великодушие и жестокости, грусти и веселости, недоверия и чрезмерной доверчивости, отсут-

---

¹²² «Новое Время», 1894 г., №№ 6537 и след.

ствие истинного чутья к добру и злу, упорство в преследовании фантастических планов; затем неодинаковая длина рук, болезненная нервность и т. д.

Эпилептические припадки, которыми действительно, по-видимому, страдал сын Марии Нагой, служа как бы наследственной чертой, устанавливают, таким образом, связь между претендентом и его предполагаемым отцом и дают повод к остроумным комбинациям. Но, по всей видимости, имена Истомирин и Леонид – просто незаконный плод басни и ошибки переписчика, смешавшего вместе помещенный в одной из газет той поры (*Narratio succincta*, сохранилась в Австрии – в Венской библиотеке) рассказ о сыне некоего благородного эстонца со свидетельством синодика Макарьевского монастыря, где среди вписанных членов царствовавшего дома якобы находили и имя монаха Леонида. На самом-то деле запись эта относится к монахине, иноке Леониде; возможное дело, что это была третья жена царевича Иоанна Иоанновича.¹²³

Историческая истина, если ее вообще возможно на этом пути найти, требует менее хрупких оснований. Поскольку дело касается документов, утверждение подлинности Дмитрия зиждется все еще только на упомянутом уже донесении, где Вишневецкий высту-

---

¹²³ Щепкин, *Archiv für Slavische Philologie*, 1900, XXII, 367; Чтения в обществе Истории и Древн., 1875, III.

пил в качестве переводчика слов претендента. Это, конечно, опять-таки довольно слабая точка опоры. В том виде, в каком признание Дмитрия представлено в этом рассказе, оно кишит неправдоподобностями, неточностями и необъяснимыми умалчиваниями. Его спас пестун; предусматривая покушение на жизнь царевича, он укладывал другого ребенка в его кровать, и таким образом раз в полночь убийцы поразили эту жертву. Но следствие 1591 года утверждает, что несчастье произошло среди бела дня. Впрочем, было ли дело ночью или днем, но ведь труп-то должны же были узнать! И как звали этого предусмотрительного воспитателя? И где после этого события нашел он надежное убежище для своего питомца? Дмитрий ничего об этом не говорит.

Но, быть может, это не то, что рассказывал претендент, будучи в Брагине? В общем, донесение, отправленное Вишневецким в Краков, сводится к своего рода интервью, а пререкания между интервьюируемым и интервьюирующим – повседневное явление. К тому же мы не обладаем даже подлинником этого документа. Его первый издатель – Новаковский¹²⁴ пользовался латинским переводом, заимствованным из архивов Ватикана, куда доставил его Рангони, нунций в Польше. Но были и другие значительно разнящиеся

---

¹²⁴ (ródła do dziejów Polski, Берлин, 1841, II, 65.

от него переводы этого рассказа, а потому возникают вопросы: обладал ли сам Рангони подлинником, воспользовался ли он услугами точного переводчика.¹²⁵ Те выражения, которые употребляет Дмитрий, когда говорит о своем отце в тексте Рангони, делают точность этого документа весьма подозрительной.

Но допустим, что перевод этот несомненно точен. В совокупности, как это доказывает переписка, возникающая по поводу Дмитрия между Сигизмундом и польскими сенаторами, Рангони доставил почти что точный перевод. Предположим еще, что каким-то чудом Вишневецкий не менее точно передал слова протежируемого им юноши. Угличское следствие дает возможность угадать, при каких обстоятельствах Дмитрий был спасен, но он не мог сказать всей правды! Он не мог признаться, что поранил себя в припадке падучей болезни! Да впрочем, он, может быть, и не знал правды! Воспоминание о таком припадке и о том, что непосредственно за ним последовало, легко могло изгладиться из памяти у семилетнего ребенка и замениться какой-нибудь более или менее хитроумной басней.

---

¹²⁵ Летопись занятий археографической комиссии, X, 39; Hirschberg, статья в «Kwartalniku Historycznym», 1899, XIII, 287; Peregrinus. В поисках Дмитрия Самозванца, «Новое Время», 14 (26) апр. 1899 г. Ср. Canaye, Lettres et ambassades, II, 483 и La Blaque, Национ. Библ., франц. отдел, 4,117; 15,929; 15,967.

Но обратимся к обсуждению противоположного положения. Оно имеет своим исходным пунктом ряд грамот, обнародованных при появлении претендента правительством Бориса или внушенных им. В том числе находится и знаменитая окружная грамота патриарха Иова, с которой 14 января 1605 года он обратился к духовенству всей земли.¹²⁶ В этой грамоте он устанавливает тождество претендента с Отрепьевым таким образом. Монах, носивший это имя, бежал из Москвы; и многие свидетели, в том числе некий Венедикт и некий Степан, доложили патриарху, что они признали этого монаха на пути из Москвы в Киев, что это именно он объявился затем у князя Вишневецкого в Брагине и выдал себя там за царевича Дмитрия.

Таково официальное изложение дела. Нельзя сказать, чтобы оно было очень убедительно. Указанные свидетели не были в Брагине; они не видали бежавшего монаха с тех пор, как он принял имя Дмитрия; а как же узнали они все то, за достоверность чего они ручаются? Да впрочем, чего и стоят их показания? Ведь это – «бродяги и воры», и патриарх сам сознается в этом. А с другой стороны, кто такой Гришка Отрепьев? Сын боярский, как я уже сказал, член рода Нелидовых, один из представителей которого, Данила Борисович, получил в 1497 году прозвище Отре-

---

¹²⁶ Акты археографической комиссии, II, 28.

пьева. Гришка, или Григорий, бурно провел свою молодость. Он составлял часть челяди в доме Михаила Романова, но его прогнали за дурное поведение. Его взял к себе отец, но он несколько раз пытался убежать от отца. И когда ему грозило суровое наказание за какое-то более тяжкое преступление, он решил принять монашество в одном из монастырей Ярославской области – в Железном Борку. Затем ему удалось пристроиться в Чудовом монастыре в Москве; здесь, после двухлетнего пребывания, его стали ценить как искусного переписчика, и сам патриарх Иов, посвятив его в дьяконы, взял его к себе для услуг по письменной работе. Но этот искусный писец оказался распутником, пьяницей и вором и принужден был опять бежать. В 1593 году – этот год указывается в первых грамотах Бориса – он скрылся в Польшу, где у него возникла мысль выдать себя за царевича Дмитрия.

Сличая биографические сведения, которые сообщают официальные документы и разные повествования летописцев, находившихся под их влиянием, мы найдем некоторое различие в подробностях; в совокупности своей, однако, те черты, на которые я указал, воспроизведены почти одинаково во всех памятниках, и они внушают представление о человеке, личность которого в Москве не могла быть предметом какого-либо сомнения. Гришка был знакомым челове-

ком и как слуга Романовых и как слуга патриарха; он пользовался даже некоторой известностью, правда, не совсем достославной, но довольно широкой. Мало того, в 1593 году его первая молодость уже прошла. Если даже отвергнуть эту впоследствии исправленную дату, представляется все еще трудным установить хронологию на основании вышеизложенного жизнеописания, а еще того менее возможно согласовать его с числовыми данными биографии претендента. После 1601 года Гришка не мог служить у Михаила Романова, потому что в это время племянник царицы Анастасии разделял опалу со своей семьей. Будущий монах, должно быть, проживал в этом доме даже гораздо ранее: ведь, прежде чем бежать в Польшу, ему надо было найти время проделать все известное нам из его биографии, а это бегство можно отнести отнюдь не позже как к 1602 году – такова последняя официально установленная дата. Несколькими годами, пусть даже несколькими месяцами ранее этого последнего года он был посвящен в сан дьякона, следовательно, ему было не менее двадцати пяти лет. Ссылаются на то, что церковные уставы, требующие этого предельного возраста, не всегда соблюдались во всей строгости. Допустим это; но несколько лет монашеской жизни, – а перед тем он успел еще натворить немало проказ, – несомненно установлены био-

графией этого бездельника ко времени его выступления на сцену, которая, по предположению, была в пределах Польши; эти данные не позволяют думать, что он был тогда еще совсем юноша. А претендент – и это ни для кого не представляло никогда никакого сомнения – при своем появлении в Польше едва только вышел из юношеского возраста.¹²⁷

К этой несовместимости по возрасту прибавим еще несходства физические и моральные. В двадцать пять или тридцать лет Гришка был заведомо неотесанный, грубый человек, каким его воспитала среда монастырей и разных трущоб. А вот описание наружности претендента, как ее рисует нам в 1604 году Рангони: «Хорошо сложенный молодой человек, со смуглым цветом лица, с большой бородавкой на носу в уровень с правым глазом; его белые длинные кисти рук обнаруживают благородство его происхождения. Говорит он очень смело; его походка и манеры, действительно, носят какой-то величественный характер». И немного спустя, после своей второй встречи, Рангони писал: «Дмитрию на вид около двадцати четырех лет, он без бороды, одарен живым умом, весьма красноречив, безусловно соблюда-

---

¹²⁷ См. Акты, относящиеся к истории Западной России, IV, – заявление по этому поводу польских посланников в 1606 г. в Москве. Ср. Niemcewicz. Dzieje panowania Zygmunta III, т. II, стр. 295.

ет внешние приличия, склонен к изучению словесных наук, чрезвычайно скромн и сдержан». ¹²⁸ Буссов, настроенный к претенденту враждебно, подтверждает эту отличительную черту, когда говорит о руках и ногах «Лжедмитрия», что они обнаруживают его аристократическое происхождение. ¹²⁹

Хотя Нелидовы и вели свой род от бояр, но, обедневши и зарывшись в деревне, они в то время не принадлежали уже ни к какой аристократии. А ведь прежде, чем внушить Рангони такой лестный отзыв о себе, претендент показал уже, как непринужденно может он ухаживать за надменной дочерью воеводы и без всякого смущения предстать перед изящным и церемонным двором могущественного монарха. Вскоре ему предстояло также доказать свое умение владеть саблей и укрощать самых горячих лошадей. Наконец, он свободно говорил по-польски и знал немного латынь. Он был ловкий наездник, воин широкого размаха и почти по-европейски образованный человек. Разве Гришка обладал всеми этими преимуществами, отправляясь в Польшу? Ведь, единственной школой для него в Московии было пребывание в течение нескольких лет в Чудовом монастыре да очень непродолжительная служба у патриарха и гостеприимный

---

¹²⁸ Pierling. *La Russie et le Saint-Siège*, III, 68.

¹²⁹ *Rerum ross. script. ext.*, I, 89.

приют в украинских монастырях. Когда сам Дмитрий отправил к тому же краковскому двору в качестве своего представителя наиболее известного и опытного из своих дипломатов, каким неотесанным мужиком показался там даже такой человек, как Афанасий Власьев!

По всей видимости, плохо осведомленное о личности претендента правительство Бориса, относя сначала бегство в Польшу Гришки к 1593 году, не знало, что имеет дело с двадцатичетырехлетним молодым человеком. И вот поэтому, хотя оно долго упорствовало и, наперекор всякой правдоподобности, поддерживало неудачно придуманное повествование, отправляемые им в Польшу агенты были постепенно вынуждены более или менее открыто покинуть это недоказуемое положение. В 1604 году родной дядя Гришки, Смирнов-Отрепьев, был отправлен в Краков с официальным поручением уладить какое-то столкновение на границе, но с тайной миссией уличить своего племянника. Он добивался очной ставки; но, получив некоторые сведения, он, казалось, отнюдь не был уверен в ее результате. Говорят, будто бы он действительно утверждал, что, если бы ему доказали истинность мнимого царевича, он поспешил бы изъявить покорность сыну Ивана IV.¹³⁰

---

¹³⁰ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 94. Ср. того же автора Rome

Очная ставка не состоялась, потому что Дмитрий был уже далеко; после столь торжественного пребывания в Кракове он готовился к победоносному походу на Москву. Конечно, ему и не следовало возвращаться обратно, чтобы подвергнуть себя испытанию, которое легко могло оказаться только ловушкой: ведь ничто не обеспечивало искренности Смирного. В самом деле, поведение этого посланника казалось настолько двусмысленным, что в некоторых кругах его считали... агентом претендента!

В январе 1605 года Борис сделал новую попытку: он отправил с Постником-Огаревым письмо к польскому королю, которое все еще утверждало тожество претендента с Отрепьевым;¹³¹ конечно, оно было доставлено Сигизмунду; но перед Сенатом Огарев, кажется, заговорил другим языком. Мы знаем его речи только из сбивчивых и неясных донесений.¹³² Однако в них легко распознать умышленную двусмысленность; посланник, смущенный очевидностью иных данных, а также, может быть, повинувшись новым инструкциям, искал выхода из своего затруднительно-

---

et Démétrius, стр. 49.

¹³¹ Оболенский, Сборник, 1838, № 7.

¹³² Письмо Рангони в Архивах Ватикана; различные письма в Архивах Копенгагена. Pierling, *La Russie et le Saint-Siège*, III, 110; его же, *Rome et Démétrius*, стр. 194; Щепкин, *Archiv für sl. Ph.*, XX, 264; Болдаков, *Сборник матер.*, стр. 29 и след.

го положения, повернув в другую сторону. Он заговорил о простом крестьянине, сыне или слуг архимандритова писца, или еще о сыне какого-то сапожника, попавшего в писцы, который, прежде чем самовольно принять имя царевича Дмитрия, назывался Demetrius Rheorovitch; очевидно, что эти новые указания не имеют ничего общего с Гришкой Отрепьевым, даже и в том случае, если, как это полагали, Реорович значит Григорович, и если возможно в одном из вышеупомянутых донесений объяснить выражение «сын сапожника» смешением двух слов — *cancelarius* и *calceolarius*. К тому же, среди всех этих сбивчивых объяснений, Постник-Огарев вставил и такое замечание, что, если бы претендент и действительно был сыном Ивана IV, его незаконное рождение все равно лишало бы его права вступить на престол. А это возражение, одновременно повторенное в посланиях Бориса к императору Рудольфу,¹³³ имело значение почти что признания.

После смерти Бориса московское правительство принуждено было пойти в этом направлении еще далее. Покрестная запись сыну венчанного выскочки не упоминает уже о Гришке Отрепьеве.¹³⁴ Она просто обозначает претендента «тем, кто называет се-

---

¹³³ Болдаков. Сборник мат., стр. 61.

¹³⁴ Собрание государственных грамот и договоров, II, 196.

бя Дмитрием Ивановичем», и, по свидетельству самого претендента,¹³⁵ это двусмысленное изложение дела и побудило московское войско признать его сыном Грозного.

Наконец, Огареву в Польшу были посланы новые указы, в которых предписывалось говорить не то, что прежде; мы найдем подтверждение этого в одном из тогдашних следствий по уголовному делу, в которое замешан был и архимандрит Чудова монастыря, обвиняемый, надо думать, в том, что он помог слуге одного из своих переписчиков бежать в Польшу и выдать себя там за царевича Дмитрия. В неясных выражениях и Огарев, кажется, упомянул об этом происшествии. А ведь архимандрит этот носил имя Пафнутия, и, по другим повествованиям, он-то именно и постриг будущего претендента в монахи.¹³⁶ По крайней мере такое совпадение любопытно.

Отвергаемое или пренебрегаемое в ту пору тожество «Лжедмитрия» с Отрепьевым снова было официально принято уже только после смерти этого искателя престола, последовавшей вскоре после его торжества. В это же время избранный царем Василий Шуйский повелел причислить к лику святых младенца, убитого по приказанию Годунова, а следовательно-

---

¹³⁵ Карамзин, XI, прим. 316.

¹³⁶ Голубовский, «Исторический Вестник», 1902, V, 512 и след.

но, мученика, смерть которого пятнадцать лет тому назад он сам же приписывал несчастному случаю, приключившемуся во время припадка черной немочи. Тот же Шуйский внушил новое жизнеописание Гришки, изложенное более тщательно и более обработанным слогом. Очевидно, не удалось подыскать другого бездельника, более подходящего к роли, которую так трудно выдержать; не нашлось и другой семьи, которая тоже согласилась бы приспособиться к столь неискусному обману. Составленное таким образом повествование в своей первоначальной редакции известно под именем Извета или Челобитья Варлаама.¹³⁷ Воспроизведенное с многочисленными вариантами во множестве более поздних произведений,¹³⁸ это повествование носит общий признак всех тогдашних документов официального и официозного характера: грубая наивность выдумки и наглое утверждение явно вымышленных или легче всего приходивших в голову обстоятельств. Вот краткое изложение «Извета».

В феврале 1602 года Гришка Отрепьев бежал из Москвы; за год перед этим, будучи 14 лет от роду, он принял монашество. Той порой, я хочу именно ска-

---

¹³⁷ Извет, или Челобитье Варлаама. Акты археографической экспедиции, II, 64.

¹³⁸ Никоновская летопись, VIII, 54 и др. летоп., Русск. Ист. Библ., XIII.

зять, между этими двумя датами, он жил в одном из монастырей Ярославской области, затем в течение двух лет (sic!) проживал в Москве в Чудовом монастыре и, кроме того, более года состоял при патриархе. Официозную литературу не смущали подобные хронологические невозможности. С другой стороны, целый ряд точных и согласных между собою свидетельств¹³⁹ дает нам уверенность, что в феврале 1602 года уже прошло около двух лет, как претендент проживал в Польше. Но продолжение этого повествования вызывает в нас еще большее изумление и недоверие. Почему этот монах покинул Москву? Потому, говорят нам, что на него донесли патриарху, а затем и самому царю, что он выдает себя за царевича Дмитрия. Два года перед этим эта подробность не была известна патриарху: ведь, без сомнения, он не преминул бы упомянуть о ней в известной нам грамоте. Но мы можем сделать другое более веское возражение: как это не забрали Отрепьева, виновного в столь тяжком преступлении? Нам отвечают: по небрежности одного дьяка приказ привлечь его к ответу не был приведен в исполнение. Упущение во всяком случае изумительное. Но вернемся к повествованию. Итак, в феврале 1602 года, в понедельник на второй неделе

---

¹³⁹ Hist. Russ. Mon. Suppl. стр. 410; Собрание государственных грамот и договоров, II, №№ 76, 79, 152; Lubienski. Opera posthuma, стр. 155.

великого поста – и официальные летописцы заботятся также о точности! – в Москве на Варварском крестце, монах Пафнутьева Боровского монастыря, – автор первоначального повествования – Варлаам Яцкий, встретил другого монаха. Это был не кто иной, как Гришка Отрепьев; в то время, когда его могли схватить по обвинению в государственном преступлении, он пригласил Варлаама сопровождать его в Киев, откуда они вместе могли бы предпринять паломничество в Иерусалим. Варлаам согласился, и монахи решили сойтись завтра же, но в другом месте; здесь они встретили третьего спутника, Михаила Повадина, в монашестве Мисаила, которого Варлаам знал еще у князя И. И. Шуйского. Втроем они отправились в путь. В Киеве их гостеприимно приняли в Печерском монастыре, и они прожили здесь три недели; затем странники пошли в Острог, откуда князь послал их в Троицкий Дерманский монастырь. Но в ту пору Отрепьев покинул своих друзей и бежал в Гощу; здесь он скоро снял свое монашеское облачение, а в следующую весну исчез оттуда бесследно. Варлаам поспешил в Острог, чтобы принести на убежавшего жалобу; но ему ответили, что Польша страна свободы, что здесь нельзя мешать странникам идти куда им угодно. Впоследствии неукротимый челобитчик не побоялся последовать за своим прежним спутником до самого

Самбора к Мнишекам. За такое непомерное рвение он чуть было не поплатился жизнью; но, каким-то чудом избежав смерти, он все-таки не утерпел и подал свое сообщение самому польскому королю. Его вы проводили, и вплоть до того дня, пока восшествие на престол Шуйского не развязало ему язык, он принужден был молча присутствовать при торжестве самозванца.

О. Пирлинг, присоединяясь неожиданно к утверждению тождества претендента с Гришкой Отрепьевым, был поражен совпадением, что и в этом повествовании и в рассказе самого «Лжедмитрия» были указаны одни и те же три места остановки, которые прерывали странствование бродяг-монахов – Острог, Гоцца, Брагин. Но, чтобы извлечь какой-нибудь довод из этого совпадения, надо последовать примеру этого выдающегося историка и предположить, что Варлаам, писавшей в 1606 году, уже после своего пребывания в Самборе и в Кракове, где все, конечно, наизусть знали рассказ претендента, – ровно ничего не знал о нем. Мало того, если в Остроге у претендента, действительно, был товарищ монах по имени Варлаам, который впоследствии чуть было не погиб в Самборе, ничто еще не доказывает, что именно он был сочинителем пресловутого «Извета». Это даже совсем невероятно. Как это доказал Платонов, сочинение это бы-

ло составлено значительно раньше, чем обыкновенно предполагали, не в конце 1606 года, а самое позднее летом. Дмитрий был убит в мае месяце того же года. Во время его смерти бывший его товарищ, должно быть, был далеко от Москвы, даже очень далеко. ведь, нет никаких следов, чтобы после своих распрей с претендентом, который восторжествовал, этот обличитель отважился приблизиться к столице. Каким же образом мог он очутиться тут так кстати и вручить Василию Шуйскому этот новый извет? Официально считается, что «Извет» его был подан новому царю в мае, через несколько дней после его восшествия на престол.

Легко можно согласиться с Платоновым, что «Извет» носит все признаки басни. И случайная встреча на Варварском крестце, и внезапное согласие Варлаама на странствование, о котором он и не помышлял, и присоединение третьего монаха, – все это явно писательский вымысел. И вымысел этот оказывается не всегда удачным. В Самборе Варлаама обвинили в том, что вместе с боярским сыном Яковом Пыхачевым он был подослан Борисом Годуновым, чтобы убить претендента. «Лжедмитрий» велел казнить Пыхачева, но пощадил его предполагаемого соучастника, которого впоследствии выпустила на свободу невеста претендента.

Этот роман, отличающийся скудостью воображения, сложен из отдельных кусков и отрывков, из заимствований у разных сказаний и из грамот самого Дмитрия.¹⁴⁰ И отрывки эти плохо согласованы между собой: так, из Москвы отправилось в путь трое монахов, а в Киев архимандрит Печерского монастыря Елисей насчитывает их уже четверо! Не спевшись между собой, сочинители не сговорились к тому же и с патриархом Иовом. По свидетельству Иова, после целого ряда приключений Гришка Отрепьев поступил в холопы в дом одного из Романовых, а эти летописцы утверждают, что, покинув четырнадцать лет родительский дом, он немедленно принял монашество. Впрочем, нетрудно объяснить эти противоречия: в 1605 году Иов еще не знал, что претендент был совсем юноша, а в 1606 году, стараясь исправить этот недосмотр, официозные повествователи ударились в другую крайность – ведь, по их расчету выходит, что «Лжедмитрию» во время появления его у Вишневецких было всего только семнадцать лет! Иов упоминает еще о пребывании Гришки Отрепьева в Запорожье, откуда пытался его вернуть архимандрит Елисей. Автор Извета отрицает это путешествие и обвиняет Елисея в покровительстве претенденту.

Мы находимся в каком-то лабиринте противоречи-

---

¹⁴⁰ См. Бередников. Журнал М. Нар. Пр. 1835, VII, 119.

вых и недопустимых утверждений, и нам не поможет выбраться из них находка, сделанная на Волыни, в Загоровской монастырской библиотеке. Найдена книга со следующей надписью: «Пожалована князем Константином Острожским в августе 1602 года монахам Григорию, Варлааму и Мисаилу», и тут же добавлена заметка, что Григорий – не кто иной, как царевич Дмитрий.¹⁴¹ Надпись и заметка писаны не рукой претендента, и сочинитель их пока неизвестен.

За неимением других средств, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться к исторической вероятности, мы вынуждены пользоваться указаниями, которые нам дают – грамота Иова, Извет, приписываемый Варлааму, совокупность легендарных сказаний, примыкающих к этим двум первым свидетельствам, и, наконец, изданные правительствами Бориса и Шуйского официальные документы; вот крайне сомнительные данные, из которых приходится делать приблизительно вероятные, правдоподобные выводы.

В Галичском уезде Ярославской области существовала древняя фамилия Нелидовых-Отрепьевых, захудалых и обедневших мелкопоместных дворян. Один из них, Богдан, имел сына Георгия, по-русски Георгия (уменьшительное имя – Гришка). Отец отправил его в Москву для обучения грамоте и письму; юно-

---

¹⁴¹ Записки С.-Петербургского Археологич. Общества, VIII, 12.

ша оказался очень способным, но быстро развратился. Когда его прогнал из своего дома один из братьев Романовых, а затем и князь Черкасский, он принял монашество под именем Григория (уменьшительное – Гришка), – обычай требовал, чтобы имя монаха начиналось с той же буквы, как и имя, которое он носил в миру. Григорий быстро подвигается в чинах, его посвящают в дьяконы; как отличный переписчик, он поступает сначала к архимандриту Пафнутию, а затем и к самому патриарху Иову, – но он по-прежнему остается негодяем. Впрочем, не мешает усомниться в тех неблагоприятных сведениях, которые у нас имеются о нем, потому что по большей части они исходят из памятников памфлетического характера и, к тому же, заинтересованных в том, чтобы очернить этого козла отпущения. Может быть, кое-что следует урезать в них?

Таков один из героев драмы, а вот и другой. Историки, наиболее упорно отстаивающие тождество претендента с Отрепьевым, не могли устоять против очевидности весьма явного раздвоения этой личности; тщетно они усиливались сочетать в одном лице безусловно непримиримые черты наружности и данные биографии. Они придумывали самые необычайные комбинации, чтобы привести к единству эту неустрашимую двойственность, но постоянно видели двух От-

репьевых. Эта двойственность принуждает нас допустить, что в этом деле участвовало двое монахов, совсем разных монахов, подобно тому, как у Петрарки было двое учеников – Иоанн Конверсан и Иоанн Мальпагино, которых долгое время смешивали под именем Джованни де Равенна.

В каком-то месте, которого нельзя в точности определить, может быть, в том же самом Галичском уезде, около того же времени оказался мальчик неизвестного происхождения. Его отвезли в Москву или, что еще вероятнее, в какую-нибудь из местностей на севере; здесь он встретил основателя Вятского монастыря, святого Трифона, который вопреки всем уставам церкви постриг его, четырнадцатилетнего, в монахи. Такая поспешность как будто указывает, что этого требовали настоятельные побуждения. Молодой монах переходит из одного монастыря в другой, но нигде не остается очень долго; это дает повод опять думать, что он спасается от какой-то опасности или старается замести свой след, и что у него есть могущественные покровители, которые помогают ему в столь юном возрасте так легко переходить с места на место и встречать везде радушный прием. Некоторое время он проживает в Чудовом монастыре в Москве; затем скрывается и снова начинает вести свою бродячую жизнь. В Чудовом монастыре он был келейни-

ком дьякона Григория; с прибытием этого странствующего монаха среди братии тотчас началось волнение. Согласно одному из первых повествований, предметом которого был претендент, Григорий в это время был занят собиранием сведений о смерти царевича Дмитрия. Что бы там ни думал об этом летописец, дьякон, принимаясь за этот труд, не мог не иметь в виду своего келейника, возраст которого соответствовал возрасту сына Марии Нагой. Немного времени спустя скрывается, в свою очередь, и Григорий; он достигает польской границы и в Киеве встречает своего товарища по келье.

Правительство Бориса было уже встревожено тем, что происходило в Чудовом монастыре. Теперь оно почувствовало еще большее беспокойство и, не имея возможности наложить свою руку на двух главных виновников, выместило свою досаду на архимандрите Пафнутии и сослало его на Белоозеро. Но беглецы уже начали действовать: Григорий, или Гришка, посетил Запорожье, – следы его посещения сохранились в шайке атамана Герасима Евангелика; потом он появляется у донских казаков; а товарищ его отправляется сначала в Острог, затем в Гощу, чтобы поучиться, и, наконец, в Брагин, где он начинает свое поприще искателя престола.

Во время их совместного пребывания в Киеве об-

наруживается имя келейника. Один летописец упоминает о монахе Леониде, спутнике Гришки; а с другой стороны, Шуйский утверждает, что, начиная выдавать себя за царевича Дмитрия, Гришка уступил свое имя монаху Леониду, и тот согласился на такую замену.

Остается выяснить, кто такой был этот Леонид: быть может, самозванец, подготовленный в Московии к той роли, которую он столь блестяще должен был исполнить? Это совсем невероятно. Чтобы такая подготовка шла успешно, надо было обладать таким знанием людей и обстоятельств, какого не было во всем государстве Бориса. К тому же, этот самозванец мог быть только сознательным; ведь почти восьмилетний ребенок, которому Дмитрий, умирая в этом возрасте, завещал свою роль, уже сознает свою личность, хотя и не может сохранить точного воспоминания обо всем, что с ним происходило. А вся история претендента противоречит такому предположению. С начала до конца он проявлял слишком большую веру в свое предназначение и в свои права, слишком полную свободу в своих действиях. В нем не было ничего лицедейского.

Предполагали даже, что Леонид был, пожалуй, или один из незаконных сыновей Грозного, или ребенок одной из супруг этого государя. Насильно постриженные в монахины шесть или семь жен Ивана IV вели,

конечно, в монастырях жизнь не строже той, образец которой, спустя целое столетие, оставила нам тоже постриженная первая супруга Петра Великого, Евдокия Лопухина. В смутное время появилось много истинных или мнимых царевичей, которые ссылались на такое происхождение. В одной из своих грамот второй Лжедмитрий насчитал их одиннадцать! Но свидетельству одного из самых ученых иконографов – Ровинского, претендент был похож на Ивана IV в старости. Но имеют ли какое-нибудь значение портреты того и другого, которыми мы обладаем? Один историк, рассматривая портрет «Лжедмитрия» – произведение Луки Килиана, – вынес такое впечатление, что «никому не пришло бы в голову дать займы человеку с таким скверным лицом».¹⁴² Как же так? Разве Московия не повергла к стопам его все свои сокровища и не отдала свою судьбу в руки этого разбойника! А Килиан и не видал никогда своей модели.

Говорили, будто отцом претендента был князь Мстиславский; поводом для такого обвинения наобум послужил предьявленный «Лжедмитрием» крест и предание, согласно которому этот потомок Гедимины, сосланный Иваном IV, дал ему у себя приют в Польше. Но никто из Мстиславских не был никогда в Польше, а князь Иван Феодорович, сосланный в 1585

---

¹⁴² Костомаров, «Русская Старина», 1876, XV, 5.

году, умер спустя год в Кириллово-Белозерском монастыре.¹⁴³

Претендент был не Гришка Отрепьев; теперь, как и двадцать лет тому назад, история придерживается этого взгляда; и в глазах всех тех, кто видел истинного дьякона-расстригу в самом стане Дмитрия, он не мог возбудить никакого сомнения. Ведь претендент не отказался от этой другой очной ставки. На пути в Москву он призвал неисправимого бродягу в Путивль, водил его с собой и всем показывал. Предполагали, будто для этой роли он подыскал другого монаха, и что уже в Киеве Гришка велел одному из своих спутников принять имя Отрепьева.¹⁴⁴ Как будто он мог давать приказания в то время! Но от самого Путивля Гришка следовал за победоносным претендентом в Москву. Разве там возможно было не разглядеть подмены, если она действительно была? По-прежнему негодяй, этот бывший слуга Романовых скоро дает повод для его удаления из столицы; но куда же отправляет его претендент, который стал теперь царем? В Ярославль, — значит, в ту местность, где опять-таки все могли отличить истинного Отрепьева от ложного.

---

¹⁴³ Карамзин. История Государства Российского, XI, 178.

¹⁴⁴ Карамзин, XI, II, 75. Платонов. Древнер. пов. и сказ., стр. 36. Карамзин был введен в заблуждение ошибочной вставкой в тексте, которую он принял к сведению.

Что касается остального, то там нет ничего достоверного. Нам остается делать только предположения; некоторые я указал уже, а другие еще более выделятся из продолжения моего повествования. Исследуя вопрос о личности претендента и также о его таинственных покровителях, которых он находил до своего появления в Польше, мы должны довольствоваться одними предположениями. Поляки и иезуиты, столь долго обвиняемые в этом покровительстве, в общем стоят теперь вне подозрения даже и в России; и, как мы увидим, на это есть основание. Сам претендент указал, между другими, дьяков Щелкаловых, которые спасли его от смерти; а Лжедмитрий второй назвал Василия Щелкалова, Бельского и Клешнина. Те же самые имена находятся в рассказе английского посланника Томаса Смита. В 1591 году всезнающий и могущественный дьяк Андрей Щелкалов еще пользовался благоволением Бориса Годунова. И можно допустить, что они заодно сговорились либо удалить и в надежном месте хранить стоящего поперек дороги царевича, либо подменить его и держать в запасе другого претендента. Но можно предположить также, что, беспокоясь уже за свое будущее и питая вражду к Борису, столь ясно обнаруженную в его тайных сношениях с посланником венского двора, — дьяк действовал самостоятельно. После своей опалы, последовавшей в

1594 году, не обладая уже достаточной силой, он решил постричь покровительствуемого юношу в монахи, чтобы легче было укрывать его, несмотря даже на опасность, что кандидатом на трон придется уже выставить только расстригу.

Но, может быть, все это только химерические предположения, подобно измышленному некоторыми историками соглашению, будто бы заключенному в самом Угличе между Нагими и Шуйским – в качестве представителя удельных князей из дома Рюрика. Странное соглашение, которое для родственников царевича кончилось тюрьмой, застенком и ссылкой!

В конце концов возможно, что Шуйские, которые с досадой переносили торжество Годунова и крушение своих честолюбивых стремлений, вошли в соглашение с Романовыми – и на такой жгучей почве тогда удобнее строить более основательные предположения. Монастырь Железный Борк, который сыграл такую большую роль в истории истинного или мнимого Дмитрия, находился недалеко от Домнина, вотчины Шестовых. Мы знаем, что Феодора Романова, будущего патриарха Филарета, принудили взять себе жену из этой семьи. Гришка – этот вероятный спутник Дмитрия, если сам он не был Дмитрием – служил у одного из Романовых, и бегство претендента в Польшу хронологически совпадает с опалой Романовых и

Бельского, одного из предполагаемых покровителей Дмитрия. С другой стороны, Мисаил Повадин и Варлаам – эти два спутника Гришки в его паломничестве в Киев – были вхожи в дом Шуйских. Кто-то из членов, должно быть, венецианской колонии, основанной в конце шестнадцатого века вблизи Архангельского порта, сообщал оттуда 4 июля 1605 года в письме, сохранившемся в архивах Флоренции,¹⁴⁵ что, предугадывая намерения Годунова, «вельможи страны» нашли возможность укрыть в надежное место младшего сына Грозного.¹⁴⁶

Федор Романов, заключенный в 1602 году в темницу, желал для своей жены и детей только скорой смерти; он говорил, что не желает заботиться ни о чем другом, кроме спасения своей души. Но в 1605 году, когда претендент вступил в Московское государство во главе своего победоносного войска, невольный монах внезапно изменяет свои речи и свое поведение. Он выгоняет своего собрата по келье – Иринарха, приставленного к нему для надзора, угрожая избить его посохом; он не желает соблюдать «монастырского чина»; постоянно смеется, но никто не знает причины

---

¹⁴⁵ Русск. Истор. Библ, VIII, 63. Раньше оно было напечатано в Viaggidi Moskovia, Viterbo, 1658.

¹⁴⁶ См. Успенский, Журнал. Мин. Нар. Пр., октябрь, 1884, стр. 326. Adelung. Uebersicht, II, 163.

его смеха; он говорит, что вернется к прежней жизни; он собирается скоро отыскать своих соколов и гончих собак. Монахи пытаются увещевать его, а он возмущается, ругает их и кричит: «Вы увидите, каков я вперед буду!»¹⁴⁷

В этом заключаются важные указания, которым не хватает, может быть, только подтверждения некоторых уничтоженных или слишком хорошо спрятанных документов. И, если они не подверглись уничтожению, без сомнения, уже недалек тот день, когда не побоятся их обнародовать. Нечего опасаться, будто от этого потерпят ущерб достойные уважения интересы. Допуская даже, что Романовы были причастны к этой интриге, которая создала претендента, их соучастниками было все или почти что все Московское государство. И можно сказать, что более или менее деятельно в ней принимали участие все сословия общества. Демократические элементы, духовенство и дьяки, соединялись тут с низшими дворянскими слоями через Отрепьевых и Повадиных, с высшими — через Романовых и Бельских и, наконец, с древнейшими аристократическими родами — через Шуйских; в этом обширном заговоре, внушенном отвращением и ненавистью, они объединяли всех недовольных, всю безыменную толпу ссыльных и беглых, которых

---

¹⁴⁷ Акты исторические, II, 38, 61, 54, 64.

Палицын насчитывает в Польше и Украине до двадцати тысяч; наконец, они возмущали массы простого народа, среди которого уже волновалось казачество. И в то же время целая сеть монастырей, которой уже была покрыта страна, давая приют и тем и другим, давая убежище опальным, находившимся в бегах, осужденным на изгнание и просто бродягам, благоприятствовала заговору и поддерживала возбуждение в безмолвном сумраке той подпольной России, которая и теперь еще укрывает столько тайн.

И было бы безумной смелостью пытаться точно определить действительную долю участия каждого из этих элементов в подготовке мятежного восстания, разросшегося в революцию, для которого претендент – кто бы он ни был – послужил только предлогом. Находясь в ссылке в 1601 году, Феодор и Василий Романовы открыто обвиняли бояр, что они были причиной их гибели.¹⁴⁸ Вот почему на них можно было смотреть только как на невольных соучастников восстания, отчасти вызванного их опалой.¹⁴⁹ Цель, которую преследовали и с той и с другой стороны, в равной мере остается неясной. Для Романовых и их друзей претендент, быть может, был только орудием, чтобы свергнуть Годунова. Если бы это совершилось,

---

¹⁴⁸ Акты исторические, II, 38, 41, 51.

¹⁴⁹ Белов, Журнал Мин. Нар. Просв., август 1873 г.

у них оставалась возможность устранить это оружие: для этого стоило только разгласить, что он расстрига; и действительно, они не преминули это сделать. Но если Дмитрий был самозванец, разве вдохновители этого самозванства не имели возможности разгласить об этом в подходящее время и подтвердить это неопровержимо вопреки всевозможным возражениям? А между тем они даже не попытались сделать это, как мы увидим! И это служит одним из самых решительных доводов в пользу подлинности «Лжедмитрия»; но у меня будет повод указать и другие основания.

Что касается доводов в пользу противного мнения, по правде сказать, они сводятся к очень немногому. После свидетельства Варлаама не более убедительно и свидетельство князя Катырева-Ростовского, составителя тоже весьма запутанного повествования.¹⁵⁰ Один из подписавших избирательную грамоту Годунова и шурина царя Михаила Романова, этот летописец не мог уклониться и не признать тождества претендента с Отрепьевым. Вот пример его доказательств: достигнув трона, Дмитрий заточил в монастырь патриарха Иова, у которого служил Гришка; значит, он боялся, что патриарх узнает его. Но разве у Дмитрия,

---

¹⁵⁰ Находится в одном из хронографов, изданных Поповым: Изборник, Москва, 1869 г.

обличенного и преданного анафеме этим первосвященником, не было других превосходных поводов покарать его?

По свидетельству архиепископа Арсения,¹⁵¹ два архимандрита Чудова монастыря разделили участь главы русской церкви. Не потому ли, как это полагали, что Дмитрий и с их стороны боялся разоблачений? Но ни один из этих архимандритов не был Пафнутием, а бывший гость знаменитого Чудова монастыря должен был бы избегать встречи именно с этим последним.

После гибели Дмитрия польский король несколько раз свидетельствовал против подлинности его личности. Но прежде, принимая его в Кракове и соглашаясь на его брак с дочерью одного из своих фаворитов, он подавал повод предполагать другое мнение, и свидетельство его, во втором случае, подлежит сомнению. Убитый во второй раз и теперь уже как следует, Дмитрий в то время под видом нового претендента снова появился на сцене, а его прежний гостеприимный хозяин в Кракове, в свою очередь, становится кандидатом на московский престол. Последуя своему государю, и канцлер его, Лев Сапега, бывший прежде рьяным сторонником Дмитрия, становится его обличителем, обнаруживая в то же время и по тем же соображениям такое непостоянство убеждений, более изу-

---

¹⁵¹ Тот же Изборник, стр. 212, и Рус. Истор. Библ., XIII, 652.

мительный пример которого и теперь еще являют нам историки.

Как на молчание Дмитрия, которое он будто бы хранил о своих приключениях до появления в Польше, ссылались также и на молчание его тестя. Ни перед московскими боярами на другой день после катастрофы, положившей конец карьере претендента, ни впоследствии, перед польским сеймом, Мнишек не мог представить никакого доказательства в пользу того происхождения, на которое заявлял притязания его зять. Но что мы знаем о первом случае? Показания воеводы, собранные в Москве, во всяком случае, не внушающими доверия слушателями, сохранились записанными в документах, – но эти документы исходят от правительства Василия Шуйского, а потому не менее подозрительны.¹⁵² С другой стороны, Мнишек принужден был молчать в Варшаве, может быть, по иным причинам, по чисто личным соображениям. Он только что заключил договор со вторым Дмитрием – на этот раз несомненным самозванцем – и был намерен предъявить добытое таким образом долговое обязательство новому московскому правительству. Итак, ему было выгодно в одном и том же признании своего сугубого легковерия, перешедшего всякую меру, слить воедино два предприятия, которые он последо-

---

¹⁵² Собрание государственных грамот и договоров, II, № 140.

вательно эксплуатировал.

Еще один последний довод: в 1671 году Отрепьевы просили разрешения переменить старую фамилию, потому что она тяготила их. Это указывало лишь то, что счастливым преемникам Дмитрия удалось внушить народу ту веру, которая служила им в пользу.

И вот вывод, к которому я пришел: в настоящее время научным путем невозможно доказать подлинность первого «Лжедмитрия». Она основывается всего только на вероятностях; но я надеюсь, что те предположения, которые я привел в подтверждение, на дальнейших страницах покажутся более обоснованными. Противоположное положение теперь, как и двадцать лет тому назад, основывается лишь на сведениях явно неточных, недостаточных или нелепых.

Перейдем теперь к похожему на роман началу необыкновенной судьбы Дмитрия.

III. Роман Дмитрия. Марина Мнишек

Уже окружив взятого под свое покровительство юношу такой внешней обстановкой, чтобы она соответствовала сану, на который он изъявлял притязания, в блестящем экипаже и в сопровождении многочисленной свиты, вероятно, в конце 1603 года (более точного времени не удалось определить), Констан-

тин Вишневецкий отвез его в Самбор к своему тестю Юрию Мнишеку. Здесь, в завязавшихся таким образом сношениях с этой семьей, претендент мог многое выиграть, но также кое-что и потерять. Довольно влиятельные при дворе, Мнишеки соединяли с этим привилегированным положением равную ему и вполне заслуженную неприязнь в народе. Чехи по происхождению, они были недавними пришельцами в Польшу; отец Юрия Николай Мнишек переселился сюда около 1540 года из Моравии. Родовое имя Мнишеков стяжало сомнительную славу в летописях Священной империи, но носитель его принес с собой надежное состояние, нажитое им на службе у чешского короля Фердинанда. Выгодная женитьба на дочери санокского кастеляна Каменецкого породнила его с одной из аристократических фамилий Польши и открыла ему доступ к самым высшим должностям в государстве. Скоро он получил звание великого коронного подкормия. Подобно своим предкам, его потомки никогда не блистали военными доблестями. Оба сына чешского выходца, Николай и Юрий, вели бездеятельную жизнь при дворе Сигизмунда II до тех пор, пока смерть нежно любимой супруги этого государя, Варвары Радзивилл, не вызвала глубокой перемены в его характере. Стараясь размыкать свою скорбь о ней, король предался разврату и суеверию, – и Мнишеки обнаружи-

ли тогда свои таланты. Проворные маклеры и искусные сводники, они доставляли своему безутешному государю колдунов, вызывателей духов, любовниц и разные зелья и средства для возбуждения похоти. В одном монастыре бернардинок воспитывалась юная красавица, носившая имя Варвары и удивительно похожая на покойную королеву; Юрий Мнишек пробрался туда, переодевшись в женский костюм; она согласилась еще более реальным образом напомнить государю о прелестях столь горячо оплакиваемой подруги. Она была дочь простого мещанина Гижи; ее поселили во дворце, и два раза в день виновник ее счастья являлся к ней, чтобы проводить ее к королю.¹⁵³

Такое ремесло доставило ему должность коронного кравчего и управляющего королевским дворцом; здесь к его обязанностям относилось также и наблюдение за другими любовницами государя, помещенными во дворец. В то же время, действуя заодно со своим братом, он успел приобрести большое влияние на большинство государственных дел, а в особенности забрать в свои руки распоряжение королевской казны. Но оба брата больше всего обогатились в день смерти государя. Сигизмунд, изнуренный всякими излишествами и совсем уже больной, только с несколькими приближенными отправился в Книшин-

---

¹⁵³ Orzelski. *Interregni Poloniae, libri VII, I, 66 и сл.; II, 234.*

ский замок в Литву. Разумеется, Мнишеки и покровительствуемая ими красавица сопровождали короля в его путешествии. В ночь, которая последовала за кончиной государя, они отправили из замка несколько плотно набитых сундуков. Расхищение, произведенное ими, оказалось до того полным, что не нашлось даже одежды, в которую можно было бы благопристойно облечь тело державного покойника.

Так, по крайней мере, рассказывали по всей Польше спустя несколько недель после события, и скандал наделал такого шума, что на ближайшем сейме возбуждены были публичные прения по этому поводу. По-видимому, обвиняемым не удалось здесь оправдаться; однако, с помощью могущественных покровителей они избегли судебного преследования, которого требовали на сейме, и обязательства вернуть наворованное. Краковский воевода Ян Фирлей, великий коронный маршал и зять обоих негодяев, с полным успехом постарался замять это дело. Мнишеки остались по-прежнему богаты, важны и столь же презираемы. При строгом и честном Батории Юрия держали в стороне, и он должен был удовольствоваться незначительным радомским кастелянством. Но вступление на престол Сигизмунда III вернуло Мнишекам некоторую долю их прежних преимуществ.

Юрию было теперь около пятидесяти лет; на туч-

ном туловище и короткой толстой шее склонного к апоплексии человека сидела продолговатая голова с выпячивающимся подбородком и с лукавым взглядом голубых глаз. Юрий в превосходной степени обладал качествами царедворца. Его почтительные манеры и большой дар слова сослужили ему хорошую службу. Король охотно молчал, и Юрий говорил за него. Еще лучше он сумел придать себе цены, искусно выставляя напоказ глубокую набожность. Получив сначала самборскую королевскую экономию, затем сандомирское воеводство и львовское староство, он построил два монастыря – доминиканский в Самборе и бернардинский во Львове, и в то же время пожертвовал десять тысяч флоринов для построения в этом же городе иезуитского коллегіума. Он умело делил свои дары между этими тремя влиятельными орденами и не упускал из-за этого возможности укрепить свое положение брачными союзами преимущественно с протестантскими семьями. Католический мир избегал их как зачумленных, вследствие чего он были доступнее и представляли более выгодные партии. Муж одной из сестер воеводы – Фирлей – был кальвинист. Другая сестра его вышла замуж за арианина Стадницкого. Сам воевода женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой были тоже упорные ариане.

Его должности приносили ему большой доход, и до-

ход этот был тем значительней, что управитель самборской экономии не прочь был позабыть представлять свои отчеты. Но несмотря на это и на его прежние хищения, он стал нуждаться и быстро запутался в долгах. Самборский замок, со своей грудой безобразных, но обширных построек, расположенный в красивой местности на левом берегу Днестра, был роскошным местопребыванием на польский лад. Теперь это – простое местечко с бедным еврейским населением, но в то время это был целый город, имевший военное значение; местами укрепленный, защищенный рвами и опоясанный толстыми крепостными стенами, он служил передовым постом против татар. Замок состоял из четырех отдельных строений: дворец короля, дворец королевы, палац для гостей, в котором помещалась одна только обширная столовая, и в отдельном здании приемная зала. Такое расположение встречается еще и теперь в некоторых резиденциях польской аристократии. Их королевские величества никогда не посещали Самбор, и потому управитель экономии свободно располагал всеми этими помещениями, а также и многочисленными службами, окруженными громадными садами,¹⁵⁴ – жилыми домами, кухнями, сараями, конюшнями и погребями. Мни-

---

¹⁵⁴ Turkawski. Przeg(d Lw(wski, XXIII, 16. Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, стр. 57.

шек вел здесь роскошную жизнь, но во время появления претендента ее неприятно нарушали назойливость кредиторов и все более и более частые посещения судебных приставов со своими помощниками.

Мнишек не мог делать новых заимствований из королевской шкатулки; Сигизмунд был благорасположен к нему, но как хозяин он был сравнительно бережлив, и его казна недурно охранялась. Чтобы выйти из затруднительного положения, самборский управляющей нашел, наконец, одно лишь средство: выгодно пристроить своих дочерей. Он не давал им приданого, но умудрялся находить богатых и угодливых мужей. Таким образом его старшая дочь Урсула стала женой Константина Вишневецкого, вполне способного подержать своего бедствующего тестя. Младшая Мария, или Марина, поджидала еще жениха; в это время ей было лет восемнадцать или девятнадцать.¹⁵⁵

Такова была та среда, куда чреватая опасностями судьба привела предполагаемого сына Грозного.

Легко можно себе представить, какие пленительные горизонты открыло это появление взору стесненного магната. Нет сомнения, что кремлевские богатства, столь преувеличенные, по обычаю, воображени-

---

¹⁵⁵ Костомаров и другие историки неверно считали Марину старшей из двух дочерей Мнишека. В действительности их было у него пять и столько же сыновей. См. Niesiecki, VI, 436, примечание.

ем людей того времени, но безусловно превосходившие сокровища книшинского замка, заманчивой картиной тотчас же предстали его жадному и тревожному взгляду. Дмитрий, вернувши себе венец своих предков, был бы верным источником богатства для того, кто сумел бы запасти себе хорошее местечко на берегах этого далекого Пактола.

К сожалению, в тех сведениях, которыми мы обладаем, мы встретим досадный пропуск. Мы совсем не знаем, как возник этот чудесный роман, который лучше всякой иной комбинации должен был осуществить на деле мечту самборского кастеляна и дать его надеждам наиболее прочную гарантию. Претендент ли залюбовался первый на свояченицу князя Вишневецкого, или его поощрял к этому отец, или даже сама дочь? Мы все еще ограничиваемся только догадками. Марина слыла красавицей; но и тут, в этом вопрос, мы опять-таки можем сослаться только на предание, — ведь сохранившиеся портреты не говорят нам ничего такого. Марина была похожа на воеводу: тот же высокий лоб, ястребиный нос и острый подбородок; но тонкий рот и плотно сжатые губы, которые были как будто созданы не для приманки поцелуев, неприятно дополняли сходные черты. И только довольно красивые, продолговатые, словно миндалины, глаза и грациозно выгнутые брови несколько смягчали это сухое,

черствое лицо. Но эти портреты, — я говорю о тех, которые действительно или по-видимому достоверны, — изображают всегда московскую царицу с порфирой на плечах и с венцом на голове; и можно допустить, что, стараясь придать величественный вид своей модели, художники не позаботились сохранить ее природную привлекательность. Дмитрий был бесспорно некрасив; об этом согласно свидетельствуют все портреты и все описания. Но кроме обаяния, связанного с его таинственным прошлым и с тем будущим, которое, казалось, открывается перед ним, он обладал достоинствами, перед которыми не устояла бы большая часть женщин: отвагой, внушаемой здоровым и мощным юношеским жаром, мужеством и ловкостью. К этим достоинствам он присоединил последний и высший соблазн: любовь! В соединении этих двух молодых существ, обреченных на самую величавую и самую прискорбную участь, Юрий Мнишек руководился, наверное, только расчетом, а его дочь, по всей видимости, только непомерным честолюбием. Но претендент вложил сюда всю свою душу. И, в самом деле, если в Самборе этот союз мог ему показаться выгодным и способным послужить ему на пользу, в Москве он обратился не только в обременительные, но и в бесконечно опасные оковы. Бесспорно, союз этот в весьма большой мере повредил его успеху и подгото-

вил его гибель. В его власти было порвать эту связь, а между тем он не задумался об этом ни на миг! Его постигла участь большинства великих честолюбцев; подобно им познал он очарование и тяжесть рокового увлечения. И у него была своя Марина, как у Антония – Клеопатра и, ближе к нашим дням, у Наполеона III – Евгения.

Религиозные влияния, надо думать, принимали косвенное участие в этом сближении. Дочь набожного отца, Марина была благочестива, и, если Дмитрий положил к ее ногам надежду на царский венец, такой брак казался верным залогом еще более достославных обещаний для католической церкви. Вот почему в завязку этой злополучной связи не преминули впутать вмешательство иезуитов. Но иезуитов не было в Самборе!¹⁵⁶ С полной уверенностью можно утверждать, что до приезда в Краков претендент не встречал ни одного из членов этого уже прославившегося и могущественного общества. Дмитрий был воспитанником иезуитов? Разумеется, нет! У него не было ни одной черты схоластического обучения и религиозного фанатизма! Разве пребывание в коллегииум отцов иезуитов могло бы не оставить следа? Разве ученик иезу-

---

¹⁵⁶ См. у Пирлинга (Rome et Démétrius, стр. 8 и след.); он исправил ошибку Чилли (Istoria delle sollevazioni, Pistoia, 1627), распространенную Карамзиным и Соловьевым.

итов мог бы подписаться In Perator? Напротив, для человека, который провел свое детство в польских или итальянских школах, виновный в такой ошибке чересчур хорошо говорил по-русски. С другой стороны, в религиозных вопросах он проявлял всегда веротерпимость, граничившую со скептицизмом: задушевными советчиками и секретарями православного царя, тайком обратившегося в католичество, были два протестанта!

Возможно, что в одном из бернардинских монастырей, который Марина часто и на долгое время посещала, она позволила внушить себе мысль своим самопожертвованием подготовить католическому миру наиболее славную из его побед. Но личные сношения Дмитрия с этими монахами, по-видимому, ограничивались одними религиозными собеседованиями, которые только подготовляли почву для более искусных распространителей веры, и дружескими беседами, предметом коих была зарождающаяся любовь претендента к дочери сандомирского воеводы. И в том и в другом случае самборский ксендз, о. Помаский, придворный священник, каноник и королевский секретарь, своими елейными речами оказывал поддержку о. Анзерину, которого тогдашние духовные писатели изображают превосходным богословом, но его фамилию или прозвище (Anserinus – по-польски G(sior

или G(siorek значит «гусак», или большая оплетенная бутылка) неотвязно вызывает в нас сохранившийся по преданию образ польского бернардинца, отчаянного питуха и бесподобного юбочника.

Помолвку не отпраздновали сейчас же в Самборе, и даже, кажется, не пришли к окончательному соглашению относительно предполагаемого брака. Но одно возникновение этого проекта, подчиненного еще политическим соображениям, для выяснения которых надо было совершить путешествие в Краков, дало предприятию претендента другой оборот. Стали догадываться, что за сандомирским воеводой скрывается участие самого короля, и уже было недалеко от того, что предполагаемый зять влиятельного царедворца будет располагать войском. Мы имеем известия, что для поддержки дела претендента с января месяца 1604 года в Лубнах – резиденции князя Михаила Вишневецкого – составлялись отряды. В то же время с Дона, куда, быть может, проник Гришка Отрепьев, приходили казацкие выборные, уполномоченные сговориться с царевичем. Дело пошло чересчур уже быстро. И действительно, вследствие донесения, посланного в Краков, быстро последовал королевский приказ, предписывавший украинским старостам не допускать этих сборищ, – и комиссар Его Величества, Яков Мецельский, велел забрать казацких разведчи-

Юрий Мнишек, ввиду своего положения, менее чем кто-либо другой из польских панов, мог затевать подобное предприятие. Мысль вверить будущее своей дочери с ее зарождающимся честолюбием кучке казаков и татар и идея более чем смелого наезда на Москву, даже принимая в соображение ненадежную поддержку народного восстания и отваживаясь встретить несомненное сопротивление такого воинского строя, который с немалым трудом победил Баторий, – могли обольстить воображение человека с таким воображением и характером, как Вишневецкий, но холодному и расчетливому взору отца Марины с первого же взгляда он должны были казаться прямо безумием. Он надеялся найти другой путь и более надежные элементы успеха. Вслед за Замойским, в ноябрь месяце 1603 года, король выразил желание видеть Дмитрия в Кракове.¹⁵⁸ И Юрий Мнишек, стараясь привлечь на свою сторону Сигизмунда и Польшу, решился на попытку, перед которой отступил Вишневецкий.

---

¹⁵⁷ Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, стр. 26.

¹⁵⁸ Pierling. Rome et Démétrins, стр. 175.

IV. Претендент в Кракове

Двое из наиболее влиятельных государственных людей в стране, сам Ян Замоиский, первый из всех, и будущий победитель шведов Ян-Карл Ходкевич, убеждали короля не вмешиваться в это дело. Я уже указывал, что такое отношение было самым разумным. До сих пор еще не вполне поняли, что подлинность Дмитрия менее всего забот могла внушать тем из поляков, которые в этом предприятии принимали во внимание только выгоды своего отечества. Ведь ясно, что восстанавливать славную древнюю московскую династию значило работать в пользу Московского государства, а не Польши. Но, хотя согласно конституции король должен был принять мнение Замоиского и Ходкевича, у него были и другие, менее официальные, но более желанные для него советчики. Его приближенные принадлежали, главным образом, к второстепенным личностям в стране; это были царедворцы, которые шли по следам Николая и Юрия Мнишеков, такие обжившиеся в Польше выходцы, как Андрей Бобола, Бернард Мацейовский и Сигизмунд Мышковский, или наемные, иностранцы, как немец Врадер и итальянец де ла Кола, и, наконец, главная придворная дама королевы Урсула Гингер, называе-

мая обыкновенно по-немецки Meierin. Этот маленький мирок, легко доступный всяким интригам, находился заодно с самим королем под сильным влиянием иезуитов и в частности под влиянием духовника Его Величества, отца Барча. А между тем внимание отцов-иезуитов уже было настроено на те известия, которые приходили из Самбора, и в их глазах вопрос, возбуждаемый ими, принимал совсем иной характер.

Истинный или мнимый, но обращенный в католичество царевич мог стать неоценимым средством: лишь бы только ему удалось вступить в Москву, следом за ним могли бы проникнуть туда и члены Общества Иезуитов. Вдобавок чисто личные соображения побуждали к тому же и Сигизмунда. Будучи ревностным католиком, он способен был, кажется, пожертвовать Польшей, чтобы ввести в недра католической церкви Московское государство. Недавно он сугубо потерял свое наследие в Швеции, и эта страна в равной мере волновала его как своими политическими, так и близкими его сердцу религиозными интересами. Отчего бы ему после неудачных переговоров с Годуновым не возобновить попытки вернуть это наследие при помощи соперника венчанного выскочки? Мешало одно препятствие: с Москвой недавно подписали двадцатилетнее перемирие. Но если претендент был истинный сын Ивана IV, или если в это можно было

поверить, тогда договор, заключенный с похитителем престола, не становился ли недействительным?

Правда, хотя нунций Рангони, – как утверждает это он сам, – и отказался в конце концов для обсуждения этого щекотливого вопроса созвать совет иезуитов, но вполне вероятно, что с этой стороны нерешительный монарх встречал по меньшей мере поощрения.¹⁵⁹ Иначе Сигизмунд, конечно, не решился бы передать вопрос на обсуждение в другое собрание, авторитет коего при отсутствии сейма имел такой же вес и мог даже перевесить авторитет самого короля в этой своеобразной стране, которая хотя имела короля, но принимала все более и более удивительные формы республиканского образа правления. Требуя присылки Дмитрия в Краков, Замойский, без сомнения, хотел только захватить царевича в свои руки и этим живо положить конец предприятию. А король замыслил совсем иное, когда в феврале 1604 года он вступил в официальную переписку со своими сенаторами, прося их высказаться всенародно о выгодах и невыгодах (*de commodo et incommodo*) той поддержки, какую можно оказать этому искателю приключе-

---

¹⁵⁹ Pierling. *Rome et Démétrius*, стр. 185. Ср. Pierling. *La Russie et le Saint-Siège*, III, 63. Проект совещания с иезуитами, как это указывает письмо Рангони, помеченное 24 апр. 1604 г., предшествовал обращению короля к сенаторам, а не следовал за ним, как утверждает это в своей второй работе о. Пирлинг.

Напрасно утверждали, будто мнения сенаторов Речи Посполитой разделились.¹⁶¹ По двум существенным вопросам – о подлинности Дмитрия и о предполагаемом участии Польши в его предприятии – король почти единодушно, за исключением двух голосов, получил отрицательный отзыв. Кроме того, о том, что противного взгляда был краковский воевода Николай Зебржидовский, известно нам только из письма нунция Рангони, написанного позднее, в то время, когда этот вельможа, известный смутьян и будущий виновник междоусобной войны, мог присоединиться к делу, открыто защищаемому тогда иезуитами.¹⁶² Судя по сохранившимся ответам сенаторов, только один из них склонен признать подлинность претендента, – это Гнезненский архиепископ, прелат Ян Тарновский. Да и то в его ответе заключается положение, которое в лице Плоцкого епископа Альберта Барановского находит себе красноречивого защитника: если бы,

---

¹⁶⁰ Один экземпляр королевского послания, помеченного 18 февраля 1604 г., находится в СПб. Импер. Публ. Библ., Рукописи, 63, т. II, л. 22; он был несколько раз издан: на польском языке в «Listy Stanisława ((kiewskiego)», стр. 127; по-русски в «Русской Старине», XXI, 1878, статья Пташицкого.

¹⁶¹ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 63.

¹⁶² Письмо Рангони от 13-го марта 1604 г., Pierling, Rome et Démétrius, стр. 178.

говорит он, царское происхождение претендента было признано, для сохранения мира надо отказаться от всякого участия в его деле, строго наблюдать за этим иностранцем и препятствовать его сношениям с казаками. Хотя не все сенаторы высказываются за полное воздержание, во всяком случае, такое мнение преобладает; к нему присоединяется и сам Гнезненский архиепископ; наиболее отважные предлагают только воспользоваться «Лжедмитрием», чтобы тревожить Годунова, и при особом мнении остается Ян Остророг, – он советует отправить претендента в Рим, определив ему определенную сумму на содержание. И все, наконец, окончательное решение этого вопроса предоставляют сейму или собранию сената в полном составе.¹⁶³

Таков был голос разумной Польши, голос мудро понятого национального блага! – Нельзя, однако, не заметить, что те обстоятельства, при которых появился претендент, его положение протезируемого и будущего зятя Мнишека – что, без сомнения, было известно – оказали, конечно, некоторое влияние в таком почти полном и столь исключительном согласии мыслей и чувств.

В первых числах марта, вскоре после получения всех этих ответов, не предвещавших ничего хороше-

---

¹⁶³ Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, стр. 84.

го, сандомирский воевода и протезируемый им юноша прибыли в Краков.

Юрий Мнишек был человек ловкий, и он доказал это, принимая как будто безучастно столь тяжелые для него вести. Ни в одной стране польская пословица: *czapk(chlebem i sol(, ludzie ludzi niewol*((низкопосклонством да хлебосольством люди заставляют служить себе других) не нашла себе лучшего применения. Отец Марины начал с того, что устроил пир для тех из своих сотоварищей по сенату, которые были тогда в Кракове. Манеры и представительная осанка Дмитрия произвели обаятельное впечатление; как нам известно, даже на Рангони, присутствовавшего на этом пиршестве, хотя и избегавшего явных сношений с претендентом, они произвели поразительное впечатление. Потчужая своих гостей лучшими венгерскими винами, гостеприимный хозяин не упускал случая замолвить словечко о том, что доводы в пользу претендента все умножаются. В свите царевича теперь было много знатных московских людей, и их раболепное отношение к нему служило ярким свидетельством его происхождения. К новым выборным, отправленным донскими казаками для предложения своих услуг, со всех сторон стекались добровольцы. Даже из Москвы, от весьма высокопоставленных лиц, претендент получал, как утверждали, письма, полные

Однако как ни убедительны были эти доводы, — а они, кажется, произвели некоторое впечатление, — они не достигли главной намеченной Мнишеком цели. Более или менее подготовленные к той мысли, что перед ними находится истинный царевич, гости воеводы не обнаружили особого расположения присоединиться к его делу; и можно было предугадать, что сейм проявит такое же нерасположение. Остался король; понятно, что с этой стороны и покровитель и покровительствуемый могли ждать самого благоприятного отношения. Дмитрий выказывал решимость принять католичество. Ксендз Помаский и отец Анзеринус ручались в этом из Самбора, и нунций Рангони отправлял из Кракова в Рим все более и более радостные и уверенные послания. Подготавливая свое открытое выступление, иезуиты поощряли, без сомнения, своего духовного сына сейчас же воспользоваться этой неожиданной удачей, и Сигизмунд, убежденный или нет, склонялся к таким поступкам, которые ясно указывали на его еле скрытое желание приложить палец, а то и всю руку к одобренному предприятию. Он принимал и выслушивал московских беглецов, в числе которых были и пять братьев Хрипуновых; впрочем, роль этих, братьев крайне загадочна:

---

¹⁶⁴ Niemcewicz. Dzieje panowania Zygmunta III-go, т. II, стр. 295.

в ту пору они поручились за подлинность царевича, а впоследствии, когда Дмитрий уже царствовал, они принуждены были обратиться к покровительству короля, чтобы получить разрешение вернуться в Московию, и при его великодушной поддержке получили там земельный надел.¹⁶⁵ Спустя несколько дней после пира, где все старания Мнишека оказались тщетными, Сигизмунд сделал более решительный шаг: 15 марта 1604 года претенденту была назначена аудиенция.

Это была победа, насколько можно было еще рассчитывать на победу в Польше. Речь Дмитрия, составленная в духе того времени кем-нибудь из поляков его свиты, наполнена многочисленными латинскими цитатами, риторическими фигурами и уподоблениями, в которых более или менее удачно приводились сходные случаи из истории и преданий. Ответ короля, выраженный устами вице-канцлера Тылицкого, в свою очередь, соображался с обстоятельствами. Связанный почти единодушным мнением сенаторов, Сигизмунд давал понять, что он не признает Дмитрия, не даст ему ни одного солдата и не нарушит перемирия, заключенного с Годуновым, – но он все позволить Мнишеку и тайно будет даже поддерживать предприятие. И действия, к тому же более красноречивые, чем затасканные и запутанные фразы Тылицкого, не за-

---

¹⁶⁵ Русская Ист. Библ. XIII, 23; Акты Западной России, IV, 246.

медлили ясно обнаружить намерения его государя.

Для начала, сейчас после аудиенции царевича осыпали подарками, назначили ему ежегодное содержание в 4000 флоринов, правда, из доходов Самборской экономии, – это едва ли особенно понравилось самому эконому. Кроме того, Сигизмунд даже принял на себя некоторую долю расходов для дальнейшего пребывания претендента в Кракове. Молва прибавляла, будто король заказал для будущего царя великолепный столовый сервиз с русскими гербами, и что он ежедневно видится с претендентом.

А в действительности все подарки государя были значительно скромней, и само собой разумеется, что он подносил их не даром. Чтобы проникнуть в резиденцию Его Величества – Вавель, и чтобы встретить там добрый прием, Дмитрий должен был заплатить форменными и весьма обременительными обязательствами. Он предлагал или соглашался отдать Польше половину земли Смоленской и часть Северной; заключить вечный союз между обоими государствами; разрешить свободный въезд иезуитов в Московию; дозволить строить католические церкви, и, наконец, обещал помочь королю вернуть шведский престол.¹⁶⁶

---

¹⁶⁶ Pierling. Rome et Démétrius, стр. 178–186. Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, стр. 42.

Приходится сознаться, что, отдавая больше, чем он получал, Дмитрий заключал невыгодную сделку. Ведь, в этой стране Речи Посполитой попуститель-ство, на которое дал свое согласие Сигизмунд, столь же мало значило, как и королевская власть. Он избавлял Мнишека от личных тревог, он мог подстрекнуть и еще нескольких искателей приключений, но, в сущности, вопреки желанию и первоначальному чаянию воеводы, дело не пошло дальше авантюры. Большое политическое и военное предприятие, для которого он искал поддержки Речи Посполитой или государя – одно время он льстил себя такой надеждой – окончательно рушилось.

Да, Дмитрий давал слишком много. Но обещания ничего не стоят тому, кто не намерен их сдержать; и, здраво рассуждая, невозможно приписать такой невероятной наивности Сигизмунду и его советчикам, уверенности, что он сдержит свое обещание, когда у него явится желание и он получит власть исполнить то, что теперь обещал. Для московского царя это равнялось бы самоуничтожению! Весьма вероятно, что этот необычайный договор, тотчас же спрятанный королем в шкатулку, ключ от которой хранился у него, был в глазах Сигизмунда только залогом, бумажкой, которую можно будет использовать впоследствии, при более серьезных сношениях, как средство прижать.

Заодно с королем и Рангони иезуиты, со своей стороны, старались получить от царевича более реальную и более непосредственную заручку. Дмитрий был уже, по тайности, соучастником Польши в проекте расчленить его отечество; он согласился еще изменить своей национальной вере и тайно принять католичество.

V. Обращение в католичество

Об этом обращении нам повествуют писатели, лучше меня осведомленные для подобного труда; и, без сомнения, с моей стороны было бы неразумно делать какие-либо поправки,¹⁶⁷ хотя в некоторых подробностях проницательность этих историков пострадала, думается мне, от воображения некоторых набожных летописцев. Я не решился бы сказать, что в ту минуту, когда Дмитрий произносил перед отцом Гаспаром Савицким свое отречение, он действительно обнаружил ту жестокую борьбу, которая происходила в его душе, *suspensus animo aliquantum mansit* (порой он впадал в забытие); или, что впоследствии, за невозможностью поцеловать папскую туфлю, он пал ниц и сделал вид, что воздаст ту же почесть башмаку Ран-

---

¹⁶⁷ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 72 и сл. Н. Левицкий. «Христианские Чтения», сентябрь, октябрь 1883, стр. 383 и след.

гони. Во всяком случае, я склонен предполагать, что все произошло гораздо проще, и что, принимая активное участие в этой комедии, ни о. Савицкий – человек весьма догадливый, ни сам нунций, а тем менее Зебржидовский ни на одну минуту не дали обмануть себя. Ведь, конечно, это была комедия, и что бы ни думали и ни говорили впоследствии, но само иезуитское общество в ту пору не могло явно не признаться в этом.¹⁶⁸ Чтобы убедить нас в противном, указывали даже на нежное чувство Дмитрия к Марине, которое якобы побуждало его принять веру любимой женщины. Действительно, такое желание можно было бы предполагать в нем во время его первого пребывания в Самборе, в горячем порыве его зарождающейся страсти. Но в Кракове, в переговорах об этом решительном акте, он обнаружил слишком много хладнокровия и искусства; он слишком умно изворачивался среди всех двусмысленных возражений и лукавых умалчиваний, чтобы можно было допустить, что им в этом случае руководит амур с завязанными глазами и пламенеющими стрелами.

Тем не менее, 24 апреля 1604 года он, действительно, написал папе Клименту VIII пресловутое письмо, которому суждено было спокойно лежать в архиве Римского Инквизиционного Суда, подобно тому,

---

¹⁶⁸ См. Rostowski. *Lithuanicarum Soc. Jes. Hist.*, libri X, стр. 207.

как Вавельский договор лежал в королевской шкатулке. Он называл себя «самой жалкой овечкой», «покорным слугою» Его Святейшества; он отрекался от «заблуждения греков», признавал непорочность догматов веры «истинной Церкви» и, наконец, целовал ноги Его Святейшества, как «ноги самого Христа», и исповедывал полную покорность и подчинение «верховному пастырю и отцу всего христианства». В то же время, хотя он и рад был, что нашел вечное царство, более прекрасное, чем то, которое у него так несправедливо похитили, и выражал готовность, – если такова будет воля Провидения, – отказаться от престола своих предков, он допускал также, что Всевышний мог избрать его проповедником истинной веры, дабы обратить заблудшие души и возвратить в лоно католической церкви великую и набожную нацию.

Польский текст подлинника этого письма составляет часть той загадки, которую мы обсуждали выше. Среди всех высказываемых по этому поводу предположений наиболее вероятным представляется мне то, которое допускает, что, употребляя этот язык, Дмитрий особенно старался подтвердить искренность своего обращения. И теперь еще поляки и католичество нераздельны в Русской земле. А претендент, действительно, имел основание использовать перед Святейшим Отцом все средства убедить

его. За одну только нравственную поддержку он уступал Сигизмунду часть наследия своих предков и обещал свое содействие против Швеции; от Рима он ждал более действительной помощи. Папа не задумываясь давал субсидию Баторию для столь сомнительного завоевания Москвы; неужели он будет менее великодушен к законному наследнику Ивана IV, когда будущий царь, добиваясь возврата своего государства, кладет его к ногам папы?

Увы! Климент VIII сделал то же, что сделал Сигизмунд. Подтверждаемое столь убедительным посланием обращение претендента было принято в Риме с радостью, и папа написал на полях письма: *Ne ringratiamo Dio grandamente...* (Возблагодарим премоного Бога за это...) И иезуиты получили всякие полномочия использовать в религиозном отношении таким образом достигнутый успех; что же касается политической стороны этого дела, папа оказался, наоборот, крайне осторожным. Он соглашался не видеть более в Дмитрие другого португальского короля-самозванца, он не задумался ответить на его послание, называя его «дорогим сыном» и «благородным господином», – но вот и все. А при отсутствии малейшего указания, которое позволяло бы претенденту надеяться на более существенное доброжелательство, выражение «благородный господин» должно было показать-

ся ему почти оскорбительным.

Такое поведение папы объяснить нетрудно. В действительности, тайное обращение Дмитрия в католичество не представляло сколько-нибудь надежной поруки: оно так же мало значило, как и поддержка, тайком обещанная королем новообращенному. Давая новый залог, Дмитрий только налагал на себя обязательства; но он тщательно скрывал свое отречение от находившихся в его свите москвитян и заранее требовал разрешения в день своего венчания на царство приобщиться святых тайн по православному обряду. Это было точное подобие той равно подозрительной игры, которой предавался Сигизмунд, скрывая от своих сенаторов свои безмолвные обязательства по отношению к претенденту. И с той и с другой стороны эта игра затянулась. В указах, обращенных к малым сеймикам, король отклонял от себя всякую ответственность по этому вопросу. В январе 1605 года собрался сейм; депутаты превзошли даже сенаторов, явно выражая свое враждебное отношение к делу претендента; Замойский, насмехаясь над «этой комедией Плавта либо Теренция», осуждал предприятие с точки зрения морали и рассудка; сам Лев Сапега изменил своим сторонникам и присоединился к общему мнению; король совсем отошел к сторонке.¹⁶⁹ Он ед-

---

¹⁶⁹ Дневник сейма в Копенгагенском архиве, см. Е. Н. Щепкин. Archiv

ва осмелился воспользоваться своей властью, чтобы противопоставить свое veto тому постановлению сейма, которое слишком прямо метило в Мнишека и им навербованных сторонников дела претендента. Принятый громадным большинством, проект резолюции обвинял их в государственной измене, как нарушителей мирного договора, заключенного с дружественною державою, и требовал самых строгих мер возмездия. Король, оправдываясь уже сделанными разъяснениями и ранее обнародованными указами, отказался его санкционировать, – но принужден был ограничиться только этим. А если польское правительство стало в такое положение, как могло папское правительство осмелиться проявить больше уверенности или больше смелости? «Благородный господин» собирался выступить на завоевание Москвы с отрядами, набранными сандомирским воеводой, и с горстью казаков: далеко ему было до Батория!

Однако, при всем своем враждебном отношении, голосования сейма 1605 г. представляют одну многозначительную и довольно выгодную для претендента особенность: участники сейма неизменно называли его господарчиком. И напрасно приписывали этому термину презрительный смысл. Это только общеупотребительный польский перевод слова царевич, или,

точнее, составленное на польский лад уменьшительное термина государь, которым еще и теперь величают в России монарха. Московский господарчик означало, просто, сын московского государя. В польском общественном мнении произошел поворот. И хотя Замойский, по другим причинам поссорившийся со своим государем, ненавидевший Мнишеков и к тому же совсем больной и чувствующий приближение конца, все еще упорствовал в своем презрительном скептицизме, большинство уступало очевидности; человек, которого король принимает у себя в Вавеле, и перед которым падает ниц все большее и большее число москвитян, не мог быть заурядным самозванцем. Но его дело по-прежнему не находило сочувствия в Польше. Напротив, Лев Сапега так заканчивает свою речь, которая верно передавала общее настроение:

«Если Дмитрий погибнет, его неуспех падает на нас; если же он восторжествует, мы не можем льстить себя надеждой, что по отношению к нам он будет более верен, чем мы были по отношению к Годунову».

Еще до того на сейме кое-кто высказывал такое мнение, что участие в походе претендента нескольких добровольцев, видимо, принадлежавших к числу самых неугомонных польских граждан, будет для республики истинным облегчением. Таким образом выяснились отношения Дмитрия с Польшей и то участие,

которое примет эта страна в его предприятия. Перед королевским veto резолюции сейма теряли законную силу, и Мнишек сохранял полную свободу действий; но, встречая всеобщее осуждение, политика Сигизмунда свелась к какому-то подобию неопределенного и ненадежного покровительства, беспрестанно отрицаемого. Литовский канцлер форменно уверял допущенного на сейм Постника-Огарева, что претендент не получит никакой помощи. Если – как это позволяли думать полученные в Кракове известия – «Лжедмитрий» проник уже в Московское государство, то, не опасаясь вмешательства Речи Посполитой, царь властен поступить с ним, как ему будет угодно; если же господарчик снова появится в Польше, он будет схвачен.¹⁷⁰

Действительно, новообращенный выступил уже в свой изумительный поход, и мы последуем за ним.

---

¹⁷⁰ Pierling, *La Russie et le Saint-Siège*, III, 108. Иконников. Лжедмитрий и Сигизмунд III, Чтения в Общ. Нестора летописца, 1890. т. IV. Костомаров. Смутное время, т. I, 111.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Победа претендента

I. Дмитрий-жених

Известив письмом папу о своем обращении в католичество, Дмитрий в тот же день покинул Краков. Очевидно, прежде чем решиться на этот шаг, он размышлял и боролся до самой последней минуты. Он последовал за Мнишеком в Самбор, чтобы опять повидаться там с Мариной и подготовиться к войне за ту корону, которую он обещал возложить на чело прекрасной польки. Теперь свадьба была решена. Но какое печальное положение этого жениха! В награду за все, что он уже сделал, и за то, что ему придется еще сделать, жених, отдавая себя всецело, получал любимую женщину только по исполнению некоторых условий. Да, она будет его женой, но сначала пусть станет он царем. Сандомирский воевода сохранял за собой право отказать и тогда в руке своей дочери. Но, без сомнения, этого у него и в мысли не было! Мнишеки великодушно соглашались разделить с претендентом все те блага, которые могло доставить зате-

янное им опасное предприятие, но они не намерены были брать на себя всю свою долю опасности. Марина была обещана только *sub spe victoriae*. Дмитрий, напротив, был связан ненарушимым обязательством и, кроме того, должен был заплатить наличными за то немногое, что ему давали, как он платил и за не менее сомнительные милости Сигизмунда. Ожидая лучшего, он платил одной и той же монетой.

Уже в феврале или в начале марта они свели счета: особой грамотой Дмитрий уступал своему будущему тестю княжества Смоленское и Северское. Но той порой вмешался секретный договор, по которому польский король заявил притязание на львиную долю в тех же самых областях; не такой человек был Юрий Мнишек, чтобы удовольствоваться остатком, и грамоту пришлось переделать на новых основаниях. Будучи влюблен и не имея никаких средств, кроме тех, которые он находил в самом Самборе, Дмитрий не мог ни в чем отказать. Новой записью, скрепленной 24 мая 1604 года торжественной клятвой под страхом анафемы, он обещал:

I. Выдать на руки сандомирскому воеводе тотчас же по вступлении на престол миллион злотых на приданое Марине и на уплату старых и предстоящих впереди долговых обязательств ее отца.

II. Поднести невесте приличествующую ей часть

драгоценностей и столового серебра из тех сокровищ, которые хранятся в Кремле.

III. Отправить, в то же время, к польскому королю посольство с целью испросить согласие Его Величества на предполагаемый брак.

IV. Отдать будущей царице в полное владение Великий Новгород и Псков. Марина получала в них все права верховной власти и право строить католические храмы, монастыри и школы; она сохраняла этот удел и в том случае, если бы осталась бездетной.

В Москве дочь сандомирского воеводы могла свободно исповедывать свою веру; к тому же Дмитрий обещал, как он обещал уже это и в Кракове, потрудиться в пользу обращения своих подданных в католичество. В том случае, если претендент не достигнет престола, за Мариной сохранялось право отвергнуть брачный союз или отложить его осуществление на другое время.¹⁷¹

Так отец выговорил долю своей дочери. Три недели спустя и, надо думать, после трудных переговоров он определил и свою. Сохраняя за собою в Смоленском и Северском княжествах ту часть, которая не была предоставлена королю, он обязал, на тех же потомственных правах, отдать ему взамен соседние области, равные по величине и по доходам тем, которые

---

¹⁷¹ Собрание государственных грамот и договоров, II, 159.

он потерял ради Сигизмунда.¹⁷²

Да, бессовестно и беспощадно обирали «господарчика», расточавшего клятвенные обещания! И он не сопротивлялся. За эту цену нашлось войско, которое ему было необходимо, чтобы дерзнуть померяться с Годуновым. Из Брагина и Лубен центральный сборный пункт перешел теперь в Самбор, а затем во Львов (Лемберг). Предполагали, что по этому поводу между Вишневецкими и Мнишеками возникла зависть. Первый покровитель Дмитрия, Адам Вишневецкий, мог почувствовать некоторое неудовольствие, видя, что его протееже как-то ускользнул из его рук. Может быть также, он не совсем одобрял поведение, избранное Мнишеком, чтобы склонить к делу и Краков. И в самом деле, только его двоюродный брат Константин сопровождал туда Дмитрия. Впоследствии, однако, оба кастеляна, брагинский и лубенский, по-видимому, участвовали в военных приготовлениях претендента, а после его победы возле него собралась опять вся семья.

II. Военные приготовления

Географическое положение новой главной квартиры, выбранной для организации предполагаемого по-

---

¹⁷² Собрание государственных грамот и договоров, II, 166; Летопись занятий археографической комиссии, II, 48.

хода, столько же и даже более чем активное содействие сандомирского воеводы, действительно, могло изменить как характер, так и состав тех сил, с которыми собирались предпринять его. Этот пункт был в самом сердце Польши, и, следовательно, можно уже было выступить в поход с войском, не похожим на тот сброд казаков и татар, которыми располагали обыкновенно Вишневецкие для своих мелких пограничных войн. Только с точки зрения численности донское и приднепровское казачество должно было все еще составлять главный контингент собранного претендентом войска. Казаки всех украин, этот продукт тройного смешения русской эмиграции, польских идей свободы и западных идей рыцарства, были историческим явлением, тесно связанным с самим появлением истинного Дмитрия либо Лжедмитрия. Как я уже указывал, в начале своего поприща предполагаемый сын Грозного шел только по следам целого ряда молдаво-валахских претендентов. Время от времени они появлялись в соседних степях и звали себе на помощь то буйное воинство, которое здесь всегда было готово для смелых набегов. Так, с помощью войска, набранного в этом крае польским дворянином Альбертом Ласким, в 1561 году, после долгих скитаний по разным странам Европы, сыну какого-то рыбака, выдававшего себя за племянника самосского деспота Гераклия,

удалось изгнать молдавского господаря Александра и на короткое время захватить его престол. Тринадцать лет спустя казацкий гетман Свирговский также помог другому претенденту – Ивоне, назвавшемуся сыном господаря Молдавии Стефана VII.

Покровительствуемый Ласким, авантюрист после своих успехов погубил себя желанием жениться на дочери другого польского магната. Итак, более честолюбивое и более смелое предприятие Дмитрия, до романтического элемента включительно, очевидно, было только повторением этих беспрерывных попыток. К этой же пор относятся первые казацкие восстания против польского правительства и польской шляхты; различными средствами – либо военной организацией, либо прикреплением к земле – правительство и шляхта преследовали одну цель: приспособить эту недисциплинированную и буйную силу к нормальным условиям современной жизни в гражданском обществе. Начиная с 1692 года, принимая то политический, то социальный, то религиозный характер, эти восстания все учащались под предводительством таких случайных главарей, как польский шляхтич Христофор Косинский, или малорусских крестьян, как Григорий Лобода и Северин Наливайко; восстания эти требовали для своего подавления все большего и большего напряжения; сначала достаточно бы-

ло кавалерии польских шляхтичей, собранной Константином Острожским, затем уже польское войско, под предводительством двух наиболее знаменитых полководцев, Замойского и Жолкевского, встретило в них трудную задачу, и наконец на сторону бунтовщиков перешел и сам князь Острожский, раздраженный Брестской унией.

В то же время происходит новое явление: казачество расширяет свои силы; в самой Польше оно пытается привлечь в свои ряды ту часть героической и пылкой шляхты, которую опьянило и развратило злоупотребление свободой, которую сознание собственной силы делало непокорной какой-либо дисциплине, а страсть к приключениям толкала к самым отчаянным и безрассудным предприятиям; мы увидим некоторых из них под знаменами Дмитрия; это были люди дикой энергии, неукротимой отваги, отменные воины, порочные и развращающиеся от сношений с казацкими ватагами, но сохранявшие лучшие военные доблести. Иные из них, как Ян Сапега, князь Рожинский или Заруцкий, вступив вместе с претендентом в Москву, попытаются приобрести тут более чем только некоторую часть добычи. Подобно героям азиатских эпоей, воспроизведенных одним английским романистом, они тоже захотят быть царями. Сражаясь за этот призрак, одни найдут славную смерть, а другие,

отброшенные в Польшу, ценой междоусобной войны еще и здесь будут преследовать свою упорную мечту и кончат свою жизнь во Львове на колу, как господин Карвач-Карвацкий, удивительную и печальную судьбу которого недавно описал один польский историк с французской фамилией.¹⁷³

В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот исконный обычай сохранился еще в европейских нравах, и частный почин, если и не получал более или менее официальной, поддержки заинтересованных правительств, всегда пользовался широкой снисходительностью.

И вот, собиравшееся на польской земле войско Дмитрия, помимо казаков в полном смысле слова, этим другим контингентом местных искателей приключений могло пополнить свои кадры; и действительно, эти чисто польские отряды образовали его самое надежное ядро. При тысяче или двух легкой кавалерии, они составляли несколько эскадронов тех бесподобных гусар, – подобных «французским копейщи-

---

¹⁷³ Beaudouin de Courtenay. Kartki z dziejów anarchizmu i skozaczenia naszego, «Kraj», 1903, №№ 50–52.

кам» того же времени, – тех вооруженных с головы до ног шляхтичей, каждый с несколькими оруженосцами, тех исполинов, окованных железом и мчавшихся на огромных конях, которые своим натиском прорывали самые плотные отряды и которые обратили в беспорядочное бегство шведов при Киркгольме.

Как я уже сказал, преимущество в численности осталось на стороне казаков. Они стекались со всех сторон. Львов и его окрестности вскоре были переполнены ими до того, что не одно московское правительство обращалось в Краков с протестами против такого угрожающего сближения народа, а само население этой польской области, встревоженное и стесненное назойливыми гостями, также посылало протесты. Через несколько недель общий ропот поднялся в стране. Польша решительно оставалась враждебной предприятию. Замойский, оставляя без ответа рабски-почтительные письма Дмитрия, отправил Мнишкеку высокомерное и полное упреков послание, предупреждая его о той опасности, которую он навлекал на республику; в то же время, все более и более соглашаясь с мнением своего товарища, Лев Сапега писал виленскому воеводе Христофору Радзивиллу: «Сандомирский воевода поссорит нас с царем прежде времени; достигнет ли он удачи или нет, последствия бу-

дут одинаково пагубны для отечества и для нас». ¹⁷⁴

Перед таким единодушием взглядов Сигизмунд должен был покориться или по крайней мере сделать вид, будто он уступил. Были приготовлены строгие указы: немедленный роспуск собранных Мнишеком войск; суровые наказания ослушникам, с которыми будут поступать, как с врагами отечества; ничто не было забыто, – кроме королевской подписи: по необъяснимым причинам она появилась на этих документах только 7 сентября. В это время королевские громы не угрожали уже никому: в конце августа претендент выступил в поход. ¹⁷⁵

Побывав еще в Самборе и простившись с Мариной, в первых числах сентября, под Глинянами, он произвел смотр своему войску. Мы имеем противоречивые сведения о его действительном составе. Лев Сапега сообщил Радзивиллу полученное им донесение, очевидно преувеличенно насчитывавшее в войске до 20 000 человек, и что эта цифра постоянно увеличивалась непрерывным притоком добровольцев. Один из участников похода насчитывает под Глинянами в польском ядре только три эскадрона гусар и двести человек пехоты. ¹⁷⁶ Другой насчитывает 2 600 человек,

---

¹⁷⁴ Scriptores rer. pol., VIII, 232.

¹⁷⁵ Hirschberg, A. Dymitr Samozwaniec, 67–69.

¹⁷⁶ Borsza. Русская Истор. Библиот., I, 364.

помимо легкой кавалерии.¹⁷⁷ Что же касается казаков, то мы не имеем никаких точных указаний; во всяком случае, надо думать, что главная часть пристала к Дмитрию только после его вступления в Московию. Эти шайки стекались крайне медленно, и некоторая часть их составляла вдали независимые отряды, которые долгое время продолжали действовать отдельно. Со своей стороны, русские историки умаляют до 3 500 или 4 000 совокупность сил, с которыми в середине октября Дмитрий перешел Днепр. Но на исчисление их, пожалуй, повлияло намерение уменьшить численность польского элемента в борьбе, которая не прославила московское оружие.¹⁷⁸ Однако вполне достоверно то обстоятельство, что по крайней мере в первый период похода казаки и московские перебежчики не отличились ничем; они составляли как бы мертвый груз этой маленькой армии, вся военная сила которой и готовность к бою заключалась, конечно, в том другом элементе.

С помощью своего сына Станислава, окруженный несколькими родственниками и друзьями, сандомир-

---

¹⁷⁷ Жабчиц, у Вержбовского, Материалы к Истории Моск. Гос., III, 21.

¹⁷⁸ См.: Платонов. Очерки по истории смуты. Стр. 252—3. Костомаров. Смутное время, I, стр. 144. Карамзин. История Государства Российского, XI, прим. 225. Ср. Акты Западной России, IV, 308; Акты исторические, Добавл., I, № 151.

ский воевода исполнял обязанности главнокомандующего. Мнишек никогда не служил в войсках, и, будучи уже стариком, полукалейкой, он был жалким полководцем. Начальники полков не особенно восполняли его бездарность, и, в сущности, при таком неважном и неладном снаряжении предприятие Дмитрия приняло бы характер чистого безумия, если бы в другом месте у него не имелось иного залога успеха. И действительно, этот залог был на другом берегу Днепра; он вытекал из политического и социального состояния, создавшегося в то время в пограничных юго-западных областях, через которые хорошо осведомленный претендент собирался подступить к своему грозному противнику. Как я уже старался это показать, здесь, в этом волнующемся обществе было какое-то лихорадочное ожидание, и московские перебежчики манили царевича не напрасной надеждой, когда говорили ему, что по ту сторону реки его встретят с хлебом и солью. Вот по этой-то причине, оставляя обычный путь польских нашествий на Москву по прямой линии через Оршу, Смоленск и Вязьму, претендент выбрал первой базой своих действий укрепленные города Северской земли.

Через Фастов и Васильков он медленно двигался к Днепру, предполагая перейти его выше города Киева. Войско шло беспрепятственно, но не без опа-

сений. Здесь оно соприкасалось с владениями князя Острожского, который еще более, чем Замойский, должен был быть враждебен этому походу с такой подозрительной внешностью, где мнимо-православный царевич шел в сопровождении двух иезуитов. Ведь польские отряды не могли обойтись без духовника, и орден добился, чтобы двое из его членов, патеры Николай Чижовский и Андрей Лавицкий, сопровождали выступившее в поход войско. Но все обошлось только одним страхом. Князь Януш Острожский, в своих посланиях к польскому канцлеру, тоже ревностно указывал на ту опасность, которая грозит Речи Посполитой; с несколькими отрядами следуя за войском претендента, он держал его день и ночь в тревоге. Он не помешал ему войти в Киев и встретить там очень хороший прием. На Днепре войско встретило другую тревогу: краковский кастелян придумал угнать все имеющиеся паромы. Пустая предосторожность, явно обнаружившая бессвязную политику польского правительства! Переправа через реку замедлилась только на несколько дней, и 13 октября 1605 года Дмитрий раскинул свои палатки на другом берегу. Какое сопротивление предстояло ему встретить перед собой? Надо полагать, московское правительство не ограничилось одним воззванием к сомнительному благородству Сигизмунда.

III. Московия. Подготовка к обороне

Борис Годунов начал с попыток воздействовать на общественное мнение. Первая и самая действительная подсказывалась сама собой: заявление матери царевича Дмитрия, что сын, которого она 13 лет оплакивала, умер на ее глазах в Угличе; оно, несомненно, приостановило бы успехи претендента. И вдову Ивана IV начали с марта 1604 года убеждать оказать такое влияние. Привезенная в Москву из дальнего монастыря, она могла, наконец, порадоваться на ниспосылаемое судьбой возмездие. Сперва Борис посетил ее вместе с патриархом, потом приказал привезти во дворец и допрашивал в присутствии жены. Подробности этих свиданий дошли до нас, вероятно, во внушенных воображением пересказах. Угнетенная настойчивыми допросами, она отозвалась неведением, жив ли ее сын или нет, но затем будто бы воскликнула: «Он жив! Люди, теперь давно умершие, без моего ведома увезли его из Углича». – Тогда царица, достойная дочь свирепого Малюты Скуратова, пришла в ярость и огнем свечи едва не выжгла глаза своей бывшей повелительнице.¹⁷⁹ Сцена слишком драматична,

---

¹⁷⁹ Масса, I, 105; II, 114–116.

чтобы быть достоверной; хотя пребывание инокини Марфы в Москве в марте 1604 г. и допросы ее подтверждаются двумя другими источниками.¹⁸⁰ По всей вероятности, Борис допытывался свидетельства вдовы Грозного, но несомненно, что она промолчала, а ее молчание в данном случае равнялось признанию.

Эту неудачу можно привести в связи с покушением на жизнь претендента во время его вторичного посещения Самбора; на покушение указывает сомнительное свидетельство монаха Варлаама, одного из заговорщиков, и более достоверное Рангони, со слов самого Мнишека.¹⁸¹

После этих неудач Борис распространил множество грамот, с доводами в пользу несомненного самозванства лже-царевича. Не считаясь с элементарными политическими приличиями, патриарх Иов особым окружным посланием в марте 1605 г. предписал всем областным церковным властям объявить народу, что польский король нарушил мирный договор, признав Дмитрием Угличским бродягу, вора, расстригу Гришку Отрепьева с тем, чтобы он шел в московское го-

---

¹⁸⁰ Письмо остерского старосты Ратомского и доклад агента Борисова, Хрущова. См. Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, p. 54 et 63.

¹⁸¹ Извест. Русск. Истор. Библиот. XIII, 24; Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 120. Вопреки предположению этого автора, оба свидетельства вполне согласны между собою.

сударство истреблять веру православную и строить в нем католические костелы и лютеранские капища. Но весь этот ряд многоречивых указов не произвел ожидаемого эффекта. Читатели легко заметили в них грубые погрешности. Появление претендента в Польше грамоты относили к 1593 г., что не соответствовало его возрасту и противоречило общеизвестным фактам последних лет его жизни. В одном указе говорилось, что царевич умер в 1588 г. и погребен в Угличском соборе Богоматери. Но все знали, что кровавое событие произошло в 1591 г., и многим было известно, что в Угличе нет собора Богоматери! Между тем, несмотря на строгость пограничных сторожей, в привозимых из Польши по случаю голода мешках с зерном доставлялось множество иных грамот, писем и указов от имени претендента, встречавших сочувствие и одобрение.

Не посчастливилось Борису и на дипломатической почве: посольства Смирнова-Отрепьева и Постника-Огарева в Варшаве, обращения к европейским дворам с рискованными и двусмысленными обличениями «Лжедмитрия» или с жалобами на польского короля – не вызывали никакого отклика. После долгого молчания Рудольф II ответил (16-го июня 1605 г.), что сожалеет о случившемся, обещает не оказывать поддержки врагам царя и даже постарается посиль-

но ему помочь. Но эта помощь заключалась только в дружеском письме королю Польши с указаниями на жалобы соседа.¹⁸²

Тщетно патриарх обращался к самому князю Острожскому: письмо, отправленное с особым гонцом, Афанасием Пальчиковым, осталось без ответа. Посол Иова к польскому духовенству, Андрей Бунаков, был задержан на границе. От татар ничего не добились. Симеона Годунова на пути в Крым остановили у Астрахани казаки. А у казаков вышло еще хуже: там схватили самого представителя царя, Петра Хрущова, и в оковах привезли к Дмитрию в лагерь под Сокольники. Там Хрущов, стараясь выпутаться из беды, оговаривал Бориса, уверял даже, что царь собственноручно убил свою сестру Ирину, разгневанный ее словами, что Дмитрий жив.¹⁸³

После таких неудач миролюбивый Борис решился наконец со своей стороны прибегнуть к военной силе. Но брожение умов было таково, что цель похода хранили в тайне. Открыто объявить ее в Москве было опасно, – на пирах уже пили за здоровье Дмитрия. Движения войск объясняли ожиданием татарского набега. Отправляясь к войскам под Ливны, воеводы, Петр Шереметев и Михаил Салтыков, вели се-

---

¹⁸² Болдаков. Сборник, ст. 61 и след.

¹⁸³ Собрание государственных грамот и договоров, II, № 81.

бя очень странно. По свидетельству Хрущева, может быть, льстившего Дмитрию этим лживым сообщением, они заявляли, что «мудрено воевать с истинным государем».¹⁸⁴

Итак, претендент имел основание рассчитывать, что на пути в Москву встретит только нерешительных, полубезоруженных противников.

IV. Поход к Москве

Под Вышгородом войска Дмитрия переправились через Днепр и оказались на правой стороне Десны, избавившись от переправы через нее в виду неприятеля. Но перед ними еще стояли московские крепости Моравск, Чернигов, Новгород-Северский, охранявшие главные пути к столице по приокским землям. Приобретение этих городов открывало дороги на Карачев и Болхов, большую «посольскую» на Кромы, Орел и Мценск к Туле и Калуге, что, конечно, входило в соображения главного штаба Дмитрия.

Поход начался преблагополучно. В деревне Жукине, близ последней литовской крепости Остера, получили известие, что Моравск открывает ворота. Через неделю его примеру последовал Чернигов. Мя-

---

¹⁸⁴ Соловьев. История России, VIII, 100.

тежное население обоих городов обезоруживало защитников. Казаки и стрельцы захватывали воевод и начальников и скованных приводили их в стан Дмитрия.

Не так распорядились в Новгороде-Северском. Его гарнизон получил подкрепления. Воеводы Н. П. Трубецкой и П. Ф. Басманов опоздали на выручку Чернигова и вернулись сюда с войском, набранным частью в Москве, частью здесь же, в окрестностях. Под его стенами нашествие приостановилось; несколько недель подряд нападающие истощали свои силы на бесплодные приступы. Польские гусары не могли справиться с защищенными артиллерией фортами, а досада Дмитрия еще более раздражала их. Осада затягивалась; отдельные отряды под командой отважных партизан продвигались вперед, до самого Путивля, а мятежное настроение быстро разливалось по всей области. Сдавались другие города; по «Крымской дороге» в Московию проникали запоздавшие казаки и действовали со своей стороны довольно успешно. В большинстве городов по дороге они находили очень жалкие гарнизоны из казаков других служб, которые без сопротивления братались с товарищами. В две недели Путивль, Рыльск, Севск с уездом, Курск, Кромы, за ними Белгород и Царево-Борисов, огромные территории по бассейнам Десны, Сей-

ма, Северского Донца, до верховья Оки признали «истинным царем» того, кто осаждал Новгород-Северский.¹⁸⁵

Под стенами неприступной крепости его силы непрерывно росли; не только прибывали польские волонтеры и казаки – такие представители польской аристократии, как Яков Струс с 1 000 всадников, князь Рожинский с несколькими сотнями, девять тысяч донских казаков и три тысячи запорожцев,¹⁸⁶ – но являлись и дворяне московские, и даже, важный показатель успеха, – дьяки с казной, которой снабдил их Борис для содержания своих войск. Из Путивля и других сдавшихся городов привезли пушки. Судя по одному письму из Чернигова от 11-го ноября 1604 г., Дмитрий располагал уже 38 000 людей.¹⁸⁷

Между тем главные силы Бориса еще только сосредоточивались в Брянске, на полпути между Смоленском и Северщиной. В Москве потеряли много дорогого времени в колебаниях, не решаясь остановить-

---

¹⁸⁵ Никоновская летопись, VIII, 60–61 и Русск. Ист. Библ. XIII, 26; Акты Западной России, IV, 280–281; Акты Юшкова в Чтениях Общ. Ист. и Древ. Росс., 1898, III; Собрание государственных грамот и договоров, II, № 80; Сборн. лет. к ист. южн. и зап. Рос., 78; Борша, Русск. Ист. Библ., I; Записки Паерле, Маржерета и т. д. Ср. Платонов. Очерки по истории смуты. 261–263.

¹⁸⁶ Darowsky, Kraj 1898, № 47.

¹⁸⁷ Рукописи Библиотеки Замойских в Варшаве, т. VIII, № 31.

ся на определенном плане обороны ввиду неизвестности, в которой находились относительно характера и направления наступлений, с которыми приходилось бороться. Долгое время не допускали мысли, чтобы претендент осмелился один пуститься в такой поход, и боялись вмешательства Польши. Думали было сосредоточить войска у р. Сосны близ Ливен, чтобы остановить у степей казаков, шедших на соединение с Дмитрием. Когда же этот план нашли неудачным, и пришлось подумать о защите Кром, главного узла дорог, этот город оказался уже занятым.

У Брянска войска собирались крайне медленно, и, когда в конце декабря первый отряд под командой кн. Ф. И. Мстиславского подошел к Новгороду, силы Дмитрия могли дать серьезный отпор. Польская кавалерия на этот раз проявила чудеса храбрости; тяжело раненый воевода Бориса после больших потерь ударил отбой и поспешно отступил. Легко понять, что эта блестящая победа произвела сильное впечатление; однако, последствия ее тяжело отозвались на претенденте. Главные виновники торжества, поляки, опьяненные успехом, проявили свой непокорный и задорный нрав: они потребовали немедленной уплаты всего жалованья, заявили и другие несуразные претензии. Их обычная бурливость, вероятно, еще усиливалась от неприятного сознания, что число их на-

чинает тонуть среди массы казаков и московских людей, постоянный прилив которых ослаблял их влияние в стане Дмитрия. Да и сам новообращенный католик, благодаря такой поддержке, снимал личину, становившуюся все более и более неуместной. Большая часть государства готовилась признать его царем, и он понемногу освобождался от польского влияния. Продолжал ли он потихоньку исповедываться, как свидетельствует дневник патера Лавицкого? Это возможно. Рим еще не сказал своего последнего слова. Публично претендент выказывал гораздо больше почтения Курской иконе Божией Матери. Наконец, как ни были храбры земляки Мнишека, но зимние походы не входили в их привычки. Они объявили, что желают вернуться домой. Претендент тщетно расточал свою плохо пополнявшуюся казну и унижительные мольбы, «бил челом», «падал крыжем» перед дезертирами, чтобы побудить их отказаться от своего намерения. Ему отвечали оскорблениями. – «Ты самозванец и умрешь на колу»,¹⁸⁸ – выкрикнул один шляхтич. На это Дмитрий ответил пощечиной. Рука у него была тяжелая и ловкая; слышались одобрения казаков, и размашистый ответ немного поправил его пошатнувшийся престиж. Но ухода поляков не удалось остановить. Еще под Черниговом сам Мнишек заговорил о воз-

---

¹⁸⁸ Борша. Дневник, Русск. Ист. Библ., I, 382.

вращении. Под Новгородом он написал почти отчаянное письмо киевскому епископу, жалуясь, что ожидаемые из Польши подкрепления не приходят.¹⁸⁹ Теперь он присоединился к беглецам, ссылаясь на приказание короля и на необходимость присутствовать на сейме, чтобы отстаивать интересы своего будущего зятя. Когда не хватило казны, поляки пытались увезти соболью шубу «господарчика», и русским пришлось выкупать это одеяние! Осталось несколько плохо вооруженных эскадронов под начальством нового командира, Адама Дворжицкого; иные покорно вернулись или были заменены новобранцами; польский отряд так растаял, что по прибытии в Москву его целиком могли разместить по пристройкам посольского двора. Силы Дмитрия ослабели; с приближением главной армии Бориса ему пришлось снять осаду Новгорода. Проходя через Севск по местности, где все крепости уже принадлежали ему, он пытался пробраться в Кромы. Там он мог бы обойти неприятеля слева и продолжать путь на Тулу и Калугу. Но царские воеводы пошли за ним по пятам и, вероятно, заставили его принять битву на р. Севе между Добрыничами и Чемлигом. Войска встретились 20 янв. (31 н. с.) 1605 г.; отсутствие великолепных гусар очень жестоко

---

¹⁸⁹ 3 дек. 1604, список с него имеется в библиотеке Замоиских в Варшаве.

отозвалось на Дмитриии. Отважный до дерзости, всегда готовый жертвовать собой, Дмитрий знал, что ставит на карту свою судьбу; он не щадил себя, сражаясь как простой воин; но он не мог спасти от полного поражения своей армии, охваченной паническим страхом при первом натиске врага. Отброшенный на юг, к Сейму, он не мог удержаться у Рыльска и бежал до Путивля. По свидетельству Маржерета, служившего в войске Бориса, виновниками разгрома оказались поляки, оставшиеся верными претенденту. Испуганные «залпами 10-ти или 12-ти тысяч пищалей», они первые смешались. Но более правдивый свидетель, сам Дмитрий, в письме от 18 апреля 1605 г. винит во всем запорожских казаков, и Борша, его лейтенант, в самом деле упоминает о казаках, которых царевич пытался вернуть к битве ударами своей сабли.¹⁹⁰

Как бы то ни было, поражение было полное до того, что не оставалось, по-видимому, надежды на успех. По одному источнику, претендент уже пытался было вернуться в Польшу. Его остановили московские люди, которым был невыгоден такой оборот дела; они желали довести до конца рискованное предприятие. Исход был бы несомненным, если бы воеводы Бориса вполне воспользовались победой и поспешили пре-

---

¹⁹⁰ Маржерет, стр. 78; Русск. Ист. Библ., I, 387; Pierling. La Russie et le Saint-Siège. III, 139.

следовать его до Путивля, чем бы и заставили отступить за рубеж. Щедро награжденные царем, осыпанные почестями и подарками, они впоследствии подверглись обвинениям в неблагодарности, даже в уговоре с изменниками, которые способствовали первым успехам претендента. И все-таки под Добрыничами они проявили преданную верность своему правительству: победив, энергично преследовали врага до Рыльска, который осадили. Но зимняя пора, обилие лесов и враждебное отношение населения, которое еще обострялось карательными мерами, очень затрудняли военные действия. Подобно польским ополченцам, московские войска, хотя более их послушные, даже и летом не выдерживали продолжительного пребывания в строю. Оставались ли они победителями или побежденными, они одинаково стремились на покой. Под Рыльском ряды их так быстро таяли, что Мстиславский думал совсем распустить их, отложив борьбу до нового похода. Его остановил решительный приказ Бориса. Мстиславский должен был заместить Ф. И. Шереметева, чтобы продолжать осаду Кром. Но ему пришлось иметь дело с деморализованной армией, в которую скоро проник дух измены.

Восстание в областях юго-западного рубежа, которого в Москве не предвидели, подняло большое стратегическое значение Кром, и после битвы при Добры-

ничах именно здесь, вопреки ожиданиям, должна была решиться судьба династии Годуновых. Вею весну 1606 г. боролись из-за этого пункта, откуда казаки легко могли угрожать тылу московской армии; для Дмитрия же потеря его закрывала пути к Калуге. Вынужденный идти правым берегом р. Оки, он встретил бы на переправах ряд сильных укреплений, защищавших доступ к столице.

Сооруженный в 1595 г., этот маленький городок сыграл роль Плевны. Господствуя над левым берегом р. Кромы, он был окружен болотами, через которые проходила всего одна дорога. Самый город с посадом были укреплены по образцу московских крепостей: снаружи высокий и широкий земляной вал и такая же бревенчатая стена внутри с башнями и бойницами. Весь гарнизон состоял из 200 стрельцов и немногих казаков. Начав осаду в конце 1604 г., Шереметев вел ее без успеха до марта, когда к нему присоединились главные силы Бориса и скоро завладели земляным городом; самый кремль частью сожгли, частью разрушили. Но осажденные казаки оказывали стойкое сопротивление, скрываясь, как кроты, в подземных траншеях. Ими командовал известный атаман Корела, слывший колдуном, вероятно, уроженец Курляндии,¹⁹¹ маленький человек, весь в рубцах от заживших

---

¹⁹¹ Из Кексгольма, по-русски Корела.

ран. Борис прислал подкрепления, состоявшие из посохи, крестьянского ополчения без военной подготовки. Казаки Корелы гораздо лучше его выносили все лишения и тягости зимнего времени. Они привезли с собой много саней, служивших передвижной защитой, куда заботливо прятали запасы, сухари и водку. Забившись в норы, они пили и пели песни, а по временам выбирались из логовищ, чтобы смутить осаждающих меткостью своих долгоствольных мушкетов или просто побахвалиться. С ними были женщины; разгулявшись после выпивки, осажденные заставляли несчастных взбираться на полуразрушенные стены и, подняв платья, показывать врагам мягкие части тела, в знак особого презрения и обидного издевательства.

Пока тянулась осада, между сторонами завелись и менее враждебные отношения. Начали обмениваться вестями, прикрепляя записки к стрелам. Когда у осажденных не хватило пороху, они нашли его в мешках, подброшенных в траншеи поближе к смелым стрелкам.¹⁹² Вслед за битвой при Добрыничах, когда, по-видимому, все повернулось против Дмитрия, подготовилась иная, неожиданная для всех развязка.

Под защитой Кром Дмитрий не терял времени в Путивле. Его разведчики проникали всюду от равнин

---

¹⁹² Костомаров. Смутное время, I, 179.

Днепра до Уральских гор и Крымских степей, бродили вдоль Дона, Волги, Терека и Яика, всюду возбуждая население и набирая из воинственных племен местные ополчения. Заявляя Рангони, что в апреле и мае 1605 г. он добился содействия большинства татарских¹⁹³ орд, претендент, несомненно, прихвастнул: мусульмане все время мало способствовали его успехам. Широковещательность и похвальба были ему свойственны. Потеря Кром еще грозила разрушить его расчеты, а он не стеснялся говорить и действовать как победитель. Он письменно обратился к Борису с перечислением его преступлений, как похитителя престола, и великодушно обещал прощение в награду за немедленную покорность. В посольстве к Сигизмунду он выражал сожаление, что часть подданных короля покинули «своего царя», и просил его дальнейшего содействия.¹⁹⁴ Тут много ребяческой кичливости. Татары не двигались. Только прилив казаков не прекращался. Присутствие в Путивле подлинного Гришки Отрепьева вполне установлено источниками; оно очень привлекало военные силы; а Дмитрий уже думал о реформах в своем будущем государстве.

В тайных беседах, которыми он жаловал своих польских духовников, его любимой темой, по их сло-

---

¹⁹³ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 139.

¹⁹⁴ Костомаров. Смутное время, I, 143.

вам, был план полного преобразования старой Москвы со стороны вероисповедания и культуры. Он мечтал о немедленном учреждении начальных и средних школ, даже академий. Сын Грозного разделял мнения и чувства своего отца, не считал монахов полезными сотрудниками, и поэтому находил необходимым выписать учителей из-за границы. Но учеников тоже могли не найти. Ну, тогда и их на первый случай тоже можно выписать из Германии и Англии! – Увы, в этих беседах будущий преобразователь, углубляясь в себя, замечал свою собственную слабость; его научный и литературный багаж очень скуден, составлен из спутанных обрывков элементарных знаний: плохо затверженные тексты из св. писания, смутные понятия из истории и географии: его неясные ссылки на Филиппа и Александра, Константина и Максенция, рискованные обращения к Геродоту и Фукидиду напоминают смятение мыслей Ивана IV-го. У Дмитрия была охота к знанию и приемы любознательного человека. Даже на коротких остановках на его столе появлялась географическая карта, и он умел ею пользоваться. Согнувшись над картой, он высматривал караванный путь в Индию по землям, принадлежавшим Москве или подпавшим ее влиянию, сравнивал сухопутный маршрут с морским путем вокруг мыса Доброй Надежды и находил его более удобным. Но достаточ-

но ли этих знаний для той роли просветителя, на которую он претендовал, не нужны ли прежде всего ему самому те учителя, которых он готовил для будущих подданных? Да, несомненно! А где их найти? А два духовника, не пригодятся ли они? Эти иезуиты должны быть учеными людьми. Дмитрий тотчас привлекает их к делу. Он видит книгу под рукой патера Андрея. Это том Квинтиллиана. Да здравствует риторика! Он требует, чтобы обладатель драгоценного сборника перевел ему несколько страниц, и сейчас, не медля ни минуты.

Приблизительно так же будет поступать и Петр Великий. Увлеченный новизной, нетерпеливый ученик требовал правильных занятий: утром посвящали час уроку философии, вечером час грамматике и словесности. Решили преподавать на польском языке; чтобы облегчить ученику работу, секретарь записывал уроки и давал ему в переводе. Эти подробности очень ценны ввиду тех легенд, которым долго верили. Обманщик, воспитанный в Польше под ферулой сынов Лойолы, очевидно, не нуждался бы в таких занятиях. Дмитрий же проходил одни только эти импровизированные курсы в Путивле. Он себя прекрасно держал перед учителями, – отвечал уроки очень серьезно, стоя и с непокрытой головой.¹⁹⁵

---

¹⁹⁵ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, по дневнику патера Лавиц-

Этот опыт продолжался очень недолго. Готовясь к предстоящим обязанностям, Дмитрий погрузился на время в приятные мечты, пока окружавшие его москвиты жестоко не разбудили его. Еще время не стало пробивать окно в стене, отделявшей его родину от образованной Европы. Через сто лет за это дело возьмется другой, более способный работник. Теперь же претендент еще не настолько господин положения, чтобы безнаказанно разыгрывать школьника; казаки отнеслись подозрительно к его занятиям мирскими науками, и очень враждебно к сближению царя с сообщниками сатаны, чье присутствие в стане православных было уже соблазном. Да и немало других забот скопилось у последователя Квинтиллиана. Через несколько дней уроки прекратились. Но представьте себе психологию простака, беглеца из Чудова монастыря, увлекшегося хотя бы случайно диковинками знания, в бурное время с такой живостью ума проявившего интерес к благородным занятиям, такое глубокое и верное понимание ответственной роли, которую брал на себя.

Утвердившись победителем в Москве, Гришка Отрепьев искал бы иных развлечений. В Путивле Дмитрий еще не мог свободно развернуться. Как он ни разыгрывал государя, сколько ни снаряжал по-

сольств, как ни развенчивал Бориса, переименовав Борис-город в Царьгород, новая царская резиденция все оставалась местечком, и Путивль ничем не напоминал столицу. Если бы Борис поспешно прислал новое подкрепление под Кромы и дал возможность воеводам захватить это логовище кротов, претенденту ничего бы другого не оставалось, как направиться в Рим, как того желал Остророг, и потребовать там награды за свое обращение.

Но жених Марины еще не исчерпал всех счастливых случайностей. В первые дни мая под Кромы принеслось известие о непредвиденном трагическом событии; для претендента оно равнялось значению выигранного сражения, и в такое время, когда он не мог бы отважиться на открытый бой.

V. Победа

Борис как будто не уяснил себе, какая гроза разражалась над его головой. Он отказывался понимать, как это горсть казаков и поляков-авантюристов, искателей приключений, могла взаправду угрожать его государству. Под Добрыничами его воеводы без труда разгромили шайку бунтовщиков; отчего же они не довели дела до конца? Он строжайше наказывал немедленно схватить лже-царевича, а в ответ полу-

чил неприятные донесения о постыдной осаде, которую выдерживала горсть разбойников против целой армии царя. Всегда подозрительный, он предчувствовал измену и потерял сон и здоровье. 13 (23) апреля 1605 г.¹⁹⁶ по выходе из-за стола у него открылось сильное кровотечение, и через несколько часов он скончался. Простой случай, убийство или самоубийство? Во время этого неожиданного происшествия обсуждались всевозможные предположения, и до сих пор еще ни на одном из них нельзя остановиться. Случаи кровотечения, когда кровь лила изо рта, носа, ушей и даже глаз, довольно часто встречались тогда в России; их обыкновенно приписывали отраве. Предположение о самоубийстве Бориса преобладало во мнении современников, но они сообщают такую драматическую окраску последним минутам государя, что их рассказы подозрительны.¹⁹⁷

Такое же разноречие, сохранившееся до наших

---

¹⁹⁶ Число это указано официальными документами, Собрание государственных грамот и договоров, II, № 83 и Попов, Изборник, 327, и подтверждается Маржеретом. Но надпись в Троице-Серг. Лавре указывает на 1 мая.

¹⁹⁷ Никоновская летопись, VIII, 64; др. лет. известия Русск. Ист. Библ., XIII, 39, 159, 492, 533, 574, 727, 806. *Рer. Ross. Script. ext.*, I, 31, 172; Новгородская летопись, 471; Карамзин. История Государства Российского, XI, прим. 105. См. др. источники Hirschberg. *Dymitr Samozwaniec*, стр. 109 и след.

дней, проявлялось и в суждениях о личности высококого покойника. – *Intravit ut vulpes, regnavit ut leo, mortuus est ut canis*,¹⁹⁸ сказал немец Буссов вместо надгробного слова. Не щадили Бориса Годунова ни современные ему летописцы, ни народная поэзия: – он коршун, хищная птица, он глупец, воображавший, что может править Русью, обманывая бояр.¹⁹⁹ Историки того времени тоже неблагоприятны к нему, но они все-таки пытались разобраться в чертах физиономии необыкновенного человека и темных сторонах его жизни и отыскать более верный путь и в превратностях света и тени; их преемники продолжают эти попытки, колеблясь между менее резкими, но все еще очень затруднительными противоречиями. Надеюсь, что читатели этой книги получили некоторую возможность составить себе об этом предмете более ясное и определенное представление. Всегда связанный, наконец задушенный цепью злоключений, узел которых он сам затянул в Угличе, ни во время борьбы за власть, ни тем более в немногие смутные годы царствования сам венчанный временщик так и не сумел вполне раскрыть свои несомненные сильные дарования.

Умирая, он оставил двоих детей, сына и дочь, в очень опасном положении. Сын, 18-летний Феодор,

---

¹⁹⁸ «Вошел как лисица, царствовал как лев, умер как собака».

¹⁹⁹ Киреевский. Сб. нар. песен, II, 2.

считался одаренным умом и способностями. Борис постарался дать ему далеко не то образование, какое получали по обычаю дети московских государей. Он выписал для сына иностранных учителей, рано приучал юношу к пониманию правительственных дел, судя по сохранившимся официальным документам, отец ничем не пренебрегал, чтобы укрепить за ним престол, и еще при жизни приблизил его к обязанностям и почестям власти. Дочь его Ксения славилась красотой, и даже с избытком, к своему несчастью, как увидим далее. Оба, брат с сестрой, могли привлечь к себе общее сочувствие; но Борис так энергично устранял своих соперников и всех, кто казался ему опасным, что вокруг него и его семьи образовалась какая-то пустота. Из пяти братьев Романовых трое умерли в ссылке; Филарет жил в монастыре в заключении; пятый, Иван, вернулся из Сибири совершенно разбитым. Богдан Бельский и Симеон Бекбулатович были тоже в ссылке, последний к тому же лишен зрения. Умер Андрей Щелкалов, последний видный член семьи, уже вследствие опалы своей главы отодвинутой на задний план. Из потомков Рюрика и Гедимины Шуйские, Голицыны и Мстиславские считались не опасными. Борис не стеснялся назначать их в походы против претендента. Не опасаясь их, он не мог, однако, рассчитывать на особое усердие с их сто-

роны; и маленький круг лиц, в чьей преданности он мог быть уверен, состоял из нескольких приближенных, незначительных личностей, как Сабуровы и Вельяминовы, даже ничтожных, требовавших поддержки, как Плещеевы или новейший фаворит, молодой честолюбец Петр Феодорович Басманов, из древнего, но незнатного боярского рода. В кружке не было ни одного сильного человека.

Феодор спокойно занял отцовский престол, когда мать его, царица Марья Григорьевна, подобно Ирине, уступила слезным мольбам всего народа и согласилась на воцарение сына. Эта театральная церемония записывалась в грамоту и по заведенному обычаю входила в содержание государственного акта. Новый царь тотчас решился на меру, перед которой отступал Борис. Бездеятельность Шуйского и Мстиславского под Кромами показалась подозрительной; он поспешил отозвать их, а взамен наметил Басманова. Но при армии состояли двое Голицыных, Василий и Иван Васильевичи; могли возникнуть местнические счеты, и потому к новому воеводе-главнокомандующему назначили для почета кн. М. П. Катырева-Ростовского.

Отправляясь на службу, Басманов, по-видимому, стремился оправдать оказанное ему доверие. Укрепить верность войск – его первая задача; он привел их к присяге новому государю. Но я уже указал, что фор-

мула присяги показалась сомнительной. Она только усилила шаткость мыслей, давно проявлявшуюся среди воинов; и Басманов не мог пренебречь таким предупреждением. Иные подозревали, что войско – *flos et robur totius Moscoviae*,²⁰⁰ как его называл пater Лавицкий, – уже вело сношения с Дмитрием. Это неправдоподобно. Войско было просто деморализовано и склонно к измене, вследствие соприкосновения с мятежным волнующимся населением области, среди которой велась борьба. Оно подчинялось влиянию мятежной среды, давление людских масс, увлеченных таинственной легендой, движимых отвращением к бедственным государственным порядкам и надеждой на лучшее будущее, наконец, заманчивой мечтой – приобрести что-нибудь при разделе наследия побежденных; – смесь законных порывов и темных страстей, обычные двигатели великих народных волнений.

Выдвинутые против претендента военные силы растворялись в этом брожении; смерть Бориса и смена командующих ускорили ход событий, и поворот в обратную сторону проявился вдруг среди темных трудно объяснимых условий.

По словам летописи, Басманов, братья Голицыны и М. Г. Салтыков провозгласили низложение Феодо-

---

²⁰⁰ «Цвет и ядро всей Московии».

ра и воцарение Дмитрия 17-го мая 1605 г. (стар. ст.) на собрании созванных ими представителей четырех городов – Рязани, Тулы, Каширы и Алексина. Разрядная книга, подтверждая это свидетельство, называет еще одно действующее лицо, нам уже известное – Прокопия Ляпунова. Современник Грозного Петр Ляпунов, его пятеро сыновей – Григорий, Прокопий, Захар, Александр и Степан, и два племянника, Семен и Василий, принадлежали к очень влиятельной семье служилых людей рязанской области, чрезвычайно подвижной и деятельной, хотя не возбуждающей симпатий. Мы видели некоторых ее членов во главе мятежа, вспыхнувшего вслед за смертью Ивана IV; позже все они выдвинутся в самые бурные моменты «Смутного времени», наступающего теперь при их вероятном содействии. В правление Бориса Захар дважды, в 1595 и 1603 гг., подвергался строгой каре за разные проступки: местнические ссоры и преступные сношения с непокорными казаками. Следует думать, что он вместе с братьями возбуждал и направлял местное мятежное движение, перед которым отступили Басманов и другие воеводы.

Главная масса войск играла пассивную роль в этих происшествиях; немецкая конница желала сохранить верность своим обязательствам, а князь Телятевский даже упорно защищал вверенную ему артиллерию и

затем спасся в Москву. По одному рассказу, повторяющемуся в других сказаниях иностранцев, Дмитрий ускорил переворот очень грубой выдумкой. Осаждающим дали возможность перехватить письмо, адресованное им в Кромы; из него узнали, что польский король присылает Жолкевского, который приближается с 40 000 поляков. Один из офицеров претендента, Ян Запорский, отправленный в то же время в Кромы с отрядом в 1 000 человек, не знает этой подробности, но уверяет, что расстроил московское войско, захватил сто пушек, чем и побудил его сдаться.²⁰¹ Это, очевидно, басни; в этом случае Ляпуновы лучше послужили на пользу пострадавшего при Добрыничах. Василий Голицын с Басмановым, по некоторым свидетельствам, оказывали только притворное сопротивление народной массе, велели себя даже связать на всякий случай, чтобы лучше прикрыть измену.²⁰² Наоборот, Маржерет обвиняет Василий Ивановича Голицына и Басманова в том, что они сами велели связать других воевод. А Василий Иванович Голицын отсутствовал! Как всегда, известия сбивчивы и противоречивы.

Дмитрий был извещен о смерти Бориса 5-го мая

---

²⁰¹ См. это свидетельство и несогласное с ним известие другого поляка – сторонника Дмитрия – Вислуха, у Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, p. 113.

²⁰² Никоновская летопись, VIII, 66.

молодым сыном боярским Авраамом Бахметьевым, служившим в царском войске под Кромами, что и подало знак к отложению. 22-го мая многолюдное посольство с кн. Иваном Голицыным во главе привезло в Путивль изъявления покорности и верноподданнических чувств всей армии. Один путешественник записал слухи о некоторых условиях, предварительно предложенных претенденту и принятых им. То был Петр Аркудиус, родом из Корфу, присланный Римским двором в Польшу с миссией, частью политической, частью научной, не имевшей непосредственного отношения к Московии. Проекты конституционных договоров со слабыми преемниками Грозного носились в воздухе, как мы знаем. Они вспыхивали во время избрания Бориса; они станут на очередь во все критические моменты, какие предстоит переживать московской системе централизации и принципу самодержавия до самого воцарения Романовых. Но войско, сдающееся без битвы, не может предписывать условий; ни один источник не подтверждает подобного факта, к тому же не оставившего следа в позднейших событиях.²⁰³

Победитель, не выигравший, со своей стороны, сражений, не проявивший до сих пор талантов полководца, Дмитрий показал себя с лучшей стороны как

---

²⁰³ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, II, 375, III, 169.

политик. Чтобы воспользоваться своим торжеством, он не нуждался в войсках, так плохо служивших делу Бориса. Он поспешил их распустить, кроме небольшого отряда, который направил в Орел. Исполнение этих распоряжений было возложено на кн. Бориса Михайловича Лыкова, старинного друга Романовых и будущего мужа дочери Никиты Романовича; выбор знаменательный. Затем, не теряя времени, 26-го мая претендент двинулся вперед со своими казаками и поляками. По словам очевидца, не доверяя донцам и запорожцам, он заботливо отдалял их от своих шатров и окружал себя исключительно польской стражей. Но очевидец был сам поляк!²⁰⁴

На дороге из Путивля в Москву через Орел и Тулу только гарнизоны Калуги и Серпухова оказали некоторое сопротивление победителю. Под стенами Серпухова он стоял в тех же шатрах, в которых семь лет назад Борис изумлял великолепием татарское посольство. Вокруг Дмитрия образовался уже двор; он начинал править. В Москве же еще существовали царь и правительство; там захватывали и казнили послов Дмитрия. Простонародье столицы, чернь, после смерти Бориса постоянно волновалась. Пытавшихся ее успокоить бояр она смущала нескромными вопросами о царевиче Дмитрие и Гришке Отрепьеве и тре-

---

²⁰⁴ Борша. Рос. Ист. Библ., I, 396—7.

бовала подробных сведений о катастрофе в Угличе. Но до измены войск под Кромами с этими беспорядками кое-как справлялись. Угличский следователь, кн. Василий Иванович Шуйский, выходя на Лобное место, клятвенно уверял, что сына Марии Нагой нет в живых. После событий в Кромах положение быстро ухудшалось. Грозный мятеж осложнялся паникой. Прошел слух, что атаман-чародей Корела уже стоит под стенами столицы. Богатые люди прятали свои сокровища; они одинаково боялись и казаков и черни. Начальство все-таки пыталось организовать оборону, вооружая стрельцов, устанавливая батареи по стенам. Но приказания плохо исполнялись, а толпа смеялась над ними.

10-го июня 1605 г. два гонца Дмитрия, Наум Плещеев и Гаврила Пушкин, появились в Красном Селе, предместье столицы, населенном давнишними врагами Годуновых, купцами и ремесленниками. Гонцам тотчас же предложили провести их в город. Отряд стрельцов явился было загородить им путь, но быстро рассеялся, и оба беспрепятственно прибыли на Лобное место. Народ тотчас собрался и выслушал содержание письма претендента к боярам.²⁰⁵ Этим все кончилось; судьба Годуновых была решена. Патриарх умолял бояр вступить и помочь; но тут, говорит ино-

---

²⁰⁵ Акты археографической комиссии, II, 80.

странец Пеер Персон, который, впрочем, один только и сообщает этот факт, Василий Иванович Шуйский отрекся от своих слов и объявил, что царевич Дмитрий спасся от смерти. Позднейшие события указывают только на быстро установившееся соглашение между мятежниками и теми, кому поручали их успокоить. Толпа хлынула в Кремль; захваченные народными волнами бояре явились туда же и даже руководили арестом Феодора. Вместе с матерью и сестрой его заключили в дом Бориса, где они жили до его воцарения. Тогда же арестовали всех их родственников и друзей.

Но чернь не могла этим удовлетвориться. Ее страсть к насилиям разгоралась; мужики разграбили и разнесли дома заключенных. И этого было мало. По тайному приказу, нашептанному неугомонным Богданом Бельским, который вернулся из ссылки по смерти Бориса, рассвирепевшие мстители набросились на иностранцев, особенно яростно на немецких врачей царя. Эти продавцы разных снадобий имели богатые погреба. Толпа бросилась в них и подогрелась на новые бесчинства.

Бояре смогли проявить свою власть только тем, что отправили посольство в Серпухов. В его состав вошли представители, высшей московской знати, кн. Ф. И. Мстиславский, кн. И. М. Воротынский, сам Василий:

Иванович Шуйский с братьями, Дмитрием и Иваном. Высокие господа встретились в стане претендента с депутатией донских казаков, и Дмитрий дерзнул оказать почет донцам, допустив их первыми к руке. Уже после них ввели бояр, которых он встретил строгой речью. Более чем сомнительно, чтобы Гришка Отрепьев осмелился при подобных обстоятельствах вести себя в таком духе.

Узнав еще в Туле о покорности столицы, царевич, теперь признанный царем, выслал часть своей армии под начальством Басманова, чтобы занять ее; заведование делами он поручил кн. В. В. Голицыну с двумя товарищами, кн. Василием Рубцем-Масальским и дьяком Сутуповым, которые раньше выслужились тем, что сдали ему Путивль. Отправляясь в Москву ранее своего повелителя, они, несомненно, получили приказания, как поступить с Годуновыми; смысл их неизвестен, но не хочется верить, чтобы они предрешали ужасную участь, постигшую несчастную семью.

VI. Судьба побежденных

Голицын с товарищами прежде всего устранили патриарха Иова; его схватили во время службы в Успенском соборе и простым монахом отправили в монастырь г. Старицы. Родственников Феодора тогда

же развезли в ссылку по разным местам, а самого предприимчивого из них, Семена Годунова, задушили в Переяславле. Что произошло в доме, где жил с близкими низложенный царь – дело очень темное; истина тонет в новом наплыве противоречивых сообщений. По преданию, этот дом принадлежал мрачной памяти Малюте Скуратову;²⁰⁶ он полон страшных воспоминаний; народное воображение населило его кровавыми привидениями. 6-го июня 1605 г. его стены сделались свидетелями новой отвратительной трагедии. Здесь был убит Феодор, задушен подушками или разmozжен дубиной после долгой борьбы. Смелый и сильный, он упорно боролся с нападавшими, приставами Масальского, среди которых отличился бывший дьяк двора Грозного Андрей Шереметин, пользовавшийся дурной славой.²⁰⁷ Борис отстранял его от дел. Дмитрий, наоборот, наделил его на ту пору осо-

---

²⁰⁶ Впоследствии, по приказу Дмитрия, все постройки были снесены; дворовое место в 1869 г. перешло в собственность Им. Об-ва люб. древ. письменности. См. Иконников. Опыт русской историографии. I, 2 ч., 1017.

²⁰⁷ Никоновская летопись, VIII, 69–70. Различные свидетельства передают ужасные и отвратительные подробности, неудобопередаваемые. Сравн. Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, 122. Автор считает Дмитрия непричастным к этой расправе, ссылаясь на Буссова, который дает более позднюю дату посылки Масальского с товарищами. Но более допустимо, что Буссов ошибался, ввиду других очень точных указаний на это время.

быми полномочиями, характер которых, однако, нам неизвестен.

Вдова Бориса не пережила сына; ее убили вместе с ним, если она сама не покончила с собой. Ксения, отравленная или отравившаяся, едва не умерла. Во время данное противоядие спасло ее для более тяжелой доли. До Дмитрия давно дошел слух о ее прелестях, прославляемых всеми современниками. Это был тип заурядной русской красавицы, с очень белой кожей, ярким румянцем, алыми губами и длинными волосами, пышными косами падавшими по плечам; она, подобно брату, получила тщательное образование. Она правильно писала, приятно пела, обладая прекрасным голосом. – «Ее тело было словно из сливок», говорит восторженный летописец, «а брови ее сходились». Новый повелитель России не мог не оценить такой красоты. Уже целый год, как из-за любви он только подписывал дарственные грамоты; Марина же была далеко. Когда тело Феодора и его матери отвезли в Варсонофьевский монастырь, что на Сретенке, чтобы предать земле, как бедняков, кн. Масальский приберегал Ксению у себя или у верного пособника, – «для потехи повелителя». – Дмитрий царствовал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На высоте

I. Восшествие на престол

20 июня 1605 г. солнце ярко горело на лучезарном небе, и сердца людей радостно играли. Все население столицы высыпало из жилищ. Самые крыши домов расцвелись принаряженными горожанами; люди, как грозди, висели на деревьях. Медленно тянулись часы ожидания; тысячи глаз впивались в далекий горизонт на востоке, и в глубине внимательной, напряженно-сосредоточенной, как в храме, народной массы разгоралась лихорадка радостного нетерпения. Наконец на Коломенской дороге показалось облако, сквозь которое посверкивали огненные полосы. Загрохотали пушки, и тотчас словно колоссальная волна пронеслась по людям, пригибая к земле, как бы стирая взволнованный народ, обращая в ковер трепещущего мяса быстро склонившиеся тела; когда все лежали расплостертыми, прижимая лбы к земле, от этого пыльного слоя рабов колоссальный вопль вознесся к небу: «Челом бьем нашему красно-

му солнышку!»

Затмевая великолепием светило небесное, «красное солнышко» появилось на левом берегу р. Москвы среди пышного поезда: стрельцы в раззолоченных красных кафтанах, русские всадники, сияя золотом и камнями, польские гусары в блестящем вооружении окружали роскошной рамкой величественный строй русского духовенства. «Солнышко» приближалось в сиянии величия и могущества.

– «Дай тебе Бог здоровья!» – кричала толпа, вся трепещущая в прилив страстной преданности, с плачем и рыданиями изливая в воплях свое счастье, свою любовь. Приподнимаясь на стременах, Дмитрий отвечал: – «Дай Бог вам тоже здоровья и благополучия. Встаньте и молитесь за меня!» – Он прибыл! Переехав мост, он вступил на Красную площадь и приближался ко дворцу, из которого его так позорно изгнали 20 лет тому назад. Но вдруг небо помрачилось; порыв вихря, подняв густую тучу песка, точно накинул траурный покров на ликующее великолепие праздника.

– «Господи, помилуй нас!» – шептали мужики, крестясь и пересуживая между собой мрачное знамение.

Предвестник бедствия, которого никто еще тогда не мог предвидеть, вмешательство атмосферического явления могло быть и выдуманно впоследствии до-

гадливый летописец. Куда ужаснее была бы буря, как бы нарушила она торжественное вступление новообретенного царя в отвоеванную столицу, если бы из этой самой распростертой при его проходе толпы десять, сто голосов выкрикнули:

– «Прочь! Ты не тот, кого мы ожидали, кому посылали приветы и благословения! Мы тебя узнаем! Мы слушали твой голос за аналоем, пили с тобою по кабакам! Ты – не Дмитрий: тот, без сомнения, умер и не вернется. Ты – Гришка Отрепьев!»

Но ни одна летопись не помнит таких нестройных криков; да и мудрено им было раздаться! – Ведь бывший дьякон Чудова монастыря был тут же, следуя за всеми признанным обожаемым господином, и обменивался знаками с былыми собутыльниками и случайными товарищами! Не раздалось ни единого обличительного враждебного крика, когда, по обычаю, царь остановился у Лобного места, московской трибуны, с которой несколько дней назад Василий Шуйский объявлял народу о несомненной смерти Дмитрия и самозванстве того, кто воспользовался его именем. Духовный сын иезуитов явился в Кремлевские храмы исповедовать преданность вере отцов, а пока Благовещенский протопоп Терентий, очень речистый оратор, приветствовал монарха и испрашивал у него прощения народу, жертве долголетнего обмана и

лжесвидетельств; одни только польские спутники победителя по своему простодушию нечаянно нарушили праздничное настроение. Выстроенные для парада на паперти храма, они, стараясь угодить, усердно заиграли на трубах. Набожность и ревность москвичей встревожились. А Терентий, как нарочно, намекал в своей речи на опасность иностранных влияний; отдаваясь телом и душой сыну Грозного, народ рассчитывал безраздельно обладать им. Затем торжественное шествие мирно закончилось, – Дмитрий вступил в жилище предков. По дороге он не пошел мимо дома Бориса, распорядившись немедленно разрушить его; праху похитителя власти предстояло покинуть Архангельский собор и занять место на более скромном кладбище. Законный наследник Грозного очищал от посторонних свое жилище.

Однако на Красной площади по удалении царя произошло какое-то замешательство; чем-то проявилось присутствие сторонников павшей династии; ведь посланный царем Богдан Бельский вынужден был целовать крест в том, что сейчас приветствовали сына Ивана IV и Марии Нагой. Его клятвы не встретили возражений. Летопись называет только одного протестовавшего. Он прибыл издалека и выступил на другой день после торжества. Епископ астраханский Феодосий уже обратил на себя внимание энергичными про-

тестами против претендента. Привезенный в Москву, он, будто бы, в присутствии Дмитрия отстаивал свои взгляды: – «Бог знает, кто ты, ибо истинный царевич убит в Угличе».²⁰⁸

История не сообщает, какой ответственности подвергся отважный иерарх, – и это уже указывает на неправдоподобность самого происшествия. Судя по той же легенде, Феодосий и не думал отождествлять царя с Гришкой Отрепьевым, а Дмитрий вовсе не боялся встреч с лицами, знавшими бывшего дьякона, и поспешил вернуть из ссылки архимандрита Пафнутия и поселить его в самой Москве в сане митрополита. Вообще духовенство легко и без оговорок признало новый порядок.²⁰⁹ Может быть, Феодосий стремился наследовать Иову. Но первым из русских иерархов, признавшим права претендента, когда он еще стоял в Туле, был рязанский архиепископ, грек Игнатий, до того архиепископ острова Кипра, что возвышало его права по службе. Впоследствии духовные и светские историки нашли другую причину его избрания, объявив его тайным приверженцем Рима. Когда Дмитрий погиб, Игнатий, действительно, удалился в

---

²⁰⁸ Чтение Общ. И. и Др. Рос. 1847, IX, 2 ч., ст. 17 и 1848, IV, 65–66.

²⁰⁹ См. проникнутые этим духом Записки Арсения, арх. Элассонского, в Трудах Киев. Дух. Ак., янв. – март 1898 г., изд. Дмитревского, стр. 100–116. Ср. Карамзин. История Государства Российского, XI, прим. 377.

Польшу, получил пенсию от Сигизмунда и вступил в унию. Но нельзя утверждать, что он и раньше готовился к ней; послание нового патриарха при вступлении его на престол, обращающее к Творцу мольбы – «воздвигнуть десницу царскую над неверными и католиками», по-видимому, не допускает таких подозрений.²¹⁰ Этот выбор объясняется проявлением самодержавной власти, но вместе с тем он совершился и путем законного избрания.²¹¹

С этой стороны Дмитрию вначале нечего было бояться оппозиции, которой он не смог бы сразу подавить. Подобно своим товарищам, Василий Иванович Шуйский не мог похвалиться приемом в Серпухове. К нему самому могли отнестись особенно нелюбезно. Можно думать, хотя у нас и нет вполне ясных указаний, что он подготовлял заговор еще ранее въезда Дмитрия и привлек к нему представителей высшего московского купечества, сторонников своего рода. Неудачная попытка была открыта, виновник ее арестован и предан суду трибунала, который некоторые историки называют «собором». Многие выдающиеся умы в России, тоскуя по представительному строю, злоупотребляют этим термином, приятным

---

²¹⁰ Левицкий. Патриарх Игнатий. «Странник», окт. 1881 г., стр. 195. Макарий. История русской церкви, X, 108.

²¹¹ Записки Арсения в вышеук. сборнике.

сердцу. Вероятно, Шуйского судило назначенное на этот случай собрание высших духовных и светских чинов. В характере приговора не могло быть сомнений, – следователь по Угличскому делу пошел сложить голову на плахе.

Но тут Дмитрий внезапно и резко отклонился от своей первоначальной политики. С приемных дней в Серпухове он как бы решился идти по стопам отца, опираясь на народную массу, на ее несомненную преданность, которая противопоставлялась честолюбивым проискам бояр. Эта политика при тогдашних условиях была бы, пожалуй, лучшей, если бы выдерживалась с необходимой последовательностью; но ее-то Дмитрию не доставало. Очень способный, он не был ни гением, ни даже выдающимся человеком. Из этого можно вывести лишний довод в пользу его подлинности: чтобы сыграть опытным актером ту роль, которая привела его в Кремль, гениальность пришлось бы весьма кстати. Шуйский уже положил голову на плаху, объявив, по одним свидетельствам, Дмитрия лжецом и самозванцем, по другим, наоборот, взывал к милости монарха, когда ему объявили помилование. Толпа роптала, лишившись зрелища, которое напоминало ей обычные картины времен Грозного, и обвиняла поляков, будто бы причинивших ей это разочарование. Письмо Дмитрию от его польского

секретаря, Яна Бучинского, показывает, что ни он, ни его земляки непричастны к этому делу.²¹² Сын Ивана IV просто поддался своему слабому и великодушно-му нраву, отчасти и влиянию окруживших его могущественных бояр, родных и друзей Шуйского, близости которых он теперь не мог избежать. Как увидим далее, он все более и более склонялся к сближению с этим элементом, чтобы сделать его опорой своего правительства. Отправленный в ссылку с обоими братьями, Василий Иванович уже на дороге был настигнуть гонцом с царской милостью; его вернули в Москву и возвратили ему честь и имущество. Дмитрий, очевидно, отвертывался от отцовских преданий. Он рассчитывал ласками привлечь к себе тех, кого так жестоко теснил Грозный. Он мирволил даже заговорщикам.

Торжество опьяняло его; оно слишком легко досталось. Ведь он вступил в Москву, не пролив капли крови! Восторжествовав над попытками обличений, одно его имя открыло ему все двери и все сердца. У него было в руках средство еще более блестяще укрепить свои права. Ожидался приезд его матери. Он выбрал одного из Шуйских, Михаила Васильевича из линии Скопиных, чтобы извлечь заключенную из ее отдален-

---

²¹² Собрание государственных грамот и договоров, II, № 121. В том же смысле: Борша, Рус. Ист. Биб., I, 399. В противоположном: Niemojewski, Pami(tnik, стр. 117.

ного монастыря. В конце июля Марфа приближалась к стенам столицы; Дмитрий выехал ей навстречу в Тайнинское среди громадного стечения зрителей. Свидетельства опять расходятся относительно подробностей этого свидания, напоминающего сцену из «Пророка» на обратных ролях; по-видимому, в нежных излияниях чувств не было недостатка.

До сих пор молчание бывшей царицы было довольно красноречиво; если она проявила этим некоторое сочувствие успехам авантюриста, на нее падала доля ответственности в его опасном предприятии; Борис же, несомненно, щедро наградил бы ее за отречение от претендента. Теперь ее свидетельство имело меньше значения; однако Дмитрий вызвал слезы умиления у подданных, когда шел пешком, без шапки у кареты возвращенной ему матери, и когда потом ежедневно навещал ее в Вознесенском монастыре, где ее поместили; пролив слезы, народ укрепился в своей уверенности.

За этим радостным событием скоро последовало коронование, превзошедшее в пышности все предыдущие. По свидетельству патера Андрея Лавицкого, Дмитрий пожелал у него исповедаться перед совершением этого обряда. Это возможно. Современник Генриха IV, краковский новообращенный всегда восхищался личностью Беарнца, и Кремль в его глазах,

без сомнения, стоил двух обеден. Уважение к католической вере, оказанное в уголке дворца, нисколько не мешало ему, даже если оно и в самом деле было исполнено, тотчас за ним после коронации принять участие по православному обряду из рук нового патриарха. На это новый царь испрашивал особое разрешение папы. Разрешение не торопились дать; он обошелся без него, а патер Андрей соглашался закрыть на этот случай глаза. Мог ли он не согласиться, когда монарх всенародно выслушивал приветствия патера Николая Чижовского на польском языке, а по тайности выражал удовольствие, что день коронации совпадает с праздником св. Игнатии Лойолы?²¹³ Затем, как бы для того, чтобы уравновесить значение вероисповеданий, он ходил на богомолье в Троице-Сергиеву лавру и вполне православно интересовался изданием священных книг, которым под его покровительством занимался Иван Невежин. За исключением митрополита ростовского Кирилла Завидова, вынужденного уступить свою кафедру Филарету Романову, который, может быть, и заслуживал предпочтения, духовный сын патера Андрея оставил на местах всех епископов, как бы они ни были враждебны Риму, не только расточал перед ними милости и знаки свое-

---

²¹³ Pierling. *La Russie et le Saint-Siège*, III, 191. Ср. его же «*Rome et Démétrius*», 88.

го уважения, но в самой Польше давал пособия воинственному православному братству г. Львова, несмотря на протесты и негодование Сигизмунда.

В Путивле, советуясь с духовниками, он обдумывал, подобно Ивану IV, коренное преобразование русских монастырей, «убежищ тунеядцев». В Москве, вопреки сообщению Буссова, он не коснулся даже вопроса о секуляризации монастырских имений, видной части политического наследия, полученного от предшественников; временный заем 30 тысяч рублей из казны Троице-Сергиевой лавры, как на это ни негодовал знаменитый келарь Авраамий Палицын, был щедро оплачен многими льготами, избавлением от поборов и повинностей перед администрацией, что очень щедро жаловалось всем общинам в это царствование.²¹⁴

Возвышение Филарета было одной из мер, принятых для вознаграждения пострадавших. Если даже Романовы и не помогали Дмитрию, то все же они были его родственниками. Брат нового ростовского митрополита, дряхлый Иван, был произведен в бояре. Дядя царя, пьяница Михайло Нагой, сделался конюшим. Отстраненный Борисом от дел Василий Щелкалов, вместе с другим дьяком, Афанасием Власьевым, произведены в окольные. Это пожалованье оскорбляло

---

²¹⁴ Акты исторические, II, 71–9; Муханов, Сборник, ст. 203–206.

обычаи; но Дмитрий, должно быть, этим выплачивал им долг за услугу, да ему не была чужда и дерзость новатора. Московские обычаи делали из монарха род идола, который с пышностью укрывали в святилище Кремля. Сын Марии Нагой удивлял бояр, ежедневно являясь в Думу, и возмущал их неутомимым вмешательством в их прения. Он захотел лично принимать челобитные, и проявил еще большую дерзость, вернее – необычайную наивность, потребовав, чтобы отныне дела решались без подношений.

В другом отношении, изъявив желание держаться принципа реставрации, он, однако, отклонялся от традиций предков, собирателей русской земли, бережливых правителей и осмотрительных хозяев. Дмитрий с первых шагов превзошел в расточительности даже Бориса, стараясь, чтобы от него не уходили с пустыми руками; он удвоил пенсии служилых людей и во всех областях установил новое, более щедрое наделение поместными землями.²¹⁵ В противоположность Годунову, он с первого же шага проявляет удивительную доверчивость, которая, возрастая, обращается в какое-то ослепление, пренебрегающее элементарными предосторожностями. Пользуясь примерами прошлого, Борис запретил вступать в брак князьям Василию

---

²¹⁵ Собрание государственных грамот и договоров, II, 261; Акты Московского государства, изд. Попова, I, 77–78.

Шуйскому и Мстиславскому; Дмитрий сам предлагает им жениться и выбрать подруг из его близкой родни. Он не страшился соперников, не боялся соревнования; эта черта не обличает в нем авантюриста! В то же время средства расточаются без счета. В январь 1606 г., шесть месяцев спустя после воцарения, Ян Бучинский, его секретарь, подвел огромный итог в семь миллионов с половиной, затраченных из бюджета, не превышавшего по размеру четверти этой суммы! На получаемые замечания царь возражал, что он в долгу у многих своих подданных, а других предпочитает привлечь к себе щедростью, а не тиранией.²¹⁶

Но в то же время у него оставались долги, с оплатой которых он не торопился.

II. Цена победы

Как известно, в Польше Дмитрий принял на себя три рода обязательств, различных по содержанию и по происхождению, но тесно связанных между собой. Сигизмунд соглашался на воцарение в Москве царя, присоединившегося к католичеству и женатого на польке, но с условием, чтобы король Польши и развенчанный повелитель Швеции извлек из этого кое-

---

²¹⁶ Собрание государственных грамот и договоров, II, 258.

какие выгоды. Рим тоже не мог согласиться на брак католички с православным, хотя в тайне обращенным, и оказывать покровительство крайне загадочному претенденту, если его победы не доставят церкви ощутительной пользы. Наконец, осуществление честолюбивых замыслов Мнишека и его дочери вполне зависело от варшавского двора и папского престола.

В действительности Дмитрий, конечно, и не думал передавать польскому соседу или будущему тестю две из лучших областей своего государства; еще менее думал он о невыполнимой задаче – осуществлении церковной унии. Тут он наверное рассчитывал остаться неоплатным должником. Даже венчанным победителем он настаивал на браке с девицей Мнишек и очень торопил ее отъезд в Москву. Он был очень влюблен, хотя и обманывал свое нетерпение сближением с красавицей Ксенией. Самая искренняя, бескорыстная любовь может, однако, подвергаться весьма странным осложнениям; так и тут, к страстным мечтаньям жениха Марины примешались другие, очень далекие от нежной страсти.

Во время краткого царствования Дмитрия в Польше разразился мятеж, уже подготовлявшийся в дни его пребывания в Кракове, а вождь его, Зебржидовский, был одним из покровителей претендента. Вполне допустимо, как прежде предполагали и впослед-

ствии даже публично утверждали, что король Польши думал воспользоваться ложным или подлинным царевичем, чтобы разделить Московию, а политические противники Сигизмунда, со своей стороны, в этой личности противопоставили ему соперника, который присоединением к католичеству и браком с полькой устранял препятствия, мешавшие до тех пор соединению воедино обоих государств. Наконец, Дмитрий мог и сам обольщаться такой надеждой. Дорога от Кремля до Вавеля казалась ему короче той, которую он так быстро и легко пробежал от передней Брагина и кухонь Гощи.

Не будучи великим человеком, преемник Бориса Годунова был человеком величавых замыслов. Его подчинение Риму было только уловкой, на время надетой личиной. Достигнув престола, он рассчитывал, однако, взаправду, на этот раз, с помощью Рима сделаться в близком будущем предводителем союза католических держав Европы для борьбы с Портой. Рядом с этим честолюбивым притязанием молодого монарха существовало другое, вполне с ним согласуемое, – требовать возврата наследия Ягеллонов, земель старых русских повелителей Литвы. И одно время оба эти предприятия уживались бок о бок в честолюбивых помышлениях молодого государя. По мере того, как он знакомился с европейской политикой,

с истинным положением дел, перечившим его мечтам, первый замысел становился все химеричнее в его собственных глазах, и он, судя, по многим данным, сосредоточивался мыслью на втором. Об этом можно судить по дальнейшему повествованию.

Узнав о событиях в Москве, король Польши и папа позаботились одновременно о взыскании долгов по обязательствам победоносного претендента. Сигизмунд поспешил отправить в Москву велижского старосту Александра Гонсевского. Наказ этого посла помечен 23 августа 1605 года. В Риме же с 5-го августа заготавливали инструкции для графа Александра Рангони, племянника польского нунция. Официально миссия Гонсевского представлялась актом простой вежливости. Сигизмунд приветствовал Дмитрия по случаю его воцарения и приглашал его на свою свадьбу с эрцгерцогиней Констанцией. Но, явное дело, для такого заурядного поручения, король не избрал бы одного из своих лучших воинов. На деле среди разных других вопросов Гонсевский привез проект совместных военных действий против Карла Шведского. Подготовили самое широкое распространение в публике того письма, которое Дмитрий собирался будто бы тогда послать «шведскому узурпатору». Составленное в тоне посланий Грозного к королю Иоанну, властное и высокомерное, оно равнялось бы объявление

войны. Гонсевскому не привелось узнать, добился ли бы он такого скорого согласия на желания его государя. Но упорный должник, жених Марины, при первой же встрече с кредитором очень ловко справился с затруднениями. Издавна установившиеся дипломатические сношения Польши с Московией давали ему в руки превосходный предлог для отговорок, которым он тотчас воспользовался. Краковский двор упорно отказывал Московскому в признании царского титула, принятого Грозным. Он держался старой формулы с титулом великого князя. Дмитрий пошел еще дальше по пути, пробитому его предшественниками: он приказал величать себя «императором», и даже «непобедимым»! Гонсевский не был уполномочен соглашаться на такие притязания, и этот первый вопрос сразу закрыл дорогу дальнейшим переговорам. Молодой царь под этим предлогом решительно уклонился от них; но затем осыпал посла любезностями и ласками. Делу был дань ловкий оборот. Но неудача одного кредитора должна была неизбежно отразиться на поведении другого. Все соображения и расчеты папы из-за этого перемешались.

С 16 мая 1605 г. папой стал Павел V, Камилл Боргезе. Его предшественник, Климент VIII, предусмотрительно оставил без ответа второе письмо Дмитрия, от 30 июля 1604 г., где претендент, по-прежнему настаивал

вая на своей преданности папскому престолу, точнее указывает на вознаграждение, которое ожидает получить. Читая депешу Рангони от 2 июля 1605 г. о происшествиях в Москве, Павел V вдруг воспламенился духом. С 4 августа папские грамоты летели в Польшу к польскому королю, к кардиналу Мацейовскому, к самому Мнишеку, заклиная их воспользоваться ниспосылаемым свыше случаем. Святому отцу казалось, что уния уже торжественно провозглашена в Москве, и он готовился к отправлению своего легата. А пока, в ожидании, он с таким нетерпением торопил отъезд графа Рангони, что нунций, не имея возможности так скоро снарядить племянника в длинный путь, решил послать вперед одного из его секретарей, Луиджи Пратиссоли, который при случае должен был просить посредничества Дмитрия для доставления польскому нунцию кардинальской шапки, давно ожидаемой им. Рим не мог бы отказать новообращенному, который вел за собой в лоно церкви миллионы верных!

В ноябре Пратиссоли, оба иезуита – духовники царя, и Гонсевский собирались близ Кремля на очень интимные вечера, где, по-видимому, царило полное согласие; происходил обмен подарков и взаимных любезностей. Но Пратиссоли и Гонсевский должны были возвращаться в Краков, и приходилось вести себя скромней; Ян Бучинский ехал с ними с письмом

Дмитрия к нунцию (15 ноября 1605 г.), в котором царь просил представителя папы исходатайствовать для него в Кракове и Риме: разрешение Марине в день ее коронования причаститься по православному обряду и соблюдать воздержание по средам, и признание королем польским императорского титула, принятого царем. Об унии не говорилось ни слова, ни одного намека на готовность считаться с более ранними требованиями Сигизмунда.

Хорошо понимая всю дерзость, даже непристойность поступка, Дмитрий решил тогда же со своими просьбами обратиться непосредственно к папе. Патера Андрея Лавицкого, которого это время держали в стороне, принимали очень редко, после долгих настояний, и то ночью, в большой тайне, вдруг призвали в Кремль, обласкали, ошеломили любезностями и отправили в Рим с инструкцией на латинском языке, подписанной – император и переполненной разными политическими соображениями. План войны с Турцией и союза с Польшей ради этой цели; обращение к св. отцу по поводу злостного отказа Сигизмунда признать за царем императорский титул; кардинальская шляпа для Рангони; обещание скорого посольства к императору с предложением вступить в союз против оттоманов, – все это находил Павел V в грамоте и многое другое, кроме того, что особенно желал найти

– ни малейшего намека на осуществление его разгоревшихся надежд.

Велико было разочарование Ватикана, и великим гневом закипели на Вавеле. Тщетно Марина послала в Рим тогда же послание, насквозь пропитанное благочестием и ревностью к церкви: – «Только бы светлые ангелы благоволили довести ее до Москвы, не будет у нее иной заботы, кроме торжества истинной веры». – Не до того было! – Несмотря на всю его невозмутимую наивность, на его стремление вознаградить себя хоть с этой стороны за те заботы, которыми тогда удручала его Венеция со своим дожем Леонардо Донато, изгоняя иезуитов и восставая против церкви, Павел V не соблазнялся перспективой пути, который удалял его от выполнения прежних планов и грозил поссорить с королем Польши. Что это не соблазнило его, блестяще доказывает действительный исход двойной дипломатической кампании, которую Дмитрий вел в Риме и Кракове с такой странной развязностью. Получился чисто отрицательный результат. Рангони, в погоне за кардинальской шляпой, и иезуиты, преследовавшие по-своему политику рискованных соглашений, в одиночестве продолжали идти вперед.

Проезжая через Краков, патер Андрей Лавицкий удивил своим необыкновенным внешним видом и

странными понятиями, господствовавшими среди сынов Лойолы относительно религиозной унии, которую они рассчитывали провести в жизнь. Несколько лет тому назад, посещая протестантские дворы северной Европы, Поссевин наряжался светским кавалером, со шпагой у бедра и со шляпой в руках; патер Андрей явился в Краковскую коллегию св. Варвары в одежде русского попа, в просторной рясе с широкими рукавами, с бородой и длинными волосами. На Вавеле ему бы простили наряд, но что касается Дмитрия, то он заходил слишком далеко! Не только он осмеливался затягивать расплату с должниками, а еще вторгался в их собственные права! Сигизмунд рассердился, а гнев короля тотчас отразился на разочаровании папы.

Инструкции, присланные Рангони, не оставляли сомнений в перевороте, происшедшем в Ватикане. Приказано остановить выезд графа Рангони. Бросая тень на короля Польши, его миссия становилась теперь ненужной, даже с точки зрения папы. На ходатайство разрешить Марине исполнение некоторых православных обрядов ответили категорическим отказом. Ранее, будучи еще кардиналом в конгрегации инквизиционного суда, Павел V дал благоприятный ответ на эту просьбу; теперь он его не помнил. О союзе против турок отозвались иронически-уклончиво. Еще чувствительней поразило Дмитрия то обстоя-

тельство, что папа не только отклонил от себя обязательство по отношению к титулу, которого добивался неблагодарный новообращенный, но даже в письме ему, «императору», сохранил титул «*vir nobilis*», с каким его предшественники обращались к претенденту до его победоносного похода и коронавания! Наконец, страшный удар и Рангони – папская грамота обошла молчанием вопрос о кардинальской шляпе.

Тем временем смущенный племянник нунция отправился все-таки в Москву. Курьер нагнал его в Смоленске и остановил там. Усиленными просьбами дядя добился в конце концов отмены приказа; но, снисходя на нее, в Риме не одобряли посольства, как показывает судьба его инициатора: Рангони отозвали из Кракова; ему так и не довелось получить кардинальской шапки. А с другой стороны, прибыв к месту назначения в феврале 1606 г., граф Александр был очень холодно принят обиженным *vir nobilis*'ом. Дмитрий поручил секретарю ознакомиться с грамотой папы и не почтил посла обычным пиром. Но отчасти по свойственной ему непоследовательности, отчасти понимая, несмотря на уязвленную гордость, что необходимо соблюдать добрые отношения с Римом, он вскоре, по-видимому, изменил тактику, чем хвалился Рангони. Кроме Вавеля и Ватикана, у молодого государя тогда почти не было других сношений с Европой. Бо-

лее или менее осведомленные об удивительных событиях, происходивших в Москве, протестантские и католические дворы еще не составили себе определенного мнения насчет этого переворота и держались выжидательной политики. В результате создавалось довольно тяжелое положение для «непобедимого императора». Отбросив даже несвоевременный теперь проект союза против турок, Москва не могла уже обходиться без прямых сношений с западными землями. После Ивана IV Годунов искал среди них не только политических союзников, но даже главным образом необходимого нравственного, просвещающего содействия, начал цивилизации, людей науки, ремесленников и рабочих. После угрюмого приема, оказанного Рангони, не догадался ли сам Дмитрий, что можно и с этой стороны использовать дипломатические сношения, если иных выгод от них нельзя ожидать? Не угощал ли он, ненасытная попрошайка, папского посла остатками от своих пиров, чтобы тотчас требовать от него услужливого посредничества в доставлении целых запасов политических, административных и военных средств? В этом случае можно поверить графу Рангони, до такой степени описанный им прием, с каким Дмитрий заявил свою новую просьбу, отвечает его нраву и обычаю. В отплату он предлагал снарядить в Рим многочисленное посольство... чтобы при-

ступить, наконец, к сложному делу соединения церквей? – отнюдь нет! Дмитрий чистосердечно признавался, что это посредничество должно привлечь к желанным ему сношениям с Кремлем другие иностранные дворы: венский, где Рудольф хранил нелюбезное молчание; французский, где правил государь, которому «непобедимый император» горел желанием подражать, и даже испанский двор. Ни просьба, ни предложение не сулили курии никаких выгод, и папский престол не мог уяснить себе, которое из них могло бы послужить к наибольшей пользе этого неугомонного просителя.

Эта новая комбинация воспламенила графа Рангони, но она, конечно, оставалась только проектом, тем более что, по-видимому, вызывала решительное противодействие английской колонии, уже довольно многочисленной в Москве. В частности англичане представляли веские возражения против предполагаемой вербовки папских техников. Поляки-протестанты, секретари Дмитрия, тоже высказывались за приглашение этого персонала из Англии. В самом Риме справлялись по этому вопросу у Поссевина и получили неблагоприятный отзыв: если церковь может чего-нибудь ожидать от Московии, то не посылкой ремесленников и инженеров добьется она своего: здесь нужны иезуиты!

В результат, по всей линии дипломатических сношений переговоры оказались бесплодными.²¹⁷

Однако Дмитрий не остался с пустыми руками. То смягчая в Риме последствия жестоких разочарований, то создавая там новые иллюзии, а в Кракове оказывая давление на нетвердый от природы ум Сигизмунда, иезуиты, наперекор бурям и морским приливам, хорошо послужили тому, в ком патер Андрей упорно продолжал видеть нового Константина. В начал марта 1606 г. Ватикан освободился от последних иллюзий и пошел на попятную. Кардинал Сципион сообщил польскому нунцию, что все просьбы Марины и ее жениха о разрешении им некоторых отступлений от обрядов отвергнуты безотменно инквизиционным судилищем. Но к тому времени представитель царя исполнил в Кракове то, что считалось особенно ценным в его дипломатических поручениях: торжественно совершил обручение с дочерью воеводы сандомирского и именем царя принял новую царицу из рук

---

²¹⁷ См. для этого происшествия: Pierling, *La Russie et le Saint-Siège*, III, 214 и след.; его же, *Rome et Démétrius*, стр. 160 и след. Сравн. Успенский. Сношения Рима с Москвой, Ж. Мин. Н. Пр., окт. 1884, стр. 330 и след.; Левицкий. Лжедмитрий как пропаганда католичества в Москве, «Христ. Чт.», 1886; Лилов, Деятельность иезуитов в России, 1856; Морошкин, Иезуиты в России, 1867–1870; Цветаев. Иностранные вероисповедания в России, 1886; Tolstoï, *Le catholicisme romain en Russie*, 1863–1864; Воробьев. Смутное время и деятельность русского духовенства, «Русский Архив», 1882.

короля польского. Марина с отцом выехали в Москву, и Дмитрий поспешил уведомить Рангони, что он не настаивает на разрешениях папы. Он, несомненно, рассчитывал, что, очутившись в Москве, Марина обойдется без них, как это сделал он сам; и не ошибся.

Я подошел к великому событию, которым увенчались желания влюбленного монарха.

III. Брак с Мариной

11-го ноября 1605 г. в Краков прибыло посольство Дмитрия, уполномоченное просить согласия Сигизмунда на его брак с Мариной. В этот же день глава посольства Афанасий Власьев передал сандомирскому воеводе великолепные подарки будущего зятя – драгоценное оружие, предметы искусства, роскошные ткани и полмиллиона рублей чистыми деньгами, как было обещано в Самборе. Что касается Мнишек, молодой царь не только всегда с честью исполнял обещания, но щедрой рукой переплачивал больше обещанного. Марина не была забыта, и ее доля, без сомнения, превосходила ее самые пылкие ожидания. Алмазы, жемчуг, чудные безделушки, среди которых особенно выделялись музыкальный инструмент в виде слона с золотой башней на спине и туалетная

шкатулка в золотом быке; ткани огромной цены, редкие меха; она была осыпана драгоценностями! Маса оценивает в 130 тысяч слишком рублей то, что она получила от самого щедрого из женихов. Обручение справили 19-го ноября с истинно царской пышностью. Ряд смежных дворцов на главной площади Кракова, – Мнишеков, Фирлеев, флорентинцев Монтелуппи, недавно переселившихся в Польшу, – были соединены переходами, и в устроенной среди них церкви служил сам кардинал Мацейовский перед самым блестящим высшим обществом, какое только могла собрать Польша. Король, принцесса Анна Шведская, королевич Владислав, нунций, представители Венеции и Флоренции, сенаторы и сановники короны смешивались с родными и друзьями воеводы. Когда Марина, сияя, как утренняя заря, появилась под руку с отцом, убранная как королева, в белой парче, покрытой жемчугом и сапфирами, со снопом алмазных колосьев над горделивым лбом, с загоравшимися властным огнем черными глазами – гул восхищенья поднялся вокруг. И в эту минуту исчезли все недавно раздававшиеся и упорно поддерживаемые сомнения и подозрения; их не разбудила ни одна фальшивая нота. Да и кто осмелился бы вспоминать их, когда сам король своим присутствием приносил кичливому повелителю «всея Руси» яркое свидетельство призна-

ния, когда, откинув зыбкой совестью былые колебания, сам Лев Сапега, великий канцлер литовский, открыто признавал в том, кого недавно чернил и обличал, мы знаем как, не только законного государя, но даже примерного монарха, даже орудие Провидения, ниспосланное для сближения двух народов.

Все соединилось для полноты величия и радости торжественного события, даже нотка комизма, внесенная послом Дмитрия, немного, правда, в ущерб величественности церемониала. Судя по современным гравюрам, Афанасий Власьев в своем наряде из золотой парчи смотрел совершенным дикарем, и в этих условиях его манеры соответствовали внешности. На неизбежный вопрос, не давал ли царь обещания другой женщине, он отозвался неведением, а при обмене обещаний решительно отказался от посредничества служителя церкви: — «Я должен говорить с невестой, а не с вами!» крикнул он кардиналу. То же произошло и на брачном пиру: он с трудом согласился занять место рядом со своей государыней, а затем, видя, что она от радостного волнения не может есть, тоже не прикасался к блюдам. Когда провозглашали здравицы, он вдруг во весь рост пал ниц на землю: произнесли имя Дмитрия; и каждый раз при этом имени проделывал то же самое.

За этим показным раболепием, превосходившим

чрезмерной униженностью все требования архаического московского обычая, скрывалась задняя мысль: Власьев по-своему протестовал против некоторых мелочей этикета, недостаточно внимательных к достоинству его повелителя; отказ прикасаться к кушаньям объяснялся тем, что королю и его семье подавали на золотой посуде, а Марине и русскому послу на серебряной. Последовавший затем бал готовил ему новые обиды того же характера; гнев охватил его, когда Марина, протанцевав с королем и откланиваясь его величеству, бросилась на колени к его ногам.

Сигизмунд не обращал внимания на посла, не торопясь поднял свою недавнюю подданную и величественно обратился к ней с длинной речью; его елейные выражения служили прозрачной оболочкой для политических внушений, в которых проскальзывала досада. Распространять славу Божию, хранить неприкосновенной любовь к родной земле, поддерживать дружбу между обоими народами, сближению которых послужил ее брак – такова задача новой царицы; она должна также заботиться, чтобы ее супруг исполнял обещания, данные Польше, и напоминать ему, чем он обязан королю. Иезуиты не могли вычеркнуть из памяти августейшего оратора договора, подписанного беззаботным и ветреным господарчиком в апреле

Блестящее брачное торжество имело свою обратную темную сторону. Среди пышной обстановки, за кулисами кипели важные тревожные заботы. Когда вслед за торжеством, заглушая красноречие здравниц и приветствий, поэты Гроховский, Юрковский, Жабчиц, из приближенных Мнишека, настраивали лиры, чтобы воспевать все то, что сулит счастливый брак, ту зарю нового будущего, которая открывалась для двух великих наций, – где-то в тени за ними, в тайных совещаниях ковались козни, чреватые грозными осложнениями. Докучливый кредитор для Дмитрия, Сигизмунд был также неприятен значительному большинству своих подданных, как угрюмый, нелюбезный повелитель. Говорили, что главный виновник его избрания и торжества, Замойский, теперь раскаивался в своем поступке. «Какого немого чорта-немца вы нам привезли?» – спрашивал он польских дворян, сопровождавших короля при его въезде в новое королевство. А ведь самые ярые враги нелюбимого государя, Николай Зебржидовский и Стадницкий, находи-

---

²¹⁸ Подробности обручения см. Русск. Ист. Библ. I, 51–70; Вержбовский. Материалы к истории Московского Государства, III, 41 и след.; Niemcewicz. Dzieje panowania Zygmunta III-go. II, 270; Turkawski. Wesele Maryny M. Przegl(d Lwowski, 1882, XXIV, 395 и сл., XXXV, 14 и сл.; Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, 164 и сл.; Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 255 et suiv.

лись в дружеских отношениях с Дмитрием. Брат главного бунтовщика, Станислава, прозываемого Дьяволом, был назначен гофмейстером двора новой царицы; весь кружок старался сблизиться с диссидентами, пользуясь приятным впечатлением проявляемой новым царем терпимости в делах веры. Вслед за Властьевым в Краков прибыл один из польских секретарей Дмитрия, Станислав Слонский, со словесным поручением к сандомирскому воеводе и ко многим его товарищам по сенату, а немного позже в различных кружках зародилась мысль, что в это время состоялось соглашение между супругом Марины и коноводами партии восстания в Польше. Некоторые мемуаристы отметили эти подозрения, а на сейме 1611 г. они сложились в настоящее обвинение; замешанный в это дело Мнишек ограничился тем, что отрицал со своей стороны всякую прикосновенность к заговору.²¹⁹

В январе 1606 г. Ян Бучинский приехал в Краков вместе с Михаилом Толочановым, доверенным лицом Дмитрия; они привезли новый запас денег для сандомирского воеводы, новые подарки Марине, а к Сигизмунду новую любезную просьбу относительно тех державных почестей, которые царь желал бы

---

²¹⁹ Lubienski, *Opera posthuma*, p. 72; Massa, I, 156 и 171; II, стр. 168 и 184; Wielewicki, *Hist. Diarii, Script. rer. Pol.*, X, 145; Rangoni, приведено по Hirschberg, *Dymitr Samozwaniec*, 174; Pierling, *Rome et Démétrius*, 142.

обеспечить своей супруге на время ее пребывания в Польше. Этим и ограничивалась миссия обоих послов; однако, необъяснимо как, она вызвала заметное волнение на Вавеле, где Дмитрия с его польскими друзьями тогда же прямо обвиняли в происках, имевших целью низложить Сигизмунда и заменить его «непобедимым императором».²²⁰ Этот внезапный страх, по-видимому, указывает на созревший уже заговор, слишком быстрые и недостаточно замаскированные успехи которого беспокоили самого Мнишека, и он довольно загадочным письмом увещевал зятя (25 декабря 1605 г.)²²¹ «не так спешить делом». — Через несколько месяцев, в марте 1606 г., когда сейм увлекался проектом союза с царем против турок, Лев Сапега, чтобы отделаться от проекта, очень ясно указал на эти преступные замыслы. Враги короля, заявил он, поддерживали тайные сношения с Дмитрием и даже предлагали ему корону.²²²

Такие указания, бесспорно, недостаточны, чтобы установить достоверность события, если вообще таковая существует в исторической науке. Возможно,

---

²²⁰ Собрание государственных грамот и договоров, II, № 121.

²²¹ Собрание государственных грамот и договоров, II, № 112.

²²² Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, p. 177. Костомаров. Исторические монографии и исследования, IV, 303.

как это допускал недавно один польский историк,²²³ что среди противников Сигизмунда один Станислав Стадницкий был достаточно «дьяволом», чтобы задумать и привести в действие такой план; но по многим признакам все еще на Дмитрия падают сильные подозрения в соучастии.

Счастливым супруг Марины имел, впрочем, самые основательные причины «не слишком спешить» по этому крайне опасному пути. Как я уже намекал, этой интриге шла навстречу другая, не менее рискованная. Послы, число которых по дороге к Кракову все умножалось по воле царя, не все были ему одинаково верны. Иван Безобразов, отправленный в январе 1606 г., чтобы объявить о прибытии большого московского посольства для обсуждения союзного договора, близ Вавеля оказался носителем совершенно иного поручения. В тайной беседе со Львом Сапегой или Гонсевским, – тут свидетельства не сходятся, – он объявил себя тайным агентом Василия Шуйского, который вместе с Голицыными и другими боярами добивался вмешательства Сигизмунда – против Дмитрия! Недовольные жаловались, что король прислал им легкомысленного государя подлого происхождения; они не могут больше выносить его тирании и распутства, горячо желают переменить государя и оста-

---

²²³ Sokolowski. Ateneum, 1883, IV, 78–79.

новили свой выбор на сыне Сигизмунда. Тотчас, по совпадению далеко не случайному, иссякшие на многие месяцы потоки враждебных Дмитрию изветов и суждений возродились внезапно, словно хлынули из недр земных. Борша, бывший офицер польского легиона царя, позволял себе говорить, что в Москве супруг Марины уже провозглашен обманщиком, и его собираются прогнать. Такие вести сообщали сами братья Хрипуновы, так недавно и услужливо ручавшиеся в подлинности его личности! Швед, выдававший себя за лазутчика Марфы, распространял по Кракову известие, что бывшая царица не признала в нем своего сына. Так полякам, предлагавшим Дмитрию корону Ягеллонов, москвитяне возражали предоставлением польскому королевичу шапки Мономаха.

По отзыву Жолкевского, судя по его положению, хорошо осведомленного очевидца, Сигизмунд дал уклончивый ответ на это предложение.²²⁴ Он поверил подлинности Дмитрия; если же правда, что он стал жертвой обмана, то не намеревался «мешать боярам самим решить свою судьбу»; сам не честолюбивый, король желал, чтобы и сын следовал его примеру, «и во всем полагался на волю Божию». Весьма вероятно, однако, что король не устоял на этом решении. Впоследствии, в беседе с преемником Рангони, Фран-

---

²²⁴ (ólkiewski. Pisma, ed. Bielowski, p. A. 11.

ческо Симонеттою, он признался, что переговоры с москвитянами по поводу его вступления на московский престол начались во время его свадьбы с эрцгерцогиней Констанцией; а ведь, как известно, ее праздновали вскоре вслед за обручением Дмитрия и Марины. Верный Бучинский постиг это хитросплетение политических козней и оценил его тревожные последствия не только среди окружавших Сигизмунда, но и во всей стране. Внезапным переверотом в общественном мнении поляки вернулись к первым впечатлениям: Дмитрий на престоле не стоит Годунова! Новому царю приписывали пропасть зловредных замыслов. Пышный титул, какой он присвоил себе, вызывал негодование: – «Это нестерпимая обида Богу и королю!» заявлял влиятельный воевода познанский, Иероним Гостомский.

Уведомленный в свою очередь, Дмитрий последовал двусмысленной и обоюдоострой политике, отвечавшей свойствам его ума и темперамента. Понимая необходимость обезоружить пробудившееся недоверие Сигизмунда, он доверил графу Рангони для короля самые заманчивые, успокоительные речи: в польском-де соседе он чтит скорее отца, нежели брата, и решительно предлагал ему свое содействие, чтобы расправиться с узурпатором Карлом Шведским. Но в то же время, рассчитывая на поддержку своих

сношений с польскими инсургентами, бывший протезе Сигизмунда осмелился намеками, но во всеуслышание отпираться от интимных обязательств, которые он принял на себя перед своим покровителем. Требуя признания за собой нового титула, он объяснял свою настойчивость – необходимостью противодействовать категорическим опровержением недавно распущенных слухов об уступке земель в пользу Польши, на которую он будто бы согласился.²²⁵ Подобно Сигизмунду, он не мог остановиться на этих предварительных мерах. Мы увидим, как вместо войны с Турцией, предпринимаемой сообща с западными соседями, он предпочтет обдумывать совсем другой поход – по тому же пути, который привел его к престолу, только в обратном направлении.²²⁶

Так готовились события, которые вскоре вовлекли несчастную Московию в новую бездну кровопролитных бедствий и тяжких междоусобий. Мнишек с дочерью как бы предчувствовали их еще на пути к Москве, так медленно подвигались они вперед, жестоко испытывая нетерпение Дмитрия.

---

²²⁵ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 271.

²²⁶ Иконников. Дмитрий и Сигизмунд III, в Чтениях в об-ве Нестора лет., 1890, IV, 152 и след.

IV. Из Кракова в Москву

Марина покинула Краков через 10 дней после своей свадьбы, уклоняясь от празднеств, сопровождавших бракосочетание Сигизмунда и эрцгерцогини Констанции. Среди них щепетильность Власьева и новой царицы, в которой она быстро развилась, могла бы подвергнуться новым уколам. Однако стремление молодой женщины соединиться с супругом не отвечало его ожиданиям. Целых два месяца она провела в Праднике, имении краковских епископов, где задержалась по многим причинам. Во-первых, Мнишек никак не мог управиться со своими приготовлениями под давлением многих затруднений, и прежде всего денежных, несмотря на щедрость зятя. Он делал долги и за свой кредит и за счет расточительного государя, постоянно просил новых пособий, опустошил даже кошелек самого Афанасия Власьева, впрочем весьма не объемистый. Дмитрий обращался к Марине с пламенными посланиями, а в ответ получал жалобы тестя и счета для оплаты.²²⁷ Сама Марина не писала ни слова, хотя красавица-полька умела писать! Она только прибере-

---

²²⁷ Собрание государственных грамот и договоров, II, 133, 134, 135, 276 и Godebski. Archiwum Mniszków в изд. Biblioteki Ossoli(skich, I, 262. Письма Дмитрия все на польском языке.

гала для иного случая обаяние своего эпистолярного стиля, не питая нежных чувств или беспечно не про-являя их, охлаждаемая, может быть, подобно отцу, ко-торый не решался спешить приездом, разными ново-стями, привозимыми из Москвы вместе с выпрошен-ными деньгами. Дмитрий был щедр, но, по-видимому, недостаточно крепок на своем престоле. Была и дру-гая причина сдержанности, даже холодности: моло-дой государь горел желанием скорее видеть избран-ницу-супругу, но тело Ксении, «вылитое из сливок», ее красивые союзные брови не потеряли для него свое-го очарования. Ему приписывали и других любовниц, о чем Марина, следует думать, была осведомлена. Деньги были главным предметом забот Мнишека; но вот трижды во время дороги, в Минске, Смолевичах и Борисове, довелось благодарить зятя за новые при-сылки и наконец убедиться, что никакая немедлен-ная опасность не угрожает престолу, который должна разделять Марина, и сандомирский воевода решил напомнить слишком на многое посягавшему монарху об уважении к нравственности и приличиям. На этот раз Дмитрий немедленно уступил. Он не отвечал, не делал признаний; но бедная Ксения лишилась своих прекрасных волос и исчезла в застенке монастыря, где, по некоторым известиям, родила сына.²²⁸

---

²²⁸ Собрание государственных грамот и договоров, II, 243; Rapport de

Приготовление к путешествию заняли три месяца, в течение которых отец Марины удвоил сумму долгов. Но он добился королевского приказа, избавлявшего его от судебного преследования на все время отсутствия, и мог свободно разорять своих кредиторов. Походный караван окончательно снарядился в Самборе. Мнишек забрал с собою сына Станислава, брата Яна, племянника Павла, зятя Константина Вишневецкого, двух Тарло, трех Стадницких, Любомирского, Казановского, все представителей высшей польской аристократии. Жены обоих Тарло служили статс-дамами при Марине, а г-жа Казановская сопровождала ее как гофмейстерина. В качестве фрейлины должны были довольствоваться непредставительной, но очень преданной г-жей Хмелевской, дуэньей темного происхождения. Преданность была необходима, так как путешествие считалось опасным. Духовенство занимало важное место в свите царицы. Самборский священник, патер Помаский не пожелал расстаться со своей духовной дочерью, а к нему присоединились семеро бернардинцев, и в числе их был веселый патер Анзеринус. Мнишек предпочел бы своих любезных иезуитов, но Марина не разделяла его склонности к чадам Лойолы. Только в последний момент вмешательство нунция побудило принять в чис-

ло спутников патера Савицкого, которому, однако, не удалось попасть в духовники, – бернардинцы косились на него.²²⁹

За этими лицами следовали другие священники, готовый персонал для будущих учреждений, которые Марина надеялась воздвигнуть на землях удельного княжества, обещанного ей по брачному договору. Мирские элементы каравана пополнялись большим числом торговцев, суконщиков из Кракова и Львова, ювелиров из Аугсбурга и Милана, искавших случая и мест для выгодного сбыта. Аптекарский помощник из Кракова вез очень разнообразный груз. В то время польские аптекари соединяли эту профессию с ремеслами кондитеров, пирожников и водочных мастеров. Станислав Колачкович вез поэтому все необходимое для фабрикации превосходных марципанов артистической выделки, которые своими остроумными фигурами должны были очаровать гостей на предстоящих в Москве пирах: Давид, играющий на арфе; Сусанна между двух старцев; немец, обнимающий куртизанку. Предприимчивый путешественник особенно рассчитывал на барыши от сбыта пера «феникса»; но его ожидало горькое разочарование: его купили всего за 20 польских злотых.²³⁰

---

²²⁹ Wielewicki. Diarii. Script. rer. Pol., X, 119, 139.

²³⁰ Kołaczkwicz. Dyariusz pobytu w Moskwie, в Kwartalnik Historyczny,

Станислав Мнишек вез с собою 20 музыкантов и шута из Болоньи, Антонио Риати. В итоге более двух тысяч путников, полных надежд на удачу и наслаждении, хотя и не без опасений за будущее, двигалось к цели, сулившей много привлекательного и немало неведомых опасностей. Отъезд состоялся 2-го марта 1606 г. В течение года сандомирский воевода вторично выступал вождем экспедиции, мирной на этот раз, но ему не более посчастливилось, несмотря на все его усилия установить среди буйного и изрядно распущенного полчища строгую дисциплину и чистоту нравов. Всем полагалось ежедневно слушать обедню; за пьянство, ссоры, ночной разгул строго наказывали; не допускалось присутствие женщин дурной жизни; купанье в ближайшей реке, даже смертная казнь за вторичный проступок угрожали тем, которые проникали в стан. Эти правила, текст которых сохранился,²³¹ совсем не исполнялись, вследствие слишком частых и продолжительных остановок в пути, к тому же в неудобных, наспех устроенных помещениях. Только 18 апреля у Орши, поклонившись последней католической колокольне и перейдя Иветь, путешественники вступили на московскую территорию.

Два дня спустя в Лубно Михаил Нагой и кн. В. М.

Lwow, 1894, p. 628. Massa, I, 146, 169, II, 153, 188.

²³¹ Hirschberg. Dymitr Samozwaniec, 208.

Масальский приветствовали Марину от имени царя, уверяя ее, что их повелитель ничего не пожалеет для удобства и приятности ее путешествия. И в самом деле, на пути к Москве построили 540 мостов. В Смоленске царице устроили великолепный въезд в обитых драгоценными соболями санях в 12 лошадей. Немного далее на Днепре понадобились паромы; один из них, слишком тяжело нагруженный, потонул с 15-ю людьми. Перепуганные спутницы Марины приписали свое спасение присутствию патера Анзеринуса, который отблагодарил за комплимент, заявивши, что он – *benedictus inter mulieres*.²³²

13-го апреля прибыли в Вязьму; Власьев передал Марине новые подарки; разумеется, ими рассчитывали изгладить из ее памяти Ксению; а воевода сандомирский расстался здесь с дочерью, чтобы раньше ее приехать в Москву, вероятно, желая лично убедиться в том, что она не подвергается опасностям. Как бы ожидая от него предупреждений, царица, в самом деле, останавливалась в Можайске, куда, по одному сомнительному известию, инкогнито приезжал Дмитрий и провел двое суток;²³³ затем останавливалась в д.

---

²³² Luc. cap. 1, 42: *Benedicta tu inter mulieres* (Благословенна ты в женах). Анзеринуса звали Бенедиктом. – Прим. пер.

²³³ Годиков. Деяния Петра В., XII, 165; автор не указывает на источники.

Вяземе и, наконец, у ворот столицы в Мамонов, куда нетерпеливый государь являлся ночью, – но в присутствии нескольких дам, как рассказывает один из спутников;²³⁴ большего московский этикет не допускал.

Прием, сделанный в Москве Мнишеку, должен был ободрить его. Встречая знаки почтения, которые могли бы удовлетворить монарха, проезжая через триумфальные арки и собирая натурою и деньгами доказательства щедрости и богатства своего зятя, он ощутил всю полноту удачи, – исполнения своих горделивых мечтаний. И он выразил всю полноту своего удовлетворения в таких трогательных выражениях, что Дмитрий «плакал, как бобр», по словам одного очевидца. Тотчас назначили торжественный въезд Марины на 2-ое мая (ст. стиля); его церемониал был уже давно установлен до малейших подробностей.²³⁵ Так, при виде царя Марина должна была первая поклониться ему, низко нагибаясь. Государь делает вид,

---

²³⁴ Niemojewski. Pami(tnik, p. 15; этот дневник очень важен для подробностей путешествия; также записки Диамантовского, изд. тем же Гиршбергом; Стадницкого в рукописях библиотеки Баворовского в Львове, далее Anserinus, Путешествие Марины в Москву, в Przyjaciel Ludu, 1842, IX; 1848, XV. Raczy(ski, Maryna Mniszech, в Lwowianin, 1841; Tatomir, Maryna Mnieszech в Strzecha 1870; Liffel, Gody moskiewskie у Вержбовского. Материалы к истории Московского Государства. III, 107; сравни Pierling. La Russie et le Saint-Siège. 289 и след.; Hirschberg. Dymitr Samozwaniec. Стр. 215 и сл.

²³⁵ Собрание государственных грамот и договоров, II, 230.

будто целует ее руку; но ей надлежало остановить его. Накануне этого великого дня, если верить патеру Лавицкому, приятельница бернардинцев почувствовала какие-то угрызения совести. Иезуит покоился в «беседке из зелени», как старался изобразить благосклонный историк, на самом деле, по указанию самого действующего лица, в гораздо более прозаическом «шалаше, сплетенном из ветвей», когда камердинер царицы пришел предупредить его, что она желает его духовной помощи. Хитрая полька, вероятно, получила кое-какие советы в этом смысле от самого Дмитрия, намеревавшегося продолжать свои заигрыванья со своими лучшими пособниками из представителей католического мира, и в последнюю минуту она решилась подать эту милостыню отвергнутому духовнику. Иезуит не преминул, в чем можно быть уверенным, воспользоваться случаем, чтобы напомнить нечаянной исповеднице, чего ожидает от нее церковь и ее самые ревностные служители. Без сомнения, он получил множество самых одобрительных обещаний; подобно Дмитрию, Марина не скупилась на них;²³⁶ но после коронации, с таким нетерпением ожидаемой, так же мало заботилась по чести исполнять свои обещания.

---

²³⁶ Wielewicki, Dyariusz, Rer. Pol. Script., X, 139; сравн. Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 296.

V. Коронование

Своим появлением перед подданными на пороге великолепного шатра у ворот столицы и шествием в Кремль среди блестящего поезда прекрасная царица должна была ослепить москвитян, но вместе с тем и причинить им некоторые огорчения. На этот случай она надела костюм, который они признавали польским; это был просто французский костюм по моде того времени: длинная стянутая талия, взбитые и поднятые вверх волосы, гофрированный воротник два фута в диаметр, который появляется на всех портретах этой государыни. Так одевались королевы Франции, и Марина, разумеется, полагала, что императрице всея Руси следует подражать им в такой день. Не могла же она не знать предрассудков страны, к которым отнеслась так вызывающе, страны, где вопрос о платье и до сих пор сохранил важное значение. Но если москвитяне рассчитывали, что она спрячет свои красивые волосы и не покажет тонкой талии, они требовали слишком большой жертвы от молодой особы, которая, вероятно, получала из Парижа свои корсеты и фижмы.

Царица была полькой, и у ворот древней столицы, до сих пор еще близкой к Азии, два народа, чуждые друг другу вопреки завязавшейся между ними но-

вой связи, сопровождая повелительницу, мерили друг друга взглядами довольно недружелюбными. Стоявшие шпалерами на пути драбанты Дмитрия произвели на одного из польских спутников Марины впечатлительное сброда гнусных бездельников.²³⁷ Они сдерживали своими бердышами толпу, среди которой татары, грузины, турки, персы и лопари напоминали о соседстве еще более диких стран. Смешиваясь с дикими криками инородцев, трескучие раскаты московских трубачей больно терзали польские уши. В свою очередь, выходя из парадной кареты, запряженной 12-ю лошадьми тигровой масти, – из них некоторые, говорит один лукавый хроникер, были расписаны краской, ввиду трудности подобрать редкостную запряжку, – и, вступая под темные своды Воскресенского монастыря, своего местопребывания до коронации, царица предложила оркестру Стадницкого сыграть подходящую к случаю польскую мелодию. Ее соотечественники тотчас грянули народную песню своей родины: «Всегда и всюду, в горе и в счастье я буду тебе верен!», что не особенно ласкало слух москвичей.

Рачительный блюститель всех местных обычаев, Дмитрий не показывался среди провожатых; переодетый, он скрывался в толпе. Но, как мы знаем, в Воскресенском монастыре жила также Марфа, и потому

---

²³⁷ Niemojewski. Pami(tnik, 16.

он имел право явиться туда вслед за своей Мариной. Находясь в стенах Кремля, монастырь исполнял различные назначения. Он служил местопребыванием царских невест, а во мнении местных православных соединенная с супругом католическим священником Марина еще не вышла из этого звания. Ее коронование должно было сопровождаться вторым бракосочетанием, по обрядам греческой церкви. Часто случалось, кроме того, что монастырем пользовались как тюрьмой, заключая в него женщин, подозрительных или приговоренных к заточению.²³⁸ Спутницы Марины нашли помещение зловещим. Не стало патера Анзеринуса, чтобы развлекать и подбадривать их: латинскому духовенству вход в монастырь строжайше воспрещался. Без священников, без мессы даже на Троицын день! Обе Тарло впали в отчаяние, г-жа Хмелевская плакала, не осушая глаз. Для полноты бедствий их отвратительно кормили в угрюмом монастыре и очень дурно обставили. Деликатный вкус польских шляхтянок оскорблялся московскими приправами, а утонченная воспитанность страдала от сношений с грубыми монахинями. Маленький людской мирок, привлеченный к участию в героической драме, путался в мелочах жизни. Дмитрий немного успокоил его присылкой польских поваров, а на другой день

---

²³⁸ Снегирев. Памятники Московской древности, II, 216.

Мнишек усугубил удовольствия, передав дочери от имени государя сундучок с дорогими безделушками, которые она разделила между окружающими.

Испытание длилось всего неделю. 6 мая (стар. ст.), за день до коронации и свадьбы, Марина могла занять приготовленное ей во дворце помещение.

Свадебный обряд, закреплявший ее союз с Дмитрием, не был простым повторением церемонии, совершенной по полномочию в Кракове; для местных казуистов эта последняя не шла в счет, тем более что само собой разумелось, что Марина, став супругой царя, порывала с католичеством. Непримиримые Гермоген, архиепископ казанский, и Иосиф, епископ коломенский, требовали вторичного крещения. Но этот вопрос неясен в православном учении, и Дмитрий нашел возможным избавить избранницу своего сердца от троекратного погружения по восточному обряду, отправив в заточение чересчур строгих архиереев. Прочие довольствовались миропомазанием, составлявшим необходимую принадлежность коронационного обряда; сохранившийся отрывок церемониала сверх того свидетельствует о причащении Марины, и это двукратное подчинение греческому обряду признали равносильным отречению.

Но причащалась ли в самом деле супруга Дмитрия под обоими видами? Важный вопрос, по поводу кото-

рого проливались потоки чернил, не подвинув вперед его разрешения, по мнению специалистов! Нет и намеков, что утвержденный и обнародованный церемониал не был с точностью исполнен во всех подробностях; свидетели же согласно показывают, что коронование и миропомазание совершались по греческому обряду, а при этом обязательно и причащение. Впоследствии это событие сделалось предметом торжественных прений, которые уже не оставляют места для сомнений. На соборе 1620 г. патриарх Филарет, очевидец и вполне сведущий человек, считал своего предшественника, патриарха Игнатия, повинным в том, что он причастил католичку.²³⁹ Исчерпанный с точки зрения исторической, спор об этом возможен только в области вероисповеданий. Впрочем, он был поднят только в силу связанных с ним политических соображений, а свойство политики – все спутывать. Поляки и москвитяне, сторонники и противники Марины, охотно отрицали доказанный факт, одни – с целью защитить свою соотечественницу от позорного вероотступничества, другие желали объявить

---

²³⁹ Макарий. История русской церкви, X, 122; Воробьев, «Русский Архив», янв. 1892. Срав. Пирлинг. Из смутн. времени, 1902, 263 и сл. Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, 47; Щепкин. Политика папского престола в Смутное время, 26 и след. Противоположное свидетельство архиеп. Элассонского, хотя и очевидца (Дмитриевский, Труды Киев. Дух. Ак., 1898, янв. – март, стр. 111–112), я не считаю убедительным.

иноземку еретичкой и язычницей. Уверяли также, что днем бракосочетания выбрали четверг, вопреки каноническим правилам. Но эти правила возникли лишь в царствование Екатерины II.

Бедная Марина! В этот день она все же принесла своим новым подданным гораздо более тяжелую для себя жертву, облачившись на этот случай в русский наряд, и казалась в нем «обремененной драгоценными камнями, а не украшенной ими» (*magis operata quam ornata*, по выражению польского летописца). Повязка, которой она решила накрыть волосы, правда, стоила 70 тыс. рублей, по словам другого историографа! На этот раз она также кротко подчинилась всем подробностям весьма сложного обряда. Вступив в Успенский собор, она обошла все иконы, благоговейно прикладывалась к каждой из них; невысокая ростом, она приподнималась по временам на своих маленьких ножках и даже прибегала к помощи скамеечки. Польки ее свиты подчинились этой необходимости с проклятиями в душе, возбуждая некоторый соблазн незнанием обычаев, прикладывались кое-как, к устам святых, а не к рукам, как полагается.

В свою очередь, неприятно поразил их и Дмитрий: в течение бесконечных превратностей торжественного обряда он несколько раз прибегал к услугам окружающих его высших сановников, чтобы «поудобнее уста-

новить ему ноги». Так свободно обращаясь с Голицыным или Шуйским, мог ли он не быть подлинным сыном Грозного? Осмелился ли он, будь дело иначе, короновать свою Марину? Честь, оказанная Марине, заметим, не имела примеров в прошлом. Этой чести не удостоились ни Анастасия, первая любимая жена Грозного, ни Ирина, ни Мария Годунова. Дмитрий пожелал короновать Марину даже ранее брачного венчания, что делало ее по званию независимой от этого союза; в случае развода она оставалась царицей: если бы Дмитрий умер раньше, она могла царствовать после него! Так и произошло, – прежде чем сделаться в глазах народа законной супругой царя, ненавистная чужестранка была миропомазана, возложила на свои украшения золотые бармы Мономаха и прошла через ворота, доступные только государям.

Свадебный обряд происходил за священным порогом, и только немногие из польских спутниц Марины получили разрешение следовать за нею в святилище. Остальная свита волновалась: – «Что там делают с нашей госпожой?» – шептали подозрительные шляхтичи. Их успокоили, а получившие привилегию шляхтянки впоследствии забавляли земляков рассказами о странных обрядах, которые они видели, и которых, очевидно, не желали показывать большому числу иностранцев. Он острили над чашей, из которой

брачующиеся пили по очереди, хотя она служила красивым символом; самый проворный из них должен был раздавить ее, когда ее бросили на пол: знак его будущего главенства.²⁴⁰ Чтобы избежать предзнаменования, способного встревожить зрителей, патриарх поспешил сам наступить на хрупкий хрусталь.

Были строго исполнены и другие обычаи: при выходе из храма дьяки сыпали на припавшую к земле толпу исконный «золотой дождь» из больших португальских дукатов и более мелких монет с вычеканенным к этому случаю двуглавым орлом. Высшие московские чины не брезгали вступать в борьбу из-за этих щедрот. Наоборот, поляки намеренно принимали безучастный вид; когда золотая монета упала на шляпу польского дворянина, он пренебрежительно стряхнул ее; антагонизм двух племен ярко сказался и в этом надменном движении.

Это чувствовалось и после свадьбы. Дмитрий должен был покинуть объятия Марины ради аудиенции польских послов, Гонсевского и Олесницкого, прибывших в Москву одновременно с Мнишеком. Обыкновенно преувеличивают значение политических инструкций, официально данных Сигизмундом этим представителям. Вместе с проектом вечного союза, выработанного Львом Сапегой в 1600 г., они теоре-

---

²⁴⁰ Waliszewski. Ivan le Terrible, p. 141.

тически поддерживали программу, которой придерживались обе страны в своих дипломатических сношениях до 1634 г.; но ни в Кракове, ни в Москве не создавали себе иллюзий относительно их действительной ценности; их единственной, истинною целью было – скрывать суть вещей, то резкое, непримиримое столкновение интересов, уже тогда разделявшее на два лагеря обе половины славянского мира. Требуя в это время возвращения не только Смоленского и Северского княжеств, но даже Пскова и Новгорода, как неотъемлемой части литовских владений, теперь приобретенных Польшей, Сигизмунд просто следовал вековой традиции. Эти требования возврата земель служили характерным вступлением к началу всех переговоров между Польшей и Московией; их скоро оставляли в стороне и переходили к конкретным прениям по очередным вопросам.

Гонсевский и Олесницкий, без сомнения, держали их про запас. У нас на это нет точных указаний, так как они не имели времени приступить к обсуждению дел. Их задержали споры о титуле. Под впечатлением, может быть, тех внушений, органом которых служил в Кракове Безобразов, польский король решился резко подчеркнуть свое неблагоприятное отношение к притязаниям, заявленным Дмитрием; он ему теперь отказывал даже в титуле великого князя! Понятен гнев

«непобедимого императора». Во время бурного свидания, рассказывают мемуаристы, он то снимал свою корону, обращаясь к посланникам с убедительными речами, то в пылу гнева едва не бросил в них скипетром.²⁴¹ Это тяжелое пререкание произошло перед самой коронацией, и Дмитрий смирился, наконец, смирился перед самым тяжким для себя унижением, приняв письмо Сигизмунда с оскорбительным обращением. Для него было слишком важно исполнить церемониал прежде, чем Марина и ее соотечественники узнают о происшедшем. После события можно было возобновить и даже обострить ссору. Приглашенные на пир послы не согласились довольствоваться отведенными им местами. В Кракове представитель царя занимал место за столом короля; они требовали одинаковой степени вежливости. Но Дмитрий уже вернулся к прежнему высокомерию. Власьев от его имени дерзко заявил обоим полякам, что их доводы не имеют значения; допуская к своему столу представителей папы или императора, король польский должен был допустить к нему посла царского; но самодержец всея Руси совсем не то, что король римский

---

²⁴¹ Lubienski, *Opera posthuma*, p. 71; Niemojewski, *Pami(tnik*, 33; Dyamentowski, *Dyariusz*, p. 38. Речи посланников смотри у Тургенева, *Monumenta*, II, 101–103; более точный текст в рукописи музея Чарторьских, 101, № 7.

или епископ римский, – в его глазах последний поп равен папе! Гонсевский и Олесницкий могут оставаться дома, если они недовольны.

Так они и поступили; воевода сандомирский принял их сторону и остался с ними. Дмитрию это было крайне неприятно, но он не уступил. Споры затянулись и на следующие дни, и послы понемногу склонялись к примирению. Кремль веселился. Пирьы, концерты, балы во дворце сменялись без перерыва. Марина усердствовала во всю. Ради удовольствия польских гостей и своего собственного, она возвратилась к парижским лифам и фижмам; пресноту или излишнюю остроту московских блюд она исправляла средствами более утонченной кухни: после «лебяжьих ножек в меду» подавали глазированные фрукты и мороженое за «бараньим легким в шафране». Задаваясь целью пленить своих угрюмых гостей, Дмитрий, со своей стороны, пускал в оборот все свои способности, свою обходительность. После стола он как бы искал их общества и по-приятельски беседовал с ними. Если польские солдаты подходили к стенам дворца, он приказывал вводить их в сени, угощать лучшим вином и пил за их здоровье. Он устраивал турниры, подобные краковским, и проявлял полное удовольствие, когда польские борцы давали москвичам почувствовать всю грубость их кулачных боев. Поощряя вдохно-

вание Антонио Риати, шута Мнишека, он изрекал такие острые словечки, что они могли бы очень неприятно действовать на верноподданных Сигизмунда, если бы их слух недостаточно освоился с такими впечатлениями. Через несколько дней, сидя в пустынной части города, куда долетали только отголоски веселых собраний, Гонсевский и Олесницкий уже горели желанием принять в них участие. Может быть, они предвидели возможность вознаграждать себя на чем-нибудь другом. Скоро установилось соглашение. Решили, что один из послов займет стол, смежный с царским. Марина сделалась еще очаровательней. Сам Дмитрий ради приема вновь прибывших оделся по-польски. Однако когда Гонсевский отказался встать, чтобы принять кубок, который государь благоволил ему послать, ему объявили, что его выбросят в окно за непослушание, – и он подчинился!

На другой день, хотя опять Московия одержала верх, во дворце все еще делалось по-польски и в угоду Польши. На новый пир из москвитян пригласили только Власьева и кн. Масальского. Проведя три часа за едой и питьем, всю ночь протанцевали. К заре, переменяв множество кавалеров, восхитительно танцевавшая Марина завоевала все сердца. Но Гонсевский и Олесницкий, танцуя с нею в одной кадрили, не сняли шляп, – Дмитрий приказал им сказать, чтобы бе-

регли головы, иначе их снимут вместе со шляпами.²⁴²

Царь опять заставил себе повиноваться; но этой новой победой он, может быть, подписал свой смертный приговор. Уступая требованиям и капризам молодого государя, послы Сигизмунда наводились ими на горькие размышления. Так вот в кого переродился скромный и робкий в Кракове проситель! Он уже походил на самых жестоких московских деспотов, чью наглость доводилось переносить Польше; он слишком ясно показывал, чего она могла ожидать от его гордыни и притязательности. Под такими впечатлениями происки агентов молодого государя, затевавшиеся в Кракове, принимали еще более угрожающий характер. Но Гонсевский и Олесницкий не могли не знать о происках с противоположною целью, орудием которых там же служил Безобразов; и хотя мы не имеем на это достаточно достоверных указаний, но нам кажется вполне вероятным в эту пору сближение между польскими послам и недовольными москвитянами. При таких духовных сближениях создаются иногда положения, среди которых происходит нечто подобное тому, как в насыщенной электричеством атмосфере облака, встречаясь, порождают удары молнии. Дмитрий и Марина праздновали и веселились, в очарова-

---

²⁴² Niemojewski, Pami(tnik, 67; срав. Hirschberg, Dymitr Samozwaniec, p. 243–245.

нии своего союза, которым увенчались их вождения, в опьянении могущества, среди которого могли без отказа исполняться их желания; все окружавшее их составляло рамку блеска и радости прекраснейшему сну, который может явиться людям. Они не прожили в нем и восьми дней!

Скоро, подобно метеорам, они погрузятся в ночную тьму, которая разлучит и поглотит их жизненную долю; пора схватить хотя бы на лету их быстро промелькнувшие образы, особенно Дмитрия, – с Мариной мы еще встретимся, – и попытаться воспроизвести их очертания.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Катастрофа

I. Императорская чета

Благодаря одному из тех совпадений, которыми полны легенды всех стран, которыми создаются самые удивительные смешения, супруга Дмитрия не была незнакомкой в своей новой родине. В местной народной поэзии давно заняла видное место героиня с тем же именем – Марина, Маринушка, Маринка, с чертами, смутно напоминающими тот же женский образ. Она относится к фантастическому и величественному циклу Владимира. Эта героиня появляется среди гостей эпических пиров в Киеве и среди соперников грозного Добрыни, который в конце концов убивает ее. Она – чародейка и вещунья, еретичка и безбожница, даже распутная девка. Она соблазнила девятерых князей или богатырей, своих женихов, которых обратила в животных. Змея, обвивающая ее руку, – первый друг ее.²⁴³ Несомненно, хотя варианты

---

²⁴³ Киреевский. Песни, собр. им, II, 42–49, 54 и 60 и прим. XI–XVI. Сравн. Иловайский, «Русский Архив», май 1893, стр. 42.

песен и не указывают на это, с приездом в Москву прекрасной польки, и особенно после катастрофы, разбившей счастье четы, в народном воображении произошло слияние этих двух женских образов. Черты их, сближенные и переплетенные, создали новое лицо, на которое обратили чувства и негодования, и гнева, и суеверного ужаса, навеянные легендарной героиней древности.

Вторая Марина не заслуживала такого крайне немилостивого отношения, можно утверждать теперь. В роли, которую ей довелось играть, она проявила главным образом честолюбие, и, нужно сказать, честолюбие особенно пылкое и упорное, одну из тех страстей-сил, которые, овладевая всем существом человека, как бы упраздняют все остальные чувства и побуждения, – привязанность к родине или семье, честь и стыдливость, робость или сознание опасности. Сделавшись царицей ценою опасной ставки, эта шляхтянка пожелает во что бы то ни стало удержать хотя бы тень титула и положения, раз приобретенных, соглашаясь на все жертвы, пренебрегая всеми опасностями, но в сущности без серьезного размышления и расчета бросаясь от приключения к приключению, из объятий одного авантюриста к другому товарищу по легкомыслию или безумию, лишь бы он доставил ей иллюзию призрачного возврата к утраченному ве-

личию. Вообразите себе человека, разбуженного среди чудного сна, который и наяву упорствует в преследовании и попытках поймать рассеявшийся призрак, пятится задом, чтобы не пугаться препятствий, на которые наталкивается, закрывает глаза, чтобы не видеть пропастей, куда катится, с каждым шагом более израненный, более униженный, с каждым падением более безумеющий, и разбивается, наконец, в отвратительном закулке, – такова история второй Марины.

Дмитрий – более сложная личность. По точным свидетельствам, на редкость единодушным почти во всех оттенках, он был небольшого роста, но крепко сложен, с широкой грудью, сильными плечами, мощными мышцами и такими руками, что без усилия ломал подковы. На туловище коренастого силача – широкое лицо, смуглое, лишенное растительности; толстый нос с бородавкой, или синим рубцом, говорят другие; большой рот с толстыми чувственными губами; внешность, в совокупности своей не изящная, но, судя по некоторым портретам, вовсе не неприятная, производила впечатление ума, смелости и энергии. Я уже указывал на его искусство во всяких физических упражнениях. Прежние московские цари вообще им не отличались; обычай заковывал их в иератические позы, чем и довел Феодора до полной бездея-

тельности ума и тела. Считалось неприличным, чтобы московский государь садился на лошадь, не подерживаемый несколькими придворными, и он взгромоздился на седло, как парадный манекен. Кротость и тихий ход верховых лошадей, подводимых августейшему повелителю, тоже требовались искони заведенным порядком. Поэтому Дмитрий поражал пренебрежением к своему достоинству, когда выбирал самых горячих скакунов и вскакивал на них без помощи стремян. Когда же он осмелился с рогатиной в руке побороть медведя, все кричали о соблазне и бесчинстве.

Внешности и силе отвечали и духовные свойства отважного наездника: бурный, стремительный темперамент, не лишенный, однако, гибкости; много смелости, большая уверенность в себе; много живости и пыла; привлекательный по природе, великодушный, но склонный к вспыльчивости, он так же быстро успокаивается, как легко раздражается; в характере его есть грубоватость, но без свирепых инстинктов предполагаемого отца; никаких излишеств в питье и пище. Соблюдая трезвость сам, Дмитрий ненавидел пьянство; но сластолюбие крепко сидело в нем; много чувственности, даже некоторая порочность: муж Марины, любовник Ксении обожал женщин; но если верить некоторым отзывам, он проявлял вкусы восточного человека в распутстве; Петр Басманов и Михаил Молча-

нов служили у него сводниками, потаенными ходами приводя во дворец целый сераль, пользуясь даже населением соседних женских монастырей; составитель любопытного сказания кн. Хворостинин считался миньоном молодого государя, что не помешало ему изобразить его разбойником в своем повествовании.²⁴⁴

Дмитрий, как мы знаем, был страстный поклонник роскоши во всем; он предается ей без удержу и не смущаясь требует ее от всех окружающих. Его слава в этом отношении так быстро установилась и широко распространилась, что торговцы и посредники в сбыте дорогих вещей со всех сторон стекались в Москву; даже принцесса Анна, сестра Сигизмунда, поручила одному из спутников Марины очень ценный ларчик, чтобы тот предложил царю приобрести его. Феодор и Годунов значительно расширили довольно скромное жилище, которым довольствовались их предшественники. К полученным в наследство «золотой» и «грановитой» палатам Борис прибавил еще две, а к собственному жилищу, простому деревянному «двору», пристроил высокое каменное здание и украсил его садом. В соседстве с ними на обширном пространстве внутри Кремля стояли другие здания, служившие обыкновенно помещением для цариц под общим име-

---

²⁴⁴ Русск. Ист. Библ., XIII, 534. – Ср. то же XIII, 55 и 818, и Massa, I, 139.

нем «теремов». Дмитрий нашел их тесными для себя. Так и в наши дни, как бы в память былых привычек предков к кочевой жизни, русские государи все еще очень непостоянны в жилищах: в Петербурге, как и Москве, новые резиденции возводятся с каждым царствованием и считаются дюжинами. Дмитрий не имел покоя, пока не поставил себе нового жилья. В том же Кремле, только ближе к Москве-реке, он велел наскоро построить себе новый деревянный дворец из двух корпусов, один для себя, другой для царицы. Он хотел ввести в них удобства и убранства, какие видел в Кракове и Самборе: дорогие ткани на стенах, занавесы на дверях и окнах, печи из зеленых изразцов.

Эти нововведения тоже не понравились; но москвичи были особенно неприятно поражены и даже испуганы странным сооружением, постановка которого перед вышеописанными дворцами возбудила жгучее любопытство; свойства и назначение этого сооружения до сих пор не выяснены археологами. Если верить одному благочестивому летописцу, Дмитрий думал изобразить в нем ад, куда рассчитывал вскоре отправиться на жительство. А пока, поставив в самом сердце святого города огромный котел, выбрасывавший пламя и тлетворные испарения, откуда выскакивали отвратительные чудовища с жадными пастями, он намеревался бросать в него православных, об-

личавших его проклятое еретичество.²⁴⁵ Не приписывая его изобретателю таких злостных намерений, теперь полагают, что это сооружение имело два назначения: декорации для предполагавшегося фейерверка и военной машины, которая должна была улучшить действие прежних подвижных укреплений (гуляй-городов), употребляемых москвитянами того времени в своих военных походах.²⁴⁶

Дмитрий был государь воинственный и склонный к пышности. Он начал тем, что завел себе гвардию, без которой обходились его предшественники, состоявшую из трех рот иноземных наемников в великолепных мундирах, под командой француза Якова Маржерета, шотландца Альберта Лентона и датчанина Матвея Кнутсена. Наряду с этим парадным отрядом он вооружал и другие, усердно занимался их обучением, наблюдал за маневрами, за упражнением в стрельбе, сам наводил пушки, устраивал примерные атаки, принимая лично деятельное участие в подобных боях. Предполагаемый сын Грозного более походил на Петра Великого. Как и будущий реформатор, он любил во все входить сам. Он возмущал москвичей и тем,

---

²⁴⁵ Русск. Ист. Библ., XIII, 819. Ср. там же, XIII, 55.

²⁴⁶ Щербатов. История России. VII, 2-я ч., 76; Витберг, «Русская Старица», дек. 1892, 596–616; Платонов. Сказание о Самозванце. Москва, 1895, брошюра.

что не почивал после обеда, как требовал обычай. Часы отдыха, которыми так дорожили все его подданные, он употреблял на посещение мастерских, где беседовал с рабочими, собственноручно брался за их работу. Глава армии, подобно полтавскому победителю, он исполнял обязанности простого солдата, охотно обменивался кулачными ударами в примерных боях, с увлечением перекидывался снарядами в виде снежных комков. На охоте он с большой силой и ловкостью владел луком и рогатиной. Как Петр Великий, он любил женить своих ближних и непременно присутствовал на свадьбах. Подобно ему, только в меньшей степени, он дерзко презирал все предрассудки и некоторые обычаи. В знак неуважения к ним он ел телятину и испытал из-за нее столкновение со своим любимцем Татищевым, который до того разгорячился, что наговорил ему грубостей. Говорили даже о его возмутительной привычке водить с собой собак в церкви, что крайне сомнительно. Враги укоряли Дмитрия, что он после свадьбы не посетил бани, как предписывал обычай. Однако Немоевский бесхитростно записал в дневнике, что пир на следующий день начался позже именно из-за продолжительного пребывания царя в очистительной бане. Опять подобно Петру, Дмитрий быстро раздражается и переходит к ручной расправе, но он скорее успокаивается и забывает

зло. Он гораздо мягче, но зато менее тверд, что способствовало его гибели. Но главное, хотя он и не имел времени развернуть свои способности, его умственное и нравственное содержание далеко не то, каким обладал Петр; у него нет дарований великого человека, как я говорил.

Очень мало развитой, его ум скорее быстрый и решительный, нежели глубокий и основательный. Он царствовал всего одиннадцать месяцев, и, несмотря на его беспечность и гордую доверчивость, хлопотливые старания утвердиться на троне оставляли ему мало времени для более производительного употребления своих способностей, а было бы несправедливо оценивать их только по результатам. Результаты эти очень слабы, насколько мы можем судить по дошедшим до нас свидетельствам; к тому же, как я уже указывал, в архивных документах этого времени замечается большой пробел, оставляющей широкий простор для сомнений и догадок.

II. Характер царствования

Польское влияние сильно отразилось на внутренней политике Дмитрия. На это указывают превращение Думы в Сенат и создание значительного числа заимствованных у соседей новых должностей, – велико-

го конюшего, великого дворецкого, мечника, подчаше-го. Но от нового собрания сохранилось одно название со списком членов, составленным усердным Яном Бучинским. В этом списке любопытно отражается характер нового порядка: Нагие записаны здесь рядом с воеводами, недавно выступавшими против претендента; имена жертв Бориса Годунова перемешаны с именами креатур его преемника; список не выясняет нам ни политического характера реформы, ни роли выдвинутых ею личностей. Под властью проведенного до крайней степени самодержавия, как его установил Иван IV и продолжал Годунов, старая дума – необходимый орган центральной власти надо всеми ведомствами – клонилась к упадку. В Польше, наоборот, значение сената усиливалось в его двойственной роли государственного совета и верхней палаты. Заимствовал ли Дмитрий у своих соседей сущность или только форму учреждения? Думал ли он под многообещающим названием восстановить старое, или, наоборот, открыть будущее для политической свободы, о которой уже мечтали иные из его подданных? Мы этого не знаем, как не знаем цели ослабления законов о крепостном состоянии и податного бремени, – главных дел царствования. – Эти меры, запрещавшие массовые закрепления, лишавшие отцов права продавать вместе со своей и свободу своих детей, с

другой стороны устранявшие участие корыстных посредников при сборе налогов, были ли зародышем более широкой законодательной реформы в гуманитарном духе или он просто входили в систему временных мероприятий, которыми пользовались и даже злоупотребляли в России во все времена и при всяких порядках? – Это остается загадкой, вероятно, неразрешимой.

Дмитрий унес в могилу тайну своих мыслей и желаний, еще не успевших окрылиться. И все-таки он чем-то дал некоторое удовлетворение народным массам, мощный порыв которых вознес его к власти; не даром тотчас за его воцарением бури, бушевавшая по всему государству и вздымавшие в одну огромную волну разнообразные революционные течения, вдруг затихли. Этому способствовала, может быть, общая перепись поместных земель и жалованья, раздаваемых служилым людям, задуманная в смысле уравнивания раздач и подготовляемая созванными в Москву выборными, обязанными наблюдать за ее выполнением; возможно также, что перепись эта составляла часть целого сложного проекта, общий план и смысл которого от нас скрыт.²⁴⁷ Одного появления «истинного солнышка» на застилаемом грозowymi тучами

---

²⁴⁷ Акты исторические, II, 76, 77; Акты археографической экспедиции, II, 40; Попов. Изборник слав. и русск. соч., № 329.

небе страны, полной глубокой религиозной веры, было достаточно, я думаю, чтобы вернуть ей спокойствие.

Под конец царствования на просторах степей обнаружился водоворот, следствие великого революционного прилива. Заволновались терские казаки, завидя выдающемуся положению донских казаков близ государя или просто изыскивая предлог к разбойничьему набегу. Составив шайку вокруг атамана Фомы Бодырина, они объявили, что в 1592 г. царица Ирина родила сына Петра, которого Годунов осмелился подменить царевной Феодосией, жившей всего несколько месяцев. Незаконному сыну муромского мещанина Илье, или Илейке,²⁴⁸ дали роль мнимого царевича. Он служил одно время приказчиком лавочки в Москве в силу этого имел вид человека, знакомого со столичными порядками. Быстро увеличиваясь, шайка попыталась захватить Астрахань; отброшенная, она двинулась вверх по Волге, предаваясь грабежам и погромам. Дмитрия это, по-видимому, не беспокоило. Он смело приглашал к себе названного царевича. Царский посланный застал нового самозванца в Самаре и поехал с ним к Москве. Можно строить лишь пред-

---

²⁴⁸ Происхождение это сомнительно, хотя и указано самим авантюристом. См. Акты археографической экспедиции, 81; сравн. Попов, Изборник, 196; Никоновская летопись, VIII, 80; Русск. Ист. Библ., XIII, 87.

положения о приеме, который дядя готовил племяннику, так как Дмитрий не дожидаясь до приезда гостя.

В своих сношениях с Западом преемник Бориса Годунова желал подобно ему и даже в большей степени держаться политики открытых дверей. По крайней мере он старался стучаться во все двери. Но, выражая желание ездить повсюду и приглашая всех к себе, представлял ли он себе неизбежные условия подобной политики? Это несколько сомнительно. Он пустился наудачу и на авось. Пребывание в Москве одного испанского монаха вдруг показалось ему даром Провидения, могущим открыть его стране, его дипломатам и купцам новые горизонты и рынки. Монах Николай де Мелло был миссионером ордена затворников св. Августина. После 20 лет проповеднической деятельности в Индии, он возвращался в Мадрид, когда его проезд через Москву возбудил внимание и недоверие полиции Годунова. Несчастный был схвачен и заключен в Соловецкий монастырь на Белом море. Дмитрий узнал о событии, освободил его и тотчас возмечтал, что нашел посредника для сношений с Филиппом III. У него не нашлось времени для заготовления инструкций странному посреднику; но он и не подозревал, что приготовил монаха для другой миссии, и его любящее доброе сердце могло порадоваться и на том свете: после ужасных испытаний и тяжких му-

чений Николаю де Мелло довелось быть последним спутником и предсмертным утешителем Марины.

Франция Генриха IV особенно привлекала доблестного молодого государя. По свидетельству Маржерета, он мечтал в один прекрасный день высадиться в Дюнкирхене и явиться в Париж приветствовать христианнейшего короля. Так предвещалось уже путешествие Петра Великого! Беарнец, пожалуй, хорошо принял бы этого предтечу. Очень благоприятные для Дмитрия донесения, доходившие до короля через его агентов, служивших в северных странах,²⁴⁹ должно быть, произвели на него впечатление. Благодаря этому, когда Маржерет после катастрофы вернулся во Францию, король предложил ему записать его знаменитые рассказы, а также, без сомнения, ехать обратно в Россию, где мы встретим его участником в других трагических событиях. Для плавания к французским берегам Дмитрий собирался воспользоваться английским кораблем; уже одно это обличает всю химеричность его затеи.

При его воцарении британский посол Томас Смит находился в Архангельске и готовился к отплытию; его мало удовлетворяли вырванные у Годунова уступ-

---

²⁴⁹ La Blaque. Correspondence. Bibl. nat. de Paris, fonds fran(., издана у Форстена, Акты и письма к истории Балтийского вопроса, I, 218, и Архивы Ватикана. См. Пирлинг. Из смутного времени. Спб. 1902, стр. 182.

ки, хотя торговцам других стран и самим москвитянам он казались чрезмерными. Новый царь тотчас вознамерился превзойти в щедрости своего предшественника. Еще в Туле он вызвал к себе агента английской компании Джона Мерика и надавал ему обещаний. Прибыв в Кремль, он поспешил объявить Смитту о скором отправлении посольства в Лондон и даровании новой грамоты, которую он, действительно, подписал.²⁵⁰ Мы знаем, что англичане платили уже только половинные пошлины; теперь они совершенно освобождались от них; в действительности это была монополия – предмет их всегдашних вожделений! Но эта открытая дверь как бы закрывала все другие. Сам Дмитрий, очевидно, понимал дело иначе. В это же время он намеревался осыпать благодеяниями и польских и литовских купцов: отменить остановки на границе, неудобопереходимые заставы на дороге; отменить убыточные и досадные формальности, упразднить таможни! Все это прекрасно; но при этом привилегия англичан теряла свое значение. В голове Дмитрия теория свободного обмена смешивалась с протекционизмом; вернее, обе теории были ему одинаково чужды; он не заботился ни о примирении их принципов, ни о согласовании их на деле со своими

---

²⁵⁰ Она хранится в Queen's Colleg'e в Оксфорде. См. Pierling. La Russie et le St.-Siège, III, 286.

мыслями и стремлениями.

С Польшей, как мы знаем, у него были более важные счета. Спор, едва начатый и резко прерванный развязкой, отчасти зависавшей от условий, в которых он возник, привел, по-видимому, к обмену грамот; послы Сигизмунда сводили в них свои требования к четырем основным пунктам: вечный мир, уступка Северщины, помощь в приобретении шведской короны, разрешение иезуитам и прочему католическому духовенству ставить костелы в Московии.²⁵¹ Король соглашался на уступку из своих долговых притязаний. Делая вид, будто колеблется между своими прежними обязательствами и новыми обязанностями, Дмитрий предлагал иную сделку. Вместо Северщины, которую он желал сохранить, и войны со Швецией, на которую не желал давать своих войск, он предлагал денег, как будто его казна была неистощимой. Он соглашался на мир, но не желал иметь ни иезуитов, ни латинских костелов. Мы имеем основание думать, что сам автор вряд ли считал серьезными эти встречные предложения. Они, по-видимому, были представлены в середине мая; а 15-го мая царь призывал патера Савицкого и говорил ему нечто иное: он особенно желал бы видеть упреждение коллегии отцов в своей столице; ему

---

²⁵¹ Бодянский. Чтения в Общ. Ист. и Др. 1846, № 41; Raczyński. Poselstwo od Zygmunta III-go do cara Dymitra, стр. 76 и след.

нужны школы повсюду, и одних только иезуитов считает он способными руководить созданием таких учреждений! Приятно удивленный, патер Савицкий изливался в благодарностях; резко меняя предмет разговора, государь заговорил о своих военных приготовлениях. У него сто тысяч вооруженных людей, но он еще не знает, против кого направить их. Тотчас затем, как бы выдавая тайную мысль, он осыпал жестокими обвинениями короля Польши.²⁵²

При сопоставлении с другими указаниями, вывод, какой можно сделать из этого загадочного разговора, оказывается довольно определенным. Мы знаем, что ходил слух о ста тысячах флоринов, предназначенных тогда Дмитрием для польских мятежников; про набор местами лошадей, которые, по мнению занятых этим делом людей, должны служить для похода в Польшу.²⁵³ Все это вместе взятое дает нам некоторое общее впечатление, следует думать, верное, относительно настроений Дмитрия в этот момент его краткого и драматического поприща. Так естественно мог подсказаться ему подобный план. Он так хоро-

---

²⁵² Wielewicki. Dyariusz, Rer. Pol. script. X, 145–147; Pierling. Rome et Démétrius, 142.

²⁵³ «Русский Архив», март 1886, 123–124: Акты, относящиеся к Истории Западной России, IV, 251; сравн. Иконников. Дмитрий Самозванец и Сигизмунд III, в Чтениях Общ. Нестора Лет., 1890, IV.

шо подходил к политическим преданиям страны, темпераменту молодого монарха, его прошлому и требованиям его положения. Если бы только удалось его исполнить, он бы обеспечил Дмитрию широкую популярность, сохранив для него все выгоды от полезных связей, заключенных в Польше, и освободил бы его от тех из них, которые в Москве становились очень вредными для бывшего протезе Сигизмунда и иезуитов.

Вероятно, он именно так желал и думал; но его мысль, воля, ум с трудом высвобождались из вихря стремлений и интересов, где прошлое и настоящее спорили из-за его призрачного счастья; из того смятения, в которое было всецело погружено его внутреннее существо. Скупая судьба предоставила ему так мало времени, чтобы сосредоточиться! Прибавим, что среди известий, которые мы имеем о его жизни и делах, самые полные и точные относятся ко времени его женитьбы, тех дней, когда его физиономия особенно отличалась от повседневной. Он появляется тогда в полном расцвете своей брызжущей избытком сил личности, в состоянии физического и духовного кипения, которое не могло быть обычным. Он, несомненно, отравлен, опьянен радостью и гордостью. Он в припадке мании величия. Он выставляет себя великим полководцем и мудрым политиком. Он Цезарь, и завтра будет Александром. Как та чер-

товщина из золоченой бронзы, которую он поставил перед новыми дворцами, самохвальство вытекало из того же разлива показного великолепия, пышности, приподнятости. Время и раздумье привели бы, конечно, собеседника патера Савицкого к более ясному сознанию действительности. Но времени, увы, ему не хватило! Через два дня после приведенной беседы Дмитрия не стало.

III. Смерть выходца с того света

Катастрофа давно подготовлялась в темных низах московской жизни, куда мало проникал чересчур рассеянный и доверчивый взор молодого повелителя. Письмо Ла-Бланка от 8-го апреля 1606 г. сообщает нам, что в Польше в это время ходили слухи о новом перевороте в Москве и даже о смерти Дмитрия. Супруг Марины сохранил расположение простонародья и среднего класса. В этих слоях не возбуждали мысли о мятеже ни нарушения обычаев, какие он себе позволял, ни даже подозрения в потворстве католичеству, в котором его обвиняли противники. Терпение, равнодушие к неизбежному злу составляли основные черты темперамента, выработанные веками тирании, и того умственного склада, для которого хороший или дурной, даже ненавистный, но законный

царь стал уже необходимостью. Но были другие мятежники. Вызывая из ссылки Романовых, возводя в высшее звание дьяка Щелкалова, Дмитрий открыто старался восстановить значение той кучки выскочек, на которую с середины XVI-го века с такой завистью смотрели князья-бояре. С другой стороны, с Головинными, избавленными от опалы, которой наказал их Годунов, с Ф. И. Мстиславским, обласканным, ожененным и водворенным во дворце в Кремле, входила в милость привилегированная аристократия эпохи опричнины. В то же время высылались огулом опальные родные и друзья Годунова, уступая места неродовитым боярам, а таким людям, как Басманов, Микунин, вчера бывший стрелецким сотником, сегодня член Думы. Дмитрий старался смягчить впечатление такой политики. Беречь козу и капусту лежало в его характере. Он помиловал Василия Шуйского; он пытался привлечь и даже привязать к себе родственными связями тех из знатных, «которые оставались нейтральными», по выражению Массы. Не обезоруживая недовольных, эти попытки, с опасностью для него самого, обличали его слабость. Духовенство, на первое время побежденное его почтительным вниманием, по видимости подчинившееся до единогласного почти признания брака с «язычницей», не преминуло исподволь пристать к партии недовольных, особенно

под влиянием некоторых тяжелых раздражений: тайных подозрительных сношений государя с иезуитами, мелочных хищений, необдуманно творившихся в ущерб казны и поземельных имуществ церкви.

Вождь недовольных указывался положением. Мученик за правое дело, Василий Шуйский естественно становился его поборником. Мы уже знаем связи этой семьи с купечеством столицы. В ее обширных владениях по берегам Клязьмы поселения отличались напряженной торговой деятельностью и разнообразием промыслов; они вели постоянные сношения с рынками Москвы. Благодаря очень развитому шубному производству в этих местах, Василий Иванович носил в народ прозвание шубника. Несколько Шуйских служили воеводами в Пскове и Новгороде, и их потомки располагали множеством сторонников среди мелкого дворянства этих областей. Кроме того семья, по-видимому, обладала в самой столице своего рода милицией, вполне преданной и даже привязанной к ней, из уроженцев ее вотчин, поселенных близ Кремля. К тому же Дмитрий намеревался сосредоточить войска вокруг Ельца; отдельные отряды их при передвижении временно задержались у ворот столицы и легко поддались соблазну развращающей среды.

Заговор сплотил только этот ограниченный круг участвующих, несмотря на попытки привлечь к нему

низы. Вокруг Дмитрия и Марины, напрасно создавали целые легенды об их нечестии и соблазнительном поведении. С таким же малым успехом распространялись более правдивые, но весьма преувеличенные рассказы о предосудительном поведении соотечественников прекрасной польки. Опричники Ивана IV подвергали терпеливых мужиков гораздо более тяжелым испытаниям. А Дмитрий гордился своими строгими расправами с чрезмерной распущенностью. Разве не наказали кнутом Липского, дворянина из свиты Марины?²⁵⁴ Чтобы предотвратить повторение таких тяжелых случаев, государь добился того, что тесть отослал в Польшу часть чересчур многолюдного привезенного им оттуда персонала, и сам распустил большую часть своих польских товарищей по оружию.

На 18 мая (стар. ст.) Дмитрий готовил большие маневры, военную прогулку и различные упражнения. Опять стали распространять слухи, что эти военные игры должны служить предлогом для избиения бояр, разрушения православных церквей и водворения латинства. Серьезные духовные и светские пи-

---

²⁵⁴ Соловьев. История России, VIII, 122; Платонов. Древние сказания и повести о Смутном времени, 311; Pierling, *La Russie et le St.-Siège*, III, 314; срав. Niemcewicz, *Dzieje panowania Zygm. III-go*, II, 266–277; Русск. Ист. Библ., XIII, 495, 742, 743.

сатели впоследствии повторяли эти нелепые выдумки,²⁵⁵ но народ из-за них не взволновался. Его здравый смысл, несомненно, отказывался понимать, чтобы протестанты-секретари царя внушали ему мысль католической Варфоломеевской ночи, а умерщвление бояр не претило бывшим поклонникам Грозного.

Стрельцы тоже сохранили привязанность к государю. Вначале и среди них появилось брожение; но по знаку своего начальника, того самого Микулина, который был потом вознагражден за это местом в Думе, милиционеры бросились на зачинщиков и растерзали их «своими руками». Вся упорная работа возбуждения масс дала лишь редкие единичные вспышки. После епископа астраханского, когда именно и при каких обстоятельствах, в точности неизвестно, дворянин Петр Тургенев, предок великого писателя, дьяк Тимофей Осипов и мещанин Федор Калачник, говорят, дерзко поносили царя, объявив его обманщиком. Сбивчивость, туманность подробностей придает этим подвигам легендарный характер. Но даже и легенда не сообщает, чтобы казнь Осипова вызвала вмешательство московской черни в его пользу.

Эта пассивность большинства подданных способствовала, конечно, Дмитрию утвердиться в уверен-

---

²⁵⁵ Макарий. История русской церкви. X, 120; Щербатов. История России. VII, 2 ч., 80.

ности за себя, которую он видимо сохранил до последнего часа. Пока он занимался своим военным праздником, Марина готовила к тому же дню большой маскарад. Беззаботные корифеи веселого карнавала, могли ли они в это время думать об организации убийств? А между тем у них не было недостатка в зловещих предостережениях. Народная масса проявляла нечувствительность к подстрекательствам; но опасность надвигалась с другой стороны. Дмитрия об этом предупреждали Басманов и поляки; последние сами держались настороже; Гонсевский и Олесницкий обратили свой дом в крепость; Мнишеки вооружали всю прислугу. Дмитрий смеялся над их страхами и предосторожностями. Впоследствии польские послы высказывали предположение, что он скрывал от иностранцев тайные затруднения и опасности, с которыми ему приходилось бороться. Вряд ли! Его спокойствие было, по-видимому, искренне. Весь вечер 16 мая (стар. ст.) вместе с Мариной и Немоевским он рассматривал драгоценности принцессы Анны. Он внимательно, подолгу останавливался на рубинах, изумрудах и топазах, жемчужных ожерельях и алмазных нитях, тоном опытного знатока обсуждал красоту и ценность вещей, для сравнения приказывал приносить образцы из собственной сокровищницы.²⁵⁶ А в

---

²⁵⁶ Niemojewski. Dyariusz, 69, 280.

это время заговорщики уже приступили к исполнению переворота.

В эту самую ночь целый корпус войск, говорят, 18 тысяч человек, привлеченный на сторону заговорщиков, вошел в город, занял все его двенадцать ворот и прекратил доступ в Кремль и выход из него. Внутри дворца обыкновенно стоял караул из ста человек телохранителей. Приказ бояр заставил большую часть этих наемников удалиться; всего человек 30 из них остались у внутренних покоев государя. Около четырех часов утра ударили в набат на колокольне церкви прор. Илии, что на Ильинке. По местному обычаю, тотчас зазвонили на всех колокольнях столицы. Как всегда в таких случаях, Красная площадь перед Кремлем стала быстро наполняться народом. Преступники, заботами Шуйского выпущенные из тюрем, стали распространять слухи среди толпы едва проснувшихся людей, что поляки избивают бояр и хотят убить государя. Явившись на площадь во главе двухсот вооруженных бояр и дворян, Василий Иванович подтвердил это известие; а такой прием ясно показывает, что ему не удалось привлечь народ к движению против Дмитрия. При исполнении переворота проявились лишь все составные элементы, подготовившие его; весь он вылился в ту форму, которая послужила классическим образцом для дворцовых револю-

ций следующего века.

С крестом в левой руке и обнаженной саблей в правой вождь заговорщиков проник в Кремль через Фроловские ворота. Перед Успенским собором он сошел с коня, помолился перед иконой Владимирской Божией Матери и объявил окружающим: «Во имя Господне идите против злого еретика!» – Они ринулись во дворец. Пробудившись в объятиях Марины, Дмитрий кликнул Басманова:

– Что там случилось?

Выбегая, царский любимец встретил кое-кого из нападающих и повторил им вопрос. Чтобы выиграть время, они пытались обмануть его.

– Мы не знаем. Должно быть – пожар.

На минуту ободрившись, Дмитрий скоро заметил, что гул все растет. Он снова послал Басманова на разведки. Но теперь собралось уже много заговорщиков; посланного встретили бранью и криками:

– Выдай нам обманщика!

Басманов бросился назад, приказал телохранителям никого не пропускать и побежал предупредить Дмитрия.

– Спасайтесь! Я вас предупреждал! Вся Москва против вас!

Дмитрий искал свою саблю. По словам летописи, он не нашел ее. Чиновный хранитель оружия, меч-

ник, унес ее с собою. Супруг Марины, не обдумавши хорошенько, поручил эту должность польского происхождения одному из своих врагов, тому самому Скопину-Шуйскому, которого выбрал для сопровождения в Москву бывшей царицы Марфы. Схватив бердыш одного из телохранителей, Дмитрий приготовился к борьбе с нападающими.

– «Я вам не Годунов!» – В этих словах, записанных одним летописцем, сказала вся его уверенность в своем достоинстве, гордость своим происхождением. Раздались выстрелы. Дмитрий отступает. Он взглядывает в окно. Там его народ, вчера еще такой преданный ему; и сыну Грозного не верится, чтобы он уже отступился от него! Нет, против него не вся Москва. Дмитрий узнал своих врагов: это – бояре, дворянство! Скрыться от них, кликнуть клич к мужикам, и он будет спасен. Надо бежать. Вернувшись к Марине, он кричит: «Измена, сердце мое!» и идет искать потайного выхода. Исчез любовник, стусевался и герой; остался только царь, сознающий первую настоящую обязанность – обезопасить личность государя. Все зависит от нее одной, и, конечно, на нее одну направляются все удары. Этот человек отважен; он с избытком много раз доказал это; он любит женщину, которую сейчас оставил; в этом нельзя сомневаться; однако, он покидает ее и бежит: он царь! Неужели тот,

кто выбирает такой исход, не сын Грозного? Но его преследуют. Пытаясь завести переговоры с боярами, Басманов вдруг видит перед собой Татищева, человека, которому помог вернуться из ссылки. Неблагодарный бросает ему в лицо грязнейшую брань московского словаря и убивает его ударом длинного кинжала. Теперь Дмитрия преследуют по пятам. Не находя лестницы, несчастный прыгает в окно; проворный удар сабли задел его по ноге. Упав с высоты целого этажа, он лежит без чувств, тяжело расшибленный.

Но нанеший ему рану не узнал его. На минуту заговорщики потеряли его след; ему открывается возможность спасения. Караул стрельцов стоит поблизости. Услышав стоны, люди эти подходят; они не колеблясь признают царя. Его поднимают, опрыскивают водой, ищут ему приюта. В нескольких шагах двор хором Годунова, снесенных по царскому приказу; там еще цело нижнее строение. Оно послужило убежищем Дмитрию в последние минуты жизни. Придя в сознание, он видит вокруг себя солдат, преданность которых ему известна; к царю тотчас возвращается его отвага, обычная самоуверенность, даже гордость. Он желает вернуться домой. На руках стрельцов он в последний раз видит свое жилище, увы, неузнаваемым, разграбленным, запятнанным грязью и кровью. Все его телохранители обезоружены. Но ему кажется,

что справятся и одни стрельцы, которых он ободряет щедрыми обещаниями. Когда заговорщики приближаются, послушный и стойкий отряд берет ружья на прицел; Дмитрий получил отсрочку, имеет время оглядеться и вызвать вмешательство народа в свою пользу. Он спасен! О, нет! Бояре кричат его защитникам:

– Мы пойдем в вашу слободу и перебьем ваших жен и детей!

Дивная выдумка! Эти милиционеры, от которых в тот момент зависела судьба и жизнь повелителя всея Руси, вчера еще всемогущего самодержца, были, как известно, московскими горожанами, в большинстве женатыми, отцами семейств, и угроза их домашнему очагу не могла не произвести ожидаемого впечатления. Она решает развязку драмы. Минутой ранее готовые положить жизнь на защиту царя, эти люди теперь колеблются; они начинают переговоры, желают, чтобы допросили Марфу.

– Если она скажет, что это – ее сын, мы все умрем за него; если нет, – мы предоставим его на волю Божию!

Это был смертный приговор Дмитрию.

Если солдаты или подданные начинают рассуждать в таких условиях и на такую тему, очевидно, они потеряли всякую охоту сражаться. Бояре и не подумали об удовлетворении: противников, на деле уже уклонившихся от боя, и я не могу не видеть в этом но-

вого, весьма убедительного довода в пользу положения, которое склонен признать. Искренность Марфы в эту минуту представила бы ценные речательства. Но заговорщики не удовлетворились отклонением очной ставки, которую, видимо, находили опасной. Ведь сопротивление стрельцов было теперь обезоружено; есть указание, что они даже рассеялись после первого предостережения, и все свидетельства согласуются в том, что немного раньше, немного позже руководители переворота все равно завладели бы Дмитрием. Если они были уверены в тождестве его личности с Гришкой Отрепьевым или просто в его самозванстве и обладали, как сами хвалились, всеми средствами, чтобы его установить, разве не послужило бы к их очевидной выгоде сохранить обманщика живым ради следствия, которое устранило бы всякую возможность оспаривать факт первостепенной важности и дало необходимое оправдание их заговору? Но они предпочли немедленно убить человека, личность которого и после смерти осталась таинственной и угрожающей; они сочли лучшим низвергнуть стремглав во мрак эту страшную загадку. Боярский сын Григорий Валуев всадил целый заряд мушкета в «злого еретика»; прочие покончили с ним сабельными ударами. Искалеченное, обезображенное, подвергшееся гнусному поруганию тело палачи поволокли на со-

седнюю площадь посредством отвратительным способом привязанной веревки. Перед Вознесенским монастырем они остановились и теперь только спросили Марфу:

– Признаешь ли его за своего сына?

– Вы должны были спросить меня раньше, – последовал, будто бы, уклончивый ответ. – Теперь, каков он есть, он, конечно, не мой!

На Лобном месте тело поместили на подмости, рядом с Басмановым, положив ноги бывшего царя на грудь его любимца. Над убитым все время издевались. Один заговорщик вставил ему в рот дудку; другой закрыл ему лицо уродливой маской, найденной во дворце среди принадлежностей праздника, который готовила Марина. Не входило ли и это издевательство в число предосторожностей? Не было ли более подходящим, наоборот, оставить открытым знакомое лицо Гришки Отрепьева? Самый вид тела, кажется, страшил бояр. Через три дня труп вывезли за город и бросили в общую могилу в убогом доме. Но тотчас распространился слух, что «мертвец вернулся». Он выходил из земли и путал прохожих. Приказали зарыть его поглубже, а он опять вышел. Его увидели в другом месте. Вокруг его подвижной могилы роились страшные привидения. Тогда решили его сжечь. Пеплом зарядили пушку и выстрелили на запад, в сторону

Польши, откуда появился этот выходец с того света. Эти отвратительные посмертные преследования можно объяснить суеверием и склонностью к зверскому мщению. На Лобном месте, говорят, даже женщины занимались непристойным поруганием несчастного трупа. Если предположить, что убийцы знали, что убили законного государя, и старались скрыть следы преступления, то Шуйский и его сторонники именно так и поступили бы. Следует прибавить, что личность, которую считали играющей при «Лжедмитрии» роль Гришки Отрепьева, после катастрофы бесследно исчезла из Ярославля, и никто не узнал, что с нею случилось.²⁵⁷ Воля бояр была, может быть, не причастна смерти Дмитрия? Может, они не смогли управлять движением, которое сами возбудили? В истории революций такова обычная доля вождей. Но в этом случае участь Марины среди превратностей кровавой драмы, сделавшей ее вдовой, как будто отстраняет эту гипотезу.

Покинутая своим супругом, Марина, по словам некоторых свидетелей, сначала искала спасения в погребке. Очутившись там одна, она испугалась. Она вернулась вверх, пробралась незамеченной сквозь толпу врагов, которые сильно толкали ее, и успешно достигла своих покоев прежде, чем заговорщики

---

²⁵⁷ «Русский Архив», авг. 1886, стр. 572.

успели проникнуть в них. Когда они явились, дворянин ее свиты Осмольский на время приостановил их. Он погиб, весь исполосованный ударами, и в покое, вход которых он защищал, нахлынула толпа. Но ни один из ворвавшихся не знал в лицо царицы. При своем небольшом росте, она оказалась незаметной среди стаи своих перепуганных женщин. Один летописец думает, что она нашла убежище под юбками своей толстой гофмейстерины. Все эти женщины показали такую же героическую твердость, как и Осмольский. Допрашиваемые под угрозами, они все время твердили, что не знают, где их госпожа. Насилие совершилось, – за угрозами последовали оскорбления и побои. Полунагие польки возбуждали и злобу и похоть нападавших. Скоро эти опьяневшие звери забыли всякую меру, *nudabant equina pudenda sua*,²⁵⁸ говорит Петрей Ерлезунд. Старая Хмелевская так пострадала, что не пережила испытания; если верить Буссову, все молоденькие девушки из ее подруг были изнасилованы, *ut, inter actum anni tempus, ex virginibus matres fierent*.²⁵⁹ Разыгрывалась гнуснейшая оргия; послали

---

²⁵⁸ Язык подлинника непереволим.

²⁵⁹ Устрялов. Сказания иностр., изд. 3-е, ч. I-я, стр. 61–62; вольн. пер.: «После того бояре разделили между собою всех девиц, благородных полек, и отослали их в свои дома, где они через год стали матерями». Это свидетельство в целом не поддерживается другими современниками.

сказать боярам; некоторые из них явились и без труда заставили прекратить ее. Значит, им повиновались!

Их заботами Марина и весь женский персонал тотчас же были спасены от опасности. За сандомирским воеводой наблюдали в его доме, но вместе с тем и охраняли его, и он в тот же день мог видеться с дочерью. В городе убили нескольких поляков. Их, ведь, обвиняли в покушении на жизнь бояр и даже самого царя! По странным, бессознательно-противоречивым порывам, свойственным самой природе народных движений, обманутая, мятущаяся, обезумевшая толпа била естественных защитников того, кого хотела сама защитить или за кого мстила. Вопреки предостережениям начальников, несколько дворян или лакеев удалились от своих квартир и засиделись по кабакам или на любовных свиданиях. Подвергаясь нападениям в одиночку, они дорого отдавали свою жизнь; легенда же преувеличила число этих жертв и убитых из числа нападавших в неравной борьбе. Диаментовский считает 300 убитых поляков; Масса – втрое больше, а Буссов доводит их число до 2 135. Но по всем указаниям этой цифры не достигало и общее число оставшихся в Москве соотечественников Марины. Рассказ, приведенный Карамзиным,²⁶⁰ упоминает среди жертв семь воевод. Налицо был один воевода

---

²⁶⁰ История Государства Российского, XI, прим. 562.

– Мнишек,²⁶¹ а он не получил и царапины. Другой летописец говорит о 93 кардиналах, будто бы убитых в эти дни!

Это последнее сведение касается, вероятно, бедственной судьбы, к счастью единственной в своем роде, аббата Помаского. Застигнутый в то время, когда он кончал утреннюю обедню, и тяжело раненый, бедный ксендз Самбора скончался через два дня.

Жившие в Китай-городе, вне Кремлевских стен, Константин Вишневецкий и Сигизмунд Тарло оказались в более опасном положении, нежели отец Марины. Они принуждены были выдержать там настоящие приступы. В своем в конце концов захваченном и разграбленном доме г-жа Тарло защищала больного мужа, прикрывая его своим телом, и получила удар саблей. Раздевши ее донага вместе со всеми домашними, ее в таком виде повели в Кремль. Палаты польского посольства, куда скрылись иезуиты и бернардинцы, по приказу бояр были окружены отрядом войск и спасены от нападений; а через несколько часов мятеж утих.

Мнишек отделался тем, что вернул деньги и драгоценности, все, что недавно получил от зятя; сама Марина, возвращенная в первых числах июня к отцу, со-

---

²⁶¹ Русск. Ист. Библ., XIII, 752; сравни Акты, относящееся к Истории Западной России, IV, 284.

хранила от своих богатств только траурное платье, которое носила. – «Я бы только желала, чтобы мне возвратили моего маленького арапа», – будто бы заявила она тогда. Вскоре оказалось, что она питала иные, более честолюбивые мысли; впрочем, они были неразрывно связаны с легкомыслием, которое так курьезно выдает приведенное выше желание. Говорят, Мнишек одно время носился с мыслью избежать последствий катастрофы посредством брака своей дочери с новым победителем. Но Василий Шуйский рассчитывал иначе вознаградить себя за победу.²⁶²

---

²⁶² Для подробностей драмы см. Niemojewski. Pamiętnik, 69 и сл.; Wielewicki, *Rel. Pol. script.*, X, 444; Борша, *Русск. Ист. Библи.*, I, 423 и след.; Bussow, *Rel. Russ. script.*, I, 83; Сераковский у Niemcewicz, *Dzieje panowania Z.* III, II, 285; Будзило, *Русск. Ист. Библи.* I, 90; Массе. I, 162; Паерле. *Сказания соврем.* – в изд. Устрялова; Russel. *La légende de la vie et de la mort de D.* Amsterd., 1606. P. 20 et suiv.; de Thou в *Hist. Univ.*, La Haye, 1740, 168; Катыврев-Ростовский, *Русск. Ист. Библи.*, XIII, 581; Иное сказание, там же, XIII, 59; Wassenberg, *Hist. gest. Vlad.* IV, 1646, 44; Карамзин. *История Государства Российского*, XI, прим. 546, 562; Арцыбышев. *Пов. о России*, III, 136; (ełanski. *Warhaftiges Bericht...*, 1607.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Социальный кризис

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Народное восстание

I. Боярский царь

Шуйский победителем вступил в Кремль – низенький, толстый человечек, лысый, невзрачный, с редкой бородкой, с близорукими, мигающими, вороватыми глазками, лет пятидесяти от роду, но совсем старик по виду, без приятной обходительности, с репутацией скареда, вполне оправдавшейся.²⁶³ Какой порядок в государстве установит он со своими единомышленниками? В то время никакого правительства не существовало. Помазанная и коронованная, обладая в теории более высоким званием, чем Ирина, Марина

---

²⁶³ Катырев-Ростовский, Русск. Ист. Библ., XIII, 622. Надгробная надпись в Архангельском соборе гласит; «Умер 12 сент. 1612 г. 60-ти лет». Однако Зерцало Росс. Гос. Мальгина считает годом рождения В. И. Шуйского 1547 г.

потонула в перевороте. Она лишилась всякого значения; и сам патриарх Игнатий, возведенный в этот сан самозванцем, разделил ее падение. А ведь в этом самодержавном государстве правительство заключалось прежде всего в царе. Кто будет царем? Вне той двуличной роли, которую он сыграл, возбуждая народ на защиту Дмитрия и участвуя в его убийстве, Василий Иванович Шуйский выделялся только историческим обаянием своего происхождения. Но для народа оно имело мало значения. Генеалогия его рода уже погружалась во мрак забвения и впоследствии не вышла из него. Его родоначальником был не брат Александра Невского (1252–1263), как это обыкновенно думали, а старший сын национального героя, Андрей Суздальский, один из потомков которого оспаривал великое княжество Московское у потомков младшего сына, Даниила. В XIII в. Москва была только посадом. В XVII в. самая память о величии Суздальского соперника исчезала, но хорошо помнили ненавистных олигархов недавнего прошлого, близких родственников Василия Ивановича – Андрея Михайловича, казненного во время смут, окружавших детство Грозного,²⁶⁴ и его двоюродных братьев.

Среди руководителей переворота, прекратившего

---

²⁶⁴ «Русская Старина», июль 1896, стр. 120; сравн. Соловьев, Архив ист. – юрид. сведений Калачева, I кн., 3 отд. Суздальские князья, стр. 20.

царствование Дмитрия, выделялся более высокими личными качествами потомок менее знаменитого рода, Василий Васильевич Голицын. Мы знаем, с другой стороны, какого рода предложения сделали Сигизмунду Шуйский и его сторонники-бояре. Легко понять их затруднительное положение. Два дня прошли в страстных спорах, из которых не намечалось соглашения; 19 (29) мая бояре и высшие духовные и светские чины вышли на Красную площадь и предложили только созвать собор, чтобы избрать патриарха, который временно будет руководить делами. Шуйский, однако, умело использовал эти дни, и в присутствии смущенного, не то безучастного, не то враждебного народа предприимчивые и бойкие московские купцы высказались за шубника; из толпы раздались голоса: – «Царь нужнее патриарха! Да здравствует Василий Иванович!» – Врасплох захваченным боярам навязывалось немедленное решение; князь Воротынский высказался против Голицына, и шубника провозгласили царем.²⁶⁵

Опираясь на вариант в тексте подлинного рассказа Катырева-Ростовского,²⁶⁶ некоторые историки склон-

---

²⁶⁵ Катырев-Ростовский, Русск. Ист. Библ., XIII, 582; Собрание государственных грамот и договоров, II, № 142, 144, 146; Акты археографической экспедиции, II, 44.

²⁶⁶ Рукопись, приписываемая Филарету, см. Кондратьев, Журн. Мин.

ны думать, что такое решение принял собор.²⁶⁷ Можем оставить их в приятной иллюзии, ведь в московской жизни не было явления более пестрого и неопределенного, как состав и организация этих собраний. Числа дней и смысл документов, относящихся к тогдашнему собранию, указывают на отсутствие представителей областей. Гораздо интереснее ограничение верховной власти, – факт спорный и основательно оспариваемый, – которое было при этом случае проведено при самодержавном строе страны. Некоторые летописи говорят о принятом новым государем обязательстве править при участии собора. К несчастью, официальные документы неясны и отчасти противоречивы. В первых грамотах Шуйского нет и помина о таком обязательстве. Напротив, Василий Иванович объявляет о своем намерении царствовать по примеру предков, на чем он и целовал крест. Мы имеем текст присяги, тот самый документ, который называют ограничительным. Читая его, трудно согласиться с таким определением. Государь дал клятвенное обещание, что никого не будет наказывать без боярского суда; не будет распространять на семьи приговоренных к смертной казни связанного с нею лишения

Нар. Просв., 1878, 40–43.

²⁶⁷ Латкин. Земские соборы, 100 и сл. Ср. Чичерин. О народном представительстве, 542.

имуущества и т. п.; не будет слушать доносчиков, ни налагать опалы без достаточных оснований; во всем этом нет ничего противного, по крайней мере, принципу самодержавия, как оно установилось в Москве. Обычный призыв к содействию Думы, соответствующее обстоятельствам обращение к содействию собора входили в принцип самодержавия, как и отречение от злоупотреблений властью, независимой от конституционных ограничений, но не от нравственного закона.²⁶⁸ Вообще, в этих обещаниях ярко выражается критическое отношение к злоупотреблениям властью, установленным Грозным, и ясно намечается возвращение к старому правительственному порядку.

Но все-таки присяга царя является своего рода новизной; и неправдоподобно, чтобы летописи просто выдумали все это обязательство, торжественно принятое царем в пользу собора, как и протесты бояр против этого акта государя.

Правда, существует сомнение относительно толкования текстов; слова – «править общим советом», – приведенные летописью, были различно понимаемы и допускают различные толкования, как относящиеся или к земскому собору, или к думе, или даже, в более узком смысле, к привилегированному кругу высших советников.

---

²⁶⁸ См. Waliszewski, K. Ivan le Terrible, 51.

Существовало такое предположение: чтобы достичь власти, Шуйский заключил договор с боярами; потом, желая отделаться от данных им в их пользу обещаний, он надумал распространить действие последних на народное собрание, что на деле его ни к чему не обязывало ввиду неясности характера и деятельности этого зачаточного органа. Но бояре запротестовали, и царь в своих официальных документах вернулся если не к смыслу, то к букве первоначального договора.²⁶⁹

Более остроумное, чем прочно обоснованное, это объяснение все-таки содержит долю истины. Отправление верховной власти сообща царем и боярами было издавна в обычае. Но от основателя новой династии, от своего ставленника бояре могли потребовать поруки в пользу всего сословия или только маленькой группы Шуйских, В. Голицына, И. Куракина, которые возвели «шубника» на престол. С другой стороны, стремления к ограничению самодержавия проявлялись, как я указывал, и среди воскресавших претен-

---

²⁶⁹ Ключевский. Боярская Дума, 471—2; Иловайский. Смутное время в Московском государстве, 78 и 288; Владимирский-Буданов. Хрестоматия, 102; его же, Обзор истории русского права, 157—8; Маркевич, Журнал Мин. Нар. Пр., окт. 1891, 393; ср. Платонов. Очерки по истории смуты. 300—301; Рождественский, «Историческое Обозрение», 1892, 30 и сл.; Никоновская летопись, VIII, 76; Степенная книга Лопухина, IV, 597, I, 469; Собрание государственных грамот и договоров, II, 140, 141, 142.

дентов; они зарождались в грозовом воздухе страны и развивались под влиянием Польши.

Итак, весьма возможно, что на пороге XVII века в истории старой Московии был составлен конституционный договор. Но обстоятельства не позволили этой первой национальной хартии достигнуть доли той, которую в 1215 г. король Иоанн дал английским баронам. Она была иного происхождения. В Англии бароны пожинали плоды нескольких веков напряженной борьбы при поддержке целой нации ради завоевания и сохранения привилегий, возвращенных или вновь приобретенных. В Москве масса населения и в то время еще относилась безучастно к задаче, в которой она ничего не понимала или в которой не находила для себя никакой выгоды. Восстановление порядков, предшествовавших «опричнине», не могло соблазнять «мужиков», которые приветствовали кровавые расправы Грозного; государь, подобно ему, обходившийся без бояр или избивавший их, более подходил к нуждам убогой бедноты. Политический идеал невежественных кротких плебеев сливался с принципом самодержавия вполне личного и самовластного; если же уклонялся от него, то склонялся к мечтам о чистой анархии, вроде тех, в которых 300 лет спустя находили загадочное наслаждение гораздо более светлые умы, силою темного атавизма

погружавшиеся в эту бездну умственной нищеты и нравственной бессознательности. В этой жалкой среде бедняков, перенесших много тяжелых испытаний, но неспособных уловить естественную связь между причиной и следствием, стремление к лучшему будущему, или революционные инстинкты, охотней всего обращались к задачам социального или экономического порядка; а в этой области резкий, непримиримый антагонизм отделял массу от аристократии с ее встречными притязаниями на возврат к старине.

Так, обособленные от прочего населения, бояре не могли сохранить того, чего добивались, и Василий Иванович на деле мог царствовать почти так же неограниченно, как его непосредственные предшественники.

Думали найти указание на явление противоположного характера в следующем происшествии: 7 марта 1607 г., действуя собственной властью, новый царь издал указ, воспрещавший закрепощение без кабалы по давности, допускаемое с 1597 г. Через два года, 12 сентября 1609 г., в отсутствие государя, постановление думы восстановило старый закон. Я пытался объяснить в другом месте деятельность обеих властей, между которыми желали видеть столкновение по этому поводу, кончившееся торжеством «коллективного» начала, и показал, что ни в теории, ни в прак-

тике самодержавного правительства, ни при каких обстоятельствах нельзя представлять себе эти власти противоположными друг другу. Они являются всегда неразрывно связанными, слитыми; никакое разделение компетенции или работ, власти или ведомства не примешивается к их совместному действию. Действуют ли он вместе или врозь, они всегда почитаются действующими сообща, и в том, и в другом случае; это не государь и не дума, а «государь со своим советом», по освященной обычаем формуле, решает, приказывает и приводит в исполнение принятые меры.²⁷⁰

То, что на этот раз произошло, оказывается, по-видимому, победой бояр и их интересов на почве не конституционного права, а политического спора, который, повернувшись было против них, скоро позволил им взять верх в свою очередь. А в промежутке если кто и пострадал, то не принцип самодержавия, скоро вполне восстановленный, а личность его представителя; плавая по бурному морю по воле ветра и течений и нанося случайные удары по сторонам, боярский ставленник решился с 21 мая 1609 г., действуя помимо совета, на частичную отмену меры, которую надеялся два года тому назад приобрести расположение мужиков.

Характер Василия Ивановича оправдывает эту до-

---

²⁷⁰ См. Waliszewski, K. Ivan le Terrible, 51.

гадку. Он является паразитической противоположностью Дмитрию. В нравственной физиономии предполагаемого сына Грозного еще резче проявлялись черты нового времени, уже весьма заметные у его отца. Его преемник, напротив, – чистый тип москвитянина старого закала: отсутствие инициативы, но большая сила косности, явно выраженный мизантропизм (ненависть к новшествам), полное отсутствие культуры ума и слабо развитое нравственное сознание. Будучи частным человеком, «шубник» всегда униженно склонялся перед волей сильнейшего, но он всегда был готов выпрямиться, как только гнет ослабевал. Достигнув высшего звания и, подобно Грозному, заявляя притязание на фантастическое родство с римскими цезарями, он остался самим собою, – гибким и вместе стойким, на все согласным и лукавым. В несчастье он мог смело смотреть в лицо опасности, но только исчерпав сперва все средства избежать испытания и не сумев вовремя ни предвидеть, ни отворотить его. Хитрый и пронырливый, он в то же время ограничен и неповоротлив. Суеверный и набожный, он не менее того жесток и развратен. Поляки прозовут его царствование «непрерывными похоронами», так он усердно приумножал религиозные церемонии, чтобы удовлетворить личному вкусу и расположить к себе духовенство; но он не побоится подчинить святое

дело своим политическим расчетам; он давно свыкся с самой наглой ложью, с самым циничным клятвопреступлением и сделает их главными орудиями своего управления.

II. Царство лжи

После переворота у его виновников прежде всего возникла неотложная забота – оправдать совершившийся факт перед общественным мнением, очевидно сложившимся в пользу обманщика, низверженного и умерщвленного. Тотчас по областям были разосланы грамоты;²⁷¹ очень подробно излагая причины события, они приводили показание Яна Бучинского, силой вырванное у секретаря Дмитрия или просто выдуманное, а также согласные с ним показания на допросе сандомирского воеводы и заявление польских послов. Для обвинительного акта эти документы вовсе не имели значения. Между прочими преступлениями, в которых обвинялся «расстрига», находим данное им будто бы обязательство выдать тестю десять миллионов. Мы знаем, что воевода слишком хорошо знал счет деньгам, чтобы рассчитывать на такую нелепость. Остальное все было в том же роде.

---

²⁷¹ Акты археографической экспедиции, II, 48.

В других грамотах заставили принять, в свою очередь, участие Марфу,²⁷² будто бы она заявила, что признала обманщика против воли, по принуждению, под угрозами лишения жизни вместе с родными. Этому еще могли поверить, но она же, будто бы, говорила, что считала своим долгом «ранее 17 мая» открыть правду боярам, придворным и «христианам всех чинов», что явно опровергалось фактами. Она лгала или ее нагло заставляли лгать, и в то же время выдумкой, противной действительности, известной всем, ее делали участницей в управлении нового царя, хотя монастырь снова стал для нее тем же, как до воцарения Дмитрия, и она вскоре была вынуждена посылать жалобы польскому королю, что ее там морят голодом.

Наконец, прибегли к участию так называемого Варлаама, чей рассказ мы уже знаем, и с его помощью, доказывая тожество «Лжедмитрия» с Гришкой Отрепьевым, думали восстановить официальный авторитет этого утверждения, который временно сильно упал. Получила широкое применение русская поговорка: «бумага все стерпит». Заставляя лгать, Василий Иванович сам лгал пуще всех. В торжественных грамотах он в это время объявил своему народу, что его провозгласили царем представители всех областей, а венчал на царство патриарх. Но области из

---

²⁷² Собрание государственных грамот и договоров, II, 306, 316.

этих грамот впервые узнали о его воцарении, а преемника, Игнатия,²⁷³ нового патриарха, еще не назначали.

Марфа не могла протестовать из монастырского заключения, даже если бы захотела. Более стеснительными свидетелями были Мнишек и прочие поляки. Иные официальные сообщения, немного более правдивые, сами придавали их речам²⁷⁴ очень неудобное значение. Можно ли было ставить им в вину признание Дмитрия, если вся Московия с Василием Шуйским во главе подавала тому пример? После продолжительных колебаний и, может быть, как полагали некоторые летописцы, переговоров с отцом Марины, чтобы добиться от него речательства в скромности, новый царь решил держать всех этих лиц взаперти. Это обеспечивало ему необходимую молчаливость и доставляло заложников в виду сведения счетов с Польшей, которое предвиделось в близком будущем. Послы Сигизмунда были задержаны в своих хоромах, обратившихся для них в тюрьму, а их соотечественники были разосланы по областям. Под предлогом

---

²⁷³ Кондратьев. Журн. Мин. Нар. Просв., 1878, сент., стр. 40–43.

²⁷⁴ Собрание государственных грамот и договоров, II, 294. Сравн. допрос Мнишека и заявления польских посланных у Диаментовского, Dyariusz, 62 и след.; Будзило, Русск. Ист. Библ., I, 82 и след.; Stadnicki, Dyariusz, ркпс. в библ. Баворовских. Сравн. Darovski в Biblioteka Warszawska, 1894, 433.

своей болезни сандомирский воевода расточал все свои дипломатические способности, чтобы остаться в Москве, где он все еще ожидал счастливого для себя поворота судьбы. Его со всей семьей и с бывшей царицей отправили в Ярославль. Патер Анзеринус поехал с ними, и под охраной сильного отряда стрельцов опять двинулся в путь новый, гораздо более грустный караван из 375 паломников обоего пола.

Древний город, широко раскинувшийся по обоим берегам Волги, но в то время уже лишившийся своего былого величия, со многими разрушенными зданиями, Ярославль с XV века часто служил довольно сносным местом ссылки. В нем долгое время жил Густав Шведский, бывший жених Ксении. Жертвы катастрофы 17-го мая разместились с грехом пополам, вернее весьма дурно, в полуразрушенных домах; шляхтичи остались при своем оружии, так как они объявили решимость скорее умереть до последнего, нежели сдать его, а сандомирский воевода сохранил над ними своего рода военную власть. В Москве его совсем обобрали, поэтому все содержание лично его и его товарищей ложилось на московскую казну; но у заведующих хозяйственной частью часто не хватало средств, и выдача провианта часто сводилась на раздачу хлеба и пива. Под строгим присмотром, редко получая известия из внешнего мира и с большим тру-

дом сносясь с Польшей, Марина с отцом должны были прожить здесь целых два года. Сандомирский воевода демонстративно обходился с дочерью как с государыней и предписывал такой же этикет всем окружающим. Низложенная царица получила обратно своего арапчонка вместе со своими собственными вещами, кроме тех драгоценностей, которыми она была обязана щедрости Дмитрия. При ней остались и некоторые женщины. Как бы предназначенная судьбой сопровождать ее во всех позднейших превратностях ее изменчивой карьеры, которая только что начиналась, экс-гофмейстерина, г-жа Казановская, без сомнения, состояла при ней и в эту пору.²⁷⁵

Участь этих обломков после крушения вполне зависела от переговоров, которые тогда велись с Польшей и обязывали Василия Ивановича к осторожности. Впрочем, так же бережно обошелся он с оставшимися в живых русскими сторонниками Дмитрия. Даже относительно самых выдающихся из них он воздержался от чересчур суровых кар, довольствуясь простым изгнанием князя Масальского и Михаила Нагого; для Власьева, Салтыкова и Бельского он ограничился той степенью немилости, которую один из них уже испытал; она заключалась в назначении на службу в отда-

---

²⁷⁵ Пирлинг. Марина Мнишек после майского погрома, «Русская Старина», 1893, 240 и след.

ленные области людей, недостойных, по официальной терминологии, «видеть очи государевы». Однако нового царя, и вполне основательно, обвиняли в грубой ошибке: он раздражал бояр, которые почувствовали себя униженными вместе с Салтыковым и Бельским как раз в области привилегий, признанных теперь неприкосновенными в их сословии; он послал в Ивангород, Уфу, Казань представителей только что отмененного порядка, несмотря на опасность, что они станут действовать там вовсе не в интересах лица, введившего иной порядок.

Среди аристократической группы враждебное настроение, по-видимому, обнаружилось почти тотчас же. Возведя в патриархи Филарета Романова, Василий Иванович должен был через несколько дней низложить его, даже не выждав венчание на царство, которое, вопреки обычаю, последовала очень скоро, не позже двух недель (19 мая – 1 июня стар. ст.), вслед за избранием «шубника», очевидно очень торопившегося сменить свою шубу на царскую порфиру. Это внезапное решение объясняется заговором, в котором оказались замешанными родные жертвы: П. Н. Шереметев и Ф. И. Мстиславский, как и бывший царь Симеон Бекбулатович, уже носитель рясы под именем Стефана; теперь он был заточен в отдаленный Соловецкий монастырь. Заговорщики намеревались

передать власть князю Мстиславскому. Филарет вернулся на свою ростовскую митрополию, а его место досталось тому самому Гермогену, архиепископу казанскому, который упорно требовал второго крещения Марины. Существование заговора не установлено; но нельзя сомневаться, что с первых же дней царствования царь оказался в довольно дурных отношениях с большинством бояр, что он почувствовал необходимость и испытал желание поискать более прочной точки опоры вне этой среды.

Мысль была верная, но при выполнении натолкнулась на непреодолимые препятствия. Простонародье упрямылось; оно сожалело о потере Дмитрия и не верило, что он умер. Явно лживые в подробностях заверения грамоты Василия Ивановича давали повод сомневаться в верности основного факта. Уже распространялся слух, что сын Марии Нагой скрылся от убийц. Самые заботы, с которыми прятали его тело, способствовали возникновению и распространению легенды. Теперь рассказывали, что на изуродованном трупе были очень заметны следы густой бороды, которая не могла появиться на безволосом лице молодого царя. Волосы человека в маске, лежавшего на подмостках среди Красной площади, были гораздо длиннее тех, которые накануне виднелись из-под шапки государя. Поляк Хвалибог, лакей Дмитрия,

уверял, что он не узнал своего господина на Лобном месте; выставленное здесь на позорище тело принадлежало низенькому, толстому человеку с начисто выбритой головой и волосатой грудью; царь же был худощав; он носил локоны около ушей по моде студентов, и на его груди не было волос. Другим казалось, что у тела были грязные ноги с длинными запущенными ногтями, тогда как Дмитрий очень заботливо относился к своей внешности. Масса, правда, утверждал, что, часто посещая баню, любовник Ксении занимался там иными, особого рода делами; но легенде до этого не было дела.

Ввиду всего этого Василий Иванович, ценою нового клятвopреступления, покусился на необычайную уловку, которая еще более исказила историю этих драматических событий.

III. Канонизация Дмитрия

Так как «Лжедмитрий» упорно возвращался в этот мир, то следовало противопоставить ему истинного Дмитрия, а чтобы придать больше весу этому сопоставлению, вызывая мертвеца, погибшего в Угличе, Шуйский придумал сделать из него святого. Увлеченный, зачарованный этим причтением к лику святых в силу религиозного чувства и авторитета церкви, на-

род, очевидно, не найдет возможным одновременно поклоняться мощам царевича и считать его живым! При канонизации русская церковь, подобно первоначальной греческой, не руководствовалась очень точными правилами. Причтение к лику святых зависело от различных властей. Долгое время различали почитание местное, ограниченное пределами епархии, которое зависело от местных епископов, от всеобщего признания, предписываемого всему обществу верующих, которое требовало соизволения центральной власти, митрополита, патриарха или св. Синода. Однако всегда и всюду процедура отличалась большой простотой. Строго говоря, она не заключала в себе особого обряда причисления к лику святых. Она не требовала исследований относительно жизни и смерти кандидата. Право на допущение в сонм небесных сил определялось чудесами, совершенными его посредничеством; раз они подтверждались компетентными властями, торжественное служение в честь нового святого и служило канонизацией. По очень распространенному убеждению, тело праведников должно было оставаться нетленным; но уставы не считали необходимым это условие. Присутствие костей с частицею тела признавали достаточным.²⁷⁶

Все это очень облегчало исполнение замысла Ва-

---

²⁷⁶ Голубинский. Ист. канонизации, стр. 21–29.

силия Ивановича. Началось с великолепного представления, когда два дяди истинного Дмитрия, присяжные свидетели случайной смерти племянника, ростовский митрополит, получивший сан от «Лжедмитрия», сам Шуйский, председатель следственной комиссии в Угличе и ответственный составитель документа, удостоверявшего, что святой погиб в припадке эпилепсии, соперничали в наглости друг перед другом, настаивая на его мученичестве. Филарет стал во главе депутации, которая в первые дни июня отправилась в Углич и приступила к открытию гроба. Все присутствующие единогласно заявили, что при вскрытии могилы необычайное благовоние распространилось по всей церкви, как это и подобало. В Москве Василий Иванович нес на плечах драгоценные мощи, принадлежавшие, по его собственному свидетельству, черноречному ребенку. Когда их торжественно поставили под сводами Архангельского собора; когда Марфа снова согласилась признать их, прося прощения у государя и подданных, что так запоздала обличением самозванца; когда люди сделали все, чтобы ввести в заблуждение доверчивый народ, – Провидение попустило самое необходимое, чтобы пленить его религиозное чувство: в самый день церемонии было должным образом установлено тринадцать чудесных исце-

лений.²⁷⁷

В 1812 г. во время занятия Москвы французами драгоценные останки были вынуты из дорогой раки; впоследствии в новом ковчеге их установили на прежнее место,²⁷⁸ и они пребывают там поныне; их по-прежнему почитают; они совершают чудеса; и еще недавно, во время наделавшей шуму полемики, один местный историк не постеснялся заявить, что так будет всегда, пока имя русских будет признаваться в свете; даже его противник не допускал мысли, чтобы канонизация произошла из политических соображений, ибо *propter rationes politicas canonisare homines profanos* – ставится в вину только одной латинской церкви.²⁷⁹

Со своей стороны я не имею права вмешаться в этот спор; могу только заметить, как уже делал, что он должен быть изъят из исторической науки. Я даже не осмелюсь спуститься в неисповедимые глубины народной совести, чтобы вообразить себе с религиозной точки зрения истинное впечатление, которое мог произвести на нее этот прием. Что касается исторической точки зрения, мне позволительно, и это

---

²⁷⁷ Акты археографической экспедиции, II, 111; Муханов, Сборник, 268; Русс. Ист. Библ. XIII, 83, 584, 892, 912; Попов, Изборник, 419.

²⁷⁸ Павлов (Бицын). «Русский Архив», 1886, VIII, 601.

²⁷⁹ Костомаров. Исторические монографии и исследования, XIII, 348.

даже мой долг, подтвердить, что он не оказал никакого влияния на политическое положение. Привлекаемые колокольным звоном, который раздавался при каждом новом чуде, все более и более многочисленные толпы прибегали к подножию раки, взволнованные, растроганные, может быть, облегченные, в самом деле чудесно исцеляемые; несомненно, в то же время среди тех же богомольцев ходил слух, что вырытое в Угличе тело не принадлежало Дмитрию. Один стрелец за крупную сумму денег, как рассказывали, согласился будто бы отдать своего сына, которого зарезали и погребли в могиле, приписываемой царевичу, в ожидании, что ее откроют. Называли даже имена отца и ребенка! Не одно простонародье Москвы угрюмо смотрело на нового повелителя, навязанного ему боярами; донесения из областей, доставляемые Василию Ивановичу, указывали на более тревожные признаки – внезапный возврат общего беспокойного настроения, которое затихло было в царствование самозванца. По громадной империи зарябили течения, предвещавшие близкую бурю. Народные волны колебались и пенились под силой непреодолимых дуновений, среди которых не одна только легенда о Дмитрии, все оживающем, проявляла свое соблазнительное влияние.

IV. Возобновление бури

Существуют различные объяснения возникновения этой легенды и способов ее распространения. На самом деле восстание в наиболее отдаленных областях предшествовало ее темному зарождению. При первом известии о катастрофе 17-го мая Северщина и вся область «дикого поля» от Путивля до Кром оказались в открытом восстании. Некоторое время спустя этому примеру последовали города «за Окой», в Украине, в Рязанской области. Движение очень быстро распространилось к востоку, вдоль рек Цны, Мокши, Суры и Свияги; перебралось через Волгу к Нижнему, через Каму к Перми, достигло отдаленной Астрахани. В то же время разразились волнения под Тверью, Псковом, Новгородом, даже в самой Москве. И дело было опять-таки вовсе не в признании Дмитрия, которого считали умершим. Восставали против Василия Ивановича; отказывали в повинности «боярскому царю», – здесь, в Северщине, потому, что предполагали, что новый государь непременно будет мстить тем, которые первыми перешли на сторону претендента; в других местах потому, что выборы 19-го мая казались незаконными и направленными к установлению ненавистных олигархических порядков; и всюду

в особенности потому, что пора казалась подходящей для восстания. Всюду также подавленные и почти отстраненные во время первого восстания династическими счетами социальные интересы, классовые антипатия и ненависть, требования экономического порядка теперь одерживали верх и крепили с грозной энергией.

Обширное пространство на юго-востоке и юго-западе, известное под названием Украины, заселявшееся переселенцами, постоянно искавшими мест, не имело для них свободной земли. Бояре непрестанно расширяли здесь свои непомерные земельные захваты, забирая себе все, чем можно было распорядиться. Здесь мятеж поднимался против этих самых порядков, связывая их, однако, со всем социальным строем страны, который со вступлением на престол Шуйского, казалось, укреплялся и делался тягостнее. Бояре избрали подходящего для себя царя; чернь желала разрушить их дело и заменить избранника – кем? – На первое время она сама не знала. Казалось сквозь различные стремления и течения, что движение в своем начальном порыве должно привести к уничтожению всякого правительства. Боевой клич первых мятежников 1606 г. уже приближался к анархической формуле современных революционеров: земля и воля! – полная свобода своевольничать, очевидно.

Таков был, по преимуществу, характер революционного очага, вскоре сложившегося в Путивле, где он нашел готовую организацию. Про воеводу области, князя Григория Петровича Шаховского, говорили, будто бы он покинул Кремль в момент смерти Дмитрия, унося печать царя. На деле он находился уже там на своем посту сосланный, подобно тому, как Бельский был сослан в Казань. Он отомстил за опалу, став во главе движения. Сейчас же стало собираться войско под начальством вождя, выделявшегося только своим происхождением: то был бывший крепостной или холоп кн. Телятевского, Иван Исаевич Болотников. Двусмысленная физиономия и исподтишка деятельная ловкая рука его бывшего хозяина замечаются во всех темных интригах того времени; будучи в то время воеводою в Чернигове, Телятевский, несомненно, сам содействовал восстанию. Что касается Болотникова, о его личности уже сложилась легенда: был в плену у татар, работал веслом на галерах Турции, как охотно верили; затем жил в Венеции, откуда через Польшу двинулся на родину. Так или иначе, но Болотников был только крестьянин. Но он стал главнокомандующим и готовился стать новым Варвиком.

Маленькая крепость Кром снова сыграла важную роль. Под ее стенами Болотников сосредоточил первое ядро войск, встретил армию Шуйского под началь-

ством кн. И. Н. Трубецкого, разбил ее и тем открыл себе кратчайшую дорогу к среднему течению Оки и даже к самой Москве. Возобновлялся поход Дмитрия с некоторыми стратегическими изменениями и гораздо большей разницей в составе мятежной армии и в характер действий. Болотников открыто призвал низшие слои населения к борьбе против властвующих классов. Развращая боярских слуг, возбуждая крестьян, привлекая казаков, стрельцов и мелких мещан, он бросал в тюрьмы воевод, грабил дома больших бар, похищал и насиловал их жен. Он объявил войну не одному Шуйскому.

Двинувшись от Кром к северу, он нашел и эту страну уже в брожении, но здесь оно имело несколько иную физиономию: это был край «служилых людей» по преимуществу, мелких собственников, сидевших на жалованных или поместных землях, людей различного происхождения и типа; одни, родом из княжеских семей, как Засекины, Барятинские, Мещерские, стремившиеся опять подняться вверх по тому наклону, с которого они соскользнули, поджидали случая, чтобы сблизиться со столичной аристократией и занять видное положение в ее рядах; другие, скромные помещики, очень близкие к простонародью, были склонны смешаться с хлеборобами. В этой среде падение Дмитрия и воцарение его преемника вызва-

ло волнение, причины и свойства которого нетрудно угадать. Это двойное событие предвещало для одних возврат к тирании аристократов; другим – укрепление преград, поставленных привилегированной кастой их честолюбивым замыслам; для всех – крушение проснувшихся надежд, отчасти осуществленных в прошлое царствование.

В Рязанской области Ляпуновы первые почувствовали себя задетыми, и Болотников нашел здесь превосходно подготовленное средоточие для набора недовольных. Подобно войску первого претендента, победоносная армия постоянно усиливалась на пути к Москве, пополняясь уже мобилизованными элементами, и во все стороны расширяла свое влияние, все далее и далее от первоначального очага. Через «Заоцкий край» она действовала на группу маленьких военных городков – Малоярославец, Можайск, Волоколамск, Зубцов, Старицу, где тяглое население, «служилые люди», слабые экономически и малоразвитые социально, проявляли в особенности покорность всяким влияниям и лозунгам, откуда бы они ни исходили. Еще далее к востоку от низовьев Оки, на татарских землях позднейшего заселения она вызвала восстание инородцев быстрым пробуждением стремлений к независимости и возмездию. В некоторых местах она поощряла вспышки личного озлобле-

ния, как, например, в Астрахани, где во время бунта гарнизона под начальством кн. И. Д. Хворостинина проявилась старая вражда между семьями этого воеводы и Шуйского.²⁸⁰

Движение втянуло в себя другой очаг волнения, еще при жизни Дмитрия зародившийся в области Терека. Товарищи Илейки, отступив при известии о смерти молодого царя, бросились к Донцу, нашли здесь восстание в полном разгаре и покорно пошли под его знаменами.

Было замечено, что, рассчитывая установить порядок управления, противный принципам опричнины, Шуйский видел, что против него поднимались именно те области, которые Грозный оставил вне власти этой организации: очевидное доказательство, что опричнина, как начинают думать, служила мощным орудием политической и социальной дисциплины, хотя, разумеется, произвольным и грубым.

Как я указывал, восстание становилось общим на громадном внешнем поясе страны, когда легенда о воскресении Дмитрия дала новую пищу революционным течениям, изменяя только их направление. В стране, подчинившейся идеалу личной власти, революции не могла долго оставаться безыменной. Как бы ни было слабо и лишено обаяния правительство Шуй-

---

²⁸⁰ См. Платонов. Очерки по истории смуты. Стр. 322 и след.

ского, этой тени царя, народное чувство неудержимо стремилось противопоставить ему хотя бы призрак другого носителя власти. Испытывая потребность верить в живого Дмитрия, масса поддавалась влиянию самых нелепых басен о способах, какими он избежал смерти. Кн. Шаховской в Путивле невозмутимо ручался за новое чудо. Болотников, принимая звание великого воеводы, как будто слушался чьих-то приказаний. Достигнув литовской границы, распространяя добрую весть по пути, Михаил Молчанов, – лицо близкое В. В. Голицыну, который, может быть, и сам не чужд этому путешествию, – добрался до Самбора и без труда убедил мать Марины. Скоро начали рассказывать, что Дмитрий находится у тещи и готовится во всеоружии вернуться в свою империю. В июле об этом узнали в Ярославле, а в ноябрь бежал Ян Вильчинский, один из товарищей Мнишека по заточению, и распространил эту весть от имени самой Марины, сообщая точные и обстоятельные подробности. Он видел в Путивле лошадей, которыми в ночь 17-го мая Дмитрий воспользовался для бегства! К концу года два брата низверженной царицы прибыли в Рим и сообщили еще несколько известий. Сандомирский воевода тоже уверял, что получил несколько писем Дмитрия, писанных после майской катастрофы, и узнал по-

черк своего зятя.²⁸¹

Оставалось создать тело привидению. Сначала Шаховской находил Молчанова подходящим для этой роли. На спине негодяя оставались следы наказания кнутом, полученного в царствование Бориса за различные проступки; что бы ни говорил Григорий Волконский, посланный в Варшаву Шуйским, поздравлявший себя с тем, что такой выбор скоро обличить козни, но в то время эта татуировка не сообщала лицу особого клейма: сам царь Василий Иванович носил такие же знаки! Однако Молчанов отказался от этой роли; он не чувствовал себя способным к ней и к тому же был слишком известен в Москве. Вожди движения продолжали страдать недостатком претендентов и особенно оказались в большом затруднении, когда, после блестящего начала, Болотников испытал крутую перемену счастья. Перейдя Оку, «большой воевода» уже взял Коломну; разбитый на берегу Пахры бывшим мечником Дмитрия, М. В. Скопиным-Шуйским, положившим начало своей известности способного военачальника, он блестяще вознаградил себя за счет главной армии «шубника» под начальством Мстиславского и других первостепенных бояр; он нанес ей полное поражение у села Троицкого и оказался

---

²⁸¹ См. Пирлинг. Марина Мнишек после майского погрома, стр. 241; его же статья в *Revue des questions historiques*, Paris, oct. 1894, p. 546.

под стенами столицы; с середины октября и до начала декабря 1606 г. он осаждал Москву. Но в это время характер восстания обнаружился так резко, что вызвал отпадение среди его сторонников. Представители Рязанской области первые начали раскаиваться, в этой среде возбужденные Болотниковым надежды не шли дальше облегчения налогов или получения придворных мест от правительства более щедрого, чем обещало быть руководимое Василием Ивановичем. А «большой воевода» был очень далек от таких мирных целей. Он отворачивался от них, идя вперед по выбранному пути и ознаменовывая каждый шаг ужасными жестокостями. Ляпуновы не хотели революции. Один из них, Прокопий, увлекая за собой другого вождя, Григория Сумбулова, перешел в Москву и изъявил покорность и за себя и за товарищей по оружию. Его наградили местом в думе; затем реакция распространилась так же поспешно, как ранее развивалось противоположное течение. В декабре, при новом столкновении с мятежниками, кн. Скопин-Шуйский одержал новую победу благодаря отложению от них рязанцев под начальством Истома Пашкова, и вскоре, после приступа к его укрепленному стану под Коломенским, Болотников должен был бежать в Серпухов, затем в Калугу. Восстание отступало.

Но оно не было усмирено. Южные области поддер-

живали его; «большой воевода» постоянно заявлял о скором возвращении Дмитрия; у Василия Ивановича не хватало сил на новые военные меры, и восстание скоро опять стало грозным. Лишенный других средств, боярский ставленник снова ухватился за меры нравственного воздействия. Он придумал восстанавить память Годуновых. Из жалкого Варсонофьевского монастыря тела несчастной семьи были с большой торжественностью перевезены к Троице; бедная Ксения, следуя за гробами, тронула толпу своим горем, несомненно искренним, но выразившимся в причитаниях немного театрально. По соглашению с Гермогеном и высшим духовенством, в феврале 1607 г. царь возвратил из Старицы престарелого Иова. Руководя испукительным обрядом, бывший патриарх должен был внушить народу омерзение к преступным деяниям неверных подданных Бориса и сторонников нечестивого Гришки Отрепьева. Разбитый, дряхлый и слепой, он покорно подчинился всенародному выступлению обнародованию грамоты, где непомерное восхваление нового царствования сопровождалось столь же фантастическим перечислением проступков «самозванца» и более правильным изображением того, что продолжало делаться его именем, и обращением к новому покровителю России, св. муче-

нику Дмитрию.²⁸²

Удивительнее всего в этом документе – отсутствие всякого намека на социальный характер нового восстания. Казалось, Шуйский и его советники боялись смотреть прямо в глаза действительности, хотя она и находила отклик в их совести; с марта 1607 г. они принялись за подготовку целого ряда мероприятий для улучшения быта крепостных и крестьян или, по крайней мере, для изменения его условий. Я уже говорил об одной из этих мер, о реформе 7-го марта 1607 г., и указал на ее судьбу. Я должен прибавить, что она, по-видимому, не удовлетворяла своей цели. При общем упадке сельского хозяйства, который оказался ее непосредственным следствием, верх одержала сила вещей. Не имея возможности закрепить земледельцев в силу давности, землевладельцы заменили порядные или ссудные записи на срок порядными на всю жизнь, что приводило к тем же последствиям. Потребовалось издание нового указа, чтобы искоренить эту уловку для обхода закона, но и новый закон, в свою очередь, вызвал появление новых остроумных приемов, как обойти его.²⁸³

---

²⁸² Акты археографической экспедиции, II, № 67; Карамзин. История Государства Российского, XII, 33, прим. 126; Макарий. История русской церкви, X, 134–135.

²⁸³ Ключевский. Происхождение крепостного права, «Русская Мысль»,

Делая вид, будто он заботится о пользе рабочего класса, законодатель видимо преследовал совсем иную цель. Упраздняя холопство на срок, добровольное или «вольное», как иронически обозначалось прямо противоположное состояние, он намеревался устранить бесспорно опасный элемент неустойчивости, т. е. беспорядка. Та же цель сказывается и в подготовлявшемся тогда же своде законов о крепостном состоянии. Подлинник этого законодательного памятника погиб во время большого пожара 1626 г., и мы имеем только неполный и искаженный текст,²⁸⁴ который вызвал много недоразумений. Но его общий смысл, однако, не порождает сомнений. Посредством нового ограничения или неполной отмены права ухода («отказа») правительство Василия Ивановича думало укрепить в этой области управления те отношения, которые установили обычай или закон.

Но, пока в Москве законодательствовали, Болотников и Шаховской, соединившись под Тулой с шайкой «царевича» Петра, собрали внушительные силы и готовились перейти опять в наступление. При всей своей невоинственности Шуйский оказался вынужденным прибегнуть к силе оружия. После неудач-

---

авг. 1885, 26 и след.; Сергеевич. Юрид. древности, I, 163; II, 466; Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, I, 139.

²⁸⁴ Издан Татищевым вместе с «Судебником».

ной попытки отравить «большого воеводу», подослав к нему Фидлера, одного из своих немецких врачей, царь стал лично во главе своих войск, и скоро столица получила известие о большой победе, одержанной 5 июня 1607 г. близ Каширы на берегах Восмы, кажется, благодаря новому отпадению довольно многочисленной толпы мятежников под начальством кн. Андрея Телятевского, человека опытного в изменах. Вопреки всяким ожиданиям, эта блестящая победа имела только один результат – она ускорила событие, которое, придав окончательную физиономию мятежу, оказалось погребальным звоном для нового порядка. Запершись в Туле, Болотников посылал гонца за гонцом по разным направлениям, требуя, чтобы не медлили с объявлением «какого-нибудь Дмитрия», – и его мольбы были услышаны.

V. Воскресение Дмитрия

Происхождение этого претендента является новой загадкой, которой суждено, по-видимому, остаться навсегда неразрешенной. Попович из Северской области или из Москвы, – Матюшка Веревкин в первом случае, Алешка Рукин – во втором; сын кн. Курбского, великого политического противника Грозного; дьяк; учитель из маленького городка Сокола; чех из Праги,

служивший среди драбантов первого Дмитрия; еврей; сын «служилого человека» или «сын боярский» из Стародуба, – все эти догадки выставлялись, но ни одна из них не была достаточно обоснована. Впоследствии признанное довольно многими семитическое происхождение неизвестного получило официальное подтверждение в письме первого Романова, Михаила Феодоровича, королю Франции.²⁸⁵ После бегства нового претендента в Тушинском стане нашли будто бы талмуд, разные книги и рукописи на еврейском языке. Однако патер Савицкий, который мог знать²⁸⁶ многое, отождествляет эту личность с неким Богданком, секретарем первого Дмитрия для переписки на русском языке. После переворота 17 мая этот человек бежал в Литву, где жил одно время в доме могилевского протопopa. Битый кнутом и изгнанный за покушение на честь протопopицы, он придумал назваться именем своего бывшего господина.

Совпадая в основных чертах с изложением русских летописей рассказ поляка Мархоцкого, бывшего соратника первого Дмитрия,²⁸⁷ очень правдоподобен и

---

²⁸⁵ Naruszewicz. *Historya Jana Karola Chodkiewicza*, I, кн. IV, прим. 70; сравн. Никоновская летопись, VII, I, 89; Русск. Ист. Библ., XIII, 501; Акты археографической экспедиции, II, 210.

²⁸⁶ Wielewicki. *Dyariusz. Script. Rer. Pol.*, X, 239.

²⁸⁷ Marchocki. *Historya wojny Moskiewskiej*, 6.

имеет еще более важное значение. Уроженец Стародуба, из сословия «детей боярских», новый претендент появился, по рассказу Мархоцкого, в маленьком городке Пропойске, в Белоруссии. Задержанный по обвинению в шпионстве, он назвался сперва членом семьи Нагих, спасающимся от преследования Шуйского. При этом он намекал, что Дмитрий жив и может оказать ему покровительство. Когда известие об этом распространилось, его привели в Стародуб и, грозя пыткой, строго допрашивали, где находится царь, он вдруг воскликнул:

– «Б... дети, не узнаете разве своего государя!»

Все свидетельства отзываются единодушно о неприятной наружности, еще того более непривлекательном характере самозванца, неотесанности его в обращении и грубости нрава; все также утверждают, что ни по телесным, ни по духовным качествам новый претендент не походил на первого. Польские источники в этом отношении определеннее других. Поэтому невозможно согласиться с мнением историков, которые желали видеть в этом человеке ставленника Польши. В Кракове могли бы сделать лучший выбор. Впоследствии, когда казалось, что судьба готовить торжество темного авантюриста, на берегах Вислы могла родиться мысль воспользоваться им в интересах Польши или католичества; она выразилась в

очень любопытном документе, который нам сообщили как инструкцию, составленную в Польше для самозванца.²⁸⁸ Замысел – поставить Московию под протекторат Польши и этим способом осуществить соединение обоих государств, осторожно проходя переходные ступени, развивается здесь с довольно ясным чутьем материальных и моральных условий этой задачи. Но подчинение религиозного элемента светскому и указание на возможность переноса императорского звания из Германии в Московию, как на одно из последствий реформации, показывают, что документ вышел не из рук иезуитов и не из польского официального источника. Здесь сказывается работа ума независимого теоретика, плохо осведомленного насчет личности претендента и питавшего относительно него иллюзии, каких не могли разделять даже те поляки, которые впоследствии принимали его сторону. Их тоже нельзя подозревать в изобретении такого лица. Эта личность создавалась самопроизвольным зарождением среди подходящей среды, где такие явления часто возобновлялись, как мы выше видели.

Среди лиц, окружавших темного авантюриста, поляки должны были все-таки занимать главное место

---

²⁸⁸ Открыт Костомаровым после кн. Оболенского в Библ. Красинского в Варшаве. См. Костомаров. Смутное время, II, 144; Соловьев. История России, VIII, 211–218.

и оказывать решительное влияние не только на его судьбу, но и на все развитие кризиса, в который вмешались. Появление нового претендента можно приблизительно отнести к июню 1607 г. В эту пору в Польше окончилась междоусобная война, и потому освободились целые запасы сил, оставшихся без употребления, обманутых честолюбий, неудовлетворенных вожделений, героических настроений, рвущихся к новым подвигам, – все это нетерпеливо и жадно стремились искать счастья вне родины. Воздух мирной страны, возвращенной к состоянию относительного порядка с подобием дисциплины, был невыносимо тяжел для соратников Зебржидовского. Они нахлынули на Московию, и второму Дмитрию стоило только показаться, чтобы увидеть вокруг себя цвет того странствующего рыцарства, из которого Баторий с трудом создал армию; оно оказалось неспособным бороться с регулярной армией Сигизмунда, но давало драгоценное подкрепление и блестящую рамку мятежной милиции. Скоро у бывшего каторжника оказалась армия и главнокомандующий, – не кто иной, как пан Меховецкий, ветеран польских конфедераций; в его стане появились и более знаменитые новобранцы, и осажденный в Туле «большой воевода» мог ожидать скорой помощи.

Но ожидание его не оправдалось. У Меховецкого

пока оказалась только горсточка войска; а осаждавшие, по совету муромского дворянина Ивана Сумина-Кравкова, затопили водою город, поставив плотины в русле соседней р. Упы. Болотников и царевич Петр сдались, получив обещание, что им даруют жизнь, и испытали обычную судьбу побежденных при такого рода договорах: в Москве ничуть не стеснялись нарушать их. «Большого воеводу» утопили, а его товарища по несчастью повесили. Последнему легенда и народная поэзия припасли хоть посмертное вознаграждение: как Марина из-за случайного совпадения имен слилась с другой личностью, так и «Илейка» в былинах пережил самого «Илью Муромца». С этой поры эпический герой XII в.²⁸⁹ силою народного воображения превращается в казака.

В качестве князя и боярина Шаховской выпутался из беды, отделавшись только отправлением в ссылку. Но и Шуйскому день победы готовил разочарования. Вступая триумфатором в Москву, Василий Иванович вообразил, что окончательно раздавил гидру революции. Он забыл, что она теперь имела голову, до которой не достигали его удары. Пока он упорно воздерживался воспользоваться приобретенным преимуществом, голова поднималась все грозней и грозней, и скоро все подвиги Болотникова стали казаться только

---

²⁸⁹ Иловайский, «Русский Архив», май 1893, 42.

незначительным эпизодом борьбы, которая, развиваясь, достигла гораздо более громадных размеров.

Предполагали, что ложе неги, на котором так заснул победитель, не блистало лаврами. Он недавно вступил в поздний брак, предложенный ему первым Дмитрием; думали, что он, 50-летний супруг юной хорошенькой женщины, забывал в ее объятиях свои заботы и даже сознание стоявших перед ним обязанностей и грозивших ему опасностей. Более вероятно, что он просто поддавался всесильной московской лени и гордыне. Перед Тулой он в третий раз и очень высокомерно отказался принять услуги, с которыми приставал к нему Карл Шведский. Московская армия вышла-де в поход против татар; внутри страны не было никакого беспорядка, и в Стокгольме не следовало повторять неподобающих внушений, которые слишком часто говорились по этому поводу.²⁹⁰ Ответ царя – прекрасный образчик излюбленной в Кремле дипломатии; но она не поразила воскресшего Дмитрия.

Напротив, он получил досуг для организации своих сил, которые все росли. Второй претендент как будто собирался идти по следам первого, победив войска царя при первой же встрече при Козельске; если же он немного спустя поспешно покинул стан под

---

²⁹⁰ Форстен. Политика Швеции в Смутное время. Журн. Мин. Нар. Пр.-св., февр. 1889, стр. 330 и след.

Карачевым и отошел к Орлу, а затем к Путивлю, то это отступление нахлынувших мятежников оказалось только кратковременным отливом. Не военная неудача была тому причиной, а исключительно недостаток умения и выдержки, объяснявшейся составом армии, которая больше владела своим командиром, чем позволяла ему руководить своими движениями. Как и в армии первого претендента, здесь встречались два различных элемента, отчасти враждебных один другому, но в иных размерах и с совсем другим значением.

VI. Москвитяне и поляки

Первого Дмитрия в его поход на Москву тоже охраняли поляки; но он держал в известных границах своих непокорных защитников, противопоставляя им в десять раз более многочисленную массу туземных воинов, казаков и москвитян. Второй Дмитрий не имел таких средств. Северщина и московская Украина при его появлении сами лишились людей, способных носить оружие; Болотников всех уже забрал, а разгром «большого воеводы» оставил его господину одни деморализованные и искалеченные обломки ополчения. Среди приближенных нового претендента поляки имели преимущество не только числом, как в

первое время, но и по праву, которое им все время обеспечивали их лучшее военное воспитание и доблесть их вождей. Когда в Путивле к претенденту присоединились паны – Будзило, автор любопытных записок об этом походе; Валавский, Тышкевич, приведшие каждый по отряду конницы в тысячу лошадей; за ними Александр Лисовский, уже знаменитый партизан и герой предстоявшей Тридцатилетней войны; князь Адам Вишневецкий; наконец и другие именитые²⁹¹ вельможи, – он мог себя чувствовать скорее на пути к Кракову, нежели в Москву.

Вновь прибывшие прекрасно знали, что имеют дело с самозванцем. Весело принимая участие в комедии, они от самого царя не скрывали, что вовсе не обманываются на его счет; однако, они вели за собой в его стан всю боевую, доблестную, но неисправимо неспособную к дисциплине Польшу. Сразу отменено было всякое командование. Непрерывные раздоры, неизбежные между товарищами по оружию с приблизительно одинаковыми званиями и притязаниями, мешали успехам наилучшим образом задуманных военных операций. Предпринятая, по совету Лисовского, попытка завладеть Брянском не удалась и отодвинула претендента к Орлу, где ему пришлось прозимо-

---

²⁹¹ Hirschberg. Dla czego Polacy popierali drugiego Dymitra fałszywego. Спб. брошюрка, стр. 1-я.

вать. Здесь счастье улыбнулось ему, введя в его расстроенную армию решающий авторитет высшей власти и сообщив ей новый мощный толчок. Когда же армия получила благодаря этому настоящего вождя, какому ей недоставало, оказалось, что над будущим государем великой империи вырос тоже повелитель.

В Орле ему представилась депутация, присланная князем Романом Рожинским, знатным польским вельможей, имя которого как-то раз промелькнуло в армии первого Дмитрия; он извещал теперь второго о своем намерении присоединиться к нему с внушительными силами. Происходя от Гедимины, великого князя литовского, род Рожинских прославился несколькими поколениями знаменитых воинов и принадлежал к высшей знати Польши. Едва приближаясь к тридцати годам, красавец, богатырского сложения, отважный и величественный, князь Роман с виду представлял совершеннейший тип польского королька этой эпохи. Собрав маленькую армию в четыре тысячи человек, он предлагал ее претенденту, но на некоторых условиях: он требовал возврата затраченных на нее средств и прав главнокомандующего. Под влиянием Меховецкого новый Дмитрий сначала очень нелюбезно принял посланных столь требовательного вельможи.

– Я имею достаточно поляков, которые ничего не

требуют, – сказал он, – к тому же я знаю, что вы сомневаетесь во мне.

– Теперь мы не сомневаемся, – возразили посланные. – Истинный Дмитрий умел лучше обходиться с военными людьми!

Смелый ответ заставил лжецаря призадуматься. После долгих переговоров он согласился на свидание с князем. В последнюю минуту он хотел было от него уклониться, как бы предчувствуя, что его ожидает; но Рожинский самовольно проник в приемный зал и заявил, что не выйдет, пока тот, кто ему нужен, не придет к нему.

И «царь» должен был послушаться и протолкаться к трону сквозь свиту князя, не отменявшуюся такими пустяками. Удовлетворенный Рожинский соблаговолил поцеловать грубую лапу именуемого государем, но не отступил от своих требований. Через несколько дней вопрос о командовании разрешился согласно его желанию. Сами поляки потребовали низложения Меховецкого. Явившись в их «коло», претендент тщетно пытался пустить в ход средства, которые ему удавались среди москвитян:

– Молчать! б..... дети!

Крики тотчас же разразились еще громче; сабли выскочили из ножен; «царю» пришлось обратиться вспять, а вернувшись к себе, он оказался пленником:

Рожинский приказал оцепить его дом. С отчаяния самозванец, говорят, хотел покончить с собой истинно-московским способом – проглотивши огромное количество водки. Но его крепкое сложение выдержало это испытание, и он покорился своей участи.²⁹²

Теперь были уверены в победоносном походе на Москву, потому что Рожинский оказался на высоте принятой на себя задачи. Но в то же время совершилась глубокая перемена в самом движении, которое толкало вперед претендента и даже вызвало его возникновение. Армия мятежников против Шуйского, чисто московская по происхождению и демократическая по характеру, превращалась в военное предприятие польской аристократии, которая стремилась заменить «боярского царя» питомцем нескольких чужеземных дворян.

Новая окраска революционного кризиса не замедлила, однако, подвергнуться новым видоизменениям. Московский океан был слишком громаден, чтобы польская струя, растворившись в нем, сохранила надолго свою напряженность. Постоянный прилив новых сил скоро подорвал военную диктатуру шляхтичей, а Рожинский встретил личного соперника в лице атамана запорожских казаков. Уже достигший известности, этот воин – Иван Заруцкий – был тоже поль-

---

²⁹² Marchocki, p. 17.

ского происхождения. Родившись в окрестностях Тарнополя (в нынешней Галиции), он еще ребенком был захвачен татарами и после разных приключений сумел занять своеобразное положение среди казацких начальников. Храбрейший из храбрых, наделенный редкой энергией и такой красотой, что она впоследствии пленила Марину, он соединял очень развитое понимание военного дела с величавостью и внушительностью обращения, которыми ярко выделялся из своей среды.

Удивительное смешение, возникавшее из взаимодействия столь разнородных элементов, еще на время усложнилось появлением другого царевича в стане мятежников. Его привезли с собой донские казаки, подобрав неизвестно где и выдавая за племянника Дмитрия, Феодора Феодоровича. Царевичи роились теперь повсюду: в Астрахани некий Иван называл себя сыном Грозного, и некий Август ссылался на происхождение от какой-то другой царственной особы; Лаврентий именовался сыном несчастного Ивана, убитого Грозным; далее в степи с полдюжины Ерешек и Мартынок носили несуразные имена, заимствованные из казацкого словаря. Второй Дмитрий выказал себя не так сговорчивым, как был первый, и без всякого расследования велел убить неудобного родственника. Без сомнения, он так же охотно отделал-

ся бы от некоторых польских сообщников, но не смел об этом думать: Рожинский с талантом и энергией исполнял роль главнокомандующего, Лисовский во главе казаков-москвитян и Заруцкий во главе польских казаков пользовались свободой действий, часто близкой к безначалию. Что касается царя, с ним не считались. Он был здесь только для того, чтобы дать свое имя пьесе, которая разыграется в пользу других исполнителей, как надеялись его польские приверженцы.

Наличный состав армии самозванца поддается только крайне приблизительному подсчету. Будзило в своем подробном перечислении польских полков²⁹³ доводит общий итог до 8 126 чел.; что касается гусар, то цифру в 1 820 лошадей следует по крайней мере удвоить, так как каждая пика в этом роде оружия приходилась на двух или трех всадников. Рядом с мастодонтами польской кавалерии казаки, несмотря на свой пестрый живописный костюм и вооружение, широкие красные шаровары, длинные черные куртки (киреи) и высокие бараньи шапки, длинные копья, кривые сабли и мушкеты или самострелы, метавшие убийственные стрелы, представляли довольно жалкий вид; определяя их число в тридцать тысяч, рус-

---

²⁹³ Русск. Ист. Библ., I, 714.

ские историки, наверное, недалеко от истины.²⁹⁴

Во всяком случае, Шуйскому приходилось считаться с грозной силой; а между тем, когда эта армия, сосредоточившись между Орлом и Кромами, готовилась к наступлению, Василий Иванович все еще упражнялся в опытах морального воздействия, хотя их первые результаты были далеко не утешительного свойства. Напротив, смущение и беспокойство усиливалось среди населения столицы. Устрашающие видения к тому же волновали умы. Под сводами Успенского собора сам Христос явился попу и объявил ему, что страшная кара падет на его отечество, ибо грехи его давно вопиют ко гневу небесному. Шуйский принял угрозу на свой счет и широко распространил известие о событии; духовные власти со своей стороны установили пятидневный пост и общее покаяние; но это не помешало мятежникам закончить свои приготовления.

Весной 1608 г. их армия выступила в поход по направлению к Волхову, крепости, прикрывавшей дороги из Польши к Туле. Войско Василия Ивановича под начальством братьев царя, Дмитрия и Ивана Шуйских, и князя Василия Голицына, пыталось остановить нашествие, встретилось с авангардом, состоявшим главным образом из поляков, и после двухднев-

---

²⁹⁴ Костомаров. Смутное время, II, 151.

ной битвы, 30-го апреля и 1-го мая, подверглось полному разгрому. Пять тысяч москвитян сложили оружие, согласившись целовать крест Дмитрию; по словам Буссова, разгром был бы еще значительно больше, если бы Ламбсдорф, начальник немецких наемников на службе Шуйского, обещавший перейти на сторону претендента, не забыл обещания под влиянием выпивки. Он и его товарищи, сражаясь как львы, прикрыли отступление. Претендент ускорил движение к Можайску; он повсюду сыпал обещания, чтобы задержать поляков или привлечь под свои знамена московских крестьян: одним говорилось, что они будут вместе с ним царствовать в Москве; другим, что все земли и все дочери сторонников Шуйского перейдут в их распоряжение, – и армия не встречала сопротивления.

Относительно верности поляков явилось сомнение: у Звенигорода их встретил посланник Сигизмунда с приказанием немедленно возвратиться на родину. Это понятно: послы короля жили в Москве и готовились подписать договор. Более искусный в дипломатии, чем на поле брани, Василий Иванович сумел заключить с ними удовлетворительную сделку. Еще в июне 1606 г., пока Гонсевский и Олесницкий сидели в заключении близ Кремля, московское посольство с кн. Григорием Волконским во главе и дьяком Ан-

дреем Ивановым отправилось в Краков и там после первого дурного приема добилось-таки назначения в Москву двух новых послов, Станислава Витовского и кн. Друцкого-Соколинского. Озабоченный новыми внутренними неурядицами, Сигизмунд стал сговорчивее. По примеру Зебржидовского, некоторые подданные короля соблазнились в это время завязать сношения с новым претендентом, намереваясь предложить ему корону Польши. Вице-канцлер польский Феликс Крыйский и канцлер литовский Лев Сапега впоследствии форменно ставили в вину этот преступный план всем сторонникам второго Дмитрия.²⁹⁵ Хотя это обвинение из лагеря политических противников нуждается в доказательствах, поведение Сигизмунда как бы оправдывает его. Нельзя не заметить, что в начале нового кризиса король весьма явно обнаруживает склонность к действию сообща с «боярским царем».

25-го июля 1608 г. оба государства заключили мирный договор²⁹⁶ на три года и одиннадцать месяцев: в границах территорий сохранялся *status quo*; Шуйский обязался отослать в Польшу сандомирского воеводу с дочерью и со всеми товарищами по изгнанию; Сигизмунд обещал отозвать всех своих подданных, при-

---

²⁹⁵ Гиршберг. Почему поляки поддерживали второго Димитрия, стр. 7.

²⁹⁶ Договор этот был напечатан Щербатовым, История России, VII, 3 ч; 99—113.

нявших сторону второго Дмитрия. Но Рожинский с товарищами и теперь, как и прежде, отказывались считаться с договором; все красноречие представителя короля, Петра Борзиковского, пропало даром; и претендент мог продолжать свой победоносный поход.

К югу от Оки самостоятельно действовал Лисовский с целью возбудить движение среди населения Рязанской области; в то время как он разбил кн. Хованского, завладел на время Коломной и добрался до села Тушина, почти у ворот столицы, второй Дмитрий достиг Калуги. Шуйский вынужден был вернуть назад высланное ему навстречу войско: среди него открылся заговор. Знатнейшие бояре – кн. Иван Катырев, Юрий Трубецкой и Иван Троекуров – оказались замешанными в нем. Происшествия не могли скрыть, и оно произвело опасную тревогу в настроении московского населения. «Бояре, ведь, знали, что делают!» – шептали здесь друг другу на ухо. Вокруг имени претендента зарождалась новая легенда. Истинный или ложный Дмитрий, но он провидец, говорили про него; смотря людям в глаза, он узнавал, кто из них действовал против него. Среди толпы, обсуждавшей эти рассказы и трепетавшей при одном воспоминании о кровавых событиях при перевороте 17-го мая, какой-то человек упал с криком на мостовую.

– Горе мне! Вот этим ножом я зарезал пятерых по-

ляков!

1-го июня 1608 г. (стар. ст.) армия мятежников расположилась на берегу Москвы-реки почти в виду столицы; после различных операций, искусно отраженных воеводами Шуйского, она остановилась у Тушина, между реками Москвой и Сходней, на выгодной позиции, хорошо оцененной Лисовским, при узле больших дорог на Смоленск и Тверь. – Тушино! эта местность обрекалась на печальную известность. Название скромной деревушки сообщилось одной из самых мрачных страниц народной истории и самому претенденту: он обратился в «Тушинского вора», подобно тому, как его предшественник был «расстригой» для сторонников Шуйского, а впоследствии и для всех.

Еще немного, и разбойник мог бы возложить на себя в Кремле шапку Мономаха. Тотчас по прибытии ночной атакой, умело подготовленной и яростно произведенной, Рожинский рассчитывал ворваться в столицу. Но, превосходные воины в открытом поле, поляки еще раз показали свою неспособность приступить к крепостям, даже первобытным и плохо защищенным. Главнокомандующий должен был отвести их обратно в Тушино; местечко укрепили, и прилив знатных новобранцев, москвитян и поляков, продолжался здесь, как и ранее. Александр Зборовский, Андрей Млоцкий

и Мартин Виламовский привели в июле 1608 г. каждый по эскадрону гусар. В августе прибытие усвятского старосты Сапеги произвело особенную сенсацию. Это был двоюродный племянник литовского канцлера, один из самых блестящих польских аристократов того времени. Воспитанник итальянских школ и ученик лучших полководцев своей страны, Ян-Петр Сапега сражался в рядах королевской армии при Гуцове и, командуя двумя снаряженными на свой счет эскадронами, содействовал решительной победе над мятежниками. Теперь он привел целый корпус, – пехоту, кавалерию и артиллерию с пушками!²⁹⁷

Появление Сапеги в стане претендента и манера вести себя представляют новую загадку в истории смуты с ее темной оборотной стороной. Все недавнее прошлое отважного начальника должно бы исключать всякое подозрение в соглашениях с врагами Сигизмунда; впрочем, и мы имеем основание думать, что он пустился в это предприятие с ведома и даже по совету своего знаменитого родственника. Литовский канцлер всегда оставался убежденным роялистом, или, как говорили в Польше, – регалистом, хотя он и вел свою вполне личную независимую полити-

---

²⁹⁷ Sapiegowie, I, 199. Sapieha, Dziennik, изданный Гиршбергом в «Polska a Moskwa», стр. 188; ср. Rywocki, Idea magni herois, 74. См. Гиршберг. Почему поляки поддерживали второго Димитрия, 8 и след.

ку, как и все главари высших польских фамилий. Сапеги владели огромными землями в Смоленской области и лишились их, когда москвитяне завладели ею при Сигизмунд I-м. Отсюда у них могло возникнуть желание вовлечь Польшу в войну ради отмщения. Однако в течение своей новой карьеры в Московии староста усвятский проявил совсем иные честолюбивые мечты. Подобно Рожинскому, он вступил в общество явного авантюриста ради приключений, чтобы лихо обмениваться сабельными ударами, чтобы поискать счастья у волшебной, загадочной судьбы, а главным образом – широкого поприща для избытка энергии, отваги, пылкого воображения, возможности все делать, все испытать и на все дерзать, а это не всегда могла доставить людям такого закала даже сама распущенная анархическая Польша.

По словам Мархоцкого, в Тушине, не считая запорожцев, собралось до двадцати тысяч поляков, в том числе две тысячи очень хорошей пехоты. Другие источники дают меньшее число. Численность москвитян в Тушине не поддается точной оценке, но она гораздо значительнее. Но по качеству стоявшая у ворот столицы армия претендента была лучше той, которую мог выставить против него Шуйский. Правда, большинство сторонников самозванца ненавидело и презирало его; его держали в опеке и часто унижали;

но он все-таки среди пышной обстановки изображал особу Дмитрия, царя и самодержца. В ожидании скорого вступления в Кремль для полноты его игры недоставало только присутствия Марины. Это необходимое дополнение было скоро доставлено к нему.

VII. Марина

Претендент уже вел деятельную переписку с Ярославем, где сандомирский воевода с дочерью признали его без колебаний. Подобно своему предшественнику, он обращался к царице с очень нежными посланиями, а в Самбор, к жене воеводы, со словами утешения и ободрения. Когда польско-московский договор предоставил свободу ярославским изгнанникам, вероятно, с обеих сторон явилось желание соединиться. «Тушинский вор» отдал, несомненно, приказ, чтобы Марина с отцом были перехвачены на дороге, по которой они возвращались в Польшу, и привезены в стан. Но большинство тушинских поляков не хотело пускать в ход силы, понимая, что в случае неудачи на них падет тяжелая ответственность. Марина, может быть, рассчитывала найти потерянного мужа; разочарованная, она могла сделаться жертвой насилия, возможность которого оскорбляла гордый дух шляхтичей. Связавшись сами с разбойником, они во-

все не желали предоставлять знатную девушку на его произвол. Валавский, назначенный на это дело, действовал очень вяло; а московский конвой, сопровождавший Мнишеков, повел их окольными путями, и путники подвергались опасности избежать плохо приготовленной засады, в которую им, по всей видимости, очень хотелось попасть. Судьба решила иначе.

Они уже приближались к Волге, когда им объявили, что их преследуют. По следам Валавского Тушинскому вору удалось направить другого поляка, Зборовского, который, недавно прибыв в лагерь, искал случая отличиться. Московский конвой предложил изменить маршрут. Бывший посол Гонсевский, ехавший с караваном вместе со своим коллегой Олесницким, принял их предложение; но Мнишеки запротестовали: преследовали поляки, а их нечего бояться! Два дня ушли на пререкания; наконец, один Гонсевский уехал с москвитянами по указанному ими пути и без всяких препятствий достиг границы. Прочие путники той порой были нагнаны Зборовским и направлены им в Тушино.²⁹⁸

Сандомирский воевода уверял впоследствии, что покорился только силе, и толковал про избиение всех своих слуг; но письма претендента к тестю, сохранившиеся в московских архивах, написанные до и после

---

²⁹⁸ Marchocki, стр. 38; Акты исторические, II, 123.

события, показывают, что между ними существовало по крайней мере начало обоюдного уговора.²⁹⁹ Сама Марина не принимала вида против воли похищенной. На дороге в Тушино пленники, весьма вероятно добровольные, встретили Яна Сапегу, который вел себя перед молодой женщиной рыцарем-покровителем, но не пытался отклонить ее от решения, которое она свободно приняла.

Остались ли у нее какие-нибудь иллюзии? Это неправдоподобно, да, по мнению Зборовского, Сапега, несомненно, рассеял бы их. Она знала почерк своего мужа, а «Тушинский вор» и не пытался подделывать свой. А ведь опять-таки они переписывались еще до встречи. По совету царя, царица без колебаний отправилась на показное богомолье в православный Звенигородский монастырь. В своем дневнике Сапега косвенно изображает, что она была очень хорошо осведомлена, но как бы не вполне решилась. Послушать его, так даже был момент, когда дух ее возмутился; раз как-то она вдруг не захотела ехать в Тушино. Остаток ли стыда, или, может быть, инстинктивная осторожность еще смущали ее. Но отец старался преодолеть их. Дважды, 11-го и 15-го сентября, опережая дочь, воевода ездил в Тушино и там ни на что не

---

²⁹⁹ Пирлинг. Марина Мнишек после майского погрома, 244. Hirschberg. Kwartalnik Historyczny, 1903, XVII, 232.

жаловался. Он не мог забыть обещаний, вырванных у первого Дмитрия, и потому поглощен был одной заботой, как бы завести исподтишка переговоры со вторым, чтобы не утратить своих выгод от первой сделки, с потерей которых не мог помириться. Если дочь проявила колебания прежде, чем выступить участницей торгового дела, то отец, наверное, воспользовался ими только для того, чтобы придать важности своему вмешательству и повысить требования. Мы знаем характер этого лица; кроме того достаточно убедительны сами красноречивые факты и один документ, с которым я сейчас познакомлю.

На другой день после вторичной поездки воеводы устроилась встреча супругов. Сапега опять-таки уверяет, что Марине немалых сил стоило согласиться на нее; а другой очевидец, слуга Олесницкого, в подробном описании свидания идет дальше: при виде вора несчастная женщина отвернулась с безгливостью и ужасом, воскликнув: «Лучше смерть!»³⁰⁰ Несмотря на это, через четыре дня она была водворена в Тушине; там иезуит или бернардинец тайно обвенчал ее с вором; так свидетельствуют Мнишек и анонимный дневник польской нунциатуры;³⁰¹ но эта подробность еще

---

³⁰⁰ Sapieha. Dziennik, изд. Гиршберга, стр. 185. Пирлинг. Марина Мнишек после майского погрома, из «Русской Старины», 1903 г., 248.

³⁰¹ Wojcicki, Pami(tniki do pan. Zygmanta, 3; Pierling. La Russie et le St.-

находится под сомнением.

На сейме 1611 г. сандомирский воевода опять уверял, что подвергся вместе с дочерью отвратительному насилию, и в то время даже открыто заявлял о самозванстве претендента; но в это же время он умалчивал о пергаменте, подписанном самозванцем 14 октября 1608 г., который обеспечивал отцу Марины получение 300 тысяч рублей, как только новый Дмитрий вступит в обладание своей столицей. Тогда документ был тщательно спрятан, но впоследствии он появился на свет Божий и в 1736 г. зарегистрирован в Варшавском архиве. Его владельцы, отдаленные наследники воеводы 1608 г., но все еще столь же корыстные, настойчиво требовали погашения долга; желая сохранить добрые отношения с Польшей, Петр Великий признал документ, но предложил получить по нему всего шесть тысяч дукатов; они их приняли, оставив за собой право на получение полной суммы долга.³⁰² В 1608 г., впрочем, не один сандомирский воевода получил вознаграждение за гнусный договор, которым он привязывал дочь к ложу простолюдина и делал ее сообщницей негодяя. Павел Тарло взял обя-

---

Siège, III, 355.

³⁰² Собрание государственных грамот и договоров, II, № 164 в Bibl. Ossoli(skich, 1862, I, 264; Карамзин. История Государства Российского, XII, прим. 322.

зательство в 20 тысяч злотых, а бывший посол, высокородный, прегордый и пребогатый Олесницкий не пренебрег обещанием обширных земель на польской границе!³⁰³ И тот и другой, должно быть, принимали участие в переговорах и помогли заключение сделки.

Претенденту еще нечем было платить, но обещаниями насчет будущих благ он щедро раздавал чины, места и почести. В двух милях от старой столицы быстро выросла другая, с многочисленным и внушительным правительственным штатом. В течение длинного ряда месяцев в ней разыгрывался полутрагический, полушутовской спектакль, на котором мы должны остановить внимание читателей.

---

³⁰³ Карамзин, XII, прим. 218; Russell, польск. пер. 1858 г., Rze(w Moskwie, в приложении документы, стр. 44.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Две столицы

I. Москва и Тушино

Осада одного города другим – явление довольно редкое в военной истории. Оно произошло тогда в империи царей, когда Тушино быстро обратилось в город, в укрепленную резиденцию огромных размеров. Близкое соседство столицы государства с главным центром мятежников при тех условиях, в которых находилась Московия, неизбежно вызывало передвижение населения, целую эмиграцию в ущерб метрополии. Постоянно пополняя свой разнообразный состав и развивая наспех налаженную организацию, главный штаб претендента проявлял неотразимую притягательную силу, то заманчивыми обещаниями, то очевидными выгодами. В старой метрополии жилось очень скучно под управлением неприветливого Шуйского; а когда мятежники плотно окружили ее со всех сторон, в ней стало даже душно, и с начала июня 1608 г. началось массовое переселение, в волнах которого представители знатных семей смешива-

лись с перебежчиками всяких чинов.

Родня Романовых показала дорогу, и Тушино гостеприимно приняло двух его знатнейших представителей – князей А. И. Сицкого и Д. М. Черкасского. За ними последовал виднейший герой заключительных перипетий этой драмы, Д. Т. Трубецкой, увлекая за собой двоюродного брата Юрия Никитича, уже приговоренного к высылке за участие в военном заговоре, указанном выше. Ему тотчас пожаловали боярство – не особенно лестное звание в Тушине, так щедро расточал его претендент. Князьки, вроде С. П. Заскина и Ф. П. Барятинского, делили эту честь с простыми дворянами, как Салтыков-Морозов, с казаком Заруцким, даже с крестьянином Иваном Федоровичем Наумовым! Тушинский вор был неискушен в генеалогии; он спешил обставить себя, как подобало государю, достаточным числом сановников, собственной Думой и иерархией чинов. Его обер-гофмейстером был князь С. Г. Звенигородский, из древнего дома Черниговских владетельных князей, совсем утративших прежнее обаяние; в царском совете вместе с князем Д. И. Долгоруким заседали возведенный в окольное княжество Михаил Молчанов и бывший дьяк Богдан Сутопов.

Первое время здесь первенствовала выслужившаяся знать времен опричнины. Старая аристократия с

олигархическими наклонностями теснила ее в Москве при Шуйском, и она охотно изменяла притеснителям, а Тушино, разумеется, имело основание особенно охотно принимать новобранцев из этой среды. Но, нравственно дряблый и незначительный числом, этот цемент первоначальной группировки скоро рассыпался; в него всосалось большое число сторонников Наумова и дало перевес элементу, усилившему по естественному сродству значение казаков, которые с каждым днем вели себя все вольнее благодаря своей многочисленности. Попович Васька Юрьев стал всемогущим лицом в приказах, а рядом с ним кожевник Федька Андронов положил начало прославившей его карьере. Более изворотливые и деятельные, эти представители московского простонародья захватили в свои руки служебные места. Предоставляя боярам начальство над полками и управление в областях, они стали хозяевами стана, и сами поляки очищали им поле действий.

Устроенная их заботами тушинская администрация способствовала быстрому распадению правительственной машины в Москве; они развращали всех, до низших служащих, как, например, подьячего посольского приказа Петра Третьякова, и канцелярии Кремля быстро пустели. Когда в конце сентября Сапега разбил под Рахмановым большой отряд,

который осажденные двинули на его позиции, чтобы освободить пути на Дмитров и Рязань и вздохнуть свободнее, сама военная организация законного правительства расшаталась. Паника охватила областные ополчения, сосредоточенные в Москве, и началось повальное бегство. В старой столице остались немногие военные люди из Замосковья и ополчения тех уездов, которые уже захватили отряды претендента; этим людям некуда было бежать. Буйные рязанцы, всегда красовавшиеся на первом плане во всех действиях затянувшейся борьбы, разделились между обоими станами, когда между ними установилось постоянное передвижение. Тушинцы держали в Москве постоянные кадры своих лазутчиков, очень деятельных, и среди лиц, сообщавших сведения, служили не одни бездельники низшего сорта, вроде попа Ивана Зубова. Мы имеем письмо кн. Ф. И. Мстиславского к его «другу и брату» Яну Сапеге; если можно оспаривать точность указанной издателями даты – 8-е июня 1609 г. (стар. ст.), все-таки, даже отнесенный и к более позднему времени, этот документ сохраняет свою ценность, указывая на давно установившиеся дружеские отношения.

По-видимому, и Рожинский рано завел постоянные сношения с московской знатью; ссылаясь на родственные связи некоторых ее представителей, еще с

14-го апреля он приглашал их покинуть «узурпатора». Этот призыв не остался без отклика, несмотря на безнадёжность официального ответа. Скоро претендент увидел среди своих сообщников даже Ивана Годунова, впрочем, ещё недавно без смущения принявшего воеводство из рук первого Дмитрия.³⁰⁴

Замечалось разделение внутри семей: отец оставался в Москве, сын переходил в Тушино. Имея таким образом опору в обоих лагерях, смелее смотрели в будущее, рассчитывали на лучший исход при всякой случайности. Пообедав вместе, родные и друзья расставались: одни направлялись в Кремль, другие – в соседнюю резиденцию «вора». Но даже одни и те же лица переносились из одной столицы в другую и обратно, чтобы приобрести двойное жалование из обеих касс, а заодно сохранить поддержку и тут и там ввиду темного будущего. В такие «перелеты», как их называли, попадали и поляки, – Бальцер Хмелевский, например, назидательную одиссею которого нам недавно рассказали; среди войск второго Дмитрия он принимал участие в осаде Москвы; потом с польским гарнизоном сидел в Кремле, осажденном москвитянами; затем, сражаясь в рядах москвитян, брал приступом этот самый Кремль, а кончил тем, что был сослан в Сибирь в тот момент, когда со-

---

³⁰⁴ Русск. Ист. Библ., II, 218; Хилков. Сборник, 16.

бирался вернуться в Польшу.³⁰⁵ В этом отношении, однако, Рожинский был очень осторожен. Вынужденный ходить на костылях вследствие тяжелых ран, он обломал один из них о спину самого кн. Адама Вишневецкого, когда последний после обильной выпивки неосторожно выдал тайну чересчур беспокойного честолюбия или буйного нрава.³⁰⁶

Почти два года Тушино было бойким перекрестком, где встречались все беспокойные умы, все искатели власти и удачи – и все изменники. Приходилось принимать и кормить множество народа. Приближалась зима; временные жилища оказались недостаточными. Подобно товарищам Корелы в Кромах, казаки вырыли себе убежища под землю. К этому же способу сначала прибегли поляки и москвитяне, но скоро нашли его неудобным. Мы знаем, что в самой Москве строили дворцы в несколько недель. Скоро в Тушине дома вырастали тысячами. На окрестные городки и деревни наложили повинность – доставлять легко собирающиеся срубы для изб; иной капитан получал сруба три и устраивался с полным удобством. Подземные логова превратились в погреба, и их изобильно наполняли благодаря системе реквизиций, посред-

---

³⁰⁵ «Русский Архив», 1863 г., X и XI; Darowski. Szkice historyczne, III, 87 и след. См. также Азарин и Наседка. Житие преп. Дионисия.

³⁰⁶ Hirschberg. Kwartalnik hist., Lwow, 1889, 289.

ством которой нещадно эксплуатировали захваченные области. К тому же рядом с новой столицей вырос богатый посад, где, если верить Мархоцкому, жили и держали лавки со всевозможными товарами три тысячи поляков.

Искусно задуманный и частью блестяще исполненный план Рожинского, подготовивший победу под Рахмановым, имел целью отрезать Москву и довести ее до голодовки. Однако блокада осталась неполной: Коломны не удалось захватить, и старая столица сохранила сношения с богатой Рязанской областью, откуда получала почти все необходимое. Впрочем, скоро успехи претендента в других областях страны и рост самого Тушина изменили планы главного штаба мятежников и отодвинули на второй план вопрос о захвате Москвы. Развивающееся влияние новой столицы грозило затмить значение старой, и Шуйский в своем Кремле был, по-видимому, накануне низложения.

Ввиду этого надвигавшегося бедствия, он покорился, наконец, необходимости и принял помощь, от которой до той поры с пренебрежением отказывался.

II. Обращение за помощью к Швеции

Карл IX не переставал предлагать свои услуги. А предлагал он их, надо сказать, многим. Ведя перепис-

ку с Дмитрием I и величая его царем, он в то же время вступал в тайные сношения со всеми недовольными московскими людьми, предлагая им свою защиту от всех искателей московского престола.³⁰⁷ После переворота 17 мая он обратился к Шуйскому с предложением союза против Польши, но так как новый царь медлил с ответом, Карл призвал свое войско из Финляндии, предназначенное для войны с Польшею, и двинул его в Московские пределы, пытаясь захватить врасплох либо Орешек (Нотебург), либо Кексгольм. Одновременно с этим он убеждал новгородцев признать над собою покровительство Швеции, рисуя им заманчивые картины из их прошлого и обещая им их былые вольности. Со своей обычной готовностью он предложил также свои услуги Шуйскому при появлении второго самозванца для борьбы с ним.³⁰⁸

В конце 1608 г. эта настойчивость и усердие шведского короля были вознаграждены. Василий Иванович пытался писать датскому и английскому королю и императору, ходатайствуя о вмешательстве; потом, посылая своего племянника, молодого героя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в Новгород для организации там обороны, поручил ему также начать пе-

---

³⁰⁷ Форстен, Ж. М. Н. П. июнь 1887, стр. 68, и февр. 1889, стр. 337. Ср. Tegner. L'Alliance russo-suédoise sous Charles IX.

³⁰⁸ Форстен. Балтийский вопрос, II, 69 и сл.

реговоры со шведами и придти с ними к соглашению. После долгих и трудных пререканий был заключен и подписан, наконец, договор в Выборге 28 февраля 1609 г., как нельзя более выгодный для Карла IX. За армию в две тысячи кавалерии и три тысячи пехоты, которые царь брал к себе на службу за жалованье, шведам был уступлен Кексгольм и заключен союз с Московским государством для завоевания Ливонии: от всех своих прав на эту область Шуйский отказался. Кроме того, договаривавшиеся стороны ставили условием не заключать по отдельности договоров с Польшей, а это значило прямо объявить Польше войну, в которую счастливый соперник Сигизмунда вовлекал своего союзника, а в то же время сам обнаруживал еще более опасные для него намерения. В самом деле, царю собирались услужить так, как он не заслуживал, и о чем он не хлопотал. В 1609 г. 16 (26) марта на русской территории появился пятнадцатитысячный вспомогательный корпус, составленный из солдат всякого рода оружия, под начальством Якова Делагарди и других лучших генералов Карла: Эверта Горна, Христиерна Зоме и Андрея Бое. Появление такого войска в пределах Московского государства походило больше на неприятельское нашествие, чем на помощь, так как Скопин-Шуйский со своим спешно собранным двухтысячным плохим войском не мог стать

господином положения и сдерживать этих тоже подчиненных ему людей, которые вовсе не считались с его приказаниями. Они получали другие приказания и руководились ими, держа их от него в тайне. Даже во время самого хода переговоров с московскими полномочными Карл разослал своим губернаторам в Финляндии и Ливонии тайные инструкции, чтобы они, не дожидаясь даже конца переговоров, попытались овладеть Новгородом или даже Псковом, а затем проникли в самую середину Московского государства под предлогом борьбы с польскими приверженцами самозванца. А теперь король торопил Якова Делагарди занять Новгород, с согласия или без согласия союзников, и требовать сверх Кексгольма уступки и Орешка (Нотебурга). Кроме того, шведскому полководцу было приказано настаивать на немедленной уплате жалованья, обещанного вспомогательному корпусу, а в случае промедления, – а это можно было предвидеть, – требовать уплаты этого жалованья территориальными уступками.³⁰⁹

Итак, лекарство, принятое Шуйским при последней крайности (*in extremis*), чуть не оказалось опаснее са-

---

³⁰⁹ Летопись занятий археографической комиссии, II, №№ 112 по 115; Акты исторические, I, № 160; Никоновская летопись, VIII, 109. Ср. Форстед. Балтийский вопрос, II, 83 и Воробьев, «Русский Архив», 1889, II, 491.

мой болезни, и если этого не случилось, то только вследствие счастливого стечения побочных обстоятельств, а именно благодаря двум молодым полководцам, благодаря благородству их характеров, которое связало их товарищество в дружеский союз и восторжествовало над опасными замыслами их государей.

Шведскому главнокомандующему не было тогда еще 27 лет. Он был сын побочной дочери Иоанна III, Софии Гюльденгельм, и Понтуса Делагарди, французского протестанта, эмигрировавшего в Швецию и прославившегося в правление предыдущих королей в войнах с Россией и с Польшей. Уже в это время Яков Делагарди отличался необычайными для своих лет военными дарованиями и благородным характером. Его военный талант особенно развернулся впоследствии на полях битв в Германии при Густаве-Адольфе, который пожаловал его в графы. Яков Делагарди был единственным человеком, удостоившимся графского титула в царствование этого короля. Русский полководец, который был моложе на несколько лет своего шведского товарища, казалось, принадлежал к тому же героическому типу людей, как и Делагарди. При прекрасной наружности, он обладал мужественной и воинственной осанкой. Его портрет, сохранившийся в Архангельском соборе, не дает представления об

этом. Насмешливое прозвище («Скопа»), данное одному из его предков по этой линии Шуйских, означает хищную птицу из породы орлов. Отец Михаила Василий при царе Феодоре вместе со всеми своими родственниками подвергся опале. Его сын, может быть, не совсем заслуживал того восторга, который он возбуждал в течение своего кратковременного поприща в своих современниках, и того восхищения, которое вызывает еще и теперь воспоминание о нем. Его характер, поскольку он обнаружился в событиях, с которыми связана память о Михаиле Шуйском, вовсе не из тех, которые неизменно вызывают похвалу. Его нравственному облику не достает законченности и рельефности, отличающих обыкновенно великие исторические личности. Некоторые черты, известные из его жизни, рисуют перед нами только силуэт с мягкими и неясными контурами, в поведении его можно уловить иногда что-то двуличное, даже отталкивающее. Незадолго еще перед тем, пользуясь выгодным положением, он принял от Дмитрия I польскую должность мечника, и не забыта еще та подробность, как был вверен его чести меч, и как, в критический момент, он исчез вместе с меченосцем. В сущности, Михаил Васильевич был, по всей видимости, человеком своей эпохи и своей среды, может быть, более даровитым, чем большинство его ровни, но во многих отноше-

ях разделявшим их страсти и слабости и их пороки. Надо думать, что именно этому в значительной мере он обязан своей огромной славой в народе. Великим человеком, конечно, он не был. Впрочем, если у него и имелись к тому дарования, «он не успел им стать», по выражению поэта.

В Новгороде, в предприятии, правда, очень трудном, он имел посредственный успех. Город его принял хорошо, потому что искони был хорошо расположен к его дому. Но в Пскове, к которому он потом тоже обратился за помощью, прося у него денег и людей, он довольно неблагоприятно взбудоражил осиное гнездо. Со времени покорения Пскова Москвою господствующим элементом тут был элемент демократический. Он жил в вечной вражде с местной знатью в лице богатых купцов. При присоединении Пскова к Москве всего больше пострадали «лучшие люди»: последние Рюриковичи применяли к ним широко систему «огульного вывода», стараясь покарать или устранить их. Что же касается «меньших людей», то они, оставшись господами в городе, в ту пору, естественно, стали в ряды мятежников. Требования Скопина лишь побудили их к открытому возмущению, а когда до них дошло известие о заключении договора со Швецией, то, по выражению летописца, «народ зашатался, словно пьяный человек».

Мы должны, однако, отметить то обстоятельство, что этот республиканский, вольный древний город, заключая в темницу воеводу Шуйского, Петра Никитича Шереметева, и открывая свои ворота перед воеводой самозванца, Ф. Плещеевым, и увлекая затем за собой в восстание два соседние города, Ивангород и Орешек, не обнаружил никаких сепаратистских стремлений: он просто менял царя, и на этом пути он оставался верен себе до конца. «Собиратели земли русской» достаточно-таки успешно поработали над этой областью, присоединенной сравнительно недавно.

Даже в самом Новгороде Скопин не чувствовал себя в безопасности и раз был принужден даже покинуть поспешно город. Вернувшись потом в него благодаря ловкости и стараниям митрополита Исидора, он все-таки должен был оставить надежду когда-либо набрать тут внушительные военные силы. Зато он держал в руках свою двухтысячную хорошо дисциплинированную армию. Нельзя сказать того же о Делагарди. Разнородное войско его, этот разноплеменный сброд, составленный из англичан, шотландцев, голландцев, брабантцев и, главным образом, французов, под начальством двух прославленных вождей, Тисье и Дюффрени, причинял ему много затруднений. Это были большею частью хорошие солдаты, но очень взбалмошные люди. Сам Карл постоян-

но называл их «ährlose skälmer» («бесчестные плуты»), но предпочитал их в своих войнах другим солдатам. Не раз Делагарди принужден был прибегать к содействию русского полководца для усмирения своего непокорного войска. Эти два полководца, почти одних лет и одинакового темперамента, в силу этого еще более сдружились между собою. И на самом деле, они действовали дружно, потому что понимали друг друга. А все-таки им трудно было выработать общий план действий и осуществлять его среди постоянных слезных прошений царя, среди грозных приказов Карла и буйных выходок наемного войска. Вначале они подвигались медленно и долго действовали, не зная хорошенько, куда им идти. Тушинцы тем временем шли быстрым шагом, и в сентябре 1608 г. Сапега и Лисовский уже находились под стенами Троицкой лавры и приступили к осаде ее.

III. Осада Троицкой лавры

Всем моим читателям знаком хотя бы по имени этот знаменитый монастырь, святыня, наиболее чтимая ныне Россией, а в то время один из ее оплотов при всех неприятельских нашествиях. Находясь в шестидесяти четырех верстах от Москвы, по Ярославской дороге, при узловом соединении других путей, веду-

щих в Углич и во Владимир, этот укрепленный монастырь имел в те времена первостепенное стратегическое значение. Стоило только занять подходы к нему, и сообщение столицы с северными и поморскими областями было бы прервано, потому тушинцам представлялось весьма выгодным занятие этого укрепления. Кроме того, оно имело для них еще и особое моральное значение, не говоря уже о богатой добыче, которую поляки рассчитывали найти в стенах этого монастыря.

Монастырь был основан в середине XIV в. неким Варфоломеем (в монашестве Сергей), родом из Радонежа, маленького городка в Ростовской области. В настоящее время ничего не сохранилось от этой первоначальной постройки. Здания, которые мы видим теперь, начали строиться с 1422 г., с того времени, когда над гробницей основателя, причисленного к лику святых, его преемник, преподобный Никон, выстроил каменный храм св. Троицы, откуда и происходит название «Свято-Троице-Сергиева лавра», принятое в настоящее время. Другие постройки прибавлялись к нему постепенно. Дерево, из которого первоначально строились здания, было заменено камнем либо кирпичом только в XVI в. Хотя при жизни преп. Сергия этот монастырь имел во главе только простого игумена и был подчинен монастырям, имевшим архи-

мандритов, тем не менее, в уме русского народа он уже первенствовал над всеми другими; этим уважением он пользуется еще и до наших дней. Правление Иоанна IV окончательно закрепило за ним это значение. Иоанн Грозный все время проявлял необычайную щедрость к монахам св. Сергия, расточая в их пользу дары, наделяя их привилегиями и освобождая их от податей. Несмотря на то, что кое-что было отобрано обратно в казну в правление Феодора, на их землях, неизмеримо обширных, жило в начале XVIII в. до 100 000 крестьян, тогда как за Александро-Невской лаврой, которая по богатству считалась второй после него, числилось только 25 000.³¹⁰

Одновременно с этим, в ограде, постоянно расширявшейся, воздвигались одна за другой церкви: преп. Никона в 1548 г.; вторая церковь Троицы в 1559; собор Успения в 1585 г.; храм архангела Михаила в 1621; царский дворец из плит, келии для монахов, кладовые и обширные службы. В настоящее время насчитывается тринадцать церквей. Игумен, понятно, был возведен в архимандриты, и монастырь стал называться лаврою, от греческого (Λαύρα), что означает переулок, перекресток, обнесенное оградой место. У греков этим именем обозначали те монастыри, в которых монахи жили в отдельных кельях, а в Московии этому назва-

---

³¹⁰ Рождественский, Ж. М. Н. П., 1896, май, стр. 75.

ние придавался особенный почетный смысл.

Богатства этого монастыря, с давних пор вошедшие в поговорку, разумеется, были преувеличены. Опись, произведенная в 1641 г., дает очень интересные и точные указания: 13 861 рубль наличными в кассах, помимо значительных сумм на руках у разных должников; 19 044 четверти хлеба в житницах, помимо запасов, хранившихся в пятнадцати монастырских владениях; 15 581 штука крупной копченой рыбы в кладовых, не считая мелкой рыбы; 51 бочонок пива и меду; 3 358 пудов меду; 431 лошадь в конюшнях, не считая лошадей, взятых на пашню.³¹¹ Эти цифры, бесспорно, свидетельствуют об огромном богатстве, а одно завещание того времени³¹² знакомит нас, каким путем накоплялось такое богатство: завещательница Агафья Яковлевна Волынская определяет архимандриту Дионисию и его монахам все свои наличные деньги, все свободные запасы хлеба, а также целую деревню со всеми ее угодьями. Тем не менее, несметные сокровища, которые народное воображение представляло собранными в этом месте, были всегда только в области басен.

Укрепление монастыря велось со времени самого его основания. С 1515 г. старинные деревянные огра-

---

³¹¹ Голубинский. Житие пр. Сергия, стр. 124 и сл.

³¹² Лихачев. Сборник, стр. 72.

ды, неоднократно сожигаемые татарами, постепенно заменялись каменными стенами, существующими и поныне. На протяжении приблизительно 1 926 метров высота их колеблется между 11 и 21 метрами, применительно к неровностям почвы, а их толщина, включая сюда и идущую вдоль всей стены внутреннюю крытую галерею, доходит до девяти метров. По бокам ограды шли бастионы, первоначальное число которых нельзя определить. В 1641 г. их было двенадцать; нынче сохранилось их девять. В одном из них показывают посетителям знаменитый «каменный мешок», столб, пустой внутри, от трех до шести метров толщины, в который, будто бы, Грозный сбрасывал свои жертвы. Приговоренные падали в яму, снабженную острыми ножами. Но бастион, о котором сложилось это мрачное предание, был сооружен только при Михаиле Феодоровиче, и ничем не доказано, что он служил когда-либо пожизненной темницей. В инвентаре 1641 г. упоминается о девяноста пушках, из которых одна выбрасывала снаряды в пять пудов. Пушки малого калибра преобладали; дополнением к ним служили медные бочки или чаны, которые наполнялись горячей смолой или кипящей водой. Ворота, как и в настоящее время, было четырнадцать.

В целом наружный вид монастыря сильно изменился со времени знаменитой осады. И самые церк-

ви украсились по-новому. В храме Св. Троицы в двух иконах сохранились следы от польских ядер; но дворец Иоанна Грозного исчез; на его месте возникло множество построек нового стиля; тут поместилась также академия; на этих зданиях блещут во всем своем ужасном безобразии самые неуклюжие образцы казенной архитектуры. Новейшими оказываются в большинстве также и драгоценные предметы в ризнице храма, выставленные, впрочем, вовсе не для того, чтобы поражать или тем более ласкать взоры богомольцев. Там же благоговейно хранятся кое-какие остатки бывшего великолепия; но наиболее ценимые из тех, которые могли бы попасть в руки осаждавших в 1608 г., не могли соблазнить их и возбудить их алчности: это были принадлежности богослужения – чаша, дискос, употреблявшиеся, как думают, еще св. Сергием и св. Никоном. Они – деревянные, расписанные грубыми рисунками на красном фоне.

Защита монастыря от шаек Сапеги и Лисовского, славная, по справедливости, представляет интересную особенность тем, что, несмотря на свой геройский характер, она не выдвинула ни одного героя. Оба воеводы Шуйского, Григорий Борисович Долгорукий и Алексей Иванович Голохвастов, начальствовавшие над маленьким гарнизоном, оказались посредственными полководцами и отъявленными негодяя-

ми. По сведениям, собранным осаждавшими, «они ни о чем не думали и пьянствовали целыми днями». Что касается архимандрита Иоасафа, то он прославился только своими видениями, во время которых местные святые угодники, дружески беседуя с ним, якобы ежедневно обещали ему чудеса, но действия их напрасно ждали осажденные. Истинным чудом, давшим им победу, было чудо безымянной толпы: монахов, крестьян, соседних дворян, объединенных одним чувством, одним желанием выдержать борьбу, казавшуюся долгое время безнадежной.

Тем не менее, преданию, которое мало считается с действительностью, было угодно ввести в этот славный эпизод героическую фигуру, и выбор его пал на келаря лавры. Его имя стало нераздельным от события, в котором он, якобы, сыграл первенствующую роль. Для большинства русских, хранящих память об этой славной осаде, она даже олицетворяется, некоторым образом, в знаменитом монахе Авраамии Палицыне – в миру он носил имя Аверкий Иванович. Но он и не находился в Троицкой лавре в то время, когда осадили ее поляки; в продолжение всей осады нога его не побывала в монастыре; по-видимому, он был занят совсем иными делами, а не защитой святыни от нападавших. Такие недосмотры обычное дело в легендах.

В правление Годунова Палицын подвергся опале и против воли был пострижен в монахи. Он оставил после себя сказание об осаде, в котором не забыл и себя.³¹³ Это именно немало способствовало тому неправильному представлению о его личности, выступающей перед нами в более выгодном свете, чем она того заслуживала. Палицын был, без сомнения, человек ценный. Деятельный, образованный, ловкий и красноречивый в духе того времени, он удивительно подходил к той должности, которую ему поручили – должности казначея, являющегося представителем монастыря перед светскими властями. Он был отозван в Москву по делам общины и остался там. Что же делал он там, в то время как его братия переживала такие грозные испытания? У нас имеется на этот счет только подозрение, но оно, без сомнения, покажется довольно тяжелым. В конце 1609 или в начале 1610 г. через посредство заведомого шпиона, – того самого попа Ивана Зубова, о котором я уже упомянул, – Ян Сапега вступил в переписку с одним монахом, проживавшим временно в Москве и не принадлежавшим ни к одному из монастырей столицы; этот монах с готовностью предлагал свои услуги склонить защитников Троицкой лавры к сдаче. Когда Сапега пригласил его явиться в свой стан, он ответил, что пока не может

---

³¹³ См. Русск. Ист. Библ., т. XIII, 2-ое изд., стр. 102, 2.

еще этого сделать, но не замедлит это сделать, конечно, вскоре, так как падение Шуйского уже недалеко. В ожидании этого он давал польскому полководцу ценные указания относительно движения войск, посланных на помощь монастырю. Он подписывался: «Архимандрит Авраамий». Сан как будто не соответствует чину келаря Троицкой лавры, но в официальных списках того времени не значится ни одного архимандрита с таким именем, которого можно было бы заподозрить в таком деле. Проезжая через Тушино, где всякие титулы щедро раздавались без разбору, Палицын мог получить и сан архимандрита.³¹⁴

Разумеется, догадка не есть доказательство; но если ее и отбросить, все-таки у этого мнимого героя останется налицо лишь талант писателя, к которому нельзя отнестись пренебрежительно, если принять во внимание время и место действия; но талант его тоже превознесен более, чем он того заслуживает. Палицын не лишен вдохновения; слог его очень субъективный, выразительный и красочный, но часто неясный, а иногда даже весьма грубый. Его сказание об осаде Троицкой лавры пользуется огромной известностью и помещается в антологиях. Сам Соловьев заимствовал из него целые страницы; но это повествование

---

³¹⁴ Хилков. Сборник, стр. 49. Ср. Платонов. Очерки по истории смуты. Стр. 433.

походить скорее на поэму или религиозную эпопею, чем на главу из истории.³¹⁵ Необходимо в нем отделять историческую правду от вымысла, а это оказывается очень трудной задачей.

Повествователь не потрудился указать числа монахов, бывших налицо в монастыре при появлении поляков. По нашему расчету, их должно было быть около тысячи и около четырех тысяч местных жителей, укрывшихся за крепкими монастырскими стенами, за неимением другого убежища. Несчастливая Ксения, в иночестве Ольга, и бывшая королева Ливонии Мария Владимировна, в иночестве Марфа, находились также среди гостей, вместе с другими женщинами и детьми и многочисленными старцами. Дворянские поместья и соседние хижины доставили тоже людей способных носить оружие; бывшие ратные люди, постриженные против воли, подобно Палицыну, и сожалевшие о своем прежнем занятии, были рады теперь опять взяться за оружие ради общего блага и во славу преп. Сергия и преп. Никона.

Сапега плохо учел все эти элементы сопротивления.

Поляки с презрением отзывались о «курятнике», осмелившемся померяться силами с их доблестью, а староста Усвятский, в надежде на скорую победу,

---

³¹⁵ Кедров. «Русский Архив», 1886, VIII.

уже приписывал себе одному успех и радовался случаю отомстить за пренебрежение Рожинскому, с которым был в плохих отношениях. Может быть, его воображение уже рисовалась новая, независимая, богатая жизнь, которую ему даст эта победа. Во главе отряда войск, который не признавал никого над собой начальником, кроме него, Сапега уже придавал себе вид диктатора, принимая челобитные, в которых его величали «великим государем», сам раздавал милости и награждал поместьями и титулами; то же самое, только несколько позднее, будет делать и Яков Делгарди.³¹⁶ Скоро на Руси хозяев оказалось несколько дюжин.

Палицын утверждает, что осаждающих было более тридцати тысяч, кроме крестьян, которых они сгоняли силою для производства осадных работ. Но у нас на этот счет имеются другие сообщения. Наличный состав войска, с которым Сапега выступил в сентябре из Тушина и разбил при Рахманове часть московского гарнизона, заключал в себе только его собственные войска, приблизительно две тысячи солдат, шесть тысяч казаков под начальством Лисовского и несколько польских эскадронов, набранных, без сомнения, из тех солдат Рожинского, от которых тот был

---

³¹⁶ Русск. Ист. Библ. II, 694–698; Хилков. Сборник, стр. 14 и сл. Акты юридические, I, 497.

рад избавиться.³¹⁷ Пехота в этом составе была немногочисленная, артиллерии очень слабая, а кавалерия польская все еще не обладала искусством Полиоркета брать укрепленные города. Все, в общем, удивительно благоприятствовало оборонявшимся монахам Троицкого-Сергиева монастыря: и природа и обстоятельства. Лавра находилась среди речек и болот, тянувшихся на юг и запад, что делало ее малоприступной. Снаряды польских пушек обыкновенно не долетали даже до стен монастыря. Много раз осаждавшие принимались вести подкопы, но всякий раз осажденные проводывали про них, благодаря умению монахов приобретать друзей во вражеском стане. В кладовых всегда хранились огромные запасы провианта, так что голода нечего было бояться. Осада затянулась до бесконечности.

Были смертельные случаи от цинги и других болезней, но, в общем, осада не очень была смертоносной. Только раз залетевшие в ограду снаряды убили двух стариков и повредили церковь. Более многочисленные жертвы были при более или менее удачных вылазках и при смелом отражении приступов. Рассказ Палицына о 1 500 поляков, убитых, будто бы, в одной только такой стычке, грешит против истины; можно думать, что, рассказывая это, он вдохновлялся

---

³¹⁷ I. P. Sapieha. Dziennik, стр. 188.

больше Рабле, – которого, конечно, не читал, – чем Гомером. Если бы это было так, то Сапега скоро бы остался один под стенами неприступной крепости, так как, согласно дневнику польского полководца, битвы происходили почти ежедневно. В одной такой битве у Палицына изображается крестьянин великан – полуидиот, державший в нерешительности целую польскую армию, ранивший Лисовского и убивший самого страшного помощника Сапеги, князя Юрия Горского. А между тем ни в Польше, ни в Московском государстве никогда не было князя с этим именем; не было также в течение этой войны никакого Горского под знаменами старосты Усвятского. Более правдоподобным нам кажется подвиг двух других крестьян, которые, по словам историка-поэта, взлетели на воздух, взрывая контр-мину. Неумелость поляков в военных предприятиях подобного рода гораздо больше послужила на пользу осажденных и возместила им то, чего у них не хватало для защиты. Поборники преп. Сергия и преп. Никона были мужественные, терпеливые и на диво спокойно-стойкие люди, но нравственность у них была плачевная, и полное отсутствие всякой военной и нравственной дисциплины обнаруживалось в таком омерзительном виде, что на это указывает даже такой благосклонный писатель, как Палицын. Они постоянно ссорились между собою, обвиняя друг друга в из-

мене. По обвинению такого рода воеводой Долгоруким был замучен на пытке казначей общины Иосиф Девочкин, которому покровительствовал другой воевода и сам архимандрит. Бывшая королева Ливонии Мария Владимировна относилась с каким-то особенным почтением к этому скромному чиновнику, вставая с постели даже среди ночи, чтобы истопить ему баню! Но она была заподозрена в свою очередь и обвинена в преступном сочувствии самозванцу и в тайной переписке с Сапегой. Письмо с доносом в этом смысле было послано самому Шуйскому монахами, которые, пьянствуя и развратничая с женами и дочерьми своих гостей, сами были не безупречны. Но, увы, таковы были нравы того времени во всех монастырях на Руси; впрочем, они были такими во всех слоях общества, которое разлагалось, как я показал выше. Во время этого испытания Троицкая лавра являла собою только образчик такого распада в уменьшенном размере. И хотя любопытно наблюдать, как ни религиозное, ни национальное чувство, доведенные до крайней степени своего напряжения, не были в состоянии предотвратить этих беспорядков, все же гораздо интереснее подтвердить, что эти беспорядки не оказали никакого влияния на исход дела. Пути и средства никогда не были в России предметом строгой критики. Защита Троицкой лавры была геройская, но она

не оставила и следа героизма отдельных личностей; победа осталась за осажденными, несмотря на все их человеческие слабости, даже весьма скверные.

До конца 1609 г., несмотря на беспрестанные просьбы осажденных прислать им подкрепление, Шуйский послал им только отряд в 60 человек. Хотя преп. Сергей, явившись в видении монастырскому звонарю Иринарху, и заверял его в том, что более действенная помощь скоро прибудет, так как основателем лавры отправлено уже в Москву три гонца, три монаха верхом на трех слепых кобылицах с посланием, на которое царь должен дать немедленно ответ, царь оставался глух ко всем воззваниям осажденных. Скопин и Делагарди, между тем, все приближались. В июле 1609 г. Сапега, вышедши к ним навстречу, был разбит при Калязине; в октябрь победители подошли к окрестностям монастыря и оставили тут осажденным отряд в тысячу человек; а в январе Сапега снял осаду, теснимый русско-шведскими войсками, покинутый Рожинским, с которым у него едва не дошло до поединка на саблях, а также вследствие уговоров самого самозванца бросить это губительное предприятие.³¹⁸

---

³¹⁸ Для истории осады см. Палицын. Сказание о осаде; Голохвастов. Заметки, «Москвитянин», 1842, №№ 6 и 7; А. В. Горский, там же, 1842, № 12; А. Ф. Бычков, Энци. словарь, I; С. И. Кедров, Чтения в Общ. Ист. и Древн., 1880, IV; его же статья в «Русском Архиве», 1886, VIII; А. В. Горский. Ист. описание Св. Троицкие Сергиевы Лавры; Голубинский.

В годовщину этого славного дня, которая торжественно празднуется еще и теперь, совершается крестный ход вокруг знаменитых стен. Гул от этого события в то время разнесся на огромное пространство и способствовал ускорению уже намечавшейся тогда реакции. Многие уголки несчастной страны, ставшей обширным полем битвы, были еще охвачены смутой, которая, казалось, все еще разрасталась. Даже в продолжение осады перед Сапегой и Лисовским, попеременно оставлявшими свой лагерь, открылись ворота Суздаля, Переяславля и Ростова. Митрополит ростовский был тогда взят в плен; в меховой татарской шапке, обутый в казацкие сапоги, Филарет на дровнях был отвезен в Тушино, привязанный к какой-то распутной женщине;³¹⁹ но самозванец, лучше других сообразивший, какую выгоду он может извлечь из этого пленника, оказал ему почетный прием. В ненароком учрежденной иерархии новой столицы не хватало только патриарха, и вот осыпанный милостями и

Преподобный Сергей, основатель Лавры; Берейков. Троицкая Лавра в смутное время; Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени, стр. 174 и сл. *Dzieduszycki. M. Krotki rys dziejów i spraw Lisowczyków.* – Документы: Акты исторические, II, №№ 181–242; Летопись занятий археографической комиссии, IV, 95; Хилков, Сборник, № № 14, 18; 32–42; *Sapieha. Dziennik; Budziło. Historia Dmitra faiszywego,* и др.

³¹⁹ Русск. Ист. Библ. XIII, 513.

почестями Филарет соглашается принять на себя этот сан и в качестве патриарха совершает богослужения и рассылает окружные грамоты по областям. Будучи искусным политиком, отец будущего основателя новой династии не был героем. Архиепископ тверской Феоктист, не пожелавший покориться тушинцам, был недавно убит ими; Филарет не стремился разделить с ним венец мученичества. Этот тягостный эпизод в жизни ростовского митрополита обойден молчанием в его официальном жизнеописании, составленном в 1619 г.

Взятие Ростова повлекло за собою сдачу соседних городов: Ярославля, Вологды и Тотьмы; но в самом Тушине дела пошли хуже. Тут происходили такие же распри, как и в Троице-Сергиевой лавре. Бывший главнокомандующий Меховицкий, пытавшийся вернуть себе командование, был зарублен по приказанию Рожинского, который дошел до того, что пригрозил той же участью и самому самозванцу. Эти самоуправства, повторяясь во всех местах, занятых мятежниками, и сопровождаясь вымогательством, все более и более бесчеловечным, приводили жителей в недоумение. К страданиям, неизбежным при междоусобной войне, начало присоединяться еще глубокое разочарование. Вместо ожидаемых милостей, обещанных в первых манифестах воскресшего Дмит-

рия, требовали от народа все новых податей, которым, казалось, не будет конца, так как после русско-го сборщика из Тушина являлся польский сборщик, а за ним третий и четвертый, которые ссылались то на Сапегу, изображавшего собою державного владыку, то на Лисовского, занимавшегося грабежом. Все они одинаково были готовы брать силой то, чего им не давали по доброй воле, грабя дома, обирая лавки, истязуя и избивая их владельцев. Что касается до наделения землей, возвещенного с таким шумом, то им попользовались только некоторые излюбленные царедворцы, ловкие угодники мятежного правительства, поделив между собою земли, отнятые у сторонников Шуйского, и заставив сожалеть о прежних господах.

Среди этих горестных испытаний пример, данный Троицкой лаврой, особенно убедительно доказывал, что полякам и казакам можно дать отпор и выгодно поступать так. Жители Устюжны Железнопольской, сговорившись с белозерцами, решили запереть ворота перед сборщиками податей и чиновниками всякого рода. «Косимые как трава», говорится в летописи,³²⁰ в одной стычке в открытом поле с войсками самозванца, они заперлись в своем городе и бестрепетно смотрели, как «огромная рать – поляки, казаки, тата-

---

³²⁰ Русск. Ист. Библ., II, № 187, стр. 798–814. Перев.

ры и москвитяне – ринулась, словно дождь в ливень, на стены их деревянных укреплений. Они отразили три приступа, и с тех пор доблестный городок также празднует и по сей день ежегодно годовщину позорного отступления нападавших. „Огромная армия“, вероятно, была не что иное, как небольшой отряд малоизвестного польского наездника Козаковского, который разбойничал в этих краях. Тем не менее, это поражение произвело сильное впечатление. На подобный отпор тушинцы сумели отвечать только сугубой жестокостью себе же на беду. От 1608–1610 г. везде, где они появлялись, царил ужас.

IV. Лихолетье

В устных преданиях жителей Вологодской губернии сохранилась память о польских панах, жестоких, безжалостных и ненасытных, и остались вещественные следы их подвигов: тут курган прикрывает груды трупов; там клад хранит их добычу, зарытую ими во время погони за ними, «несметное сокровище»; его, однако, не удалось с тех пор извлечь на свет Божий.³²¹ Если судить по одним только местным источникам, то москвитяне превосходили в дикости еще своих слу-

---

³²¹ Мерцалов, «Русская Старина», 1883, XXXIX, 654–656.

чайных союзников.³²² Разница в уровне цивилизаций при таком зловещем соревновании не может, без сомнения, служить достаточным объяснением этого явления. Война обыкновенно стирает это различие. Поляки, вымогая беспощадно казну у населения в местностях, занятых ими, вовсе не обнаруживали по отношению к нему ненависти; они требовали от него только денег или удовольствий. Что же касается московских приверженцев Дмитрия, наоборот, всякий сторонник Шуйского для них был врагом, которого надо было уничтожить, иначе грозила опасность быть самому уничтоженным им в злосчастный день. Поляки шли сюда провести весело время и обогатиться, если им не удавалось достичь большего; если дело принимало дурной оборот, они имели возможность вернуться домой, натешившись вволю и набив себе туго кошелек. Московские приверженцы, переходя на сторону самозванца, отрезывали себе всякое отступление и ставили на карту свою жизнь; а казаки видели тут единственный случай выйти из своего тяжелого положения людей вне закона или отомстить за него. Наконец, и самое главное, преследуя свои особые цели повеселиться или потешить свое честолюбие или алчность, или просто из влечения к жизни среди эпических приключений, Сапега и его соотечественники

---

³²² Тимофеев, Русск. Ист. Библ. XIII, 415 и сл.

не страдали той революционной горячкой, которая во все времена и повсюду неизменно приводила в конце концов к припадкам жажды разрушения и кощунства. Так, в то самое время, когда Троице-Сергиева лавра принуждала поляков и казаков с благоговением относиться к ее неприкосновенной святыне, в двадцати других городах московские приверженцы «Тушинского вора» не только смотрели равнодушно, как брали приступом, грабили, опустошали и оскверняли десятками храмы и монастыри, но и сами принимали участие в этих неистовствах, как, например, было в Ростове.

При их содействии и даже, можно сказать, главным образом их руками страна была доведена до ужасного состояния. Города и деревни были опустошены; люди и звери обменялись жилищами: на пустынных улицах и площадях находили приют себе волки и лисы, а люди забирались в самую глухую чащу лесов, питаясь травой и корнями растений и с тоской выжидая спасительного мрака; тогда люди занимали покинутые берлоги зверей. Но эти убежища были не всегда надежны: по уходе жителей из сел и городов пылали жилища, и при зареве пожаров охотники с гончими гонялись по лесам за человеческой дичью!

В деле разрушения особенно отличались казаки. Если им не удавалось сжечь дом, они непременно

старались выломать в нем по крайней мере двери и окна, чтобы сделать его негодным для жилья. Они топили, бросали в навоз и утапывали копытами своих лошадей съестные припасы, которые не могли съесть на месте или увезти с собой. Разгул и разврат сопровождали резню. Во Владимирской области какой-то Наливайко, тезка, мятежного казацкого атамана, пойманного и казненного поляками за несколько лет перед тем, отметил свой путь ужасными оргиями, сажая на кол мужчин, насилуя женщин; по свидетельству Сапеги – который ему покровительствовал! – он зарезал собственноручно девяносто три жертвы обоего пола. Чтобы избавиться от позора, многие женщины убивали себя; но другие, – таких было еще больше, – легко мирились со своей участью: похищенные казаками или поляками и выкупленные родителями или мужьями, они убегали и возвращались к веселой жизни, в которую успели втянуться. Забвение всех правил, пренебрежение всеми принципами чести и стыдливости сопровождало, как всегда бывает, разложение социального организма; при общем нравственном распаде не устояла и семья.

В этой стране, где всякая власть внушала благоговейный трепет, теперь, когда все чины и звания опошлись до последнего, не оставалось уже ни одной должности, к которой народ относился бы с уважени-

ем. Вслед за Филаретом, этой пародией на патриарха, вся церковь ринулась, очертя голову, в тину: священники, архимандриты и епископы оспаривали друг у друга милости Тушинского вора, перебивая друг у друга должности, почести и доходы ценою подкупа и клеветнических изветов. Вследствие этих публичных торгов епископы и священники сменялись чуть не каждый месяц. Во всем царила анархия: в политике, в обществе, в религии и в семейной жизни. Смута была в полном разгаре. Вопреки воле Сапеги, самозванец, вернее Рожинский, положил конец удальству Наливайки, повесив его. Но Наливаек были тысячи, и только после того, как они слишком долго испытывали народное терпение и перешли все его пределы, неотложная нужда, наконец, побудила народ с отчаянной решимостью приняться за расправу со своими мучителями.

V. Отпор смуте

Реакционное движение прежде всего началось в северных областях, когда там твердою опорой законному правительству явились войска под начальством Скопина и Деллагарди. С Белоозера и Устюжны, где противодействие это уже восторжествовало; из Устюга и Вычегды, жители которых обменивались грамота-

ми, ободряя друг друга к сопротивлению; из Нижнего Новгорода, где в том же духе стал деятельно проповедовать игумен Иоиль, – движение быстро сообщилось соседним большим городам. Велико было изумление и замешательство казацких и польских воровских шаек, когда везде им встречались теперь другие толпы вооруженных людей и оказывали сопротивление! Жители Юрьевца Поволжского, под предводительством сотника Феодора Красного, жители Решмы, под начальством крестьянина Григория Лапши, осмеливались уже вступать с ними в бой даже в открытом поле. Возле села Данилова внезапно создавалась крепостца, задержавшая на время горячего Лисовского; падение ее не охладило всенародного воодушевления. Один за другим города: Галич, Кострома, Вологда, Городец, Кашин отлагались от самозванца, посылая в Москву уверения в своей верности и изобличая преступные замыслы «вора». Вологжане уверяли даже москвичей, будто они перехватили бумаги из Тушина, содержавшие приказ перебить всех способных носить оружие мужчин их города, а женщин и детей отправить в Польшу. То же самое открытие сделали и жители Тотьмы, с добавлением, будто самозванец намеревается освободить из темниц всех злодеев.

В Москве, на беду, Шуйский не сумел как следовало воспользоваться этим внезапным подъемом народно-

го духа. Он приказывал своим «верным подданным» сплотиться для избавления столицы от врага, где, впрочем, как он уверял, «все обстоит благополучно». Он не скупился на патриотические увещания и дельные советы, но сам был совершенно неспособен принять более деятельное участие в этой зарождавшейся организации отпора. Скопин, правда, действовал удачнее. Его поход из Новгорода в Тверь вместе со шведами, в июле 1609 г., имел, кажется, целью привести в связь с задуманными им планами несколько беспорядочные действия возмущившихся против смуты. Этот план его увенчался успехом. Жители Вычегды, с помощью Строгановых, набрали отряд и, хорошо вооружив его, отправили к «истинному царю». Вологда, не устранившись участи Костромы и Галича, которым Лисовский мстил ужасными жестокостями, приготовилась к упорному сопротивлению. Нижний Новгород отразил одно из нападений. Вятка соединилась с Арзамасом, Муромом, Владимиром и Суздалем, пытаясь завлечь в свой обширный союз даже отдаленную Пермь.

Способность общин в московском государстве приходила к подобного рода соглашениям, обнаруживавшаяся много раз в это бедственное время, составляет крайне любопытную черту русского народа. Она свидетельствует о присутствии в самом строении это-

го разложившегося общества, в его внутренней жизни, огромных скрытых средств, могучих пережитков былых привычек к самоуправлению.³²³ Надо отметить еще одно явление: в этих вооруженных восстаниях против «вора» и его приверженцев одни только крестьяне доказали свое усердие, мужество и самоотвержение. В Костроме и Галиче «дети боярские» сперва соединились с «тяглыми людьми» и пошли вместе на Ярославль, но, приблизившись к городу, они обратились вдруг против своих союзников, отняли у крестьян пушки, привезенные из Галича, и перешли на сторону Лисовского. Отсутствие связи между членами шаткого, еще неорганического сословия «служилых людей», этого зародыша теперешнего чиновничества, отсутствие у них общего средоточия, каким служила крестьянам община, этот обломок исконных учреждений самоуправляющегося мира, – такого благотворного учреждения не было в других общественных группах, – вот, без сомнения, причина этого явления, требующего глубокого научного исследования.³²⁴

Итак, общины северных областей со всех концов

---

³²³ П. Д. Голохвастов выяснил важное значение этого явления в своей прекрасной статье в «Руси», 1883, № 6, стр. 34.

³²⁴ См. Платонов. Очерки по истории смуты. Стр. 400. – Касательно восстания крестьян несколько интересных документов в «Сборнике Щукинского музея», V, 77–81 и в Сборнике Хилкова, стр. 35 и сл.

пересылались грамотами и сговаривались. После Муroma, Владимир снесся с Нижним Новгородом и, получив от него подкрепление, напал на М. Вельяминова, воеводу Лжедмитрия. Несчастный был отведен в церковь для исповеди, а затем побит камнями, при криках: «Вот враг московского государства!» Этот пример короткого суда нашел себе скоро подражателей в Костроме и других местах. С востока движение перебросилось на запад, на область, по которой в то время проходил Скопин со своими войсками. Передавшись «истинному царю», ободренные победой над Тышкевичем, одним из самых блестящих польских наездников, Молога и Рыбинск приглашали Ярославль и Углич постоять за правое дело.³²⁵

Шуйский, к сожалению, только хвастался, говоря, будто в Москве «у него все благополучно». Как и раньше, из одной столицы в другую переезжали «перелеты». На улицах и площадях громко обсуждался вопрос о заслугах и достоинствах обоих царей, и нередко при похвалах Дмитрию в толпе раздавались рукоплескания. Шуйский проявлял иногда жестокость, но, слабый и робкий, он решался применять меры стро-

---

³²⁵ Никоновская летопись. VIII, 114; Акты исторические, II, №№ 98, 99, 100, 101, 106, 107, 108, 110, 116, 118, 130; Летопись занятий археографической комиссии, II, №№ 88, 89, 91, 93, 95, 98—104, 110; Русск. Ист. Библ. XIII, 511; Marchocki, стр. 44; Sapieha, Dziennik, стр. 189. Ср. Бестужев-Рюмин, Ж. М. Н. П., авг. 1887, стр. 262 и сл.

гости только к мелкому люду, не трогая вельмож, отчего они становились все более дерзкими. 26 февраля 1609 г. была сделана серьезная попытка свергнуть «царя боярского». Любопытнее всего то, что в этом заговоре принимали участие также и бояре. Подбрав до 300 единомышленников, князь Роман Иванович Гагарин, Григорий Феодорович Сумбулов и Тимофей Васильевич Грязной, все именитые люди, обратились к своим естественным союзникам с просьбой переделать сообща устроенное дело, положить конец «пролитию христианской крови», низложив царя «глупого и бесчестного, пьяницу и развратника», не оправдавшего надежд избравших его.³²⁶ Призыв не встретил, однако, сочувствия. Вместо того чтобы явиться на Красную площадь, как это было условлено, бояре попрятались по своим домам. Явился только один князь Василий Васильевич Голицын, почуявший удобный случай отомстить. Патриарх Гермоген был схвачен во время богослужения в Успенском соборе и притащен на Лобное место. По дороге его били, издевались над ним, осыпали бранью, но среди всех этих насилий, «твердый, как алмаз», патриарх Гермоген остался непоколебимым и не уступил заговорщикам. Они бросились в Кремль, но чернь отка-

---

³²⁶ Попов. Изборник, стр. 198; Карамзин. История Государства Российского, XII, 118.

залась следовать за ними, а Шуйский, успевший тем временем собрать кое-какие войска, отразил нападение.

Надо обратить внимание на развязку этого приключения: она ясно, как Божий день, доказывает, в каком критическом положении находилась тогда Москва. Победа царя не сопровождалась никакими карами. Победитель оставался в своем дворце, а побежденные благополучно удалились в Тушинский лагерь, и никто не осмелился задержать их. Голицын вернулся к себе, продолжая спокойно жить, как будто ничего не произошло. Даже Гагарин, спустя некоторое время, вернулся из Тушина в Москву, не потерпев тоже никаких неприятностей из-за своего неудачного приключения.³²⁷

Заговоры против Шуйского повторились в апреле и мае 1609 г. В то время тушинцы попытались еще раз прервать сообщение между Коломной и столицей. В продолжение нескольких недель цена хлеба была 7 руб. за четверть, т. е. в двадцать четыре раза выше его нормальной стоимости! Голод должен был неминуемо вызвать бунт. Но осаждавшие, ослабленные отсутствием у них дисциплины и обеспокоенные восстанием, охватившим области, а также приближением, Скопина, не могли оказать нужного напряжения сил.

---

³²⁷ Никоновская летопись, VIII, 111–112; Русск. Ист. Библ. XIII, 119.

Сам Рожинский, жестоко страдавший от раны, уже не был в состоянии справиться со своим делом. В большой битве, происшедшей совсем неожиданно в день св. Троицы из-за неосторожной стычки польских аванпостов, ему пришлось пожертвовать всей своей пехотой, чтобы выручить своих по-прежнему непослушных поляков, зарвавшихся чересчур далеко. Это было последнее крупное сражение между Москвой и Тушином. Скопин и шведы приближались.

Московский главнокомандующий задержался на долгое время в Новгороде и его окрестностях. Причиной тому было брожение в этой области, а также затруднения, представившиеся ему при осуществлении широко задуманного им плана военного и административного переустройства. Выбрав центром Вологду, он рассчитывал найти в ней опору для общего преобразования расшатанного государственного организма. По его мнению, Вологда подходила к такому назначению, будучи узловым соединением всех дорог, связывавших северные области со столицей, и весьма важным торговым городом. Но при выполнении этого плана встретилось много препятствий, а когда Скопин решил выступить в поход, ему заградили путь еще новые. Отряд запорожцев под предводительством поляка Керножицкого, заняв уже Торжок и Тверь, грозил застигнуть врасплох молодого Шуй-

ского среди разработки его плана и разрушить его замыслы в самом зародыше. Навстречу Керножицкому был выслан отряд войска, но новгородцы заподозрили его начальника в измене. Подозреваемый был тот самый окольный Михаил Игнатьевич Татищев, который как-то в споре с Дмитрием I по поводу телятины наговорил ему дерзостей, а впоследствии убил Басманова. Но этих подвигов, очевидно, оказалось еще недостаточно, чтобы служить порукою в верно-подданности. В этом случае Скопин вел себя совсем не по-геройски. Предоставив своего подчиненного на волю новгородцам, он допустил его убийство, и сверх того, после продажи имущества убитого с публичного торга, как это водилось у новгородцев, когда творилось народное правосудие, он тоже потребовал своей доли.³²⁸

Пользуясь этими обстоятельствами, Керножицкий подошел к самым воротам города и отступил только вследствие прихода заонежских крестьян, явившихся неожиданным подкреплением для новгородцев. Запорожцы кинулись к Старой Руссе и продержались там до самой весны 1609 года, до прихода шведов,

---

³²⁸ Никоновская летопись, VIII, 107; Тимофеев, Русск. Ист. Библ., XIII, 420–428. Ср. В. С. Иконников, Чтения в Общ. Нестора лет., 1879, I, 121; Форстен, Ж. М. Н. П., февр. 1889; Воробьев, «Русский Архив», 1889, VIII, 484.

преграждая путь Скопину. Появление шведов изменило распределение наличных сил в этих краях; в несколько недель они очистили всю местность от неприятеля, за исключением Твери, где, впрочем, народное движение, – о его характере и успехах я уже говорил, – дало законному правительству сторонников, предводительствуемых крестьянином Тимофеем Кудекуша Трепцом. В Орешке один из самых блестящих воевод Лжедмитрия, впоследствии один из главарей мятежной партии, Михаил Глебович Салтыков, убедившись, что ему не справиться, бежал и, ища убежища в Тушинском лагере, произвел там переполох.

10 мая 1609 г. Скопин покинул, наконец, Новгород и, соединившись со шведами, собрал в Торжке ополченцев, пришедших из Смоленской области, а затем разогнал заграждавшие ему путь шайки Керножицкого, несмотря на то, что к ним присоединился и Зборовский. Подвигаясь все вперед, Скопин соединился с заволжскими крестьянами, собравшимися в Ярославле и угрожавшими Ростову, и, вместе с ними осилив Сапегу, снял осаду с Троице-Сергиевой лавры. Однако Скопину не удалось тотчас же воспользоваться всеми плодами, которых он ожидал от этой победы: в это самое время покинули его шведы. Благородный Делагарди, не следовавший, насколько это было возможно, коварным инструкциям Карла, всегда приходил на

помощь Скопину со своими войсками и не замышлял злоупотреблять своею силою; но его солдатам не было уплачено за два месяца жалованье, и не был еще передан шведам Кексгольм. По настоянию племянника, Шуйский решился наконец пожертвовать Кексгольмом, но не мог найти денег для уплаты жалованья; наемные войска отказались идти в поход.

Только восставшие против смуты не остановились на полпути после данного им толчка. Один из очагов контрреволюции, вспыхнувший в бассейне реки Клязьмы, между Волгой и Окой, и потушенный в самом начале энергичными усилиями воеводы суздальского Плещеева, быстро снова разгорался, и пламя его, все разрастаясь, распространилось на юг. Города этого бассейна: Суздаль, Владимир, Муром, Юрьев – мертвые и лишённые Москвою самоуправления, разоренные военным положением, которое введено было после завоевания, не имели необходимых материальных и духовных сил для продолжительной борьбы. После нескольких судорожных отчаянных попыток отпора они снова впали в бездействие. Но в других местах этой области сохранились кое-какие остатки их полного мощи прошлого. Была кое-какая промышленность и торговая жизнь в прибрежных больших поселениях по Тезе и Луху, в соседних волжских пристанях Балахне, Городце, Юрьевце, Решме, Кинеш-

ме. В социальной жизни волостных миров этих густо населенных местностей все еще наблюдалась напряженная деятельность. Впрочем, в этой области Шуйские чувствовали себя дома; это обстоятельство способствовало в прилежащих местах развитию волнения и организации противодействия смут. Из Нижнего Новгорода предприимчивый воевода Феодор Иванович Шереметев подал Шуйским вооруженную помощь. Оба ополчения соединились и в конце 1609 г., взяв Муром и Касимов, нагнали Скопина под стенами Александровской слободы, служившей некогда местопребыванием Грозному.

Таким образом, в виде широкого, сходящегося в одно место движения народные ополчения с севера, востока и юга стягивались к Москве и Тушину, намереваясь окружить со всех сторон логовище «вора», и вот «боярский царь», покидаемый либо слабо защищаемый давшими ему власть, теперь почти уже торжествовал победу, и это благодаря крестьянам. В своей борьбе с Болотниковым в качестве представителя законного порядка он опирался еще на второстепенную знать, на дворян, служилых людей и детей боярских. Этот элемент, развращенный в течение смутного времени, подался в свою очередь и уступил место новой силе, новому социальному слою, поднятому со дна сильным водоворотом.

Более мощный по своей численности и нравственно более устойчивый, этот новый слой, однако, мог служить только орудием других, потому что, грубый и невежественный, он сам нуждался в кормчем. А той порой на сцену истории выступил новый могучий деятель, к которому должно было перейти управление событиями из неумелых и неопытных рук Шуйского. В то самое время, когда польские искатели приключений, потеряв свое кратковременное обаяние, дошли до того, что их разбивали монахи и мужики, на часах загадочной судьбы пробил час для выступления истинной Польши, наследницы Батория.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вмешательство Польши

I. План Сигизмунда

Добрый и полный героизма Ян Собеский никогда не считался последователем Макиавелли, но и он как-то раз, в минуту откровенности, сказал, что в войне надо прежде всего иметь в виду последствия, а не поводы. Я советую это вспомнить тем русским историкам, которые все еще оспаривают законность поводов, побудивших в 1609 г. Сигизмунда взяться за оружие против своих соседей. Если бы он вовремя не упредил их, вступив в московские пределы, москвитяне напали бы на него в Польше вместе со своими союзниками – шведами. Но не один этот *casus belli* (повод к войне) оправдывал его решения. Не следует забывать предложений, сделанных королю Безобразовым еще в конце 1605 г. Эта интрига не была оставлена, несмотря на воцарение Шуйского, и, если верить сообщениям Симонетты, преемника Ранго-ни, новый царский посол, Волконский, сам усиленно поддерживал эту интригу. Бояре, уверял он, не потер-

пят долго у себя ровню себе, Шуйского: им нужен государь царского рода; стоит только Сигизмунду двинуть свои войска к границе, и сын его будет единогласно провозглашен царем в Москве. Разведчик, отправленный в Краков боярами, подтвердил королю эти уверения. Дмитрия II придумали-де бояре только для того, чтобы погубить «шубника» и проторить дорогу для польского вмешательства. Наконец, в том же смысле подробно писал и пленный польский посол, Олесницкий, в своих посланиях к королю, дошедших до него каким-то путем. Московское государство, терзаемое междоусобной войной, обезлюдившее и разоренное, представлялось такой легкой добычей. Противники Шуйского брали верх, а их самым заветным желанием было иметь польского царя.

Как мог устоять до сих пор Сигизмунд перед такими уговариваниями? Дело в том, что со смерти Дмитрия I он был всецело поглощен заботами о порядках внутри своего государства. До июля 1607 г. руки его были связаны мятежом (rokosz) Зебржидовского. Позднее к этим заботам присоединились еще затруднения в вопросе о финансах и войске, а Польша, только что истощенная братоубийственной борьбой, была плохо подготовлена к завоевательной войне. Впрочем, король сам имел мало охоты увлечь поляков за собою в поход. С него было довольно поляков в Кра-

кове! Он мечтал достигнуть Москвы без поляков. Поэтому, несмотря на благоприятное голосование большинства сеймиков (поветовых сеймов), он склонялся к мысли сделать из этого предприятия дело личное и избегал предлагать участие в нем на сейме. Конечно, он не мог выступить в поход один без войска, но, благодаря несуразности польской конституции, ему представлялся другой выход; в числе многих других странностей она допускала в действительности раздвоение личности государя и даже самого государства: с одной стороны была личность короля, с другой – страна, судьбою которой он номинально управлял. Чудовище о двух головах, государство, представляемое сеймом, соединялось в двойкой ипостаси с государством, представляемым королем; часто эти две головы смотрели в разные стороны, вследствие чего было две политики в Польше. Чтобы проводить свою политику, королю вовсе не нужно было непременно прибегать к сейму, так как армия была в его распоряжении; вопрос о ней озабочивал народных представителей лишь постольку, поскольку он касался бюджета. Если от плательщиков податей – т. е. от избирателей – не требовалось расходов на войско, депутатам было все равно, пошлют ли это войско в Московское государство или в другое место: ведь солдаты только и существуют для того, чтобы воевать. Итак, задача в

своим окончательным решением сводилась к денежному вопросу. Сигизмунд надеялся ее разрешить, обратившись в Рим.

Переговоры, завязавшиеся по этому поводу между Вавелем и Ватиканом, тотчас же после переворота 17-го мая, крайне любопытны для изучающего эволюцию в римской политике. Так как догматическая непогрешимость тут, без сомнения, не затронута, то я совершенно свободно могу коснуться этой главы истории; но ввиду того, что подробное описание ее уже было дано весьма компетентным лицом, я ограничусь только кратким сообщением перипетий и последствий этого достаточно известного дипломатического эпизода.³²⁹ С точки зрения практической, результат был безусловно отрицательный, несмотря на то, что Рим, вопреки своему традиционному принципу, постепенно сделал королю ряд незначительных и запоздалых уступок. В течение вековой вражды между Москвою и Польшей, причем блестящим представителем последней недавно был Поссевин, видно, что Риму искони было противно всякое вмешательство, не направленное к примирению враждующих сторон. С давних пор Польша считалась в Риме в деле приведения в лоно католической церкви своих заблудших

---

³²⁹ Pierling, *La Russie et le Saint-Siège*, III, 363 и сл.; его же, *Из смутного времени*, стр. 203 и сл.

славянских братьев на северо-востоке единственным сулившим успех орудием Провидения. Но московские великие князья и цари заблаговременно и весьма искусно сумели дать преобладание совсем иному плану в папских советах, подавая надежды на прямое воздействие путем дипломатии и пропаганды, исходивших прямо из Рима. Даже самому Баторию удалось отклонить от него папу Сикста V, только уверив его в том, что завоевание Москвы служит необходимым этапом на пути к завоеванию Константинополя. Сигизмунду не по плечу было заявлять притязания на такое наследство, а потому на свои первые просьбы он получил уклончивый ответ, отнимавший у него всякую надежду.

– Да, мы давали, но на войну с турками! Сигизмунд настаивал, прибегая к протекции, какая имелась у него в Ватикане, к влиянию польского нунция, к честолюбию Симонетты, который, в свою очередь, поджидал кардинальской шапки, к кокетству королевы Констанции, достойной дочери пронырливой Марии Баварской. Но если Сигизмунд имел мало общего с Баторием, то и Павел V не больше походил на Сикста V. Ни минуты не соблазняясь и не воодушевляясь идеей обширного политического и религиозного плана, не пытаясь развить в этом направлении мысль своего назойливого просителя, но в то же время будучи не

в силах отказать ему сразу наотрез, папа прибежал к волоките, придумывал всякие отговорки и кончил тем, что уступил просьбе, но наполовину и слишком поздно.

В 1610 г. Павел V, вовсе не одобрявший войны с Москвою, послал, тем не менее, Сигизмунду шпагу, освященную в праздник Рождества Христова. В 1611 г., уже согласный с замыслами короля, он ему предлагает свои молитвы, а за неимением денег – содействие своих дипломатов к получению их в Венеции, во Флоренции и в Нанси. В 1613 г., все еще продолжая торговаться и сдаваться, он разрешает послу государя, Павлу Волюцкому, приостановить на время посылку аннатов и сделать сбор с духовенства. Наконец, в течение того же года он пожертвовал 40 000 талеров. Но тогда дело было уже проиграно.

Итак, в 1609 г. Сигизмунд принужден был довольствоваться своими личными средствами. Он воображал, что их будет достаточно, полагаясь на вести, шедшие к нему из московских областей; судя по ним, этот поход не должен был ему стоить большого усилия. Было решено не мобилизовать польских ополчений, а ограничиться имевшимися в распоряжении немногими постоянными войсками, силы которых усугублялись благодаря человеку, который примет главное начальствование над ними.

Со времени осуществления своих стремлений к анархической свободе, то есть с середины XVI в., вся республиканская Речь Посполитая в Польше, вопреки своим благородным замыслам и великодушным порывам в область идеального, была в практической жизни безумным существом; продолжая упорно держаться выбранного ею пути, она неминуемо шла к роковой трагической развязке, печальный исход которой она вызвала. Путь ее лежал среди ужасов борьбы со смертью и возврата к жизни, когда несколько мощных личностей успевали оказать сопротивление. Чаще всего это были не люди, а дьяволы, как Стадницкий, справедливо носивший эту кличку, уже знакомый нам. Но среди них являлись и ангелы; не будь их, развязка не затянулась бы на столь долгое время. На пороге той эпохи, когда Польша, скользя в бездну, готовилась погрузиться во мрак кровавых, скорбных дней, Станислав Жолкевский, преемник Замойского, был из таких светоносных существ, которые своим лучезарным сиянием до сих пор освещают мрак скорбного прошлого, оставляя в нем залог лучшего будущего. Он сделал много великого как государственный деятель и как полководец, всякий раз оставляя впечатление, что он был выше порученной ему роли. Славой своих подвигов он наполнил две великие страны. Но для сил его и такое обширное поприще казалось

все еще недостаточно просторным. В его слабом теле жила душа, высеченная из самого чистого алмаза, почти без порока, без пятнышка. Иногда он кажется человеком другой страны, другого века: в нем, преисполненном античного величия, мог бы узнать себя Рим героических времен. После того, как он властвовал над Москвою, управляя городом с высот Кремля; после того, как он привез в Польшу царя, прикованного к своей победной колеснице, – ему суждено было погибнуть в далеких равнинах Молдавии. Но и будучи окружен турками, покинутый своими солдатами, в ответ на уговоры нескольких товарищей по оружию искать спасения бегством, он застрелил своего коня!

А все-таки он был поляком и человеком своего времени до мозга костей. Когда Сигизмунд обратился к нему, он не отказал ему в помощи, хотя и возражал против предлагаемых мероприятий, критикуя принятый план, и предал гласности свой ответ королю.³³⁰ Таковы были нравы его родины.

План короля состоял в том, чтобы овладеть прежде всего Смоленском, крепостью, господствующею над бассейном Днепра, предметом давнего спора между Москвою и Польшей. Завоевание этого города казалось Сигизмунду, с одной стороны, пробным камнем

---

³³⁰ ((kiewski. Pisma, ed. Bielowski, p. 22; Grabowski i Przeddziecki. (r(dła do dziej(w Polskich, I, 83.

благорасположения к нему москвитян, а с другой – подготовкой благорасположения Польши, на случай если к нему придется прибегнуть. С одной стороны, взятие Смоленска служило залогом, с другой – приманкой, на которую не могли не попасться люди вроде Сапеги и их многочисленных последователей. К тому же слухи ходили о плохом укреплении Смоленска, об отсутствии в нем войска, выведенного будто бы Скопиным, о желании жителей передаться полякам. Жолкевский ничему этому не верил и высказывался, наоборот, за поход в сердце государства, если, разумеется, будут к тому нужные средства. Исход дела доказал, что он был прав. Но по смерти Замойского влияние литовского канцлера Льва Сапеги всегда брало верх над его польскими коллегами. Хотя Жолкевский на деле командовал над армией, иные из его соперников оспаривали у него жезл главнокомандующего. Мнение Жолкевского не было принято, и в сентябре 1609 г. с несколькими отрядами, собранными наскоро, король осадил Смоленск.

Эта попытка не отличалась от всех других подобных ей, в которых сталкивались уже с последнего столетия польская горячность и московская стойкость. Построенный на возвышенностях, разделенных глубокими оврагами, Смоленск обладал целой системой укреплений, незадолго до того восстановленных за-

ново и расширенных Годуновым; гарнизон его был еще достаточно силен и увеличился более чем вдвое притоком из окрестностей всех способных носить оружие жителей, которые вовсе не собирались сдаваться полякам. Вместо мощей преп. Сергия и преп. Никола у осажденных были не менее чудотворные иконы, которые они вешали в наказание вниз головой, если счастье покидало их знамена, а о сдаче и речи не заводили. У короля не было достаточно ни пехоты, ни артиллерии, и под стенами Смоленска повторилось то же, что было с Сапегой под стенами Троице-Сергиевой лавры.³³¹

Но появлению Сигизмунда на московской территории самому по себе уже суждено было оказывать на ход событий огромное влияние. Хотя польские пушки не могли произвести пролома в укреплениях Смоленска, зато от одного грохота их залпов должно было рухнуть Тушино.

---

³³¹ См. для истории осады: (łkiewski. Pisma, ed. Bielowski, p. 28 и сл.; Дневник осады, Русск. Ист. Библ., I; Kobierzycki. Historia Vladislai. P. 94—126; Niemcewicz. Dzieje panowania Zyg. III. II, 373; G(rski. Oble(enie Smolenska в Przewodnik naukowy i literacki, 1895. — Некоторые подробности в Relazione della acq. di Smol., стр. 5 и сл. Bielski. Dyariusz roku 1609 в Чт. Общ. Ист. и Древн., 1848, № 6; Maskiewicz. Pami(tniki, ed. Niemcewicz, II, 353 и сл. См. также портфель Нарушевича в музее Чарторыйских, IV, № 188.

II. Падение Тушина

Известие об осаде Смоленска неизбежно вызвало у поляков, действовавших заодно с тушинским вором, сильное чувство досады. Как так, значит, король затевает вырвать у них плоды их кровавых трудов! Рожинский и его единомышленники составили немедленно против Сигизмунда конфедерацию. Нечто вроде политического синдиката, конфедерация была другой несуразностью польской конституции, позволяя первой попавшейся кучке панов становиться выше закона. Третья ипостась самодержавного государства, конфедерация относилась, как равная к равному, к сейму и к королю. Смоленск и Тушино обменялись посольствами, и таким образом завязались переговоры, в которых более сговорчивыми оказались не конфедераты. Они требовали от короля, чтобы он убирался вон, предоставив им одним продолжать дело, которое они одни начали и надеялись довести его благополучно до конца. Королевские комиссары, наоборот, предлагали конфедератам в помощь королевскую армию, в случае, если правда, что Дмитрий жив.

– Тот же ли это самый? – спрашивали они у Рожинского.

Главнокомандующий самозванца в своем ответе

был откровенен, но продолжал, тем не менее, упорно настаивать на своих притязаниях. Вскоре обнаружилось, однако, что ему приходится поделиться властью. Ян Сапега, все еще занятый в то время осадой Троице-Сергиевой лавры, отправил своего представителя в лагерь под стенами Смоленска, причем обнаружил менее заносчивости. В план его личной игры, несомненно, не входило действовать прямо наперекор королю. А его поведение повлияло на поведение его соратников. Завязались переговоры. Сигизмунд соглашался на то, чтобы в предполагаемом договоре дело Марины было отделено от дела второго Дмитрия. Насколько это позволять обстоятельства, бывшая царица может сохранить свою вдовью часть, назначенную ей первым ее супругом. Но конфедераты не особенно заботились об участи Марины. В виде возмещения расходов они стали требовать от короля жалованья, будто бы заслуженного ими на службе у Его Величества со времени своего вступления в московские владения; по их расчету, это составляло сумму в двадцать миллионов злотых!³³² Сигизмунд пред-

---

³³² Ценность тогдашнего злогого можно вывести из пропорции, установленной комиссарами при оценке залогов, выданных сапежинцам во время их московского сидения, причем надо принять во внимание, что на тогдашний рубль можно было купить существенного в десять раз более, чем теперь: смотри Русск. Ист. Библ., т. II, №№ 51, 102, 114 и др., № № 95 и 96, причем упоминаются два царские венца, один оцененный в

почел вступать в соглашение с отдельными начальниками, предлагая им должности или доходы. Сам Рожинский соблазнился этим.

Впрочем, королевские чиновники вели переговоры не с одними только поляками. В инструкциях, данных им Сигизмундом, предусматривались всевозможные случаи. В них повелевалось повидаться и с московскими приверженцами самозванца и переговорить об этом деле с самим Шуйским. Сигизмунд написал Шуйскому вкрадчивое письмо, в котором оправдывал свое вступление на московскую территорию обязательствами, которые царь принял на себя по договору со шведами, и выказывал готовность вновь заключить с ним перемирие. В случае согласия царя, королевские уполномоченные должны были объяснить тушинцам, что король намерен таким образом добиться и для них выгодного улажения дела. На случай отказа им были даны иные грамоты, в которых король обращался с воззванием к патриарху Гермогену, к боярам и ко всем жителям древней столицы, заявляя, что он имеет в виду лишь замирение государства, торжественно обещаясь им чтить «истинную веру православную», духовный чин и все обычаи страны; сохранить прежние льготы и даже дать новые «вольно-

сти»; наконец, ничего не предпринимать такого, что могло бы послужить во вред царским подданным, если они согласятся «стать под высокую руку короля». Не был забыт даже и самозванец. Правда, Сигизмунд не удостоил его своим письмом, но позволил это сделать некоторым из сенаторов. Величая «вора» Высочеством, они просили его не препятствовать королевским чиновникам войти в соглашение с теми из его подданных, которые находились в Тушине.

Эти замысловатые приемы в самой Москве не оказали никакого действия, но москвитяне, бывшие в Тушине, оказали комиссарам такой же благосклонный прием, как и поляки; но ни те, ни другие не подумали испросить на то разрешения у самозванца. Он очутился в ужасном положении. Даже королевские послы делали вид, будто не замечают его. Он сделал попытку властно напомнить Рожинскому о своем значении.

– Я – царь!

Но главнокомандующий, со своей обычной грубостью, быстро вернул его к чувству действительности.

– Черт тебя знает, кто ты таков! Мы довольно долго служили тебе, а все еще ждем от тебя награды за свою службу. Если мы хотим получить ее в другом месте, тебе нет до этого никакого дела, да и королевские послы вовсе не к тебе пришли!

Лжедмитрий увидел, что все покидают его. Одни

только донские казаки были еще преданы ему по-прежнему. Собрав несколько «сотен», он покинул лагерь, но был пойман и силой приведен обратно неумолимым Рожинским, который пригрозил ему побоями в случае попытки к новому бегству. Между тем, самозванцу только и оставалось искать спасения бегством. Тушинский стан распадался. На обширной Руси человеку, носившему имя Дмитрия, счастье могло опять улыбнуться и доставить ему еще раз новых более верных сторонников. 6 января 1610 г., переодевшись крестьянином, зарывшись в навоз, которым были наполнены дровни, «царь» искал спасения бегством в Калугу, увозя с собой только своего шу-та Кошелева. Этот значительный и хорошо укрепленный город, связанный непосредственно с поселениями южных казаков, сулил ему стать надежным убежищем.³³³

Бегство самозванца произвело сперва различное впечатление в Тушине. Поляки, всегда готовые к волнениям, накинулись на Рожинского с упреками, что он укрывает царя – драгоценный залог в их переговорах с Сигизмундом. Рожинский, с присущим ему хладно-

---

³³³ Kobierzycki. Hist. Vladislai, стр. 94 и сл.; Niemcewicz. Dzieje panowania Zygmunta III-go, II, 338 и сл.; Budziło. Historia Dmitra fałszywego, Русск. Ист. Библ. I, 166 и сл.; Wyprawa Króla Z. III-go do Moskwy, там же, I, 508; Woycicki, Pami(tniki do panowania Zygmunta III, стр. 14 и сл.

кровием и повелительным тоном, делавшими его удивительным военачальником, успокоил их волнение. Но кучка конфедератов все-таки решила отправить депутацию в Калугу. Януш Тышкевич согласился исполнить это поручение. Теперь Сигизмунду приходилось опасаться пагубного поворота в эту сторону. Но тушинские москвитяне, по-видимому, не были расположены поддержать этих конфедератов. Они процессией отправились в часть города, где находились королевские чиновники, и объявили им, что рады избавлению от «вора». Таким образом, дело короля было больше чем наполовину выиграно.

Несколько дней спустя «патриарх» Филарет с духовенством, Михаил Салтыков с тушинской «Думой», Заруцкий с ратными людьми и хан касимовский Ураз-Махмет с татарами, состоявшими на службе у самозванца, отправились на сходку, по предложению послов. Хотя на этом первом собрании не было принято окончательного решения, тем не менее, стало ясно, что Сигизмунд одержит верх, и что решение московских людей окажет влияние на решение поляков.

Непредвиденное обстоятельство вскоре помешало такой развязке. Покинутая своим супругом или любовником, забытая всеми, Марина до сих пор держалась в стороне, питая, по-видимому, надежду, что крушение предприятия, в котором она столь опро-

метчиво согласилась участвовать, может быть, откроет простор ее личному счастью. Не было более царя Дмитрия, зато она оставалась царицей. Надежду эту, несомненно, поддерживал в ней в Тушине подбор королевских чиновников, среди которых у нее были родственники и друзья. Вероятно, Сигизмунд именно таким образом приберегал себе на всякий случай добавочную возможность для улажения дела. Марина ждала, что ей лично будет сделано какое-либо предложение. Но ничего такого не случилось, она не получила ни слова, ни указания. Тогда она задумала предотвратить грозившую ей беду, обратившись с воззванием к своим «подданным». Бледная, в слезах, с распущенными волосами, она пробежала по улицам, где жили московские люди, отстаивая дело человека, который довел ее до такого унижения. Это произвело некоторое впечатление. Во время переговоров с уполномоченными короля Филарет и его соучастники ясно поняли, что, ведь, в сущности дело идет о том, чтобы отдать во власть короля и родину и свои особы. Голос прекрасной полячки заставил их почувствовать тревогу и угрызения совести. Но поляки уже опомнились. Большинство конфедератов заявило, что пора этому положить конец. Нельзя уже начинать опять похождения с Мариной и калужским беглецом. Тут же Рожинский предложил постановить отправить депу-

тацию под Смоленск для заключения договора с королем на возможно лучших условиях. Марина мигом оказалась почти одинокой в своем дворце. Она, в свою очередь, приняла окончательное решение, которое должно было навсегда разлучить ее с ее близкими.

III. Бегство Марины

Отец Марины покинул ее в январе 1609 года и, неизвестно нам, почему, расстался с нею довольно дурно настроенный против нее. Может быть, уже в то время у воеводы не осталось никаких иллюзий; так, по-видимому, можно заключить из его последующих заявлений. Он распростился с дочерью очень сухо, возвращаясь в Польшу. С тех пор, несмотря на блеск окружающей обстановки, на показное выражение преданности и даже рабской покорности, и поляки, и даже москвитяне обращались с «царицей», в сущности, не лучше, чем Рожинский с царем во время своих ссор. Ян Сапега, всегда вежливый и любезный, охранял свою соотечественницу от частых грубых выходов одних и постоянного презрения других, но любезность самого старосты Усвятского была довольно плохого свойства. Раз как-то он явился к государыне в таком пьяном виде, что, возвращаясь от нее, упал с

лошади и довольно сильно расшибся.³³⁴

Марина жаловалась не только на окружающую ее тяжелую обстановку. В своих письмах к отцу, прося у него «прощения» и благословения, в котором он ей «отказал», уезжая, она умоляла его защитить ее от человека, с которым она согласилась делить ложе и обман. Она писала, что он не оказывает ей «ни уважения, ни любви». А вместе с тем слышались в ее письмах и желания другого рода. В головке этой женщины, честолюбивой до безумия, к самым тяжелым и важным заботам постоянно примешивались пошлые мысли и хлопоты о пустяках. Например, жалуясь в том же письме к отцу на нищету и подробно рассказывая о том, какую нужду приходится ей терпеть, что, если послушать ее, у нее нет даже ящичка, чтобы спрятать туалетные принадлежности, она тут же просила послать ей двадцать аршин черного бархата с цветами на платье. В другой раз она с грустью вспоминает о добром старом времени, когда отец мог у нее поест великолепной семги и выпивал изрядное число бутылок старого венгерского вина, какого не найти уж в Тушине!

Ее материальная нужда не могла быть такой большой, как она это хотела представить. При своих постоянных жалобах на бедность она нашла возможность

---

³³⁴ Sapięha, J. P. Dziennik, стр. 188.

послать своим дорогим бернардинцам в Самбор серебряные подсвечники для главного алтаря их церкви. Да и душевное угнетение ее ничуть не мешало ей по всякому поводу отстаивать свои неотъемлемые права и давать отпор в защиту их. Она не умела сознательно отнестись к действительному положению дел, составить себе разумный план и сообразоваться с ним – на это у нее не хватало ума. Загнанная в трагический тупик своим глупым ослеплением, она сумела лишь яростно и неистово биться в нем, неспособная найти из него выход. В своих письмах к отцу она ни разу не забыла прибавить к подписи своей титул. Она писала беспрестанно и ко всем: к папе и к нунцию, к королю и к его сенаторам, представляя им разные доводы, один другого глупее и смехотворнее. Не в состоянии дать кому-либо что-нибудь, а также ожидать от других чего-либо, она, тем не менее, хлопотала невозмутимо, обращаясь ко всем за содействием, делая вид, будто сама придает значение этому. На одном ее письме к папе, сохранившемся в Ватикане, наполненном необычайными обещаниями заботиться о будущем католической религии в Московском государстве, стоит на полях пометка римской курии: «Не требует ответа». Обыкновенно ей не отвечали, но она не смущалась этим и не теряла надежды вплоть до

времени полного крушения ее дела.³³⁵

После бегства «вора» двоюродный брат Марины, Стадницкий, глава королевской миссии, в своем письме предлагал ей, положим, выход из ее положения. Но как было далеко то, что он предложил ей, от того, чего она чаяла! Он полагал, что ей всего лучше взять пример со своих соотечественников, положившись всецело на великодушие короля. Ведь прошлое уже изжито, его нельзя воскресить. Письмо было адресовано «дочери сандомирского воеводы», по польскому обычаю давать детям титул отца, если не было другого. «Царица», должно быть, привскочила от такого оскорбления, однако у нее хватило ума настолько, что она подавила свой гнев и ничем не подала вида. В ответе, делающем честь ее таланту писать письма, но не обнаруживающем в ней политического ума, она благодарила своего весьма услужливого родственника за его дружеские советы, но высказывала убеждение, что ей следует предпринять что-нибудь получше того, что он советует. «Бог, заступник невинных, не допустит узурпатора воспользоваться плодами своей измены». Итак, она не понимала даже,

---

³³⁵ Некоторые из ее писем были напечатаны в Собрание государственных грамот и договоров, II, №№ 170, 171, 178, 187; о. Пирлинг нашел другие в Риме; см. его брошюру: «Марина Мнишек после майского погрома», стр. 251 и сл.

что дело было уже не в Шуйском! Продиктовав этот ответ, она в конце прибавила собственноручно следующие строки: «Получившие свой свет от блеска высокого положения, по воле Господа, не могут без его попущения впасть опять во мрак, подобно тому, как солнце не теряет своего света от тучи, заслоняющей его на мгновение». И опять она подписалась: «Московская царица».³³⁶

В то же время она обратилась к самому Сигизмунду с новым письмом, текст которого передавался различно, но смысл его верен.³³⁷ Далекая от мысли покориться и отказаться от своих прав, Марина желает наилучшего успеха «своему доброму брату», королю Польши, и взывает к чувству справедливости государя; но, если у него нет этого чувства для нее, тогда она умоляет Божеское правосудие заступиться за нее и защитить ее права, от которых она не думает отрекаться. Верила ли она действительно в возможность сохранить свои права? Сомнительно это; ведь в письме к отцу, посланном с тем же гонцом и того же числа, 13 января 1610 года, она говорила совсем дру-

---

³³⁶ Письмо это было напечатано впоследствии у Marchocki. *Historya wojny moskiewskiej*, в изд. 1841 г., стр. 161, вместе с другим от 10 сент. 1609 г., несомненно подложным.

³³⁷ Kobierzycki. *Hist. Vladislai*, стр. 168; Pierling. *La Russie et le Saint-Siège*, III, 378.

гим языком, близким к отчаянию. Письмо начиналось объяснением недавних событий в Тушине, как она сама понимала их. Она оправдывала бегство царя: государь-де не имел права подвергать опасности свою священную особу. Ведь отказались сообщить ему, о чем велись переговоры с королем. После его отъезда войско сначала высказалось за короля, но при известии о пребывании царя в Калуге, где многие москвитяне примкнули к нему, в лагере образовались две партии; одна из них стояла за Дмитрия. При таком положении дела Марина не знает, на что ей решиться, и не ожидает ничего хорошего для себя в будущем. Никто не хочет вступить за нее и указать ей достойный путь к отступлению. Божий гнев видимо тяготеет над нею, ей неоткуда получить ни доброго совета, ни спасительной помощи, и все-таки она предает себя на волю небесного покровителя и ждет себе Его приговора. Но, без сомнения, страдания сведут ее скоро в могилу; она предпочитает быть там, чем видеть торжество своих врагов. Письмо кончалось просьбой к воеводе начать энергичные хлопоты в ее пользу «для того чтобы она не причинила семье еще большого горя». По-прежнему в конце письма стояла казенная подпись.³³⁸

До 2-го марта (нов. стиля) она ждала ответов на

---

³³⁸ Подлинник этого письма сохранился, текст его напечатан в изд. Bibl. Ossoli(skich, 1862, I, 266.

свои письма, а также, без сомнения, результата от попыток самозванца в Калуге вернуть свое положение. Город оказал ему благоприятный прием, несмотря на жалкий экипаж, в котором он туда явился. У него уже образовался новый главный штаб благодаря притоку казаков и неожиданному прибытию князя Шаховского, который рад был опять выступить в первых рядах. С приходом Януша Тышкевича у «вора» появилась надежда вернуть к себе опять поляков. Между Калугой и Тушином завязались сношения по этому поводу; но Рожинский положил им скоро конец, вызвав жестокую отместку самозванца. В городе опять царил ужас. Казалось, что этот террор снова вернул силу той партии, которая с давних пор главную силу свою видела в жестокости и насилиях. Тушинские казаки покинули лагерь и разбрелись, много их пристало опять к прежнему хозяину.

Марина решила тогда сделать то же, но и по другой еще причине: в Калуге ей предстояло разрешиться от бремени сыном.³³⁹ Переодетая московским солдатом, с бараньей шапкой на голове, с колчаном стрел за плечами, она покинула Тушино ночью в сопровождении только своей старой горничной, Варвары Ка-

---

³³⁹ Предполагали, что этот ребенок мог быть сыном Лжедмитрия I (Бестужев-Рюмин. Письма о Смутном времени. Стр. 31). Сопоставление чисел опровергает эту догадку.

зановской, и пажа, который, быть может, были подослан самозванцем, Ивана Плещеева-Глазуна, о котором упоминает летописец.³⁴⁰ Перед отъездом Марина оставила «своей армии» прощальное послание. Вследствие потери подлинника, а также разногласия имеющихся налицо нескольких польских и латинских переводов, некоторую вероятность представляет лишь общий смысл.³⁴¹ Письмо это состоит из вопля отчаяния и упорных притязаний. Уезжая из Тушина, Марина покончила с долговременными мучениями. С ней дурно обращались, оскорбляли ее честь, унижали ее достоинство царицы, которое даровано ей Богом, и отрекаться от которого она не намерена. Она знает, что подлые клеветники, ставя ее наравне с развратными женщинами, забывали за стаканом вина, чем они ей были обязаны; она знает, что, уходя после ее пиров, они замышляли против нее самую черную измену. Несмотря на гонения и угрозы со всех сторон, она заявляет перед лицом Всевышнего Судии, что будет защищать до смерти свою честь, свою добродетель и свой высокий сан; что, став государыней над столькими народами, она, московская царица, нико-

---

³⁴⁰ Kobierzycki. Hist. Vladislai, стр. 203; Niemcevicz. Dzieje panowania Zygmunta III-go, II, 397–398.

³⁴¹ На польском языке у Немцевича в указ. соч., II, 420; на латинском у Кобержицкого в указ. соч., стр. 203.

гда не согласится стать снова польской дворянкой и подданной.

Очевидно, в этом заключалась суть ее мысли, здесь таилась причина ее упорства и отчаяния. Одна мысль, что ей придется вернуться в свое отечество и снова зажить на положении простой шляхтянки, возмущала ее и заставила впоследствии пренебречь всеми опасностями и всеми страхами перед гораздо худшим исходом.

Итак, она возвращается к царю и его казакам, а в то же время поручает защиту своей чести войску Рожинского и его польским товарищам, заявляя им, что вполне убеждена в их верности. Это войско не позабудет ни своей клятвы, данной при присяге, ни награды, которой оно может ожидать от великой государыни! Это письмо, без сомнения, предназначенное к обнародованию и получившее весьма большую гласность, любопытно со всех точек зрения. Психологи могут найти в нем характерный образчик женской логики: «Я знаю, что я могу рассчитывать на вас, итак я покидаю вас!»

Она избрала себе путь через Дмитров, потому ли что еще держался здесь в то время Сапега, или, может быть, этой сумасбродной беглянке пришло на ум попытаться здесь счастья. Несомненно, что она заигрывала со старостой Усвятским, не забывавшим, да-

же в пьяном виде, величать государыней свою прекрасную подругу. Товарищи польского искателя приключений, по-видимому, оказали своей соотечественнице восторженный прием. Она своим присутствием воодушевляла сражающихся в происходивших тогда битвах с войсками Скопина. Появившись на укреплениях Дмитрова, Марина помогла отражению приступа. Но Сапега не изъявил желанья идти за Мариной в Калугу и искать в ее обществе других приключений. При всем уважении и рыцарской вежливости, с которыми он уговаривал «царицу» не покидать его, Марина почуяла, что он предлагает ей это лишь для того, чтобы предать ее королю, и она решила продолжать свой путь. Сапега пытался удержать ее, она ему пригрозила; ведь ей только стоит дать знак, и несколько казацких сотен, бывших с ним, бросятся на его же поляков. Он больше не настаивал, и Марина рассталась с ним, продолжая уверять его, что «на него одного она возлагает надежду».³⁴²

После ее приезда к Дмитрию тушинцы в самом деле как будто приобрели новую столицу в Калуге для своего эфемерного царства. Поэтому недавно подумывали учредить музей в том доме, который, по преданию, служил местопребыванием Марины и ее жал-

---

³⁴² Sapieha. Dziennik, стр. 250, Marchocki, стр. 70.

кого соучастника.³⁴³ Но судьба этой опасной попытки вернуть себе престол в то время решалась уже под Смоленском. По дороге в Калугу «царицу» нагнал ее брат, кастелян саноцкий, привезший с собою всю ее женскую прислугу, оставленную ею в Тушине. Он, должно быть, пытался отклонить Марину от ее рокового решения. Говорят, будто в ту пору она призналась ему, что отдалась обманщику.³⁴⁴ Но увещания Станислава Мнишека не поколебали ее решимости, и, предоставив ее ее участи, он поспешил добраться до королевского стана, куда уже стекались все обломки этого всеобщего разгрома.

IV. Покорение Московии

Весьма явное намерение тушинских москвитян сначала заключалось в том, чтобы выгадать время. Они еще колебались перешагнуть грозный порог. Выражая всяческую благодарность королю за его великодушные намерения, они заявляли, что не могут постановить решения, не посоветовавшись со всей землей. А это означало, что они выжидают новостей из Калуги. Януш Тышкевич привез им отличные вести и

---

³⁴³ «Киевлянин», 1890, № 123 и «Новая Россия», 1876, I, 88.

³⁴⁴ Budziło, Русск. Ист. Библ. I, 457.

великолепные обещания. Но польские приверженцы короля, управляемые суровой рукой Рожинского, не сплеховали: они забрали москвитян в плен, и к концу января 1610 г. весь тушинский лагерь был ополячен. Москвитяне, со своей стороны, составили «федерацию» и, рассуждая чисто на польский лад, решили, что их маленькая кучка в достаточной степени служит представительницей всей страны. После бурных споров они решили, однако, не избирать царем самого Сигизмунда, а просить у него отпустить на царство своего сына Владислава. Становясь царем, королевич, понятно, примет православие, и его новые сторонники не сомневались нисколько в том, что из него выйдет настоящий москвитянин. По выражению летописца, заняв трон Рюрика, «он возродится к новой жизни, подобно прозревшему слепцу», и постарается выгнать из московского государства, «как лютых волков», всех иноземцев – не исключая, конечно, и поляков! – и «отправить их в их проклятую страну, к их проклятой вере».³⁴⁵

С такими намерениями и в таком настроении в феврале явилось посольство тушинцев под Смоленск. Князь Василий Михайлович Рубец-Масальский и бывший кожевник Федька Андронов были представителями прежнего двора и штаба самозванца. «От име-

---

³⁴⁵ Русск. Ист. Библ., XIII, 192.

ни патриарха и всего духовенства, „Думы“, двора и всех русских людей» эти послы, самовольно присваивая язык и полномочия законных земских соборов, подали королю 4 февраля проект договора, который приписывается перу Михаила Глебовича Салтыкова, бывшего воеводы в Ивангороде и новоиспеченного тушинского боярина. Содержание этого документа, к сожалению, нам известно только из королевского ответа, который, являясь как бы контрпроектом, считался обыкновенно актом взаимнообязующего и окончательного договора.³⁴⁶ Впрочем, так как на основании этого королевского ответа состоялось окончательное соглашение, разногласия его с подлинником самого проекта тушинцев не имеют большой важности. Напротив того, очень трудно по ответу короля установить с уверенностью исходное разногласие между московскими предложениями и королевским решением. Возможны лишь кое-какие догадки, вытекающие из самого изложения дела и подтвержденные различными свидетельствами. Выставленное в заголовке сохранение православия и старого порядка в государстве на основе тесного союза между обеими странами, при полной автономии каждой из них, в общем, составляет суть проекта договора. Все польские

---

³⁴⁶ ((kiewski. Мемуары, прибавления, №№ 20 и 26; Муханов. Сборник, № 104; Акты Западной России, IV, № 180.

летописцы, однако, с презрением отмечают безучастное отношение московских уполномоченных ко всем остальным вопросам при таком решении задачи.³⁴⁷ Главное внимание тушинских конфедератов сосредоточено было на вопросах, касающихся религии, потому что, в их глазах, они нераздельно связаны с сохранением народного достоинства. Вопросам исключительно политическим они придавали второстепенное значение.

Следовательно, поскольку в контр-проекте короля политические интересы выходят за пределы этих забот тушинцев, а они в нем затронуты довольно широко, – в этом надо, без сомнения, видеть только как бы сделку между духом польским и московским. При заключении этого договора Сигизмунд не мог иметь в виду только одно московское государство. Упорное сопротивление смольнян ему уже доказало, что его предприятие с одними его личными средствами было опасным безумием. Поэтому он уже неоднократно отправлял послания в Польшу, пытаясь добиться более щедрой помощи, и теперь он волей-неволей был должен считаться со взглядами и принципами, дорогами шляхте, так же, как приходилось ему считаться и с тушинскими поляками. Многие из поляков-тушинцев

---

³⁴⁷ Niemcewicz. Dzieje panowania Zygmunta III-go, II, стр. 409; Niemojewski. Pamiątnik, стр. 169.

воображали, что их будущее отныне связано с московским государством, там надеялись они приобрести земли, пристроиться к должности и получать содержание.

Итак, соглашаясь соблюдать в неприкосновенности национальную религию, в области веры король требовал взамен для своих польских подданных свободы вероисповедания в пределах Руси и разрешения выстроить костел в столице. Московские люди согласились на эту просьбу, но с оговорками, очевидно, под влиянием неприятных воспоминаний, сохранившихся в их памяти от царствования Дмитрия I: полякам ставилось условием при посещении православных церквей снимать шапки и не вводить туда своих собак. В области политической было условлено следующее: будущий царь не должен унижать без повода людей высокопоставленных, а также не противиться возвышению своих подданных всякого звания, принимая в соображение не их происхождение, а заслуги. В этом требовании дух опричнины совпадал с честолюбивыми стремлениями кучки, имеющей во главе Федьку Андронova.

В договоре не упоминается ни слова о древних княжеских родах и об их особенных притязаниях. Родовитой знати не было в Тушине; наконец, ведь именно из ненависти к олигархической политике Шуйского

подняли знамя восстания приверженцы второго Лжедмитрия. А с другой стороны, вопреки мятежному духу первоначальных стремлений, тушинцы, по-видимому, почувствовали полное равнодушие ко всякому социальному переустройству. Принятый ими контрпроект Сигизмунда сохраняет в полной силе крепостное право, обеспечивая в то же время помещикам *statu quo* приобретенных ими привилегий, вотчин, поместий, «прожиточных» поместий, наград и организацию труда. Он оставляет в силе запрещение перехода крестьян, занимающихся земледелием, и обходит молчанием вопрос о казаках. Казаки отныне не появлялись в стане Сигизмунда, соответственно этому с ними и поступали. О Тушинском воре и Марине в договоре нет ни единого слова. Мы знаем, тем не менее, из других источников, что король оставался верен своим прежним намерениям относительно бывшей «царицы». Он был согласен на то, чтобы ей была дана в московском государстве приличная вдовья часть. Что касается «вора», он ничего не заслуживал; впрочем, если он будет вести себя как следует, его не забудут.

Таким образом, тогдашние носители знамени смуты, когда им пришлось определить свои чаяния, пошли на попятную по всем статьям и выработали даже прямо-таки реакционную и консервативную про-

грамму. Смутное время и другие следовавшие за ним кризисы были горячечными припадками, а вовсе не проявлением органического роста. Исчез сам мятежный идеал, после того как в Тушине подвергся испытанию путем осуществления на деле, вылившись здесь в форму зачаточного правительства. От этого идеала отrekliсь даже бывшие соучастники Болотникова. Оставалось действовать заодно со своими польскими товарищами, разделять с ними мысли и чувства, характерные зародыши которых занесло присутствие их в Тушине даже и в среду москвитян, и зародыши эти развились в ней. В контр-проекте короля этим взглядам отведено много места. В трех статьях: восьмой, одиннадцатой и четырнадцатой, в области законодательной, судебной и фискальной Сигизмунд набросал целый план переустройства в довольно либеральном духе. Законодательная власть предоставляется боярам и Земскому собору; царь становится простым охранителем изданных таким образом законов; обязательное участие бояр и Думы в отправлении высшего суда по уголовным делам; согласие народного собрания обязательно при введении новых налогов. Сверх того, московским людям предоставлялось право свободного выезда из своей родины и поездок в соседние страны «для науки» или торговых дел. Это была новая самая настоящая конституцион-

ная хартия, производившая в самодержавном строе гораздо более широкий пролом, чем та неопределенная формула, которую на короткое время навязали Шуйскому.

Но, без сомнения, она была все же слишком широка для того времени и при тогдашних обстоятельствах. Задуманное в таком виде коренное переустройство должно было встретить непреодолимые препятствия в естественных склонностях страны, столь плохо подготовленной к принятию и усвоению принципов, до такой степени противных ее историческому развитию. Следы такого сопротивления сохранились и на самом документе, только что рассмотренном нами. В большей части списков, пущенных в обращение, восьмая статья, относящаяся к организации законодательной власти, оказывается выраженной в очень смягченной форме, лишь в виде условия, чтобы царь не препятствовал боярам и представителям народа изменять существующие законы, когда это будет признано полезным.³⁴⁸

Московские люди говорили поляку Маскевичу:³⁴⁹

---

³⁴⁸ Так в Сборнике Муханова, стр. 176; другая редакция напечатана была в России только у Голикова, Деяния Петра Великого, по изд. 1810 г. т. XII, стр. 276. См. об этом вопросе Муханов, ук. соч., стр. XIV, примечание.

³⁴⁹ Maskiewicz, ed. Niemcewicz, II, 389.

«Ваша свобода вам дорога, а нам дорого наше рабство. У нас есть к тому основания: у вас магнат может безнаказанно обижать крестьянина и шляхтича; у жертв нет другого спасения, кроме судебного процесса, который может безысходно длиться десятки лет; у нас судья – царь, для которого равны все подданные, и суд его оказывается более скорым».

Вероятно, реформа не была жизнеспособной. В целом, к парадоксальности польского конституционализма она еще добавляла не меньшую парадоксальность московскую, ту же странную смесь разнородных, мало того, противоречивых элементов, дух новшеств и реакции, прогресса и архаизма. Да, впрочем, в ту пору дело заключалось не в составлении окончательного договора. Следуя примеру, поданному ему сначала тушинскими конфедератами, король не обнаруживал теперь торопливости придти к окончательному соглашению с ними. Он даже откладывал до своего прибытия в Москву решение вопроса, от которого зависели, в сущности, все остальные. На просьбу московских послов относительно Владислава он уклонился дать ответ, имея уже, очевидно, определенное решение на этот счет. Королевичу не было еще пятнадцати лет. Послать его одного в Москву значило бы подвергать юношу чересчур опасному испытанию. Следовало, чтобы отец, по крайней мере сна-

чала, принимал участие вместе с сыном в управлении государством. Еще до своего выступления под Смоленск Сигизмунд дал объяснения в этом смысле папе.³⁵⁰ Но с тушинскими конфедератами он не считал своевременным быть столь же откровенным. Он ограничился только требованием от них присяги, которую они, за отсутствием королевича, само собою разумеется, должны были принести королю. Это не представило затруднений. Итак, Московское государство покорилося Сигизмунду, поскольку его представляли москвитяне в Тушине и под Смоленском.

Но надо было войти в самую Москву, а до нее было еще далеко; надо было ее завоевать, а между тем покинутая казаками, терзаемая все более и более усиливавшимися раздорами тушинская рать не могла оказать большой помощи; напротив, Рожинскому самому потребовалась вскоре помощь. «Вор» со своими сторонниками, набранными им в Калуге и все растущими в числе, готовился перейти в наступление. Под Дмитровым грозили шведы и Скопин, сдерживаемые там пока Сапегой. В случае сдачи Дмитрова Тушино оказалось бы между двух огней. Рожинский посылал к Сигизмунду воззвание за воззванием, но ко-

---

³⁵⁰ Kozłowski. Elekcyя Królewicza Władysława... na tron moskiewski w Przegląd Powszechny, 1888, XXII–XXIII; Darowski. Elekcyя Władysława w Szkice historyczne, II.

роль не двигался. Тогда, предав огню свой лагерь и покинув Тушино, Рожинский попытался найти себе более спокойное убежище в монастыре преп. Иосифа Волоколамского. Немногие из москвитян последовали туда за ним, другие ушли в Москву, иные в Калугу. Немного времени спустя Скопиным были заключены новые условия со шведами, по которым Москва уступила им еще некоторые земли и получила за это отряд войска в четыре тысячи человек. Тогда Сапега покинул Дмитров и подвинулся поближе к Рожинскому. Москва, освобожденная таким образом от врага, устроила теперь торжественную встречу молодому герою, приветствуя его как своего избавителя.

V. Избавитель

И в самом деле, казалось, он принес Москве избавление. Правда, до сих пор им не было еще одержано ни одной блестящей победы, и кое-какие выгоды приобретены им благодаря преимущественно иноземным союзникам его, которые так дорого заставляли расплачиваться за свои услуги и приводили за собою новое нашествие иноплеменных. Но, открыв свои ворота, Москва теперь свободно вздохнула и, забыв о Сигизмунде, спешила предаваться восторгам веселья и благодарности.

Царь Василий Иванович имел полное основание разделять эти восторги, но к ним примешивалось у него чувство беспокойства. В этой стране с сильно развитым чиновначалием не было места, кроме царского престола, для такой не вмещавшейся в рамки личности, как этот молодой герой, которого все приветствовали восторженными кликами. И действительно, в течение одного года Скопин, несмотря на то, что его не было в осажденной столице, постепенно соединил в своих руках все управление гражданскими и военными делами. Среди всеобщей неурядицы и смятения он один казался надежной и крепкой опорой для тех, в ком пробудилось уже чувство самосохранения. И нашлись уже люди, которые сделали из этого выводы, далеко отходившие от простого восторженного приветия. Еще когда Скопин стоял лагерем в Александровской слободе, к нему явились гонцы с предложением от нового воеводы рязанского, Прокопия Ляпунова, всегда склонного к смелому почину. Недовольный Василием Ивановичем, имея с ним личные счёты, склонный всегда в своих личных разочарованиях и неприязни видеть явление общее, этот неугомонный смутьян высказался за племянника против дяди. Уж если править должен кто-нибудь из Шуйских, говорил он, то пусть трон достанется более достойному. Под влиянием первого впечатления Скопиным овладело

негодование при чтении грамоты Ляпунова; он приказал задержать гонцов. Но тотчас же, одумавшись, решился возвратить им свободу и удовольствовался тем, что отправил их обратно в Рязань без ответа, храня молчание о происшедшем. А все-таки сведения об этом дошли до Василия Ивановича, и можно угадать, на какие размышления это известие навело царя.

Принимая «избавителя» в освобожденной столице, он ничем, однако, не обнаружил ему, что знает историю с Ляпуновым. От позднего брака у царя была только дочь, умершая тотчас после рождения; поэтому все смотрели на Скопина как на наследника престола. Но у Василия были братья; и старший из них, Дмитрий, не отказывался от своих прав. Это неопределенное положение нарушало, таким образом, общую радость, предвещая опасное столкновение честолюбий и ставя Скопина в затруднительное положение. Он думал, что ему удастся выйти из него; когда, уступая настойчивым увещаниям Делагарди, он выступит с ним в поход, чтобы покончить с Сигизмундом так же, как они только что покончили с Рожинским и Сапегой.

Задача эта теперь казалась нетрудной. Сигизмунд, стоя под стенами Смоленска, оделял милостями своих новых приверженцев, награждая их в особенности поместьями в русских областях с такою щедро-

стью, что один только четвертый том «Актów для истории Западной России» заключает в себе восемьсот грамот подобного рода. При пожаловании деревни «Новый Торг» в ржевском уезде князю Белосельскому стояла такая заметка: «если она не пожалована уже кому-нибудь другому». Но осада Смоленска не подвигалась; попытки в других местах покорить страну дали отнюдь не удовлетворительные результаты; только Ржев-Владимирский и Зубцов были поспешно сданы без сопротивления воеводами самозванца; другие города отчаянно защищались, напуганные бесчинствами, которые позволяли себе поляки, несмотря на запрещения государя. В Стародубе жители сжигали свои дома и кидались в пламя, предпочитая смерть сдаче. Мосальск пришлось брать приступом; Белая была принуждена к тому же голодом; крепости, соседние с Москвою, занятые некоторое время тому назад приверженцами Дмитрия, теперь сдавались охотнее войскам Василия Ивановича. Польский комендант Можайска Вилчек, подкупленный за сто рублей, сдал крепость законному царю. В монастыре св. Иосифа Волоколамского Рожинскому пришлось вдобавок подавлять военные бунты. При усмирении одного из них он поскользнулся на каменных ступеньках церкви и упал на бок, где не зажила еще его старая рана; он уже давно мучился от ли-

хорадки и горя и умер 4 апреля 1610 г.

После его смерти сейчас же не стало польской армии ни в монастыре св. Иосифа, ни в других местах. Исчез суровый воин, обладавший даром повелевать, и тотчас рассыпались прахом обломки, которые он держал вместе своей властной рукой. Несколько отрядов под начальством Зборовского и касимовского хана присоединились к королю под Смоленском. Мархоцкий и Млоцкий с несколькими отрядами пытались держаться в монастыре; русско-шведский корпус, в котором преобладали французы под начальством Пьера де Лавиля, одного из лучших помощников Делагарди, осадил их и принудил покинуть крепость, причем они потерпели полное поражение. Из 1 500 человек спаслось от разгрома, кажется, только 300. При спешном отступлении поляки растеряли и тех немногих москвитян, которые были с ними. В числе их находился и патриарх Филарет, который поспешил вернуться в Москву и отречься от своего сана, полученного им впоследствии снова, когда счастье вернулось к нему, как он этого, без сомнения, не ожидал теперь. Мархоцкий и Млоцкий, со своей стороны, не имели ничего лучшего, как снова вступить в сношения с Дмитрием; вскоре к ним присоединился также и Сапега после своего краткого пребывания под Смоленском. Есть основание думать, что это было сдела-

но с согласия короля, который в своем отчаянном положении решил прибегнуть к такому сомнительному средству, надеясь этим приобрести себе союзника и разделить силы общего противника. Лисовский, продолжая действовать отдельно от других, очутился без всякой поддержки. Не желая войти опять в сношения с Дмитрием, не имея возможности присоединиться к королю, вследствие декрета последнего о его изгнании, он удалился вместе со своими польскими казаками к Великим Лукам.³⁵¹

Не было сомнения в том, что Скопин и Делагарди, оставив пока без внимания все эти рассеянные отряды, направят свои соединенные силы на Смоленск. Если принять во внимание силы, какие им мог противопоставить Сигизмунд, исход близкой встречи можно было, без сомнения, предугадать. Племяннику Василия Ивановича предстояло вскоре решительное испытание, которое позволит ему наконец обнаружить свою военную доблесть и оправдать то доверие и тот восторг, который он вызывал до сих пор. Но увы! судьбе было угодно как раз в это самое время прервать короткую жизнь Скопина-Шуйского. 2 мая 1610 г., на крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского, с народным любимцем случилось то же, что когда-то

---

³⁵¹ Marchocki, стр. 84, Kobierzycki. Hist. Vladislai, стр. 230; Widekind. Hist. belli sueco-moscovitici, стр. 149.

стоило жизни Годунову: он заболел кровотечением и умер через два дня. В народ возникло подозрение, что он отравлен Дмитрием Шуйским. Разъяренная толпа бросилась к его дому и держала его в осаде. Дмитрий был женат на дочери Малюты Скуратова; это родство и нескрываемое чувство зависти к племяннику допускают догадку об отраве. При подобных же обстоятельствах произошла смерть Бориса. В то время мышьяк часто употреблялся для преступных целей и будто бы вызывал те же симптомы. Но можно также подозревать *epistaxis* – кровоизлияние из носа, болезнь, от которой не знали тогда средства.³⁵²

Принято думать, что преждевременная смерть молодого Шуйского повлекла за собою, вопреки всяким ожиданиям, новые бедствия для Василия Ивановича и всего государства. Может быть, это просто заблуждение. Народы, обыкновенно, имеют склонность при-

---

³⁵² См. Иконников. Древняя и новая Россия, 1875, № 7 и Чтения в Общ. Нестора лет., 1879, I; Кондратьев, Ж. М. Н. П., сент. 1878; Воробьев, «Русский Архив», 1889, VIII, 503; Соловьев. История России, VIII, 313; Бутурлин. История Смутного времени, стр. 133 и сл.; Муханов в его издании сочинений Жолкевского, стр. 310. – Для биографии Скопина см. Попов, Изборник, стр. 379–388; ср. Иконников. Древняя и новая Россия, 1876, № 6 и Ж. М. Н. П., февр. 1889. – Песня, сложенная в то время о народном герое, была записана англичанином Ричардом Джемсом в 1619 году и напечатана в «Изв. Акад. Наук», 1852, I, № 1. См. еще Галахов. История русской словесности, I, 268. – Изображение в Архангельском соборе воспроизведено у Муханова в указ. сочинении.

чину своих невзгод и побед олицетворяют в отдельных людях. Как полководец Скопин еще не успел себя проявить на деле. Что же касается войны с Сигизмундом, то судьба ее, главным образом, зависела от шведов, начальник которых Яков Делагарди был лучшей порукой победы. С точки зрения политической, смерть Скопина повлекла за собой более важные последствия. Василий Иванович и боярская партия с олигархическими стремлениями, которая его возвела на престол, лишились теперь своей нравственной поддержки, какою был для них этот чтимый народом герой. Преемником царя теперь обещал сделаться Дмитрий, брат его, а этот наследник успел внушить ненависть к себе. В довершение смерть Скопина совпала с возвращением Филарета, в котором Шуйские нашли своего опасного врага, а их противники – своего опытного руководителя. Бывший патриарх уже признал царем Владислава, а у него было много сторонников в столице. Да, впрочем, и среди самой олигархической партии, как нам известно, не было единства и связи. Честолюбивый В. В. Голицын преследовал свои личные цели; он был окружен многочисленными и сильными сторонниками, которыми пользовался для осуществления своих замыслов; он теперь ждал только конца поединка между Василием и Сигизмундом. Прокопий Ляпунов, со своей стороны, волновал-

ся тоже, не имея уже пред собою по смерти Скопина определенной, ясной цели, но приемы его все-таки возбуждали сильную тревогу. Несмотря на все это, одной блестящей победы войск Делагарди и Шуйского было бы достаточно, чтобы вымести из государства все эти козни. Правительство было уверено в этой победе... Но одна чудесная битва и гений Жолкевского решили дело иначе.

VI. Битва при Клушине

В первых числах июня 1610 г. 40 000 московского войска и 8 000 шведов выступили в поход под Смоленск. Горн, посланный за год до этих событий за подкреплениями в Швецию, привел с собою 4 000 новых наемников: англичан и шотландцев под командой Кальвина и Коброна, голландцев и немцев под начальством Таубе и французов с их полководцем Пьером де Лавилем. Эти последние, по свидетельству Мархоцкого, составляли самую лучшую часть армии. Обязанности главнокомандующего были номинально раздавлены между Дмитрием Шуйским и Делагарди, но фактически главнокомандующим был только один шведский генерал.

Получив известие об их движении, Сигизмунд понял, какую опасность для него представляет битва

под стенами недостаточно обложенной им крепости. Было необходимо отделить часть армии, чтобы преградить союзной армии путь, но у короля для этого нашлось всего только 1 500 плохо вооруженных солдат.³⁵³ Назначенный Жолкевским командовать ими, Яков Потоцкий, будучи дельным воином, потребовал у него усиления этого отряда и, не получив желаемого, отказался от поручения и советовал королю возложить командование на самого старого гетмана. Это значит послать этого человека со всем отрядом на верную гибель, думал Потоцкий, ненавидевший Жолкевского и его приверженцев. Жолкевский лучше, чем кто-либо другой, понимал всю безнадежность этой попытки. В продолжение года он употреблял все свои усилия, чтобы отклонить Сигизмунда от этого замысла, который теперь требовал от него усилия, столь несоразмерного с наличными средствами. Он ссылался королю на свои годы и свои недуги. Ему перевалило за шестьдесят четыре года; к тому же он хромал от старой раны. Но враг все приближался, гоня перед собой слабые польские отряды, попадавшие ему по дороге. Отважный полководец решил выступить в поход.

При наборе войска одно его имя оказывало волшебное действие, благодаря этому спустя короткое

---

³⁵³ Maskiewicz. Pami(tniki, ed. Niemcewicz, II, 367.

время у него уже было два отличных полка: его собственный и Струся, человека сумасбродного, но храброго и, как потом обнаружилось, перворазрядного таланта. Жолкевский собрал еще две роты пеших солдат и две тысячи казаков. Кроме этого, по дороге он упросил присоединиться к нему встретившихся ему мародеров, доведя таким образом наличный состав своей армии до 10 000 приблизительно. Его гений особенно заключался в умении выковывать из такого материала хорошее орудие для битв. Идя навстречу врагу, численно превосходившему его в пять раз, он, казалось, вливал в солдат свою благородную кровь.

В конце июня он уже был на дороге из Вязьмы в Можайск, в виду Царева-Займища. Воеводы Шуйского, Елецкий и Валуев, начальники этой крепости, оказались несговорчивыми в надежде на скорую помощь. В самом деле, Дмитрий Шуйский и Делагарди ускоренными переходами очутились в каких-нибудь тридцати верстах, в деревне Клушине. 23 июня (3 июля н. с.) на военном совете, собранном Жолкевским, мнения разделились, причем оба они были одинаково нерешительны: ждать врага под Царевым казалось опасным, а идти к нему навстречу – невозможным. Гетман прекратил заседание, не промолвив ни слова, а через несколько часов, при наступлении ночи, все еще не поднимая тревоги, «без барабанного боя и музыки»,

оставив перед крепостью 700 ч. кавалерии, всю пехоту и казаков, он увел с собою остальное войско, около 6 483 конницы, – по очень точному расчету одного военного польского историка, – и две пушки, так называемые фальконеты.³⁵⁴

Это решение казалось безумием: единственная надежда на успех – захватить неприятеля врасплох – разбилась о трудности перехода сквозь густые леса. Обе пушки застряли там. Наконец, на рассвете, когда кавалерии вышла на поляну, то и тут огромные изгороди препятствовали ее движению. Дмитрий Шуйский и Делагарди, расположившиеся в Клушине, имели, таким образом, много времени для размещения войск по позициям. Но они не думали, что им придется вступить в бой. Зная военные силы Жолкевского, они были очень далеки от мысли, что он решится на наступательные действия. Пир, за которым главнокомандующие провели всю ночь, подходил к концу; Делагарди с удовольствием рассказывал о припомнившейся ему встрече с польским полководцем, как тот, взяв его в плен, подарил ему шубу из простого рысьего меха. Шведский генерал надеялся теперь в скором времени отплатить противнику за эту любезность с лихвою, так как в Московском государстве не было недостатка в прекрасных соболях.

---

³⁵⁴ Górski, Przegląd naukowy i literacki, 1895, XXIII, вып. 3-й, стр. 1 и сл.

Неожиданное появление страшных гусар в разгар этого пира не преминуло произвести смятение, обычно предшествующее панике. Воспользовавшись им, польская кавалерия бросилась на главную часть московской армии и опрокинула ее при первом натиске. Даже в случайных стычках с западной кавалерией польская конница обнаруживала превосходство в тактике и построении, заслуживающее внимания специалистов. Шведы и немцы в то время производили натиск сомкнутыми колоннами по десяти рядов и больше и начинали всегда залпами из мушкетов; так как эта стрельба требовала сложных приемов, то первые ряды должны были уступать место последующим, чтобы дать им возможность стрелять в свою очередь. Поляки, имея более растянутый фронт и только в пять эшелонов, наоборот, бросались в атаку все одновременно и почти всегда имели успех.

При Клушине иноземные наемники сначала держались довольно твердо. Яков Делагарди расставил пехоту шпалерами у страшных изгородей, сдерживавших напор поляков; таким образом, под защитой этой пехоты, с одной стороны шотландцы, с другой французы оказывали сопротивление, казавшееся некоторое время победой. По словам одного свидетеля (Маскевича), Жолкевский был принужден посылать в атаку эскадроны от восьми до десяти раз, так

что силы их быстро ослабевали. В это время Дмитрий Шуйский, собрав, со своей стороны, большую часть своего войска и встав с ним под защиту гуляй-города, которым москвитяне так искусно пользовались, поджидал момента, когда силы нападавших неизбежно иссякнут, и он сможет развернуть свои ряды и нанести им последний удар.

Жолкевский, между тем, бесстрастно наблюдал со своего холма за ходом битвы, только изредка поднимая руки к небу с мольбою, и посылал на приступ свою неутомимую конницу. Битва затянулась и этим вызвала происшествие, которое, без сомнения, входило в расчеты польского полководца, потому что он сам его подготовил. Этот великий полководец обладал также чрезвычайно тонким дипломатическим талантом. Шотландцы и французы, служившие наемниками в шведском корпусе, обыкновенно сражались так, как им платилось жалованье. А между тем, они теперь опять не получили жалованья, и это было известно Жолкевскому. Наконец подошли обе польские пушки; при первых же выстрелах отступила немецкая пехота, охранявшая спасительные изгороди; конница храброго де Лавиля, которого не было в то время там по болезни, повернула назад и скрылась в соседнем лесу. Их примеру последовали все остальные, и вместо того чтобы оправиться и снова напасть на врага,

они замыслили измену.

Еще за несколько недель до этих событий Жолкевский знал через дезертиров, явившихся в его лагерь под Белой, о настроении неприятельских войск и старался его поддерживать; этому содействовал также и сам Василий Иванович в Москве своею беспечною и бессилием. На беспрестанные требования шведских генералов жалованья их войску царь платил им вместо денег натурою – сукнами и мехами. Накануне битвы, по настоянию Дмитрия Шуйского, он решил дать кое-какие деньжонки, обобрав для этого ризницу Троице-Сергиевой лавры, за что впоследствии его горько упрекали, а Палицын считал даже это причиною его падения. У Делагарди, при получении денег, явилась злосчастная мысль задержать эти деньги и раздать их после ожидаемой битвы, чтобы доля убитых в ней досталась начальникам. Это отозвалось во время начавшихся переговоров наемников с Жолкевским, хотя де Лавиль лично отказался принять участие в них.

И вот произошло, что сначала маленькими группами, затем вместе с офицерами они покидали свое убежище и не вступали в битву, а передавались полякам. Делагарди и Горн пытались подавить это волнение, но, окруженные бунтовщиками, угрожавшими их жизни, они были вынуждены защищаться. Выручен-

ные своими шведами, они поспешили выступить из лагеря, и Жолкевскому не понадобилось больше сражаться. Дмитрий Шуйский, покинутый своими союзниками, не подумал один сопротивляться полякам. Едва ли сам Скопин решился бы на это, а решившись, едва ли мог избежать поражения. Вскочив на своего коня, потом обменяв его на крестьянскую лошадь, брат царя сам подал сигнал к бегству. Его коляска, палатка, сабля, булава главнокомандующего и вышитое золотом знамя, часть военной казны и весь багаж и провиант его армии, – все это попало в руки победителей. «Когда мы шли в Клушино, – писал Жолкевский в своем донесении королю, – у нас была только одна моя коляска и фургоны двух наших пушек; при возвращении у нас было больше телег, чем солдат под ружьем».³⁵⁵

Через несколько дней Делаярди сам решил вступить в переговоры с гетманом. Отступление было ему обеспечено на условии, чтобы он не помогал более москвитянам. Крепость Царево-Займище при возвра-

---

³⁵⁵ ((łkiewski. Pisma, ed. Bielowski, стр. 64 и 198. – Касательно битвы см. Budziło, Русск. Ист. Библ. I, 195 и сл. Kobierzycki, Hist. Vladislai, стр. 268 и сл., Marchocki, Hist. wojny moskiewskiej, стр. 88; Дневник осады Смоленска, Русск. Ист. Библ., I. 618; K. Górski, Przegl(да nukowy i literacki, 1895; S. Gol(biowski, Biblioteka Warszawska, 1852, IV. – Русские источники почти безмолвны об этой битве и исход ее приписывают измене иноземцев. См. Соловьев. История России, VIII, 315 и сл.

щении Жолкевского сдалась ему сразу, когда стало известно о его победе; но воеводы Елецкий и Валув согласались признать царем Владислава и присягнуть ему лишь под условием, чтобы польский генерал дал обязательство от имени будущего царя чтить веру православную, действовать заодно с поляками против «вора» и очистить Смоленскую область.³⁵⁶ Они тоже заявляли притязания получить, в свою очередь, конституционную хартию, они тоже мнили себя представителями всей страны! Можайск, Борисов, Боровск, монастырь св. Иосифа Волоколамского, Погорелое-Городище (здесь лежал больной де Лавиль) и другие крепости сдались одна за другою, доставив армии гетмана подкрепление в 10 000 москвитян. Он любил хвалиться их верностью и услугами. Прежде всего они ему послужили в качестве посредников во время тотчас же начавшихся переговоров с Москвою. Жолкевский еще не рассчитывал, что принудит силою открыть себе ворота столицы. Он побаивался осад. Но его победы и постыдное бегство Дмитрия Шуйского уже непоправимо испортили положение Василия Ивановича. Дни его правления были сочтены. Жолкевский со своими отрядами, усиленными, закаленными и воодушевленными успехом, ведя переговоры с Москвою, все ближе подвигался к ней, чтобы от-

---

³⁵⁶ Муханов. Сборник, стр. 178.

праздновать в ней свою полную победу, не потребовавши от своего войска нового усилия.

VII. Низложение Шуйского

Мечом или убеждением Жолкевскому предстояло все-таки решить очень сложную задачу. При известии о новом несчастье, постигшем его, Василия Иванович первый обратился к победителю с нерешительными предложениями через посредство одного польского пленника, Слонского, бывшего секретаря Лжедмитрия I. Не отклоняя их, Жолкевский гораздо деятельнее приступил к распространению в столице списков договора, заключенного в Цареве-Займище. На возражения московских людей, что в договор не включено условие об обращении королевича в православие, гетман отвечал, что этот вопрос подлежит обсуждению патриарха и духовенства. Но большинство было того мнения, что обсуждение представляет общий интерес для всех, и некоторые начали посматривать в сторону «вора». Предупрежденный об этом, самозванец не замедлил явиться поблизости столицы. С помощью Яна Сапеги он овладел монастырем преп. Пафнутия Боровского. При защите храма был убит воевода, князь Михаил Волконский, между тем как два другие его товарища, воеводы Яков Змеев и Афона-

сий Челищев, передались «вору». Предание рассказывает, будто на камне церковного порога выступает кровь героя во время каждой панихиды по нему. Затем самозванец беспрепятственно занял Серпухов, Коломну и Каширу, прорвав таким образом последнюю линию крепостей поблизости Москвы. В Зарайске верный присяге и отважный князь Дмитрий Михайлович Пожарский, несмотря на подговаривания Ляпунова и настойчивые требования жителей сдать, мужественно и успешно отбил. Судьбой ему было предназначено впоследствии пойти по следам Скопина, но с б(льшим успехом. Пройдя по Рязанской области, три четверти которой покорились ему, Лжедмитрий II остановился в пятнадцати верстах от столицы, заняв позицию сначала на Угреше, у Никольского монастыря, где он оставил Марину, а затем в с. Коломенском.

В Кремле и его окрестностях в то время царил во всем крайняя неурядица. У Шуйского имелось еще под рукой 30 000 войска, но никто уже не думал сражаться за него. Филарет что-то замышлял, окружая себя непроницаемой таинственностью. Иван Никитич Салтыков, племянник сочинителя тушинской конституции, вел переговоры с Жолкевским по поводу избрания Владислава; В. В. Голицын, хлопоча о своих интересах, пытался войти в соглашение с Ляпуновыми,

а другие бояре, вступив в сношения с самозванцем, но не добившись от него достаточно существенных обещаний, пришли к следующему заключению: «ни Василия Ивановича, ни Дмитрия». Но кому же тогда быть царем? Из лагеря в Коломенском несколько голосов ответило: Ивану Павловичу! Это было имя Яна Петра Сапеги, на русский лад переделанное. Староста усвятский мечтал, кажется, теперь, а может быть, и раньше того, выставить свою кандидатуру.³⁵⁷ Но у Дмитрия были сторонники в самой Москве.

Исследуя почву около Жолкевского, затем выжидая, какие предложения могут быть с его стороны, Василий Иванович делал то шаг вперед, то опять отступал, и не приходил ни к какому решению. Братья Ляпуновы решили круто повести к развязке, потому что она была отныне неизбежна. Действуя заодно с Иваном Салтыковым, они набрали шайку мятежников, которых в те годы в любое время можно было найти на каждом перекрестке в городе, и вместе с ними, 17 июля, двинулись к Кремлю, где один из братьев

---

³⁵⁷ А. Гиршберг любезно сообщил мне, что у него есть положительные сведения в этом смысле, и он намерен вскоре напечатать их. Об этом эпизоде см. (ókiewski. *Historja wojny Moskiewskiej*, 54–57; *Sapieha. Dziennik*, июль—авг. 1610; Никоновская летопись, VIII, 135; Попов, *Изборник*, стр. 346; Карамзин. *История Государства Российского*. XXII, стр. 128 и примеч. 532; Костомаров, *Смутное время*, II, 368; Платонов. *Очерки по истории смуты*. Стр. 441 и сл.

знаменитого Прокопия, Захар Ляпунов, потребовал у царя, чтобы он сложил с себя венец. Шуйский, при-
выкший к таким зрелищам, видя перед собою людей
лишь низкого происхождения, выказал большую твер-
дость. Он обратился к ним даже с грозными словами и
хотел было выхватить свой кинжал, но смелый и силь-
ный Захар, казавшийся великаном перед тщедушным
стариком, закричал ему: «Не тронь меня, не то своими
руками разорву тебя на куски!» И этим было все кон-
чено. На шум этого спора, из которого победителем
вышел не Шуйский, сбежался народ на Красную пло-
щадь. Мятеж все увеличивался. Вместе с нескольки-
ми боярами, верными царю, явился на Лобное место
патриарх Гермоген и пытался говорить, но ему не да-
ли слово сказать. Толпа все увеличивалась и запол-
нила всю площадь. Уже не было на ней больше места.
Тогда Ляпуновы увели патриарха за Серпуховские во-
рота, и там, по словам летописца, «князь Ф. И. Мсти-
славский и все бояре, высшие чиновные люди, бояр-
ская дума и все окольные, всякого чина люди, дво-
ряне и гости приговорили, вопреки противоречию пат-
риарха и нескольких бояр, низложить Василия Ивано-
вича».³⁵⁸ Постановили отдать низложенному царю в
удел Нижний Новгород, а верховную власть в государ-
стве передать князю Ф. И. Мстиславскому с боярами

---

³⁵⁸ Попов. Изборник, стр. 346.

«до тех пор, пока будет угодно Богу дать стране государя», то есть до избрания нового царя. «Вор» был исключен из числа избираемых.³⁵⁹

Таким образом, этот якобы собор, по выражению одного историка, обращаясь к избирательному собранию, не предрешал его решений.³⁶⁰ В грамотах, разосланных по областям, виновники государственного переворота не упустили заявить прежде всего, что «выборные всех частей государства и всех сословий», подробно в точности перечисленные в обычном порядке, просили бывшего государя сойти с престола.³⁶¹ В парламентарной и революционной комедии Россия уже с давних пор могла померяться с любым европейским государством.

Свояку Шуйского, князю Ив. Мих. Воротынскому было поручено объявить царю о его низложении. «Шубник» поклонился и, покинув немедленно дворец, вернулся в свой прежний дом, а братья его были заключены под стражу. Шуйский не совсем, однако, потерял надежду. Так как патриарх твердо продолжал противодействовать, то сам Жолкевский ходатайство-

---

³⁵⁹ Собрание государственных грамот и договоров, II, № 198; Акты исторические, II, № 287.

³⁶⁰ Латкин. Земские соборы, стр. 106–109.

³⁶¹ Собрание государственных грамот и договоров, II, № 197 и Летопись занятий археографической комиссии, II, № 162. Ср. Загоскин. Истории права Московского государства, I, 235.

вал у Мстиславского в пользу низложенного государя, напоминал ему о знатном происхождении Шуйского, к которому нужно относиться с уважением.³⁶² Волнения, приведшие к низложению Василия Ивановича, в самом деле беспокоили гетмана и ничуть не соответствовали его собственным желаниям. Грамоты временного правительства высказывались не только против самозванца, но и против поляков и настойчиво внушали Жолкевскому убеждение в том, что ему гораздо было бы легче сговориться с самим Шуйским. Ловкий дипломат стал действовать согласно такому убеждению, и через несколько дней настроение умов так изменилось в пользу бывшего царя, что Гермоген счел возможным настоятельно требовать его восстановления на престол. Но Ляпуновы поспешили вмешаться еще раз. 19 июля вместе с тремя князьями – Засекиным, Тюфякиным, Волконским-Мерином – и несколькими монахами Захар напал на «шубника» в его доме и принудил его постричься в монахи. На этот раз Василий Иванович отчаянно сопротивлялся: иноческая ряса решала его судьбу бесповоротно! Ляпунов принужден был крепко держать его за руки, а Тюфякин, – другие говорят, Иван Салтыков, – произносил за него обеты; затем его заключили в Чудов монастырь, а жену его постригли в монахини. Скоро дол-

---

³⁶² Муханов. Сборник, стр. 181 и XVI, примечание.

жен был подняться занавес над новым актом великой драмы, столь обильной переменами декораций и действующих лиц.³⁶³

---

³⁶³ Об этом происшествии см. Никоновская летопись, VIII, 140; Попов. Изборник, стр. 346; Русск. Ист. Библ., I, 642 и XIII, 122; Акты Западной России, IV, 476; Карамзин. История Государства Российского, XII, прим. 560; Муханов, Сборник, стр. 294; Kobierzyski. Hist. Vladislai, стр. 288; (łkiewski. Historia wojny Moskiewskiej, стр. 59 и сл.

Глава 11

Поляки в Москве

I. Опыт олигархического правления

После окончательного низложения Шуйского в Москве нашла себе применение на деле легендарная формула революционного устава, состоявшего будто бы из двух статей: «Ничего не осталось. – Никто не уполномочен приводить сие постановление в действие». Подобие народного собрания учредило, правда, также подобие правительства. Но бояре, входившие в состав его, были сами по себе только телом без головы, безжизненным организмом, а так как патриарх продолжал оставаться в рядах оппозиции, нельзя было прибегнуть к той временной мере, которую применили во время недавнего междуцарствия. Члены правительственного организма оказались не только неподвижными, но и в раздоре между собою. В. В. Голицын, поддерживаемый Ляпуновыми, выставил свою кандидатуру. В партии, в которой действовал Филарет со своими приверженцами, стала намечаться кандидатура одного из Романовых. Более осведом-

ленная о положении дел избранная часть старейшей родовой знати вместе с Ф. И. Мстиславским и И. С. Куракиным, со своей стороны, полагала, что выбор ограничен: избранными могут быть только или Владислав, или Дмитрий. При такой альтернативе на худой конец можно было считать приемлемым, под условием кое-каких поправок, договор, на который согласились тушинские конфедераты. На этом дело и кончилось. На общем собрании, которое последовало в самый день свержения с престола Шуйского за собранием, порешившим это низложение, согласно постановили исключить из числа кандидатов всех москвитян, а это было почти равносильно признанию польского королевича. Впрочем, тут же было постановлено вести переговоры с Сигизмундом, чтобы добиться от него дополнительных гарантий.³⁶⁴

А ведь необходимо было, чтобы кто-нибудь правил в ожидании избрания царя. Нам неизвестно, каким образом пришли к мысли учредить «семибоярщину», в которой заседали четыре представителя старейших княжеских родов: Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой и А. В. Голицын вместе с одним из Романовых, Иваном Никитичем, и двумя его родственниками, Ф. И. Шереметевым и князем Бор. Мих.

---

³⁶⁴ Акты Западной России, IV, 473–475; ((tkiewski. *Historia wojny Moskiewskiej*, стр. 59.

Лыковым. Надо полагать, что сначала в этом списке был также и В. В. Голицын, но, без сомнения, товарищи его предпочли от него избавиться, отправив его под Смоленск для переговоров с Сигизмундом. Каким бы то ни было образом, во главе власти стала высшая знать страны: представители родовой знати тут смешались с выслужившимися при дворе боярами. В состав правительства не вошли несколько отсутствовавших в то время и И. С. Куракин: он был отстранен за свои чересчур явные симпатии к полякам. Впрочем, и возникновение и состав этой корпорации представляют много неизвестного.³⁶⁵

Как все правительства того времени, Семибоярская Дума заявляла притязания, будто она была исполнительницей воли Земского собора, облекшего ее полномочиями. Очень возможно, что при ее учреждении существовало некое иное подобие представительного собрания, но оно не могло взаправду собирать мнения областей. Южные области были отрезаны от всяких сообщений со столицей; центральные находились во власти Жолкевского, а посоветоваться с остальными не хватило времени. На это потребовались бы месяцы, а Москва, очутившись между двух огней, должна была учитывать каждый день.

---

³⁶⁵ Платонов. Очерки по истории смуты. Стр. 456. – Сравн. Иловайский. История Смутного времени, стр. 293, и Русск. Ист. Библ., XIII, 123.

10 июля (20 июля нов. стиля) Жолкевский выступил из Можайска, отправив вперед в Москву послания, в которых ссылался на свои заботы, как бы охранить столицу от «вора». Временное правительство с гордостью заявило ему, что оно не нуждается в его помощи. Но четыре дня спустя гетман был уже под Хорошевым, в семи верстах от города. Одновременно с ним двинулись на приступ города отряды самозванца, между тем как Захар Ляпунов возмущал чернь в пользу его. С обеих сторон начались переговоры. Семибоярщина первая начала сноситься с Жолкевским, а с другой стороны, через посредство Сапеги, пытался войти в сношения с ним Лжедмитрий II. Он предлагал Речи Посполитой три миллиона злотых, сто тысяч королевичу и пятнадцатитысячный корпус королю для войны со Швецией и обещание завоевать у нее Ливонию для Польши.³⁶⁶ Несмотря на искушение, когда «вор» ему лично делал великолепные обещания, Жолкевский отказался выслушать эти предложения. Нелегко было ему придти к соглашению с Мстиславским и остальными шестью боярами. Они требовали от королевича Владислава обращения в православие и обещания не ставить польских гарнизонов в пограничных крепостях Московии. Этим в особенности они

---

³⁶⁶ ((kiewski. Hist. wojny Moskiewskiej, стр. 60; Муханов в его издании соч. Жолкевского, стр. 311; Костомаров. Смутное время, III, 27.

желали заявить, чтобы в этой пограничной области не давались полякам поместья и вотчины. А ведь Жолкевский знал, как Сигизмунд собирается воспользоваться ими, и, будучи сам ревностным католиком, он не имел желания идти в религиозной области против явной воли своего государя. Впрочем, с самой Клушинской битвы он ожидал со дня на день инструкций из Смоленска, но Сигизмунд, все еще весьма медлительный, не спешил прислать их.

В тщетных переговорах прошло три недели; ждать дольше было невозможно: у самой столицы стоял самозванец, это во-первых, а во-вторых Клушинские победители, не получая жалованья, стали делать вид, что они не прочь последовать примеру наемников в войске Делагарди. При таком стеснительном положении Жолкевский решился вступить в сделку. Условившись относительно вопросов, связанных с материальными интересами, он сумел обойти молчанием вопрос о вере, и Владислав был избран на московский престол.

II. Избрание Владислава

17-го августа на Девичьем Поле три боярина, князя Ф. И. Мстиславский, В. В. Голицын и Д. И. Мезецкий, в сопровождении двух думских дьяков, Василия

Телепнева и Томилы Луговского, взяли на себя решение судьбы отечества, объявив себя уполномоченными «всей земли».³⁶⁷ В основу был принят Тушинский договор; новые посредники ввели только некоторые поправки, главным образом, относительно некоторых привилегий, не принятых конфедератами в соображение: за представителями главных княжеских родов было признано право старшинства, и им было обеспечено преимущество в милостях. С другой стороны, ограничение самодержавия, принятое тушинцами, было сохранено. Самодержавие только что утратило всякое доверие при Шуйском. Мстиславский и ему подобные, кроме того, питали личную злобу к самодержавию и готовы были дать ей исход перед государем иноземного происхождения. Жертвы Грозного и Годунова, представители древних великокняжеских родов, пройдя через воспоминания, оставленные им этим двойственным прошлым, благодаря более развитой в среде их культуре легче других соотечественников своих поддавались очарованию польских вольностей. В чисто политической части нового договора была исключена только статья, касающаяся права свободного выезда за границу с торговыми и научными целями. Она явно шла слишком вразрез со взгля-

---

³⁶⁷ Собрание государственных грамот и договоров, II, № 199 и 200. Жолкевский. История Московской войны, 62.

дами москвитян и их склонностью к строгому обособлению от других народов. Была включена статья, ставящая условием, чтобы Тушинский вор был покорен общими силами, а Марина возвращена в Польшу. Наконец, Жолкевский, от имени короля, обязался, вывести польские войска из всех занятых ими территорий. Не могли придти к соглашению в особенности относительно обращения в православие будущего царя, его «крещения», как говорили в Москве; решение этого вопроса было отложено до непосредственных переговоров с Сигизмундом.

На другой день москвитяне присягали новому государю сначала в открытом поле, на полпути между польским лагерем и столицей, а затем в Успенском соборе в присутствии патриарха. Гермоген довольно покорно согласился на совершение этого обряда: в указе, разосланном по областям, сказано было, что Владислав обязался принять венец из рук верховного святителя, что могло сойти за обещание отречься от католичества.³⁶⁸ В договоре об этом ни слова не было сказано, но ему приписывали все, чего хотели.

Следующие дни были посвящены пиршествам. Сначала Жолкевский с большой пышностью принимал главных бояр, которым он роздал в виде подар-

---

³⁶⁸ Летопись занятий археографической комиссии II, № 65; Акты Западной России, IV, № 181.

ка: лошадей, седла, сабли, ценные кружки. Затем он со своими полковниками был приглашен на не менее роскошный пир у кн. Мстиславского. За столом московского вельможи спутники гетмана, как некогда спутники Марины, едва прикасались к московской стряпне; они угощались только французским пирожным и жаловались, что им нечем напиться в виду разнообразия напитков, подававшихся, впрочем, в изобилии. Им нужно было, по-видимому, пить один какой-либо напиток, чтобы у них закружилась голова! Подарками они тоже остались недовольны. Однако им понравился бой с медведями, устроенный для них после обеда; по достоинству оценили они белого сокола и охотничью собаку, предложенных хозяином Жолкевскому.³⁶⁹

Гетман, однако, имел более серьезные причины не слишком предаваться веселью во время этого пиршества. Он узнал сначала от Федьки Андропова, посланного в качестве гонца, а затем от Гонсевского, привезшего инструкции от Сигизмунда, что король заявляет притязания на царский титул для себя лично. Жолкевский, хотя и хвастался всегда откровенностью, очевидно, все-таки преувеличил в своих мемуарах³⁷⁰ изумление свое по поводу этого решения короля. Он

---

³⁶⁹ Maskiewicz, изд. Немцевича, II, 381.

³⁷⁰ (łkiewski. Pisma, ed. Bielowski, стр. 76.

не мог не знать возражений, которые делались на берегах Вислы против вступления Владислава на московский престол. Шляхта вовсе не могла желать, чтобы Владислав, которому рано или поздно придется принять польскую корону, учился делу управления в Московии. С другой стороны, замена сына отцом не казалась неприемлемой для тех москвитян, которые искренно признавали принцип польской кандидатуры: бояре, готовые отдаться в руки Польши из страха перед «вором» и смутой, или бывшие приверженцы Дмитрия, надеявшиеся таким образом избежать крутой реакции, не придавали большой важности личности государя. Кроме этих малочисленных убежденных полонофилов, различались еще две группы: покорные, готовые признать польского царя, если он примет православие, и для них отец или сын – помеха была одинаковая, потому что Сигизмунд не соглашался, чтобы Владислав переменял религию; и затем непримиримые, убежденные националисты, которые в религиозном вопросе видели лишь надежное средство устранить вовсе польскую кандидатуру. На деле личная кандидатура короля не встречала никаких серьезных препятствий, пока бояре и тушинские конфедераты оставались господами положения; впоследствии, когда восторжествовала национальная партия, Сигизмунд и Владислав оба были одинаково устранены.

Как ни велика была проницательность Жолкевского, он, кажется, недостаточно распознал все эти элементы бесспорно весьма сложного положения. Подписав от имени короля договор в пользу Владислава, он как будто считал также вопросом чести хитроумно отстаивать даже букву этого договора. Наконец, другие заботы отвлекали все его внимание и все его силы. Надо было избавиться от Дмитрия. Пользуясь своим авторитетом, гетман старался привлечь Сапегу, который продолжал играть при «воре» двусмысленную роль. Приглашенный в качестве посредника для устройства какого-нибудь соглашения, староста усвятский охотно пошел на это. Но Дмитрий на сделанное ему предложение поселиться в Польше ответил, что он «предпочел бы рабство у крестьянина позору есть хлеб короля». Вмешавшаяся в переговоры Марина прибавила к этому высокомерному ответу тонкую насмешку: «Пусть король уступит царю Краков, тогда царь подарит ему взамен Варшаву».³⁷¹

Надо было прибегнуть к оружию. Мстиславский присоединил московские войска к войскам Жолкевского, и первый боярин Москвы подчинился польскому полководцу. Жолкевский ночью подступил к лагерю Сапегы. Испуганные люди старосты усвятского по-

---

³⁷¹ ((Ikiewski, ed. Bielowski, стр. 80. Niemcewicz. Dzieje panowania Zygmunta III-go, II, 478–479.

слали парламентаров, и их начальник сам явился к Жолкевскому: «Пусть захватят „вора“, он не станет мешать этому!»³⁷² Москва отделяла союзные войска от монастыря св. Николая, где тогда находились вместе Дмитрий и Марина. С разрешения Мстиславского поляки прошли через столицу, но Дмитрий и Марина были во время предупреждены, и их не удалось захватить. Быстрое отступление укрыло их. Но отпадение Сапеги лишило их возможности стоять лагерем под Москвой, и «вор» с Мариной отступил к Калуге. За ними последовали казаки. Что касается москвитян, сохранивших преданность Дмитрию, то они готовы были по большей части признать Владислава под условием сохранения за ними чинов, полученных ими на службе претендента. Это условие помешало соглашению, так как Жолкевский не мог заставить бояр подписать его. Со своей стороны, Жолкевский сделал крупную ошибку, отказав передать Заруцкому, который мужественно сражался под его начальством при Клушине, предводительствование над присоединившимися к нему или готовыми пристать к нему москвитянами. Пользовавшиеся очень большой славой в народе атаман живо подговорил большую часть своих людей и направился с ними к Калуге, где его жда-

---

³⁷² Sapieha. Dziennik, стр. 278 и след. Признание это не совсем ясно выражено, но Сапега сознается, что беседа закончилась по-дружески.

ла романтическая и печальная участь. Поляки Сапегы, напротив, все перешли на службу к королю, который обещал платить им жалованье.

Жолкевский, сообразивши теперь лучше положение дел, стал торопить, чтобы отправили послов под Смоленск для заключения окончательного соглашения с Сигизмундом. По его мнению, это было прекрасным средством удалить из столицы некоторых подозрительных лиц. С этой целью, лстя В. В. Голицыну, он уговорил его принять на себя председательствование в этом посольстве; удалось ему включить в посольство и Филарета. Вошли в него также Авраамий Палицын с Захаром Ляпуновым и представители всех сословий, избранные в таком количестве, что посольство состояло из 1 246 лиц, сопровождаемых 4 000 писарей и слуг: еще одно собрание, маленький собор, эманация большего собора, которому приписывали избрание Владислава!³⁷³

Наказ, подробно выработанный для этих выборов, занимает 85 страниц убористого шрифта; он настаивает главным образом на следующих пунктах: Владислав должен перейти в православие в самом лагере под Смоленском, еще раньше, чем отправится в путь к Москве; по восшествии на престол он должен отказаться от всяких сношений с папой в религиозных

---

³⁷³ Акты Западной России, IV, 318; Муханов, Сборник, 182.

вопросах; жениться он должен в Московии на православной; король, со своей стороны, должен снять осаду со Смоленска и возвратиться в Польшу. В крайнем случае переход царя в православие выборные могут отложить до приезда его в Москву, лишь бы он прибыл туда по возможности скорее. Чтобы дать королю залог своей искренности, бояре согласились в то же время на то, чтобы бывший царь Шуйский и его два брата были отправлены в Польшу. Так как Гермоген не признавал действительным насильного пострижения бывшего государя, то эта предосторожность казалась полезной. Однако из опасения, что москвитяне сочтут это оскорблением, Василий Иванович и его родные были предварительно удалены из столицы и помещены вблизи границы.

Эти меры временно облегчили политическое положение; но военное положение оставалось внушающим опасения. Дмитрий укрепился в Калуге и набирал новых приверженцев из соседних областей. Чтобы обуздать его, Жолкевский не нашел другого средства, кроме того, что послал в Северщину загадочного старосту усвятского с несколькими людьми и десятью тысячами рублей московских денег, чтобы на них нанять других. Расхищение московских сокровищ началось! Но, прибывши к месту назначения, двоюродный брат великого канцлера Литовского, очевид-

но, получил от последнего другие инструкции. Немедленное замирение страны вовсе не согласовалось с планами короля, которого в этом случае можно упрекнуть в нечестности, но нельзя отрицать, что он проявил много деловитости и проницательности. Сигизмунд ясно понимал, что лишь страх перед «вором» дал Польше наиболее решительных сторонников в Московии. Уничтожить сейчас же это пугало было бы большой неосторожностью, и вот Ян Сапега получил секретное предписание не только щадить Дмитрия, но в случае нужды оказать ему и поддержку. Со своей стороны, страну опустошали остатки тушинской армии, казаки и поляки под предводительством Лисовского и Прозовецкого, другого очень предприимчивого начальника, и неизвестно было даже доподлинно, кому служили они. Наконец, шведы, со времени избрания Владислава обратившиеся из союзников во врагов, завладели Ладогой и пытались захватить врасплох Ивангород, сохранивший преданность Дмитрию.

Расположившись под Москвою лагерем со своей маленькой армией, Жолкевский чувствовал себя в очень большой опасности; однако, он не дерзал ввести поляков в громадный город, где можно было ожидать возмущения фанатичных элементов, как только станет известно, что Сигизмунд думает воссесть на престол вместо своего сына. Но именно это опасе-

ние и побудило бояр признать милостью то, что раньше они считали оскорблением. Они предались полякам; на поляков они возлагали задачу защищать их от общей опасности. Гетман уступил с большой неохотой. Он надеялся, что король присоединит к нему малочисленное, но превосходное войско, которое ничего путного не делало под Смоленском. К несчастью, Сигизмунд, со своей стороны, ждал присоединения всей Польши. Но Польша теперь, несмотря на все просьбы, ходатайства и мольбы, не двигалась. Она не хотела ничего ни видеть, ни соображать. В последний раз перед роковым часом, когда она должна была покорно подчиниться завоеванию, ей был предоставлен случай проявить свое просветительное и завоевательное могущество и даже со всеми данными на успех, как признает один из самых выдающихся русских историков.³⁷⁴ Она не захотела. У нее не хватало уже ни духа, ни рассудка. Она предоставила своему королю по следам нескольких отважных авантюристов искать приключений и одному добиваться недостижимой цели. В феврале 1610 года Сигизмунд принужден был продать или заложить свои драгоценности;³⁷⁵ обескураженный, несмотря на события под

---

³⁷⁴ Костомаров. Исторические монографии и исследования, XIII, 368 и 434.

³⁷⁵ Kozłowski, Przegląd Powszechny, 1889, XXII, 219 и 345; Darowski,

Клушиным; неуверенный в возможности воспользоваться плодами этой победы, он все более и более упорно цеплялся за мысль, что снять осаду со Смоленска значит выпустить добычу, погнавшись за тенью. Во всяком случае, если ему удастся взять эту крепость, ему неопасно будет возвратиться в Краков с пустыми руками и подвергнуться там гневу своих грозных подданных. И как его подданные покинули своего короля, так он покинул своего гетмана.

И Жолкевскому опять пришлось взять смелостью. Это был страшный опыт. При первом известии о вступлении поляков в Москву все колокола зазвонили. Мятеж снова готов был вспыхнуть. Испуганные бояре просили подождать, и Жолкевский предложил расположить свои войска в предместьях. Но это было еще хуже. В пригородах Москвы находилось множество монастырей; предназначенный для самого Жолкевского и его главного штаба Новодевичий монастырь был женский; монахини всполошились; Гермоген вознегодовал. Кроме того, поляки, особенно тушинские, тоже не были довольны таким распоряжением. Все еще в ожидании обещанного жалования, они терпеливо ждали лишь в надежде добраться скоро до Кремля и его сокровищ. Надо было ладить со всеми

Niwa, 1892, XIX–XXIV; *Vetera Poloniae Monumenta*, III, 335; Бумаги Нарышевича, 104, 106, 1.115, 1.210.

этими мятежными элементами. Бояре старались умиротворить толпу и внушить патриарху более правильное понимание положения дел. «Если Жолкевский уйдет, нам останется только последовать за ним, чтобы спасти наши головы», кричал ему Иван Романов, и, так как старый патриарх упорно стоял на своем, Мстиславский сказал ему, наконец, грубо: «Нечего попам мешаться в государственные дела!»³⁷⁶ В ночь с 20 на 21 сентября 1610 года поляки тихо проникли в сердце столицы, заняли Кремль и два центральных квартала, Китай-город и Белый Город; расположились они также и в Новодевичьем монастыре, несмотря на возмущение монахинь.

III. Занятие Москвы

Жолкевский все еще был в большом затруднении. Он обратил внимание своих полковников на то, что в Кремле очень трудно будет защищаться. Кремль представлял центр всех административных дел; хотя он и был укреплен, однако, обширная ограда его была обыкновенно всегда открыта для всех, и в нем зачастую собиралась значительная толпа народа. К тому же у поляков не было пехоты, которая могла бы

---

³⁷⁶ Никоновская летопись, VIII, 144; Акты Западной России, IV, 477; Русск. Ист. Библи. I, 680; (Hkiewski, ed. Bielowski, стр. 68.

нести службу на оградах. «Нужды нет, – возражал на это пылкий Мархоцкий. – Мы хорошо деремся промеж собою и пешком!» Он, вероятно, и не подозревал, как хорошо сказал.

Укрепления города были внушительны для того времени: толстые стены, по краям четырехугольные башни; отверстие в стенах для пушек; бойницы для стрелков из лука и пищалей; подземные ходы, соединяющее все укрепления; тяжелой артиллерии в изобилии. Но ограда имела в окружности более двух километров.³⁷⁷ Эта часть города не носила еще тогда названия, под которым потом прославилась. Кремль, вероятно, представляет искажение слова Крым, и в начале семнадцатого столетия говорили еще Крым-город, или татарский город. Китай-город, наоборот, отнюдь не обозначает: китайский город, хотя впоследствии графу Шувалову и удалось убедить в этом Вольтера. Москвитяне в семнадцатом столетии не имели еще сношений с столь отдаленной частью Азии. Китай-город назван был так во время правления Елены Глинской, матери Ивана IV, несомненно, в память места рождения этой княгини, польского города Китайгород, в нынешней Подольской губернии. Вместе с Белым Городом, названным так потому, что все дома его были выбелены известью, Китай-город, нахо-

---

³⁷⁷ Снегирев. Памятники, II, 322.

дядейся в непосредственном соседстве с Кремлем, представлял собою самую населенную и самую оживленную часть города, торговую часть его, которую пересекали все главные улицы. Немногочисленные поляки точно – потонули в этом море людей. Однако, благодаря искусству Жолкевского, занятие Москвы наладилось и сначала шло без всяких препятствий.

Рассмотрение распрей и ссор, возникавших между поляками и москвитянами, возложено было на смешанное судилище, в котором обе национальности представлены были в одинаковом количестве, и беспристрастность суда обеспечивала некоторое время поддержание строгой дисциплины. Один поляк, арианский сектант, выстрелил из пистолета в образ Богоматери. Его арестовали и присудили: отрубить ему руки и затем живьем сжечь. Другого за похищение молодой москвитянки наказали кнутом. Гонсевскому, который к своему польскому титулу старосты велижского прибавил пожалованное ему указом Сигизмунда и никем не оспариваемое звание московского боярина, Жолкевский поручил командование над стрельцами, что отдавало в его руки всю полицию города. Прежний посол был лучшим солдатом, чем дипломатом; но вежливость и великодушие гетмана много помогали ему при исполнении его опасных обязанностей, так что его новые подчиненные свою ненарушимую пре-

данность ему проявляли тем, что сами доносили на недоброжелателей и брались ловить их. Продовольствие польского гарнизона организовано было по системе, испытанной уже при Тушине, которая, указав каждой роте определенную область, ставила центр снабжения продовольствием в прямую зависимость от частей войска, которые они продовольствовали. Сношение с королевской армией было в то же время обеспечено занятием Можайска, Борисова и Вереи, и таким образом военная проблема казалась частью разрешенной.

Гораздо труднее было разрешить вопрос о верховной власти. Единственным законным правительством было отныне правительство Владислава. Но в ожидании воцарения сына отец взял на себя обязанности его естественного заместителя. В Москве это казалось настолько понятным, что, принося присягу в верности Владиславу, тут же присягали на временное повиновение Сигизмунду. Считалось, что Владислав уже царствует. В церквях за него молились; от его имени чинили суд и чеканили монету и медали с его изображением.³⁷⁸ Но верноподданные сына обнаруживали не меньшую ревность в выпрашивании у отца разного рода милостей. И действительно, от

---

³⁷⁸ См. факсимиле у Немцевича, *Dzieje panowania Zygmunta III-go*, II, 482.

1610 до 1612 года все назначения и награды официально исходили от короля; и, начиная от великого Мстиславского, которому пожалована была вотчина, до незначительного Плещеева, удовольствовавшегося польским титулом крайчего (стольника, резавшего мясо), ни один из приверженцев Владислава не роптал на такое замещение власти. Вслед за тушинскими конфедератами, которые раньше всех захватили лучшие доли и имущество Шуйских, присужденное Салтыковым, и лица, бывшие в немилости во время предыдущего царствования, потребовали своей доли. Мать первого Дмитрия выпросила прекрасную волость Устюжну-Железнопольскую; и даже Маржерет с одним французом, его товарищем по оружию, сделались владельцами московских поместий.

В первых жалованных грамотах 1610 года король выступает даже один; в следующем году упоминается уже и Владислав, но лишь в подкрепление и как наследный принц; а еще позже уж появляется царь и великий князь Владислав, но все еще на втором месте. Изменения в этом церемониале объясняются событиями, о которых еще будет речь.³⁷⁹

Как ни странен был такой дуализм, он, однако, не

---

³⁷⁹ Акты Западной России, IV, №№ 183 и след., 755, 786; Летопись занятий археографической комиссии, II, № 166; Русск. Ист. Библ., 1875, II, 698.

противоречил духу москвитян. Впоследствии это подтвердилось примером первого Романова, номинально управлявшего государством под действительной властью своего отца. Письмо Сигизмунда к Мстиславскому указывает, что между королем и первым боярином государства установились отношения государя и покорного и преданного подданного.³⁸⁰ В письме к Льву Сапеге М. Г. Салтыков пишет, что готов жизнью пожертвовать за короля и королевича.³⁸¹ Самый ярый поборник русского конституционализма, правда, настойчиво добивался в то время прекрасной воласти Ваги. Революционные переломы всегда и всюду имеют изнанку, которую не должны разглядывать идеалисты.

Но бояре надеялись, что по крайней мере до прибытия Владислава Сигизмунд, сохранив за собою право расточать милости, в чем он проявлял большое великодушие, обязан предоставить им остальные проявления власти. Жолкевский не желал ничего лучшего. Он хорошо уживался с семибоярщиной и успел даже подольститься к вспыльчивому Гермогену, который вскоре стал считаться ежедневным посетителем Жолкевского. Это была безусловно разумная политика и единственная, способная подготовить

---

³⁸⁰ Акты исторические, II, 288.

³⁸¹ Там же, II, 306.

переход к будущему строю как раз в смысле намерений короля. Но Сигизмунд не так смотрел на дело. Занятие его войсками столицы, в его глазах, было лишь актом, предшествовавшим административному захвату, который он желал немедленно осуществить. Все отныне должно было совершаться не только от имени короля, но и по его приказу и через посредство лиц, находящихся в его полной власти. Прекрасный солдат и чрезвычайно находчивый государственный деятель, Жолкевский не был образцом подданного. Покорность не входила в число его добродетелей. Иначе он не был бы поляком. Он считал возможным оставаться в Москве лишь для осуществления программы, выгоды которой он сам оценил. Несмотря на мольбы бояр, в октябре он уехал, сопровождаемый всеобщими сожалениями и даже приветствиями простонародья. Он передал Гонсевскому командование над гарнизоном, состоявшим уже только из 4 000 поляков и нескольких тысяч наемников из иностранцев.

Под Смоленском Жолкевский застал Сигизмунда в борьбе с неприступной крепостью, все еще отказывавшейся сдаться, и с поистине чрезвычайным посольством, состоявшим из 1 246 выборных, старавшихся придерживаться буквы данных им наказов; посольство это угрожало проявить такую же несговор-

чивость, как и крепость. Это было зрелище, подобного которому, может быть, не бывало еще в истории: обмениваясь пушечными выстрелами с одной частью своих подданных, государь вел переговоры с другой частью о самых условиях своего вступления во власть. Ссылаясь на обязательства, принятые гетманом, москвитяне требовали, чтобы король немедленно отправил в Москву королевича и тотчас же вывел все свои войска из территории государства. Ссылаясь, со своей стороны, на свои права, как заместителя избранного государя, Сигизмунд требовал предварительной покорности Смоленска. Присутствие в королевском лагере трех Шуйских, привезенных Жолкевским в качестве военнопленных, не способствовало развитию благоприятного настроения в лагере москвитян. До конца ноября вели переговоры и не подвинулись ни на шаг вперед. Приступ, сделанный в это время поляками, был отражен.

В декабре, однако, напряженное состояние ослабло. Щедро наделенные при раздаче наград, некоторые из выборных, и между ними весьма влиятельный Авраамий Палицын, склонились на уговоры вернуться в Москву и действовать там в пользу щедрого государя.³⁸² Несмотря на все усилия В. В. Голицына и

---

³⁸² Голиков. Деяния Петра Великого, XII, 362–368. Акты Западной России, IV, № 182.

Филарета помешать такому разброду, посольство все более и более разбегалось и, распавшись таким образом, потеряло характер представительства, так как в нем осталась лишь группа непокорных политиканов, которых сочлены не признавали, и полномочия которых, следовательно, наполовину утратили свою силу. Захар Ляпунов был в числе дезертиров. Но вместо того чтобы последовать за Палицыным, он предпочел перейти в польский лагерь, где его радушно приняли его новые товарищи, которым он за гостеприимство щедро отплачивал издевательствами над непримиримыми. Такое поведение членов посольства утвердило в Сигизмунде убеждение, что он может хозяйничать. Однако оно впоследствии показалось двуличным и даже в ту пору возбуждало подозрения в московских боярах, которые не скрывали этого от Сигизмунда. Он уже царствовал; он хотел управлять.

IV. Правление поляков

Сигизмунд применил наиболее отвратительный способ правления, какой только можно было придумать. Начальник стрельцов, боярин Гонсевский, предлагал ему способ, обещавший дать превосходные результаты и испытанный им без всякого затруднения. Король предпочитал обрусевшим полякам опо-

лячившихся русских, но чтобы они проявили послушание, какое требовалось, приходилось довольствоваться низшим по качеству составом. Бывший кожевник, Федька Андронов был утвержден в звании думного дворянина, полученном в Тушине, и назначен помощником московского казначея Василия Петровича Головина. Он не замедлил вытеснить своего начальника и предоставить казну в распоряжение Гонсевского. Для соблюдения формы Гонсевский в присутствии бояр произвел опись; но через несколько дней наложенные ими печати были сорваны и заменены другими с печатью Федьки Андропова. Эта система быстро распространилась во всех приказах. Царь Сигизмунд постепенно вводил туда людей, отличившихся под Тушином или Смоленском, таких, как Михаил Молчанов или Иван Салтыков. В Думе Федька Андронов все возвышал свой голос, не боясь спорить с князьями из рода Мстиславских или Воротынских.³⁸³

Семибоярщина уже не существовала; в сущности, правительство было негласно распущено; оно покорно отошло в сторону, и в то же время рушилась последняя попытка московских бояр образовать правящий класс из двух соперничавших друг с другом аристократий. Попытка эта закончилась диктатурой

---

³⁸³ Акты Западной России, IV, 402–403, Акты исторические, II, № 314; ср. Платонов. Очерки по истории смуты. 468–469, 630, примеч. 193.

Федьки Андропова! Ответственность перед историей за это крушение лежит на родовитой знати и придворных вельможах; им не суждено уж было подняться после этого поражения. За чечевичную похлебку, да и то еще гадательную, один из Мстиславских не погнулся польским титулом конюшего; бояре продавали свои права на первородство, и вместе с упадком этого сословия совершалось уравнивание русского общества в общем раблепстве. Независимым оставалось лишь духовенство. Но так как представителями его в тот момент были несообразительный Гермоген и двуличный Палицын, и оно не стояло на высоте своего положения и не оказало влияния, какое могло бы приобрести. Келарь Троицкой лавры находит в настоящее время убежденных защитников;³⁸⁴ но они принуждены сослаться лишь на его собственные показания, так как показаний современников о нем вообще нет, и молчания их, конечно, недостаточно для оспаривания красноречивых фактов. Разделяя со всей страной бедствия, вызванные отчасти им же самим, патриарх очутился вдруг на пьедестале, на котором истинные черты его личности исчезли для современников в ореоле его продолжительных страданий. На расстоянии их можно, однако, различить. Они производят такое впечатление, что он был человек ограниченный,

---

³⁸⁴ Кедров, «Русский Архив», 1886, VIII.

легковерный, упрямый, но слабый; богослов и ученый для своей страны и своего времени, красноречивый писатель, но человек мало просвещенный вообще и грубо воспитанный. Существует предание, будто он начал свое поприще у донских казаков, а легенда о связи его с родом Голицыных не подтверждается никакими серьезными указаниями.³⁸⁵ Занимая положение высшей духовной особы, обладая огромной властью, он был игрушкой событий, которыми пытался управлять; он думал, что управляет движениями толпы, в то время как сам кружился в этой толпе; сначала он примыкал к рядам противников Шуйского, а потом, когда было уже поздно, захотел поддержать его; он всем становился поперек дороги и всем перечил, а кончалось тем, что одни его осмеивали, другие отсылали к делам церкви; он неумело, но упорно защищал свой престиж, но в конце концов готов был склоняться перед всеми властью имущими, против которых раньше так неблагоразумно дерзал: перед бывшим патриархом Иовом, место которого он согласился занять, а потом принужден был выдвинуть его впереди себя; перед мнимым патриархом Филаретом, которого он

---

³⁸⁵ Акты Западной России, IV, 481; Макарий. История русской церкви, X, 127; Платонов. Очерки по истории смуты. 632, примеч. 198; Н. Н. Голицын. Род кн. Голицыных, 410—413, Воробьев, «Русский Архив», 1892, I, 15.

ласково встречает при возвращении его из-под Тушина, после того как проклял; перед Жолкевским, общества которого он ищет после того, как запретил ему въезд в Москву, и даже перед Сигизмундом, которого просит скорее «дать своего сына», после того, как называл и отца и сына разбойниками.³⁸⁶

Гермогену не под силу оказалось одолеть и Федьку Андропова. Впрочем, гражданская диктатура бывшего кожевника клонилась к тому, чтобы поскорее уступить место военной диктатуре Гонсевского. В последних числах октября 1610 года, вследствие более или менее серьезного заговора, имевшего целью соглашение с Дмитрием,³⁸⁷ польский боярин ввел в городе осадное положение, и с той поры его поведение и поведение его соотечественников принимает характер, обычный в гарнизонах во враждебной стране. Находясь в постоянной тревоге, принужденные по четыре-пять раз в день вскакивать на лошадей, начальники и солдаты вымещали свою злобу за это беспокойство и непосильное напряжение насильями, недостаточно сдерживаемыми Гонсевским; насилья эти вы-

---

³⁸⁶ Этот пункт в силу одного показания оспаривался, но свидетельство это, на мой взгляд, недостаточно достоверно. См. Платонов, Ж. М. Н. П., янв. 1886. Срав. Собрание государственных грамот и договоров, II, 445.

³⁸⁷ Русск. Ист. Библ. I, 690–693; Акты Западной России, IV, 481, Акты исторические, II, 362–363; Marchocki, стр. 112.

зывали отместку населения, что увеличивало с той и другой стороны раздражение, служившее источником грозных столкновений. Даже церкви перестали чтить. В церкви св. Иоанна еще и теперь показывают «отвращенную» икону св. Николая; как говорит предание, взоры святого отвратились при виде чинимых чужеземцами поруганий святыни.³⁸⁸

А в то же время приступили и к расхищению драгоценных предметов, потому что Сигизмунд требовал, чтобы жалование гарнизону платили москвитяне, а в Кремле уже не было денег. Как размеры этих расхищений, вызванных обстоятельствами, так и ценность расхищавшихся сокровищ были чересчур преувеличены. Казна Ивана Грозного была уже сильно урезана, и говорят, увидев то, что от нее осталось, Жолкевский был сильно разочарован. Его поразила только груда золотой и серебряной посуды; да и то еще б(льшая часть этих изделий была такова, что грубая отделка их не делала чести местным мастерам. Ценность, которую москвитяне придавали некоторым предметам, преувеличивалась притом услужливой легендой, и едва ли могли бы они найти покупателя для скипетра из единорога, оцененного ими в 140 000 рублей. Мархоцкий говорит о двенадцати золотых изображениях апостолов в естественную вели-

---

³⁸⁸ Снегирев. Памятники, II, 117.

чину, которые будто бы наследовал Шуйский; но уже «шубник» вскоре принужден был обратить их в монету, оставив лишь золотое изображение Христа, которое весило 30 000 дукатов и потом было разбито на куски поляками. Возможно, что и Мархоцкий получил свою долю в этой добыче; но что касается двенадцати апостолов, он, вероятно, говорит о них понаслышке. В этом надо видеть басню, которой долго еще суждено было волновать воображение как в России, так и в Польше; басня эта приписывала одной из жертв Барской конфедерации в конце XVIII столетия, князю Радзивиллу, очень богатому поместьями, но весьма нуждающемуся в деньгах, богатство, которого совсем незаметно было во время его пребывания за границей.

Шуйский не коснулся ни посуды, необходимой принадлежности придворных пиров, ни знаков царской власти, многочисленных скипетров и корон. Так как их следовало сберечь еще для Владислава или Сигизмунда, то польские полки согласились взять их только в качества залога, и они сохранились неприкосновенными в руках полковников до конца занятия Москвы поляками, поэтому эта часть царского сокровища почти вся ускользнула от разгрома. Шапка Мономаха и другие регалии византийского происхождения; трон, отделанный опалами, сапфирами, топазами и бирю-

зой, поднесенный в 1604 году Годунову персидским шахом Аббасом; трон Ивана III, из слоновой кости греческой работы, и Ивана IV, украшенный 9 000 драгоценных камней, который служил при короновании Марины, – все это было спасено. Неверно также, будто Сигизмунд впоследствии велел похоронить себя в одной из корон, похищенных в Москве. Король обладал, вместе со шведской короной, и московской, но обе были сделаны варшавскими золотых дел мастерами. Золотая посуда в Кремле была пощажена; только серебряная была перечеканена в монету для уплаты жалованья польским офицерам и солдатам; им же совсем уже некстати, бесспорно, предоставлены были и церковные украшения, вплоть до покровов на гробницах великих князей в Архангельском соборе.

Размеры этого разгрома, где расхищение отягощалось кощунством над святыней, не могут быть, однако, с точностью установлены ввиду противоречивых исчислений;³⁸⁹ справедливость требует лишь прибавить, что если Гонсевский и Сигизмунд участвовали в расхищении, то не воздержались, по-видимому, и москвитяне, и много их участвовало в рядах расхи-

---

³⁸⁹ Marchocki. *Historia wojny moskiewskiej*, 142; Piasecki. *Chronica*, 242; Koberzycki. *Hist. Vladislai*, 459; Woycicki. *Pami(tniki do panowania Zyg. III*, 26; Русск. Ист. Библ. II, 265; срав. Darowski. *Szkice hist.*, III, 20; Трачевский. *Учебник Русской Истории*, 207.

тителей. Поляки в одном дипломатическом документе впоследствии утверждали, что, «как только впускали туда боярина, он наполнял свои карманы и удирал».³⁹⁰

В общем, и гражданское и военное правительство дало почувствовать очень неприятное предвкушение подготовляемому образу правления. Они представляли Польшу в самом непривлекательном ее виде и произвели такое сильное и скверное впечатление, что вызвали возврат народной симпатии к претенденту, так что Дмитрию при содействии Марины, несомненно, опять удалось бы достигнуть успеха, если бы не произошла катастрофа; да она, впрочем, была, вероятно, неминуема ввиду условий, при которых оба они отправляли в Калуге свою верховную власть, находившуюся в опасности.

V. Смерть Дмитрия II

В то время как на западе Псков оказывал сопротивление Сигизмунду, а Новгород, соглашаясь открыть свои ворота, отказывался впустить в город польский гарнизон, на востоке, после переворота, во время которого погиб при малоизвестных обстоятельствах

---

³⁹⁰ Акты Западной России, IV, 496.

Богдан Бельский, Казань присягнула Дмитрию; Вятка последовала ее примеру и в своих грамотах убеждала Пермь избрать ту же долю.³⁹¹ К несчастью для себя, претендент, продолжая применять свои приемы застраивания, которые он считал необходимыми для поддержания своего престижа, имел неосторожность нажать себе врагов среди приближенных татарского касимовского хана. Старый Ураз Махмет последовал за ним во время его последнего появления под Москвой. После бегства Дмитрия он присоединился к Жолкевскому, но один из его сыновей остался при претенденте, и отец был от этого в отчаянии. Он просил и получил разрешение отправиться в Калугу, чтобы разыскать свое нежно любимое дитя. Его прибытие показалось Дмитрию подозрительным, и он велел утопить старика.

Некоторое время спустя, 11 декабря 1610 года, во время охоты в окрестностях города, крещеный татарин Петр Урусов, которого Шуйский женил на вдове своего брата Александра Ивановича, сопровождал царя со стражей, состоявшей из его соотечественников, находившихся под его начальством. Кроме этих людей, к которым следовало относиться с недоверием, при Дмитрии находился один только Кошелев. Вдруг татары набросились на царя, убили его и бежа-

---

³⁹¹ Летопись занятий археографической комиссии, II, №№ 170 и 171.

ли в степи, производя по пути страшные опустошения. Поощаженный ими шут принес весть об этом в Калугу. Марина была накануне родов. Можно представить себе ее отчаяние. По свидетельству, сохраненному Симонеттой, она просила, чтобы ее убили, пыталась даже заколоться кинжалом, но лишь легко ранила себя.³⁹² По другим показаниям, она бегала по городу и взывала к мести. Казаки откликнулись на ее призыв, перебили главных мурз и разграбили их дома.³⁹³ В остатках царства, основанного под Тушином, началось господство казаков. Князь Григорий Шаховской и сам Заруцкий хотели было уехать, но казаки их непустили; и, когда Марина родила сына, они его провозгласили царем под именем Ивана. Марина не противилась этому и сразу совсем взаправду приняла положение вдовствующей царицы. Она вернула себе свой сан, и у нее опять появилась охота жить. Когда Ян Сапега, прибывший, как только распространилась весть о катастрофе, предложил ей свое покровительство, она высокомерно отвергла его. Она, вероятно, уже избрала другого покровителя. Бывший только что пленником казаков, Заруцкий должен был вскоре пе-

---

³⁹² Пирлинг. Марина Мнишек после майского погрома, 275. «Русская Старина».

³⁹³ Никоновская летопись, VIII, 149; Kobierzycki. Hist. Vladislai, 470 и след.; (Kiewski, ed. Bielowski, стр. 109.

ременить эти цепи на другие, которые он бодро носил до самой смерти.

Но при таком составе участников предприятие это потеряло всякое политическое значение. Лишь имя Дмитрия служило символом и пугалом и придавало до сих пор некоторую жизненность этому столько раз уж испорченному делу, а теперь оно было непоправимо опошлено. Призрак исчез; никто, кроме казаков, неумолимых искателей самых безумных приключений, не заботился о маленьком Иване; а мать его, презираемая и проклиная чужестранка, разумеется, не могла приобрести ему сочувствие. Но это событие, косвенным путем, обратилось в ущерб и для Сигизмунда, как он это предусматривал заранее, и лишило его одного из лучших его шансов. Король и его поляки перестали быть спасителями. Отныне можно было обойтись без них, и с трудом терпимое до сих пор присутствие их на московской земле стало сразу невыносимым. Если Владислав должен был царствовать, то избрали, ведь, его одного, при условии исключения иноземного нашествия, которое уже ничем не оправдывалось. Кроме того, избрание его на престол было делом бояр, которые превысили свою власть. Но утвердить ли избрание Владислава или нет, — это видно будет потом, а пока раньше всего необходимо расправиться с Сигизмундом и Гонсевским, освобо-

дить столицу от разбойников, которые разграбляют и оскверняют ее, возвратить Московию москвитянам.

Так рассуждали от края до края в стране, и таким образом борьба, которая продолжалась еще в течение двух лет, начавшись вследствие появления первого Дмитрия, изменила свой характер вследствие смерти второго Дмитрия. Династический кризис и социальная буря перешли в национальную войну, во время которой народ, опомнившись, проявил самые благородные чувства и лучшие силы свои; временно помраченное сознание своего исторического предназначения пробудилось; великому народу предстояло снова найти волю и силу для обеспечения своего самостоятельного развития.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Национальная война

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Национальное движение

I. Московский патриотизм

Патриотизм, связанный со всем, что возбуждает интерес или очарование, прелесть или гордость существования сообществом, есть чувство весьма сложное и могущее принять самые разнообразные формы. В недрах Московии XVII столетия, этой страны без рельефа, без естественных границ, без этнической индивидуальности, точно установившейся к тому времени, даже без исторических традиций, в достаточной степени привязывавших к родине, идея отечества не обладала таким выбором выражений, чтобы при помощи их ее можно было определить. Логически она была склонна найти свое выражение в том, чем большинство обитателей наиболее резко отличалось

от своих соседей: в религии. Еще и в наши дни выражения русский и православный служат почти синонимами, и еще недавно закон карал за отступление от народной веры, как за измену. Итак, в 1611 г. антипольское движение было вначале в сущности религиозным. Это доказывают тексты первых воззваний к восстанию: они едва уделяли внимание другим национальным интересам, которые были так попираемы, и которым угрожало нашествие иноземцев, и призыв к оружию был сделан именно в защиту православной веры и ее слугителей.³⁹⁴ Мятеж в самом начале отнюдь не имел целью уничтожить договор, принятый Москвой и санкционированный главою церкви. Он не отвергал Владислава, если только избранный царь согласится принять «истинное крещение». При этом условии восставшая Московия все еще готова признать его своим государем. «Мы все будем его рабами», пишут Сапеге Юрий и Дмитрий Трубецкие в феврале или марте 1611 года.³⁹⁵ А в это время движение охватило уже большую часть страны. Оба эти воеводы будто бы принимали в нем участие, и староста усвятский получил из Москвы приказ действовать против них. Он предупредил их об этом и получил следующий ответ: «Люди в Москве плохо осведомле-

---

³⁹⁴ Акты археографической экспедиции, II, №№ 170–188.

³⁹⁵ Malinowski i Przewdziecki. (r(dła do dziej(w Polskich, II, 845.

ны; никто не думает отделиться от столицы; вся земля русская объединена, слава Богу, одним чувством и, сохраняя преданность православию, она умоляет короля Польши прислать ей своего сына». Юрий Трубецкой, впрочем, сказано в ответ, дал явное доказательство своей преданности королевичу: из Москвы посланы были войска для изгнания из Калуги Марины с ее казаками; Трубецкой принял начальствование над городом и поспешил заставить жителей его присягать Владиславу.³⁹⁶ Но «в Москве есть изменники», – заявляли составители послания. Бояре, прельщенные Сигизмундом, готовы были признать в нем государя. Но этого-то не желает страна.

Обвинение было почти совсем справедливо. При помощи Михаила Салтыкова, сделавшегося владельцем Ваги, король Польши мало-помалу привел Мстиславского с сообщниками к тому, что они стали проводить его двусмысленную политику. Все еще не признаваясь, что Владислав не будет ни крещен, ни послан в Москву, Сигизмунд спешил утвердить там свое собственное господство, а бояре, требуя еще для формы соблюдения прежних условий, все больше и больше показывали, что не настаивают непременно на них. Для этих людей, уже немного обтесанных, хотя и искренно приверженных к религии, правосла-

---

³⁹⁶ Акты исторические, II, 371.

вие не составляло еще самого главного. Надо заметить тот факт, что непреодолимым соблазном привлекали их польское правительство, польская культура и польское общество, с которым они находились в непосредственных сношениях. И это несмотря на то, что все это было представлено здесь в таком несовершенном, подчас отталкивающем виде. Свободная, просвещенная, изящная аристократия, господствующая, как в Риме, над пребывающим в рабстве народом, – разве это не было идеалом, способным, за неимением другого, льстить потомкам бывших в древности державными княжеских родов?

Князь Хворостинин, составитель летописи того времени,³⁹⁷ с которою любопытно справляться, представляет в этом отношении весьма любопытное свидетельство. Принужденный после отъезда поляков довольствоваться обществом своих соотечественников, он был в отчаянии и чувствовал себя чужим у родного очага. Он скучал в Москве, где он замечал лишь глупцов и не находил «с кем поговорить». Он читал только польские книги и дошел до того, что молился предпочтительно перед польскими образами; он кончил тем, что обе религии смешались у него в одинаковый скеп-

---

³⁹⁷ Рукоп. Имп. СПб. Библ. Q. IV, № 172 и Русск. Ист. Библ., XII, 525 и след.

В начале восстания Салтыков и его приверженцы предложили боярам обратиться к Сигизмунду с просьбой безотлагательно прислать Владислава и с воззванием к зачинщикам восстания, чтобы они соблюдали мир. Но они хотели, чтобы В. В. Голицын, Филарет и другие непримиримые члены великого посольства в то же время получили внушение во всем покориться воле короля. Бояре охотно согласились на эту маккиавеллиеву комбинацию; если верить летописи, они даже открыто просили у патриарха благословения на присягу, которую окончательно решили принести Сигизмунду.³⁹⁹ Гермоген с негодованием воспротивился им и отказал. Как и оба Трубецкие, он заявлял, что готов признать Владислава, если тот примет православие. Патриарх «будет тогда вместе со всем духовенством у ног его». Но он не благословит приверженцев государя-еретика и сам будет проповедовать восстание для защиты истинной веры. Когда дело коснулось веры, патриарх проявил, наконец, твердость, которой раньше в нем не замечалось.

Летописцы говорят о бурной сцене, разыгравшейся в это время между Салтыковым и престарелым свя-

---

³⁹⁸ Срав. Платонов. Древне-русск. сказ. и пов., 188–191.

³⁹⁹ Никоновская летопись, VIII, 152–153; Русск. Ист. Библ., XIII, 203–206.

ценнослужителем, во время которой один схватился за кинжал, а другой поднял свой пастырский крест. Задуманные послания были отправлены без патриаршей подписи, и с тех пор Гермоген стал олицетворением дела национальной независимости. Уже дряхлый, полуслепой, вскоре лишенный поляками всяких сношений со внешним миром, он не мог принять очень деятельного участия в организации восстания. Со внешним миром он сообщался сначала с большим трудом письменно, а потом, когда надзор за ним сделался более строгим, через устных послов. Религиозное чувство, вдохновлявшее восстание, было, однако, причиной того, что происхождение и развитие его всюду приписывали почину священного старца. Летописец «Новой Повести»⁴⁰⁰ придал ему черты эпического героя. Гермоген – единственный твердый оплот истинной веры и национальных интересов, отождествленных с нею. Как безоружный великан, он силою только слова двигает народные полчища и сокрушает бесчисленных врагов Святой Руси; как несокрушимый столп, он поддерживает все государство; как твердый алмаз, он противостоит всем нападени-

---

⁴⁰⁰ Русск. Ист. Библ. XIII, 203–211; то же слышится в «Плаче о плен.», там же, XIII, 230; в летописи Тимофеева, там же, XIII, 439; у Хворостинина, там же, XIII, 545; у Катырева-Ростовского, там же, XIII, 583, и у Шаховского, там же, XIII, 865–870.

ям. Другой летописец⁴⁰¹ доходит до того, что приписывает ему дар пророчества. Патриарх – мученик, апостол, и он проповедует священную войну. Поляки под напором налетевшего на них вихря сами способствовали созданию этой благочестивой легенды, возлагая на своего пленника самую тяжелую ответственность за события и усугубляя строгость обращения с ним.⁴⁰² Разразившаяся буря угрожала, однако, не одним полякам. Восстание было направлено в равной мере и против московской аристократии, вступившей в сделку с Сигизмундом. Таким образом, против поляков выступили те же люди, которые вместе с поляками выступали против Шуйского. Это была в ином виде, но опять-таки революция. Поток ее, временно прекратившийся, возобновился и увлек все те же элементы, она выдвигала те же интересы и возбуждала те же страсти. Как и раньше, главный очаг ее находился не в Москве. Поляки, почти с согласия бояр, держали столицу в железных тисках. При первых тревожных признаках Гонсевский начал удалять из Москвы стрельцов, назначая им стоянки в окраинных кварталах. Немного спустя он стянул к Москве все зани-

---

⁴⁰¹ Новый Летописец, Никоновская летопись, VIII, 141–142; Иное сказание, Русск. Ист. Библ. XIII, 125 и Хронограф второй редакции, «Изборник» Попова, 201 (из того же источника) расточают менее похвал.

⁴⁰² Kobierzycki. Hist. Vladislai, 368.

мавшие областные гарнизоны польские отряды, заменив их оставшимися в его распоряжении московскими войсками. В то же время он принимал энергичные меры для разоружения обывателей Москвы. Жителям запрещено было носить сабли; отнимали топоры даже у плотников; дошли до того, что запретили продажу колотых дров, так как поленья могли быть пущены в ход как оружие. Но от этого только сильнее разразилась буря в областях.

II. Восстание в областях

В Рязани во главе восстания снова стали Ляпуновы. В октябре 1610 года Прокопий еще отнял у Дмитрия Пронск для Владислава; в январе 1611 г., тайно сговорившись с братом своим Захаром, оставшимся под Смоленском, он привлек на свою сторону Заруцкого, который вместе с Мариной и казаками ее опять водворился в Туле. Тогда Ляпунов поднял знамя восстания. Неразлучная отныне спутница и явная любовница храброго атамана, Марина все еще мечтала вернуть себе трон, и Ляпунов поддерживал в возлюбленном бывшей царицы эту химерическую надежду. Движение быстро распространялось; воззвания Ляпунова сходились с пастырскими посланиями патриарха и грамотами, которыми уже обменивались города, для

выражения сообщая своего негодования и своих сетований. Особенно тяжко потерпевшие жители смоленского уезда рассылали с некоторых пор своим соседям трогательные увещевания: «Где наши начальники?» писали они: «Где наши жены, дети, братья, сродники и друзья? Мы не оказывали сопротивления, и вот мы погибли, предоставленные вечному рабству и ненавистному латинству. Если вы не соединитесь со всей страной, вы будете плакать и рыдать неутешным и непрестанным рыданием. Христианская вера упразднится, святые церкви со всею лепотою своею будут разрушены, и жестокой смертью погибнет весь народ наш христианский; наши матери, наши жены, наши дети испытают неволю и гнуснейшие надругательства».

От Ярославля до Нижнего Новгорода и от Перми до Казани призыв этот встретил отклик.⁴⁰³ В Рязань прибыли люди из Мурома под предводительством князя Масальского; из Суздаля – с Артемием Измайловым, из Вологды и Поморья – с князьями В. Р. Пронским и Ф. Козловским, с дружинами из Галича, из Костромы. К восставшим в Костроме присоединился князь Феодор Иванович Волконский, а в Нижнем Новгороде князь Александр Андреевич Репнин. Это движение, следо-

---

⁴⁰³ Акты археографической экспедиции, II, №№ 179 и 188; Собрание государственных грамот и договоров, II, №№ 228, 239, 241, 268.

вательно, не было исключительно простонародным, как утверждают некоторые историки,⁴⁰⁴ и еще того менее оно было направлено против «служилых людей», на которых падает ответственность за революционный кризис. Часто близко стоявшие к простому народу служилые люди, как я уже имел случай указать, напротив, в большом количестве находились в войске при этом восстании; они были дисциплинированы больше других своих сограждан, на них лежала лишь весьма незначительная ответственность за смуту, и ничуть они неповинны в ее возникновении: наконец, в то время не было еще и мысли о контрреволюции. Дело шло об изгнании поляков и укрощении их приверженцев. Вначале весь главный штаб восставших состоял исключительно из служилых людей; но именно вследствие строгой дисциплины, которой их подвергали в течение целого столетия, и которая, укрощая их, обезличивала их в то же время, этот элемент, униженное перевоплощение древней свободной дружины русских князей, не представлял в своей совокупности достаточных средств для энергичной борьбы с любой властью, твердо установившейся. Вот почему Ляпуновы скоро должны были запросить поддержки у других союзников. Принимая людей, всегда склонных к насилиям, готовых сражаться под каким угодно зна-

---

⁴⁰⁴ Забелин. «Русский Архив», 1872.

менем, они вошли в соглашение и с казаками, а те, в свою очередь, кликнули призыв к крестьянам и крепостным, и таким образом окончательно придали на этот раз восстанию его чисто революционный характер. Здесь повторилась история многих предприятий, подобных этому, во всех странах и во все времена.

Ополчение 1611 года соединяло, таким образом, три ясно различаемые и довольно плохо подобранные группы: остатки последней армии царя Василия Ивановича с дворянами с Оки, крестьянами с Клязьмы и Волги и товарищами по оружию Скопина; остатки Тушинской армии с боярами, воеводами и военными людьми, служившими в Калуге второму Дмитрию, и шайки казаков, всякого происхождения, с набранными ими крестьянами. Преобладая количественно и в военном отношении качественно, эта последняя группа неизбежно должна была завладеть первенствующей ролью и, отвратив общее дело от его первоначальной цели, причинить неудачу предприятия.

Начальствование над ополченцами было вследствие этого распределено между тремя лицами: Прокопием Ляпуновым, князем Д. Т. Трубецким и Заруцким. Это наспех учрежденное правительство опять считалось получившим полномочия от Земского Собора, который будто бы состоял из выборных всей земли, в предположении присутствовавших лично в

стане; оно, со своей стороны, действовало как власть законодательная и судебная, издавало указы и обнародовало их за особой печатью. Некоторые историки⁴⁰⁵ называли это правительство «Походной Думой» и указывали на то, что, так как здесь присутствовали представители двадцати пяти областей, то это собрание имело все еще больше прав говорить от имени всего народа, чем соборы 1606 г. и 1610 г., избравший и низложивший Шуйского. Ограничиваясь, однако, лишь случайным сборищем нескольких начальников ополчения, это представительство было чисто фиктивное.

Одновременно и в других местах происходили чрезвычайно любопытные попытки учредить независимые правительства. То тут, то там возникали соборы или советы, наделявшие себя подчас весьма широкой властью. Так, земский совет Поморской области вступил письменно в сношения с Карлом IX относительно кандидатуры наследного принца Швеции на московский престол; Новгородское «земское правление» принимало меры для колонизации всех северных областей. Выходя, таким образом, из круга местных интересов, эти маленькие парламенты неминуемо должны были сговариваться друг с другом, об-

---

⁴⁰⁵ Костомаров. Исторические монографии и исследования, VI; Смутное время, III, 161; Латкин. Земские Соборы, 115.

менивались делегациями, состязались друг с другом часто со злополучным усердием, но повсюду вполне искренно, в деле защиты национальности. Ни в одном европейском государстве под двойной корой милитаризма и бюрократии, которая в сущности не что иное, как искаженный милитаризм, в настоящее время атрофированная парламентская автономия политических и социальных органов не имеет, быть может, более жизнеспособных и более глубоких корней.

В 1611 году милитаризм казаков не преминул подавить бессвязные проявления этой автономии. Манифест Ляпунова,⁴⁰⁶ изданный 11 февраля, содержит в этом смысле любопытное указание. Проповедуя восстание против поляков, он написан польско-русским говором и носит польское заглавие; явно, и то и другое предназначалось для читателей, вышедших из разноплеменной среды украинцев. Эта черта наблюдается до 1613 года в целом ряде документов, исходящих от разных следовавших за этим мятежных правительств.⁴⁰⁷ Триумвиры, впрочем, попытались еще приобрести содействие Яна Сапеги, которого даже Сигизмунд предоставил самому себе, и который не знал, как устроить свою бродячую судьбу. Староста усвят-

---

⁴⁰⁶ СПб. Имп. Библ., Ист. Отд., Польша, № 30.

⁴⁰⁷ См. письмо великого Московского Собора от 10 марта 1613 г. в конце польского перевода повествования Руссея, стр. 45.

ский сначала как будто расположен был пойти на встречу этому предложению. «Свободные люди, – писал он Трубецкому, – не служат ни королю, ни королевичу; они ждут от будущего царя, кто бы он ни был, награды за свою службу, готовые умереть за православную веру, за свою собственную славу и за удовлетворение своих справедливых требований». Но беспокойное честолюбие этого польского авантюриста постоянно мешало ему принять окончательное решение. Через месяц стало известно, что он побуждал жителей Костромы признать Владислава. Он остался в нерешительности между двумя лагерями, ожидая какого-нибудь указания рока, и когда ополчение в апреле 1611 года подступило к Москве, он следовал за ним на некотором расстоянии.

В столице, в жестоких тисках туземных и иноземных господ, ничто еще не шевелилось; но тайные происки Ляпунова вместе с явными подстрекательствами патриарха подготовляли неизбежный взрыв. Испытания, которые, действительно, терпели жители от захвативших столицу иноземцев, были чрезмерно преувеличены слухами, распускаемыми для подстрекательства. 7 марта 1611 года, в Вербное воскресенье, искони заведенное шествие на осляти привлекло чрезвычайно мало народа, так как был пущен слух, будто Салтыков и его сообщники поляки намерены

воспользоваться этим поводом, чтобы убить патриарха и безоружный народ. Гонсевский и его товарищи ни о чем подобном и не думали; но, по свидетельству Мархоцкого,⁴⁰⁸ Салтыков, действительно, убеждал поляков учинить резню и этим упредить бунт в Москве, который уже грозил разразиться с приближением ополченцев. И мятеж в Москве не замедлил разразиться.

III. Мятеж в Москве

Рассказы об этом событии столь же спутаны и полны противоречий, как и все, оставленное нам этой эпохой. Принимая требуемые обстоятельствами предосторожности, поляки, по-видимому, действовали слишком круто. Произошла ссора с извозчиками, которых заставили втащить на укрепления несколько новых пушек. Простой народ вмешался в свалку; авангард ополчения, предводительствуемый кн. Пожарским, хотел воспользоваться этим случаем, чтобы проникнуть в город, и Москва пережила один из своих самых ужасных дней. Изгнанные из Белого города, прижатые к Кремлю и стесненные в Китай-городе, поляки сначала произвели страшную резню; затем,

---

⁴⁰⁸ Стр. 113.

чтобы доставить себе простор, они прибегли к злощастному средству, которое силой предания послужило примером для других защитников этого города. Говорят, Салтыков первый поджег свой дом в Белом городе, и к вечеру вся эта часть, где укрепился уже Пожарский, была в огне. На другой день поляки для расширения защищавшего их от ополченцев огненного круга и открытия прохода подкреплению, которого они ожидали со стороны Можайска, зажгли еще пригород Москвы, Замоскворечье. Затем, когда в самом деле прибыл Струсь с несколькими свежими эскадронами, они напали на Пожарского, который пал после ожесточенной борьбы, покрытый ранами, и был перевезен в Троицкую лавру.⁴⁰⁹

В следующие дни резня продолжалась. Жизнь в Москве сделалась невозможной. В жестокий холод несчастные жители столицы разбрелись по окрестным деревням. По указаниям летописцев, на улицах валялось до 7 000 трупов; впрочем, и на этот раз их надо подозревать в преувеличении. Наконец, в великий четверг Гонсевский принял депутацию из нескольких граждан, которые поручились, что все население снова присягнет Владиславу. Тогда он согласился прекратить избиения. В знак покорности москвитяне, принявшие этот новый договор, должны были но-

---

⁴⁰⁹ Marchocki. Hist. wojny mosk.; Niemcewicz. Zbiór Pamitnik(w.... II, 390.

сшить особый холщовый пояс. Но вскоре, когда распространилась весть, что приближаются 30 000 казаков под предводительством Прозовецкого, уже известного нам московского партизана, теперь сделавшегося помощником Заруцкого, битва и избиения снова начались. Благодаря Струсю натиск Прозовецкого был отражен; но он отступил только к главной армии ополченцев, а в понедельник на Пасхе вся эта армия расположилась лагерем под стенами столицы. Маршоцкий определяет численность ее в 100 000 человек.

6 апреля (стар. ст.) после безуспешных схваток осаждающие внезапно заняли самую большую часть Белого города. Последовали ежедневные стычки, при которых, по указаниям летописцев, особенно отличался Ляпунов, «рычавший, как лев». В начале мая на возвышенности, господствующей над городом, на Поклонной горе, появился и Сапега. Он снова завел переговоры с ополченцами; не сойдясь с ними, он напал на них, был разбит и тогда присоединился к полякам. Но в наполовину разрушенном, наполовину осаждаемом городе помощь эта обратилась лишь в тягость: для выручки гарнизона она была недостаточна и только увеличивала число едоков, которых надо было кормить. Поэтому Гонсевский, приведя в лучшее состояние, в смысле защиты, части города, занятые его войсками, поспешил избавиться от помощни-

ка, который мог всячески мешать ему. С усиленными ласками он отослал старосту усвятского к ПереяславлЮ-Залесскому, дав ему несколько своих эскадронов и поручив им обеспечить гарнизону снабжение продовольствием.

Гарнизон, таким образом, умалился до 3 000 поляков. Отражая победоносно все приступы, они ничего лучшего не могли сделать и ждали, что Сигизмунд, наконец, решится помочь им; а осаждающие насмехались над ними: «Да, король пришлет вам подкрепление и провизию: 500 человек и одну кишку». В самом деле, была весть о прибытии отряда королевской армии под предводительством Кишки (kiszka – по-польски колбаса). «Радуйтесь, – кричали они снова, – Конецпольский приближается». И в этой жестокой игре слов (koniec Polski значит «конец Польши») издевались над бессильными попытками другого начальника польского отряда, действовавшего в окрестностях столицы.

Сам Сигизмунд все еще стоял под Смоленском, упорно осаждая город и переговариваясь с В. В. Голицыным и Филаретом. В ночь с 21-го на 22-ое мая новое внезапное нападение отягчило положение осажденных в Москве: у них была отнята часть Белого города, в которой они еще держались; но в то же время королю удалось, со своей стороны, одержать двой-

ную победу.

IV. Последние триумфы Польши

В феврале 1611 г. непримиримые члены великого посольства согласились уже, чтобы некоторое число поляков было впущено в Смоленск, жители которого должны были присягнуть Владиславу; но вскоре успехи ополченцев сделали Голицына с товарищами менее сговорчивыми. Сигизмунда убедили, что он ничего не добьется от них убеждением; и вот Голицын и Филарет были приглашены на совещание в королевский лагерь, отделенный Днепром от местопребывания посольства. Там им объявили, что они – пленники и будут отправлены в Вильну. В оправдание этой западни польские историки утверждают, будто Голицын послал письмо Шеину, коменданту Смоленска, подстрекая его к сопротивлению; но Жолкевский об этом ничего не говорит.⁴¹⁰

Послы были временно заперты вместе с сопровождавшими их москвитянами в жалких избушках, где они печально провели праздник Пасхи, жалуясь на плохое помещение и питание. К пасхальному столу, однако, король прислал им кусок говядины, старого бара-

---

⁴¹⁰ Niemcewicz. Dzieje panowania Zygm. III-go, II, 504; Kobierzycki. Hist. Vladislai, 358; Жолкевский. История Московской войны, 102.

на, двух ягнят, козу, четырех зайцев, тетерева, четырех молочных поросят, четырех гусей и семь кур. Он извинялся при этом, что не может лучше угостить их, потому что русская земля по отношению к нему самому недостаточно гостеприимна.

Это грубое насилие в связи с тем, что тогда творилось в Москве, очевидно, не могло побудить защитников Смоленска пойти на мировую. И потому, несмотря на скорбунт, который страшно опустошал ряды их, гораздо больше, чем неприятельские пули, они менее чем когда-либо думали о сдаче. Но познания немецких инженеров, нанятых на службу Сигизмундом, в конце концов сделали свое дело, и новый приступ, на который решились в первых числах июня, открыл полякам ворота города. Москвитяне приписывали это измене. Таково обычное оправдание побежденных, и впоследствии, в 1634 г., благодаря такому обвинению несчастный Шеин поплатился головою за потерянное сражение с поляками под стенами того же Смоленска. В 1611 году он, кажется, до конца исполнил свой долг. Один перебежчик, правда, указал осаждавшим место, где заложена была мина; но в момент, когда она взорвалась, поляки были уже в крепости, и, по некоторым сообщениям, мину эту, в порыве отчаяния, подожгли сами осажденные. Безусловно верным оказывается то, что начатое таким образом разрушение они

распространили потом, поджигая свои дома. Некоторые жители заперлись в соборе; когда поляки проникли туда, взорам их представился архиепископ Сергей, в архиерейском облачении, громко молившийся перед распростертой толпой. Пастырь этот, еще молодой, с ниспадающими на плечи белокурыми волосами, золотистой бородой, навел религиозный ужас на нападающих: им показалось, что пред ними сам Христос, и они пощадили храм. Но пламя добралось уже до архиепископского дворца, где в погребах было скрыто большое количество драгоценностей, принадлежащих жителям, и 160 пудов пороху; произошел новый взрыв, и во власти победителей остались лишь окровавленные развалины.⁴¹¹

Сигизмунд объявил о своей победе московским боярам в письме, в котором обвинял в «измене» Голицына и Филарета, приписывая их влиянию продолжительное сопротивление Смоленска и распространение мятежного движения по всей стране. Несмотря на эти преступные злоумышления и на их последствия,

---

⁴¹¹ Kobierzycki. Hist. Vladislai, 409; Relazione, 5; Dyariusz, изд. Подгурского; Ateneum, 1842, IV; Opisanie wzi(cia Smolen., рукопись в библ. Оссолинских, № 231; Górski. Oble(enie Smolen., Przewodnik naukowy, 1895, XXIII, II, 104; Swiatkiewicz. Kwartalnik Historyczny, 1892, I, 80 и сл. См. друг. источн. у Святкевича. День события различно определяется; 3/13 июня 1611 года кажется наиболее вероятным. См. Карамзин. История Государства Российского, XII, примеч. 770.

Господь сохранил московский трон «для того, кому Он его предназначил», и бояре будут повиноваться воле Господней, если сохранять верность «королю и королевичу». К виновным послам они должны поскорее присоединить выборного, чтобы он побуждал их лучше исполнять свои полномочия, ведь эти «изменники» действовали заодно даже с «вором» в Калуге перед его смертью. Разве только бояре предпочтут избрать другое посольство.⁴¹²

Ответ Мстиславского и ему подобных доказывает, насколько они тогда чувствовали, что их дело теперь неразрывно связано с успехом короля. Они выражают свое сожаление по поводу пролитой под Смоленском христианской крови «из-за непокорности Шеина и других дурных людей» и поздравляют государя с приобретенным им успехом. Сообщая ему вместе с тем о своем бессилии остановить мятежное движение, они предупреждают его о возникших между ополченцами и королем шведским сношениях по вопросу о вступлении на московский престол одного из сыновей этого узурпатора; они отмечают враждебное отношение новгородцев, где сын Михаила Салтыкова, Иван, недавно был подвергнут пытке и посажен на кол; но они выражают надежду, что король уже не станет теперь медлить и поможет «своим верным под-

---

⁴¹² Акты Западной России, IV, № 184.

данным». ⁴¹³

Увы! Сигизмунд остался глух и к этому призыву. Оставив в Смоленске гарнизон, он распустил остаток своей армии, которую он с таким трудом удерживал под оружием, и поспешил вернуться в Варшаву, чтобы там вкусить плоды своей победы. 29 октября 1611 года он устроил себе торжественный «въезд» в стиле римских цезарей. В колеснице, запряженной шестеркой лошадей, участвовали в кортеже бывший царь Шуйский и его два брата; они были затем торжественно представлены королю Жолкевским. Гетман произнес длинную речь, в которой распространялся о мужестве короля, о результатах его победоносного похода и о могуществе московских царей, последний из которых находится теперь перед Его Величеством. В этот момент Василий Иванович покорно склонился, коснулся правой рукой земли и поднес ее затем к губам. Брат его Дмитрий «ударил челом в землю», а второй брат, Иван, с плачем три раза повергнулся ниц. Жолкевский, продолжая свою речь, сказал, что привел Шуйских к королю «не в качестве пленников, а как живой пример превратности человеческой судьбы»; заканчивая свою речь, он испрашивал милости для Шуйских. Несчастные повторили свои унижительные движения и были допущены к целованию руки Три-

---

⁴¹³ Собрание государственных грамот и договоров, II, № 263.

умфатора. Но среди присутствующих раздалась возгласы протеста. Некоторые сенаторы требовали мщения за резню 17 мая; воевода сандомирский требовал правосудия для своей дочери.⁴¹⁴

Эти протесты отразились на участи побежденных. Их отправили в Гостынинский замок, в 45 лье (180 слишком верст) от Варшавы. Русские историки говорят, что у них предварительно отобрали все, что они еще имели, так что невестка бывшего паря, Екатерина Петровна, должна была расстаться даже со своей серебряной коробочкой для белил. Но опись, составленная после смерти пленников, противоречит этому указанию. В описи этой упоминается о большом количестве драгоценных вещей, посуды и драгоценностей, полученных ими, напротив, от щедрот короля или польских вельмож.⁴¹⁵ Замок Гостынинский, в настоящее время обратившийся уже в развалины, по видимому, никогда не был пышной резиденцией; однако, гости 1611 года не испытывали в нем лишения: на их содержание ежемесячно отпускалось 200 злотых. Им недолго пришлось томиться в плену: Василий Иванович, жена его и брат Дмитрий умерли через несколько месяцев, причем в Москве пытались при-

---

⁴¹⁴ Официальное описание торжества помещено: Цветаев. Царь Василий Шуйский, I, стр. II; Niemcewicz. Dzieje panow. Zyg. III-go, II, 565.

⁴¹⁵ Цветаев, там же, Приложение I, стр. IX; II, стр. CCLXXXI.

писать смерть их насилью или последствиям дурного обращения с ними. Иван, вскоре выпущенный на свободу, поступил в Польше на службу; в 1619 году, при обмене пленников, он возвратился на родину, где жил в неизвестности. В 1620 г. останки его братьев и невестки были перевезены в Варшаву и с пышностью погребены в часовне, местонахождение которой все еще служит предметом горячих споров. Достоверно только то, что в 1817 г., по странной игре судьбы, превратности которой Жолкевский как будто предчувствовал, это место, или другое близ него, должно было послужить местом сооружения православной церкви. И ему не суждено было избавиться от этой участи, потому что проект этот, вначале заброшенный, недавно был осуществлен. В 1893 году к гимназии, в которой потомкам победителей 1611 года польская история недавно еще преподавалась на русском языке, пристроен был храм, на византийском куполе которого возвышался крест, отлитый из бронзы пушек, отнятых в 1612 году у польских защитников Кремля.⁴¹⁶

Надпись, некогда сделанная на усыпальнице несчастной семьи, служила в России предметом неправильных толкований, напрасно придававших ей

---

⁴¹⁶ Цветаев, там же, I, стр. VI и XLI, Прилож. II, стр. XIV; Z dziejów Warszawy, брошюра; Kwartalnik Historyczny, 1898, 630 и след.

оскорбительный смысл. Карамзин,⁴¹⁷ однако, с точностью воспроизвел ее, и она делает честь чувствам Сигизмунда, который, как гласит эта надпись, хотел, «чтобы в его царствование даже враги и узурпаторы не были лишены подобающего погребения». Надпись эта исчезла вместе с усыпальницей. В 1635 г., после заключения мира в Поляновке, временно примирившего Польшу с Московией, сын завоевателя Смоленска, Владислав, отослал печальные останки в Москву, где они преданы были окончательному погребению в общей усыпальнице московских государей в Архангельском соборе.⁴¹⁸

Итальянский художник Долабелла, служивший в это время в Польше, изобразил в двух посредственных картинах взятие Смоленска и унижение Шуйских.⁴¹⁹ Эти картины дольше оставались в Варшаве, но и они впоследствии были тоже переданы Августом II Петру Великому.

В. В. Голицын и Филарет были также подвергнуты, хотя и тяжкому, но немногим более жестокому заключению. После полугодового пребывания в одном

---

⁴¹⁷ История Государства Российского, XII, примеч. 785.

⁴¹⁸ Цветаев, Прилож. I, стр. XXXIII; Иловайский. Смутное время, 314. Ср. «Русская Старина», 1890, LXV, 91–92; «Киевская Старина», 1889, VIII и X (Линниченко).

⁴¹⁹ Цветаев приложил воспроизведение второй картины.

из владений Жолкевского, в Камиионке, их заключили в великолепный замок Мальборг (Мариенбург) ввиду того, что они оказались очень неподатливыми. В 1619 г. Голицын получил свободу, но умер на пути в Вильне. Филарет возвратился в Москву, чтобы там занять первенствующее место среди устроителей новой судьбы своей родины, уже освобожденной и умиротворенной.

В 1611 г. по всей Европе прогремела слава, выпавшая, казалось, на долю Польши и короля Сигизмунда. В то время как в Варшаве и Кракове происходили народные ликования, празднества и апофеозы, в Риме с блеском торжествовали победу католической цивилизации над московским варварством. 7 августа папа даровал полное отпущение грехов богомольцам в церкви св. Станислава, патрона Польши. В доме иезуитов, находившемся рядом с этой церковью, на Кампидольо, отцы приняли участие в этих торжествах, устроив празднество, во время которого был зажжен фейерверк – аллегория, изображавшая белого орла Польши, превращающего одним прикосновением в пепел черного орла Московии.⁴²⁰

Эти торжества, уже сами по себе неприличные при тогдашних обстоятельствах, получили еще более неуместно оскорбительный характер, вследствие со-

---

⁴²⁰ Narratio brevis, 1611.

провождавших их толкований. Хотя Жолкевский придавал своим речам относительно умеренный характер, зато его товарищи в сенате и польском правительстве не проявляли такой же сдержанности. Полковник Винцент Крукевницкий, говоря в Смоленске от имени польской армии, сам коронный вице-канцлер Феликс Крыский в Варшаве говорили о завоевании Московии, как о деле конченном. «Глава государства и все государство, государь и его столица, армия и ее начальники – все в руках короля», заявил Крыский.⁴²¹

Неуместность этого нелепого заявления усугублялась жалкой лживостью его. В это самое время польский гарнизон, окруженный волной мятежа, вел в Москве отчаянную борьбу, которая с каждым днем становилась безнадежнее. Сигизмунд употребил все свои усилия, на которые был способен, а Польша, удовлетворенная достигнутой победой, продолжала упорствовать в отказе средств на продолжение борьбы. Тщетно осенью 1609 года король обращался к сеймикам, раньше так благоприятно расположенным: с небывалым единодушием они на этот раз отклонили всякое свое участие в предприятии, так блестяще начатом. В этот промежуток времени отсутствием короля воспользовались участники недавнего *rokosz'a*, Гербурт и Стадницкий «Дьявол»; они снова принялись

---

⁴²¹ Цветаев, прилож. XLII, стр. CCCXVI и след.

ковать козни в стране, войдя в сношения с Гавриилом Баторием, племянником знаменитого Стефана, подбивая его требовать себе наследие дяди; и шляхта, хотя и не действовала заодно с этими агитаторами, под их влиянием проявляла свою склонность перечесть правительству.

Уже надвигались сумерки над этими богами *liberum veto*, и их ближайшие потомки принуждены будут из года в год ожидать возвращения сомнительного рассвета, повторяя из рода в род печальную местную поговорку: «Пока солнце взойдет, роса очи выест».

Смоленск на время оставался владением Польши; но, овладев городом приступом и придав истинному положению дел и этому успеху характер, наиболее противоречивший чувствам, которыми они должны были бы вдохновляться, король и поляки повернулись спиной к цели, которой не должны были выпускать из виду. Сигизмунд сильно повредил своим московским «верноподданным», и вся Польша давала в руки сторонников ополчения грозное оружие. Если, несмотря на свое отчаянное положение, Гонсевский и его товарищи еще целый год вели эту героическую, но совсем бесполезную борьбу, это надо приписать тому, что военные качества их противников не соответствовали числу и мужеству бойцов, а особенно и тому, что эти беспорядочные отряды, как мы зна-

ем, с политической точки зрения, по самому составу своему оказались непригодными для исполнения взятой ими на себя задачи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Движение против смуты

I. Несостоятельность национализма

Никакой триумвират не может обойтись без цезаря. Этого положения добивался Заруцкий, личность энергичная; большинство ополченцев было в числе его сторонников. Он очень гордился приобретенным в Тушине боярством. Рассчитывая воевать и править по-казацки, он перебивал на деле у Ляпунова командование войсками и не покидал мысли укрепить престол за сыном Марины, который жил с матерью в Коломне. Рязанский воевода охотнее подумывал о кандидатуре шведского королевича и предпочитал даже Владислава «воренку», как в его кругу величали маленького Ивана. Он пытался одерживать верх своим авторитетом. На соборе казаки не имели большинства; один из их отрядов состоял под начальством кн. Трубецкого, и большинство начальников было из высшего и мелкопоместного дворянства. 30-го июня 1611 года это собрание приняло ряд постановлений, входивших в состав целого плана административных, за-

конодательных и политических преобразований, которые очень чувствительно отзывались на элементах населения, представителем которых был Заруцкий. Вопреки его желанию, сначала покончили с политическим наследием второго Лжедмитрия и Сигизмунда. Как известно, в Тушине, в Калуге и под Смоленском претендент и польский король за счет Московии соперничали в щедрости, награждая чинами и пожалованиями всякого рода. Не объявляя их недействительными, служилые люди, заправлявшие собором, намеревались применить к ним установленную обычаям мерку; другими словами, подобно тому, как сами московские государи часто проводили систему подравнивания, и они желали низвести преимущества чересчур щедро награжденных к более приличному уровню. Эта мера лично задевала Заруцкого, получившего огромные поместья. В то же время намечались особые правила относительно всего казачества. Установлено было различие между старыми участниками войн, веденных более или менее сообща приблизительно с 1606 года, и новобранцами; первые за деньги или, по желанию, за земельный надел должны вступить в сословие служилых людей; вторые, казаки по ремеслу в тесном смысле, и крестьяне, вступившие под казачьи знамена, возвращались в прежнее положение – одни в свои степи, другие на пашню

или в холопы. А это означало, что национальное движение, развившееся, поддержанное и донесенное до Москвы обдуманном содействием народного элемента, теперь отрекалось от освободительного, революционного начала, которое одно только и обеспечивало содействие народа. Ведь для всей этой гольтыбы, которую оно соблазнило и увлекло в ряды ополченцев, слово «казачина» означало: свобода и дележ поровну всех благ, которые предстояло завоевать, – богатства и власти. Второй раз этой попыткой восстановить порядок в пользу исключительно аристократических привилегий революция отрекалась от присущего ей принципа, а на долю других классов уделяла лишь то, что среди них создавала новую категорию привилегированных.

Для исполнения задуманной программы, так как гражданская и военная власть сосредоточивались в руках триумvirата, учреждались приказы по обычному порядку, и вот второй раз, не имея возможности овладеть столицей, стан ополченцев готовился перехватить у нее власть.⁴²²

Заруцкий подписал протокол постановлений, вернее, не умея писать, предоставил Ляпунову распи-

---

⁴²² Карамзин. История Государства Российского, XII, прим. 793 и 794. Более точно изложено у Забелина, Минин и Пожарский, стр. 269–278. Сравн. Платонов, Очерки, стр. 504 и след.

саться за себя. Возлюбленный Марины Наверное рассчитывал, что эти постановления останутся мертвой буквой, как это и оправдалось на деле. Затеять закономерные государственные преобразования среди такой разрухи и при подобном составе лиц было безумной дерзостью. Первыми нарушителями новых правил оказались даже не казаки. Случилось так, что некоторые из них захвачены были на месте преступления при грабеже; М. Плещеев, один из членов собора, не считаясь с только что установленными судебными порядками, распорядился утопить виновных без всякого суда и следствия. Вспыхнул бунт; в этом превышении власти обвинили самого Ляпунова; он пытался скрыться в Рязань, но казаки вернули его в лагерь, и с той поры он сделался их пленником. Через несколько недель настал его черед стать жертвой огульной расправы.

Свидетельства опять говорят различно об этом прискорбном событии. Некоторые польские и московские известия возводят вину за это дело на «боярина» Гонсевского; чтобы избавиться от самого опасного из противников, Гонсевский будто бы решился на довольно-таки гнусную проделку: подделал руку и распространил за подписью Ляпунова окружную грамоту сторонникам ополчения, должностным лицам в областях, чтобы они поступали с казаками подобно тому,

как только что поступил Плещеев. В настоящее время преобладает мнение, что документ этот был подлинный, содержащий только наказы согласно недавно выработанным собором постановлениям, но его превратно истолковали. Казаки не соглашались на них, они потребовали Ляпунова в свой круг, и триумвир был изрублен в куски. Заруцкий не присутствовал при этом, но общий голос называл его подстрекателем к убийству; а Трубецкой не предпринял никаких мер, чтобы предотвратить его.⁴²³

На другой день после этой катастрофы, происшедшей 22 июля 1611 г.,⁴²⁴ не осталось и следа от только что учрежденного правительства. Его сменило другое, где господами были казаки.

II. Правление казаков

Заруцкий поспешил показать, что движение ничего не потеряло от гибели Ляпунова. Двести поляков с несколькими верными им казаками еще занимали Девичий монастырь. Оставшийся победителем сопер-

---

⁴²³ Kobierzycki. Hist. Vladislai, 433; Marchocki, 123; Woycicki, Dyarjusz, 24; Костомаров. Смутное время, III, 163; Скворцов. Дионисий Зобнинский, 146–147.

⁴²⁴ Число это сомнительно; см. Горский и Леонид. Ист. описание Св. Троице-Серг. Лавры, II, стр. 100.

ник рязанского воеводы велел идти на приступ, и маленький отряд сдался на капитуляцию; однако, многие потом были перебиты. Монахини тоже должны были покинуть монастырь. Большинство из них сначала изнасиловали, отобрали у них всю одежду, а потом их отослали во Владимир. Принятые в эту общину бывшая королева Ливонии и несчастная Ксения разделили общую участь.⁴²⁵

Положив таким путем начало новому порядку, думали поддержать созданную Ляпуновым организацию управления, но превратить ее в орудие вымогательства в пользу новых хозяев. «Земские люди», т. е. не принадлежавшие к казачеству, жаловались, что не получают ни жалованья, ни съестных припасов. Многие решились разойтись по домам, где их присутствие становилось необходимым: не довольствуясь сбором исключительно в свою пользу всевозможных налогов, казаки всю их совокупность считали только частью своих доходов и творили при этом гнуснейшие насилия. Разбой стал законом для подчинившейся их расправе страны.

В это же время в Новгороде политика Ляпунова достигла уже после смерти его успеха, но в таком смысле, какого он несомненно не желал. Воеводы,

---

⁴²⁵ Собрание государственных грамот и договоров, II, № 281; Костомаров. Смутное время, III, 215.

поставленные им в городе после смерти Ивана Салтыкова, были уполномочены вести переговоры с Карлом Шведским о кандидатуре на московский престол его сына Карла-Филиппа и присылке отряда вспомогательных войск. Но переговоры затянулись. Шведы возобновили под Новгородом ту же игру, какую разыгрывал под Смоленском Сигизмунд, и думали только о захвате крепости. При соучастии одного из воевод, Василия Ивановича Бутурлина, и при помощи пленного крестьянина Ивана Шваля, 15-го июля 1611 года Деллагарди ночью овладел одними плохо охраняемыми воротами. Бутурлин бежал, не думая о сопротивлении, а казаки его последовали за ним, успев однако разгромить множество домов и лавок, — «чтобы не оставлять неприятелю слишком богатой добычи», говорили они. Один только атаман, Тимофей Шаров, выступил во главе нескольких стрельцов и был убит. Незадолго перед этим поссорившиеся из-за религиозных несогласий: протопоп собора св. Софии Аммос и митрополит Исидор помирились на глазах неприятеля; приняв благословение владыки, скромный священник точно так же сопротивлялся до смерти в своем доме, подожженном шведами. Исидор со вторым воеводой, кн. Иваном Никитичем Одоевским старшим, вступили тогда в переговоры с победителями, и все жители Новгорода присягнули шведско-

му королевичу, даже не выговорив, чтобы он принял православие, и, согласившись на добрую волю короля, кого из сыновей отпустит он в Москву на царство – старшего, Карла-Филиппа, или младшего, Густава-Адольфа. Договор с «государством Новгородским» признавался действительным, даже если «государства Владимирское и Московское не признают его».⁴²⁶ Это значило, что, возвращаясь к преданиям о своей былой республиканской свободе, покоренный город как бы отделял свою судьбу от судьбы московской Руси. Но уже не в восстановлении республики заключалось дело! В действительности Новгород подчинялся господству шведов; в этом краю правление казаков привело к расчленению отечества.

В это время под грозой шведов и поляков, терзаемый вместе с тем бушующими партиями, Псков едва не достался третьему грабителю. Московский дьякон Матвей, у летописцев обыкновенно именуемый Сидоркою, незадолго до того появился в Новгороде и пытался объявить себя Дмитрием. Узанный на рынке, он скрылся в Ивангороде, где население провозгласило его царем 23 марта 1611 г. Трехдневным звоном колоколов и пушечной пальбой праздновали народную радость, и тотчас все казаки ближних мест сбежа-

---

⁴²⁶ Новгородские летописи, стр. 354; Костомаров. Смутное время, III, 206; Widekind, стр. 252.

лись на призыв, так что и новый претендент оказался обладателем собственной армии. Вскоре и он, со своей стороны, мог вступить в переговоры со шведским королем, который одно время склонялся к признанию царем этого явного самозванца, чтобы предложить ему союз против Польши в обмен на часть русской территории.⁴²⁷ Смерть короля-перевертня разом прекратила эти переговоры, и Сидорка двинулся к Пскову. Он держал город в осаде с 8-го июля по 23-е августа, ведя переговоры с жителями, которые собирались было открыть ему ворота, когда приближение шведов обратило в бегство казаков. Но этих новых врагов встретили гораздо хуже; скоро отступили и они, и Сидорка мог возобновить свои попытки с б(льшим успехом).

Бутурлин, покинувший Новгород со своей шайкой грабителей, прибыл в это время под Москву к армии ополченцев. Но здесь события приняли невыгодный для казаков Заруцкого оборот. Ян Сапега приблизился к столице и 14-го августа 1611 г. удачно провел к осажденным большой обоз с провиантом; поляки оживились, перешли в наступление и прогнали осаждавших из той части Белого-города, которую они зани-

---

⁴²⁷ Никоновская летопись, VIII, 171; Форстен, Балтийский вопрос, II, 88, его же, Политика Швеции в Смутное время, Журн. Мин. Нар. Пр., февр. 1889, стр. 348 и след.

мали. Вскоре усвятский староста заболел и в сентябре умер. Но в начале октября, после перемирия со Швецией, прибыл к полякам славный победитель при Киркгольме, Ян-Карл Ходкевич, приведя из Ливонии отряд войск. В ожидании войны с Данией Швеция принуждена, была сосредоточивать свои силы. Но и Ходкевич имел в сущности всего несколько полков голодных и деморализованных, истощенных неудачным походом и осадами крепостей. Снабжение съестными припасами – всегда очень мудреная задача – при наступлении зимы заставила самого Гонсевского возобновить маневр, удавшийся ему недавно с Сапегой, и Ходкевич удалился из Москвы, заняв позицию в монастырь у Рогачева, между Волгой и Пугой в Ржевском уезде. Однако его присутствие здесь сдерживало Заруцкого, вынужденного тоже разбрасывать своих людей за невозможностью прокормить их на месте.

В течение ужасной зимы 1611–1612 г. казаки и поляки соперничали в искусстве разорять страну. А в то время, когда шведы укреплялись в Новгород, московские бояре отправили новое посольство к Сигизмунду, все еще именем «всей земли русской» прося Владислава поторопиться приездом и занять престол, а самого короля – поскорее замирить государство.⁴²⁸ Во

---

⁴²⁸ Собрание государственных грамот и договоров, II, 672–576; дневник этого посольства напечатан у Hirschberg'a, Polska a Moskva w

главе подписавших это ходатайство не было имени патриарха, – его заменяла подпись архиепископа Арсения – грека.⁴²⁹ Так среди полного крушения государственного и общественного здания сама церковь, казалось, распадалась и унижалась.

Чаша переполнилась! Под гнетом стольких бедствий в этой мучительно терзаемой «русской земле» произошел толчок, всколыхнувший в самых темных глубинах элементы, до той поры бывшие бездеятельными, но, без сомнения, не бесчувственными, а долго пребывавшими без движения вследствие органической пассивности национального характера. Внезапно на политическое поприще выступили новые люди с новой программой, которая еще никому не приходила в голову, которая не ограничивалась только защитой национальности. Наряду с борьбой против иноземцев она особенно настаивала на упорной борьбе с мятежниками всех сортов, которые под личиной защиты общего отечества еще более терзали и уродовали его. В своей основе, происхождении и отчасти по своим составным элементам и эта реакция была подобна той, которая уже выдвинула против поляков и казаков грозных противников, – только она была более мощ-

---

perwszej połowie wieku XVII, стр. 339 и след.

⁴²⁹ Называемого здесь архиепископом архангельским, потому что он служил в Архангельском соборе.

ная, более ясно понимающая свою цель, а потому ей суждено было на этот раз восторжествовать.

III. Победа реакции

Точкой отправления опять-таки была религия. Начали сокрушением о грехах, верою и молитвою. Ниспосланные на страну испытания представлялись заслуженною карой за грехи всего народа, о которых напоминали народной совести грозные видения. Спасение могло исходить только от милости Всевышнего, и другие небесные явления указывали пути к ней. Одно из них требовало, например, трехдневного поста «даже для грудных младенцев» и повелевало возле церкви Василия Блаженного соорудить новый храм, на алтаре которого явится знамение искупления.⁴³⁰

Скоро, однако, менее склонные к мистицизму умы придумали и предложили другие средства. Летописи того времени, составленные чинами клира или более или менее по их внушениям, приписывали и эту честь церкви; и несомненно, что Гермоген был причастен этой эволюции народной совести. Но ему суждено было вскоре исчезнуть. Давно удаленный от места действия, он умер 17 января 1612 года; по некоторым из-

---

⁴³⁰ Русск. Ист. Библ., XIII, 235, 243, 255; Платонов. Древнерусск. сказ. и пов. 122–125.

вестиям, поляки задушили его или уморили голодной смертью, но более вероятно, что он пал под бременем лет и телесных и душевных мук, который он переносил с несокрушимой твердостью. До сих пор еще в Чудовом монастыре показывают темный подвал, где, по преданию, был заключен святитель с кружкой воды и мешком овса. Но это только предание.⁴³¹

Перед смертью он отправил послание в Нижний Новгород, которое могло оказать влияние на дальнейшее развитие нового движения; смысл его я выясню далее. Но Гермоген не мог руководить первым проявлением движения, а за неимением верховного вождя Авраамий Палицын впоследствии разделил по видимости с архимандритом Дионисием положение и обязанности героев движения. В 1608 г. Троицкая лавра отразила поляков; в народе охотно верили, что она и в 1611 г. опять сделалась средоточием сбора воинов для защиты правого дела, а легенда, успевшая сложиться о личности Дионисия, способствовала распространению этой иллюзии.

Судя по рассказам летописи о первых шагах Дионисия на поприще иноческой жизни, этому игумену Сергиевой лавры как будто не суждено было войти в такую честь. В самом начале смутного времени мо-

---

⁴³¹ «Московские Ведомости», 1893 г., № 124. Сравн. Макарий. История русской церкви, X, 157, примечание.

лодой монах болтался среди сходки простонародья на одной московской площади. Какой-то простолюдин грубо спросил его: «Что ты здесь делаешь? Тебя ждет твоя келья!» – «Ты прав, брат! – ответил монах, – я согрешил, прости меня!»

Это был будущий архимандрит. Уроженец Ржева, он назывался в миру Давидом Зобниновским. Он вернулся в свою келью, но не надолго. В такие времена, как тогдашнее, монастыри всегда пустовали; переполнявшие их носители буйной юной энергии разбегались по перекресткам. Московские перекрестки не раз потом видали высокую фигуру и страстную мимику этого бродячего монаха. Но испытания, переживаемые его родиной, ставили его лицом к лицу перед жестокими страданиями и вернули его мятущуюся душу на путь ее истинного призвания. Впадая не раз в странные заблуждения и тяжкие немощи, русские монастыри вместе с тем долго служили делу милосердия; и вот за это они и до сих пор пользуются некоторым расположением народа, – увы! весьма ослабевшим. Во время осады и после нее Дионисий отличился, ухаживая за ранеными, собирая тысячами умирающих и умерших; и тогдашнее рвение его в этом служении сообщило такое обаяние его личности, что оно гораздо более всех его других подвигов приучило видеть в нем преемника по духу Гермогена. Историче-

ская действительность оказывается несколько иной.

Защитники пр. Дионисия старались выдвинуть значение посланий за его подписью, которые будто бы вызвали первое восстание против поляков при Ляпунове и Трубецком. Заслуга была бы не особенно большая, если принять во внимание, какой характер приняло это восстание. Но известные нам грамоты из Троицкой лавры помечены июлем и октябрём 1611 г. Палицын уверяет, что такие грамоты рассылались ещё в марте; это не важно: ведь 1-го апреля войско ополченцев стояло уже лагерем под стенами Москвы. Не в меру прославленный келарь хочет ещё доказать, что и призыв ко второму восстанию исходил из его монастыря. На этот раз он совершает погрешность гораздо более тяжкую, чем простая ошибка в числе. Приписывать этот почин Троице-Сергиевой лавре значит противоречить исторической истине. На словах монастырь в самом деле усиленно призывал к вооружению; но по духу своему он был не только вполне чужд восстанию 1611–1612 г., но даже противодействовал ему всей силой своего влияния. Монахи и казаки обыкновенно слишком хорошо ладили друг с другом, чтобы очутиться во враждебных лагерях. По происхождению, воспитанию и нравам они принадлежали к одной и той же среде. Один из биографов Дионисия открыл в лавре своего рода

Думу, которая после смерти Ляпунова приняла будто бы политическое наследие триумvirата⁴³² и воздвигла в Нижнем Новгороде новых защитников того же дела. Факты свидетельствуют о прямо противоположном. У нас в руках письма этой монастырской общине от Заруцкого и Трубецкого. Одно, помеченное августом 1611 года, – значит, после смерти Ляпунова,⁴³³ – отвечает на просьбу об отводе земель; через несколько месяцев за этим письмом следует обращение к щедрости монастыря, просьба о присылке боевых запасов.⁴³⁴ Следовательно, об стороны продолжали пребывать в наилучших отношениях.

– «Долой поляков и изменников! Помогайте храбрецам, осаждающим Москву!» – всегда был боевой клич лавры и в 1611 и в 1612 гг. А ведь этими храбрецами были одни казаки Заруцкого. Дионисий и его товарищи заговорили иначе только тогда, когда дело было уже сделано, когда новое ополчение, образовавшееся без их содействия и наперекор их желанию, положило основание для преобразования гражданских и военных порядков, которое исключало казаков.⁴³⁵ Ар-

---

⁴³² Сковрцов. Дионисий Зобниновский, 105 и след.

⁴³³ Акты археографической экспедиции, II, 192.

⁴³⁴ Кедров. Авраамий Палицын, стр. 21–25.

⁴³⁵ Акты археографической экспедиции, II, №№ 190 и 202; Собрание государственных грамот и договоров, II, № 275; Забелин. Минин и По-

химандрит Дионисий был добрым пастырем и выдающимся исправителем священных книг, – заслуга важная в его время; но он вовсе не обладал политическим умом, и национальное возрождение 1611–1612 гг. потребовало иных деятелей. В Нижнем Новгороде религиозное чувство соединилось с инстинктом самосохранения, и тогда создалась та нравственная атмосфера, среди которой сами собой возникли и боевой клич, и то единодушное усердие, которые призваны были вывести страну из самого жестокого кризиса, какие только она переживала за все свое существование до наших дней. Уже два ополчения одно за другим выступали в поход, чтобы приняться за эту задачу. Необходимо было третье с иным знаменем и иными воинами.

IV. Третье ополчение

Возникновение этого движения еще мало известно.

жарский, стр. 72–74; Азарин и Наседка. Житие пр. Дионисия, стр. 98–104. Значение рассказа, найденного в 1843 г. Мельниковым при хронографе, приписываемом Ельнину, и рисующего роль Дионисия в ином свете, сомнительно. Это только вставка, не более, а три другие переказа в той же летописи не упоминают о влиянии лавры на образование нового ополчения восставших. См. «Отечеств. Записки», 1843 г., т. XIX, 2-я часть, стр. 31–32, и Платонов. Древне-русские сказания, 305. Сравн., впрочем, Костомаров, «Вестн. Евр.», июнь 1871 г. и сент. 1872 г.

В Москве, на большой площади перед Кремлем, теперь бросается в глаза бронзовая группа, изумляющая взоры иностранных путешественников. Она изображает двух римских воинов в театральных позах. Надпись на гранитном цоколе соединяет воедино в общем апофеозе имена Минина и Пожарского, героев войны за освобождение 1612 г., которая спасла Москву и подготовила восстановление национального единства под властью новой династии. Воистину, не было памятника более заслуженного; только стиль этого памятника – явная нелепость. Здесь несуразно переряжены два таких деятеля, какими может и должна гордиться история народа; но по внешности своей они не носили ни малейших признаков ни классической древности, ни романтики, ни котурна, ни шлема с перьями. Они были – и в этом их своеобразная личная привлекательность и особое величие – просто честные люди, которые робко и как будто даже не совсем охотно выступили из рядов, чтобы совершить дело, которое требовалось от них стечением обстоятельств; они весьма просто, никогда не напуская на себя ни малейшей важности, несли всю тяжесть громадной ответственности и, совершив свой труд до конца, после того как они держали в своих руках судьбу великого народа, без малейшего усилия незаметно скрылись, без заметных сожалений вернулись в свое

прежнее положение: один – к своей мелкой торговле, другой – в ряды служилого дворянства.

В начале октября 1611 года в земской избе Нижнего Новгорода собрались потолковать о бедственных временах. Прибывшее накануне послание Гермона поразило унынием умы. Оно уведомляло о новой опасности, грозящей православной вере: Заруцкий с казаками задумали посадить на престол «воренка», сына проклятого нечестивца. Уже с начала года в несколько приемов, письменными посланиями и устными наказами, патриарх призывал нижегородцев к оружию.⁴³⁶ Но тогда он звал на помощь казакам против поляков и московских изменников. Теперь измена оказалась в другом месте, под другим знаменем, – ее приходилось искать не в осажденной столице, а под ее стенами! Оптовый торговец скотом и рыбой, староста Козьма Минин Сухорук встал и заговорил. Его знали за деятельного и ловкого человека, не очень разборчивого в ведении дел своих и общественных, не отказывавшегося, как подозревали, от подачек, но без крайностей и соблазна; добросовестный человек в духе того времени и страны. А теперь он проявил бескорыстную заботу об общем деле. Как и других, его по-

---

⁴³⁶ Акты археографической комиссии, II, № 176; Собрание государственных грамот и договоров, II, №№ 228 и 229; Русск. Ист. Библ., XIII, 606 и след.; Попов. Изборник, стр. 306.

сещали видения. Трижды являлся ему преп. Сергей, призывая послужить родине, окруженной опасностями. Сперва Минин отнесся недоверчиво к этим небесным внушениям, но был за это наказан болезнью. Потом он не знал, как приняться за исполнение полученных им в видении приказаний, – но святой явился снова и научил, что делать. В то время, когда Минин об этом рассказывал, один стряпчий, Иван Биркин, прервал духовидца:

– Лжешь! Ты ничего не видал!

Один взгляд Минина заставил наглеца незаметно скрыться.

В летописях, откуда мы заимствуем⁴³⁷ эту наивную сцену, вероятно, воспроизведена картина не очень далекая от правды, как это можно подумать с первого взгляда. Деятельная и грубоватая натура Минина вряд ли была расположена к припадкам религиозного исступления; тем не менее, сообщая с некоторыми единомышленниками, он счел нужным придать своему рассказу такую форму, потому что она служила как бы порукою замыслам, вытекавшим из верной оценки общих опасностей и обязанностей. На предварительный уговор указывает и легкость, с которой заставили замолчать Биркина, человека, впрочем, с плохой

---

⁴³⁷ Никоновская летопись (хронограф Ельнина), VIII, 175–176; Азарин. Книга о чудесах пр. Сергия, стр. 34; Попов. Изборник, стр. 353.

репутацией; а так как, с другой стороны, преп. Сергей и патриарх говорили согласно, то собрание тут же на заседании наметило план обороны православной веры и национального достоинства против всех врагов, внешних и внутренних.

У Минина и его товарищей не было военной опытности, поэтому решили обратиться к служилым людям; но все согласились с тем, что все граждане должны участвовать в расходах; тут же был сделан первый сбор среди членов общины.

Защитники славы Троицкой лавры настаивают на ее участии и в этом замечательном заседании,⁴³⁸ исход которого определился будто бы благодаря ее посланию. Но эта грамота, помеченная 6 октября 1611 года, не могла достигнуть Нижнего Новгорода ранее конца месяца, а там в это время уже организационная работа была в полном разгаре. Мало того, как все тогдашние политические послания иноков преп. Сергия, воззвание это шло наперекор тому, что входило в задачу Минина с товарищами: Дионисий и Палицын все еще восхваляли подвиги Заруцкого и Трубецкого! В этой стране повальной безграмотности питали боль-

---

⁴³⁸ Никоновская летопись, хроногр. Ельнина, VIII, 174; срав. Мельникова, «Отечественные Записки», 1843, т. XXIX, 2 ч., стр. 31–32; Палицын. Сказание об осаде Троице-Сергиевского монастыря, 1784, стр. 227; срав. Платонов. Древне-русс. сказания, стр. 304–306.

шое уважение к письменности, и это послание от 6 октября, вышедшее из глубокоуважаемого во всех отношениях источника, наверное должно было произвести впечатление. Однако оно не побудило нижегородцев передумать и отступить от принятых решений. Благодаря деятельности Минина, движение, возбужденное по его почину, уже распространялось вширь. Этот мясник вел довольно обширные сношения; один документ⁴³⁹ приписывает ему даже знакомство с гражданами Москвы. Могло случиться, однако, что особые мнения представителей лавры, вызвав горячие прения в широком кругу патриотов, враждебных смуте, только помогли им выяснить себе свои собственные взгляды и утвердиться в своих замыслах. Летописец говорит, что послание читали в воеводском доме на собрании именитых лиц города, всех мирских и духовных властей. На следующий день снова собрались, по обычаю, в Преображенском соборе, и предприятие было окончательно устроено.

Постановили, как собирать ратников и налоги на военное дело; в главноначальствующие Минин указал кн. Дмитрия Михайловича Пожарского, который после неудачной стычки с поляками на улицах Москвы залечивал свои раны в своей вотчине Суздальского уезда.

---

⁴³⁹ Нижегородская летопись, изд. Гацисского, прим. 45.

Теперь познакомимся с этими героями среди их деятельности.

V. Минин и Пожарский

Потомки Всеволода III-го из рода владетельных князей Стародубских, Пожарские получили прозвание от городка Погарь, прежде называвшегося Радогость и переименованного так после того, как его сожгли татары. За Дмитрием Михайловичем не знали ни одного блестящего дела, где бы он блеснул воинскими талантами, чтобы внушить особое доверие согражданам. Придворный без чина при Борисе и стольник по польскому чиноположению, установленному вторым Дмитрием, он тихо и незаметно переживал, покоряясь судьбе, превратности этой смутной поры. Служа Годунову, он не воздержался от внесения своего имени в список доносчиков, которых расплодила вокруг престола подозрительность этого государя. Россия того времени не знала безупречных людей, да и водились ли таковые когда-либо в других странах! По крайней мере за Пожарского говорила относительная прямота поведения. Его не видали ни в Тушине, ни под Смоленском. Он ничего не просил у Сигизмунда и даже

после Клушина оставался верным Шуйскому.⁴⁴⁰ Впоследствии он сражался рядом с Ляпуновым и Заруцким, но его раны избавили его от предосудительной близости с казаками. Происходя из обедневшего рода, он лично получил довольно значительное состояние от щедрот царя Василия, что тоже говорило в его пользу. Да иной выбор очень затруднил бы нижегородцев. Московия была бедна знаменитыми полководцами. Из круга более блестящих воевод – Шереметев был заперт в Москве, Шеин и В. В. Голицын попали в плен. Хотя Пожарский, будучи главнокомандующим, и не проявил талантов полководца, которых не сулило его прошлое, во всяком случае он вполне оправдал свое избрание. Следует отметить, что он принял его не без сопротивления, с искренней скромностью выражая сожаление, что нет кн. Голицына, которому он охотно уступил бы первое место.

Со своей стороны он предложил Минина в собиратели военных налогов, и мясник тоже отклонял от себя эту тяжелую обязанность; но, вынужденный принять ее, он проявил такую твердость и энергию, что они по временам казались чрезмерными и вызывали много жалоб. – «Если понадобится, мы продадим

---

⁴⁴⁰ Латухинская степенная книга, у Карамзина, История Государства Российского, XII, 553; Погодин, Борьба... с новыми ересями, стр. 36. Срав. Костомаров. Смутное время, III, 51.

наших жен и детей», будто бы сказал он, и некоторые историки думали, что он буквально исполнял это обещание и тем способствовал развитию крепостного права. Это весьма сомнительно. Отдельные случаи сопротивления могли вызвать кое-какие суровые меры, но в общем все-таки постановление тяглых городской общины Нижнего возбудило, по-видимому, великую готовность к добровольной щедрости; часто отличались щедростью последние бедняки, дававшие больше, чем от них требовали. Одна вдова пришла сказать: «У меня есть двенадцать тысяч рублей, а детей у меня нет; вот десять тысяч, – располагайте ими». – Можно с уверенностью утверждать, что с начала до конца скромный мясник, как его обзывали, был душою, главным двигателем и руководителем великого дела.

Вооружив население нижней Волги и собрав несколько отрядов из дворян, которые, будучи изгнаны одни поляками из Смоленской области, другие Заруцким из Дорогобужа и Вязьмы, бродили, ища пристанища, – в какой именно день – трудно установить, но не позже, скорее еще раньше, февраля 1611 г., – Минин и Пожарский разослали до всем областям грамоты с вполне определенной программой действий. Они открыто высказывались против казаков, затевавших новую междоусобную войну своим нечестивым

намерением возвести на престол Марину и ее сына. Одинаково отвергая «воренка», короля польского и всех их соперников, искавших престола без законного права, они желали, чтобы вся русская земля, правильно и полно представленная выборными, занялась избранием государя, «кого нам Бог даст». А пока нужно соединяться против поляков и «не давать казакам дурна никакого делати». ⁴⁴¹

Это было все, и этого было вполне достаточно. Скромная, как ее составители, эта программа оказалась удачной именно потому, что, ничего не предрешая, не оскорбляя честных убеждений и не нарушая достойных уважения интересов, она могла объединять всех благомыслящих и доброжелательных. Призыв услышали. Из Коломны, из Рязани, из окраинных уездов толпами шли новобранцы; в том числе немного казаков, но «добрых». Весьма широко-объемлющий, этот термин прилагался обыкновенно ко всему «гуляющему люду» государства; а под Москвой в это время «худые» казаки доставляли новые доводы для тех, кто объявлял их злейшими врагами отечества. Когда Сидорке удалось водвориться во Пскове, Заруцкий и Марина, потерявши голову вследствие обманутого честолюбия, оба решились признать это новое воскресение Дмитрия; и 2-го марта 1612 года все вой-

---

⁴⁴¹ Акты археографической экспедиции, II, № 201.

ско, стоявшее под стенами столицы, присягнуло бывшему дьякону!

А поляки, как бы соперничая в безумии со своими противниками, как будто в ответ их нелепой выходке, совершили над собой самоубийство. Взбунтовавшись из-за задержки в выдаче обещанного рядовым жалованья или приняв участие в ссорах начальников, войска Гонсевского и даже Ходкевича в январе 1612 г. перешли от конфедерации к дезертирству.⁴⁴² Покружившись по московской территории, лучшие эскадроны вернулись в Польшу и там принялись с лихвой вознаграждать себя захватами из королевских, даже частных имений. К середине года для поддержания на русской почве своего клонившегося к падению владычества Сигизмунд обладал только двумя жалкими обломками прежних сил: армией призраков в Москве, приблизительно в тысячу человек, запертых и осажденных внутри Кремля; вскоре, томимые голодом, чтобы продлить свои мучения, они стали прибегать к омерзительным средствам, превзошедшим все доступное воображению; а близ столицы находился призрак армии, – великий Ходкевич, почти без солдат, держался в поле только одним обаянием своего име-

---

⁴⁴² Maskiewicz, wyd. Niemcewicza, II, 406; Woycicki. Pamiętniki do panowania Zygmunta III, 29, Археол. сборник... Виленского учебн. окр., IV, дополн., стр. 309, 320, 324, 341.

ни, но все еще упорно поджидал прибытия короля! Когда король прибыл, было уже поздно; к тому же его величество мог привезти из Варшавы в Смоленск только свою супругу, воинственную королеву Констанцию, огромный двор и несколько ксендзов. А польский гарнизон Москвы уже сдался.

Таким образом, задача Минина и Пожарского значительно облегчалась. Их ополчениям не довелось выдерживать таких сражений, чтобы у них серьезно оспаривали победу; не от поляков зависело препятствие, которое сначала стало между ними и Москвой, а потом надолго задержало их движение; при этом и обнаружился истинный характер их деятельности. Прямая дорога от Нижнего к Москве шла через Суздаль. В марте третье ополчение готовилось двинуться по этому пути, когда узнало, что Заруцкий принимает меры, чтобы захватить Ярославль и все города Поморской области. Если бы новые поборники народного дела допустили захват северных областей в то время, когда юго-западные оставались без защиты со стороны Польши, они подвергались бы опасности очутиться между двух огней. Упредить казаков на этой стратегической линии, таким образом, стало их первой заботой. Здесь-то и произошли решительные моменты борьбы между двумя национальными партиями, спорившими из-за права распорядиться судьбой

своего общего отечества. В Ярославле же, где в течение нескольких месяцев пребывало последнее временное правительство, подготовлялось разрешение продолжительного кризиса, историю которого, крайне поучительную, я так неполно набросал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Окончание кризиса

I. Временное правительство в Ярославле

Кроме Минина, все товарищи Пожарского были военные люди или считали себя таковыми; но действовали они, как завзятые приказные. Собравшись в Ярославле, они поспешно принялись за учреждение правительства, вместо того чтобы сражаться. Вместо того чтобы дать ему военную организацию, как того требовало положение, – они старались по возможности придать ему характер парламента. Я уже говорил, что у этого народа парламентаризм в крови, но на деле он так долго был лишен представительства, что не сохранял тогда ни ясного понятия о его сущности, ни особенно тонкого чутья к нему.

В апреле 1612 г. из Ярославля от ополчения восставших разосланы были по областям новые грамоты с требованием помощи людьми и деньгами и, кроме того, присылки выборных, по двое, трое от сословия, для собрания «земского совета». О земском «собрании» не решались говорить, так как в нем первое ме-

сто отводилось духовенству, а ополчение было бедно его представителями. Оно не имело ни одного епископа, хотя бы грека, чтобы выдвинуть его вперед. А Пожарский очень стоял за соблюдение порядка старшинства. Его подпись на грамотах стояла десятой, ниже боярина Морозова, боярина кн. Долгорукова и некоторых других сановников, которым он, будучи на деле диктатором, уступал по праву первенство в силу властных порядков местничества. На пятнадцатом месте он расписывался за неграмотного Минина, который по важности своей службы писался выше других Долгоруких, несмотря на их знатное происхождение.⁴⁴³

О результатах этого созыва мы можем только догадываться. Несомненно, в Ярославле существовало временное правительство, служившее, как водится, представительным органом всей земли русской. Но каким образом оно было устроено, по каким полномочиям, откуда исходила его власть, – это пока тайна. И этот «земский совет», в свою очередь, присвоил себе самые широкие права; он вел сношения даже со шведами и с «государством Новгородским», которое тогда само совсем взаправду уверовало в свою гадательную независимость и доходило до смехотворного об-

---

⁴⁴³ Акты археографической экспедиции, II, № 203.

ращения к посредничеству императора Германии.⁴⁴⁴ Вероятнее всего, что первоначально совет состоял из собрания одних только военных начальников отдельных отрядов в армии ополченцев. Это был просто военный совет, где несколько бояр и воевод заседали рядом с казачьими атаманами, татарскими мурзами, немецкими, шотландскими, даже польскими полковниками. Из них составили подходящий подбор лиц.⁴⁴⁵ Всех их почтили званием представителей земли русской, и они все, по крайней мере на бумаге, участвовали в деяниях нового правительства, во всех без разбора: в постановлениях судебного и административного характера, как и в дипломатических сношениях, в которые они наверное не вмешивались.⁴⁴⁶

Но это не важно. Даже и таким, каков он был, этот мнимый парламент сделал много хорошего и важного дела, а многие ли более правильно учрежденные собрания могут этим похвастаться перед историей? – Повторяю, мы все-таки очень плохо осведомлены о происходившем в Ярославле; само продолжительное пребывание Пожарского в этом городе для нас за-

---

⁴⁴⁴ Акты исторические, III, № 6; Собрание государственных грамот и договоров, III, №№ 13, 15, 24.

⁴⁴⁵ Акты исторические, Дополнения, I, № 164, стр. 286.

⁴⁴⁶ Платонов. Заметки по истории земских соборов, Журн. Мин. Нар. Просв., март 1883; сравни Латкин. Земские Соборы, 118; Щапов, «Отечественные Записки», 1861, XI, 106.

гадка. Очень хорошо сделали, что упредили Заруцко-го на севере; но особенно необходимо было не дать Сигизмунду упредить себя под Москвой. Король должен был прибыть; верные ему бояре получали на этот счет из Варшавы вполне определенные обещания;⁴⁴⁷ польский гарнизон в столице и войска Ходкевича творили чудеса твердости и терпения только в надежде на близкую помощь, которая могла бы снова привести к удивительному успеху вроде Клушинского чуда, если бы Жолкевский опять принял на себя командование.

Большинство историков строго осуждало медлительность диктатора; вероятно, у него не хватило решимости; но вполне возможно, что он сомневался в своих силах, чтобы одновременно сражаться с поляками, казаками и шведами. По некоторым указаниям можно догадываться, что Заруцкий своими переходами старался задержать движение нового ополчения. Как будто любовник Марины уже в это время подумывал о соглашении с ее соотечественниками; Пожарский должен был отряжать полки, чтобы прикрывать Троице-Сергиеву лавру от казаков, с которыми монастырь теперь собирался окончательно порвать сношения.⁴⁴⁸ Пожарскому приходилось хлопотать одно-

---

⁴⁴⁷ Hirschberg. Polska a Moskwa, стр. 351.

⁴⁴⁸ Собрание государственных грамот и договоров, II, 281.

временно и о пополнении своих сил и о разделении сил противников. Но он не торопился и потому, что в этой стране никогда не было обычая спешить, чем и доставил Польше последний случай попытать счастья. Польша опять осталась глухой, и таким образом крайне опасная для ополченцев медлительность в движениях послужила им только на пользу. Бестолковые противники – всегда самые лучшие помощники.

На пути из Нижнего Новгорода в Ярославль, когда их восторженно встречали в Балахне и Костроме, Пожарский и Минин получили письмо, в котором Заруцкий и Трубецкой с товарищами признавали «заблуждением» свою присягу Сидорке и предлагали свои услуги для «очищения родины». Это был первый явный признак успеха; но самое обращение еще показалось подозрительным; временное правительство ни на миг не подумало тогда воспользоваться им, разве только для того, чтобы получше скрыть свои чувства и свои намерения. Оно объявило казакам, что готово двинуться на помощь им, а само не двигалось; точно так же отнеслось оно и к гражданам Новгорода; оно отправило к ним по собственному почину посольство, чтобы убедить их, что ополченцы готовы действовать заодно с ними и признать кандидатуру шведского принца, если он примет православие.

Одновременно, с мая по июнь 1612 г., правитель-

ство развивало, и расширяло свою организацию, постоянно сносясь с областями, требуя от них подкреплений, сосредоточивая в своих руках управление ими. Оно вызвало Кирилла, удаленного на покой митрополита ростовского и ярославского, и, присоединив к нему нескольких духовных лиц, создало «освященный собор» в малом виде, какой по правилам под председательством патриарха заседал во главе всех соборов москвитян. Два присутствующих боярина, В. П. Морозов и В. Т. Долгорукий, изображали ядро будущей Думы, а Минин налаживал деятельность изрядного числа приказов.

Время делало свое дело и лучше всего помогало этим новым «собирателям земли русской». Новгородцы упорно стояли на своем и, в свою очередь, ответили присылкой посольства; очевидно, стороны далеко еще не успели сговориться. Но под Москвой и во Пскове дела принимали благоприятный оборот. Сидорка, ввиду враждебного отношения жителей, возмущенных его насильничеством, 18 мая ночью бежал без шапки на неоседланной лошади; его поймали и повели в Москву. Смерть его приключилась при очень загадочных обстоятельствах: может быть, после судебного разбирательства он был посажен на кол своими ненадежными подданными, а то и просто убит по

пути в Москву сопровождавшими его казаками.⁴⁴⁹

Событие это, несомненно, вызвало новый отлив людей из войска, стоявшего под стенами столицы. Второй или третий Лжедмитрий еще имел среди них сторонников, а Заруцкий, навязывая его своим товарищам, поссорился с Трубецким. Возможно, что Палицын, отвернувшись от казаков, постарался в то время, как сам похвалялся, сделать разлад очевидным и этим ускорить выступление в поход Пожарского. В конце июля Ходкевич приближался к Москве, и в самом деле было решено выступить из Ярославля. Но открытие заговора, зачинщики которого до сих пор неизвестны, вызвало новую задержку. Диктатор избежал кинжала убийцы и посвятил несколько недель на расследование по всем правилам. Но волею судеб он всегда выигрывал драгоценное время, когда казалось, что он его тратит.

Когда Ходкевич остановился под Рогачевым, Заруцкий решился вступить в переговоры с этим польским военачальником. Его положение в казачьем стану явно становилось невыносимым, и он сам отказывался от своего плана вернуть Марине корону. Соглашение почти устанавливалось, когда эти козни открылись, теперь уже безнадежно повредив положению

---

⁴⁴⁹ Псковская летопись (Полное собрание летописей, V, 330). Widekind, 353. Костомаров. Смутное время, III, 268.

атамана и оставив ему один только выход – бегство.⁴⁵⁰ Приблизительно с 2 500 еще верными ему казаками он отправился в Коломну за Мариной и воренком и водворился с ними в Михайлове Рязанской области.

Трубецкой тотчас же послал в Ярославль новые уверения в своей преданности общему делу, а у Пожарского уже не было прежних поводов к недоверию, но, может быть, у него оставались гораздо более убедительные доводы – сомнение в способности его ополченцев сразиться лицом к лицу с эскадронами Ходкевича, хотя уже сильно умалившимися в составе. Выступив, он подвигался действительно медленно, маленькими переходами, лично посетил могилы своих предков в Суздале и только 14 августа был у Троицы, где опять назначил остановку; здесь, получив предложение принять на службу Якова Маржерета, Пожарский отказал ему без особенно уважительной причины. Французский партизан побывал-де на службе у чересчур многих партий; но ведь и большинство москвитян поступало так же. Скоро диктатору пришлось сбавить свои требования.

Наконец, 18-го августа, после торжественного служения у гроба преп. Сергия и благословения архимандрита, ополчения тронулись к Москве; монахи

---

⁴⁵⁰ Krajewski. Chronologia wojny moskiewskiej, 44–49; Никоновская летопись, VIII, 188; Historia Jana Karola Chodkiewicza, II; 15–16.

двинулись вместе с ними крестным ходом с церковными песнопениями. Но порыв ветра чуть было не испортил всего дела, – ветер подул с юга: дурное предзнаменование! Сделали остановку, спрашивали монахов, обратились с молитвами к иконам преп. Сергия и Никона; к счастью, их чудотворная сила проявила себя: ветер переменялся; лица прояснились; сердца прониклись упованием. Теперь без задержек приблизились к столице.

Но Пожарский все еще не успокоился. Он помнил участь Ляпунова, и полчища голытьбы, бывшие под начальством Трубецкого, наводили на него страх. Он скоро познакомился с этой голытьбой, но не так, как он ожидал.

II. Месть голытьбы

Ополчение расположилось на Яузе, в пяти верстах от Москвы. Трубецкой предложил ополченцам квартиры в своем стане. Перед появлением Ходкевича следовало соединиться, чтобы дать ему отпор. Пожарский решительно отказался, и казаки рассердились. После того, как столь долгое время это новое ополчение подвергало своих братьев, своих естественных союзников опасности быть уничтоженными силами поляков, оно теперь покидало их на глазах непри-

ателя! Несомненно, в этом обнаруживалась чрезмерная осторожность, с одной стороны, и большой риск, с другой; но Ходкевич оказался не в силах воспользоваться этой ссорой. Он и сам-то опоздал только потому, что поджидал подкреплений, которые постоянно обещали, но все еще не присылали. В июне он мог бы еще, отделив от смоленского гарнизона отряд в три тысячи человек, пополнить силами и снабдить припасами осажденных в Москве; но в это время Гонсевский передал командование Струсю, и среди его людей вспыхнул бунт. Ходкевичу не удалось сохранить для себя ни одного из них, и он принужден был отступить к Вязьме, где надеялся встретить короля и Жолкевского. Но у короля не было денег, а победитель при Клушине отказался от командования войсками, не получавшими содержания. Предоставленный своим силам, Ходкевич делал невероятные усилия, чтобы упредить Пожарского под Москвой, но прибыл только сутки спустя после него и привел с собой мало людей: пятнадцать эскадронов плохо вооруженной литовской армии, несколько рот пехоты, остатки польского войска, бывшего в Тушинском стане – всего около 600 лошадей, и немного казаков польской Украины; это была плохая армия.⁴⁵¹ Весь ее наличный со-

---

⁴⁵¹ Hist. J. K. Chodkiewicza, II, 31 и след.; Костомаров. Смутное время, III, 272; численность казаков, восемь тысяч, указываемая этим русским

став внушал так мало опасений, что Пожарский счел возможным обойтись без помощи казаков и жестоко поплатился за это.

22 августа произошла первая стычка; казаки Трубецкого смотрели на нее безучастными зрителями, всего несколько сотен бросились в сечу, вопреки полученным приказаниям, – и решительный перевес оказался на стороне поляков. Перейдя Москву-реку, Ходкевич провел в Кремль четыреста телег с провиантом, а оба следующие дня оказались еще более пагубными для ополченцев. Поддерживаемый вспомогательным отрядом, польский гарнизон делал удачные вылазки, оттеснил в самую реку часть войск Пожарского и отнял два укрепления у казаков Трубецкого. Диктатор принужден был сознаться в своей ошибке. По численности и силе голытьба, хоть голытьба, а все-таки оказывалась необходимой. Прибегая к ее содействию, Ляпунов покорялся необходимости, и, если ему пришлось при этом плохо, так только потому, что он не сумел хорошо обставить этот элемент, который все-таки до некоторой степени подчинялся дисциплине, как вскоре показало время, – отчасти и потому, что Ляпунов не уделил должного внимания его вполне законным вождениям и не отвлек этим его грозной энергии от обманчивых мечтаний, сбивавших

его с пути.

Теперь сближение между разрозненными борцами за одно и то же дело становилось необходимым; разлад между ними грозил повредить его успеху. Впоследствии Палицын приписывал себе честь его улажения. Благодаря именно ему, тотчас после общих поражений, плохо вооруженная, полуголая, босоногая, в одних рубахах, голытьба ринулась на поляков, призывая на помощь св. Сергия, и массой своих тел, как таранами, сломила тяжелые эскадроны гусар.⁴⁵² Однако другие источники приписывают Минину важнейшую часть этого неожиданного успеха. По указанию польского перебежчика, ему удалось с несколькими сотнями ополченцев захватить неприятеля врасплох, а возникшая от этого в неприятельских рядах паника открыла дорогу казакам Трубецкого.

Победа, впрочем, не была еще решительной. Ходкевич отступил, но Струсь еще сидел в Кремле, и всегда можно было ожидать вмешательства Сигизмунда. С другой стороны, союз между победителями просуществовал только, пока они одерживали победу. Пожарский и Трубецкой лично еще не видались; началь-

---

⁴⁵² Палицын. Сказание об осаде Троице-Сергиевского монастыря, 241. Свидетельство келаря подтвердил только его преемник Симон, который следовал его внушению в своем полном грубых ошибок рассказе. См. выдержки из «Хронографа кн. Оболенского» в Архиве юридических знаний Бахачева, I, 36.

ник голытьбы, спесивясь своим званием боярина, выжидал, чтобы диктатор посетил его, а тот боялся западни и издавал грамоты, в которых прямо приписывал вчерашним союзникам намерение убить его, Пожарского. Голытьба, говорил он, ожидала только этого удобного случая, чтобы наброситься на ополченцев, перебить и ограбить их, а затем, оставив поляков в Москве, разойтись для опустошения северных областей.

Он несомненно преувеличивал. Преувеличения были неизбежны в официальных документах того времени. В то же время казаки действительно как будто покушались, если не открыто вредить ополченцам, то, в свою очередь, покинуть их и перекочевать подальше. Это была голытьба, и она жаловалась, что умирает с голоду. Но она только что проявила свой героизм, и она сознавала это. Снова вмешался преп. Сергей, т. е. архимандрит Дионисий либо Палицын. Получив из Троицкой лавры жалованье не деньгами, — их бы они, конечно, взяли, — а церковной утварью на тысячу рублей, казаки героически отказались от такой милостыни, обещаясь служить и так. Затем, когда устроилось свидание начальников обоих лагерей на нейтральной почве, на р. Неглинной, они побратались с ополченцами, и новые грамоты, рассылаемые с двумя подписями, кн. Трубецкого и кн. Пожар-

ского, возвестили об окончании раздора.⁴⁵³

Теперь, казалось, вплотную подошли к цели, а между тем она опять отодвинулась. Пожимая руку соперника, диктатор считал обеспеченным обладание северными областями, но они ускользнули от обоих полководцев: покинув Ходкевича, казаки польской Украины проникли в эту область, внезапно захватили Вологду и разграбили ее. С другой стороны, несмотря на все соблазнительные предложения, – обещание отпустить в Польшу всех, кто не пожелает служить в Московии, посулы больших выгод за эту службу, – польский гарнизон Кремля все еще ничего не хотел слушать. Соппротивление Струся и его товарищей, продлившись до ноября 1612 года, искупило бы много польских ошибок, если бы, доводя военную доблесть до крайних пределов, эти дивные воины не перешли пределов допустимого для цивилизованного человечества.

III. Последние дни поляков в Кремле

Поляки упорно ожидали короля и, судя по их поведению, несмотря на самые ужасные испытания, не теряли душевной твердости. На предложения против-

---

⁴⁵³ Временник Общ. ист. и древн. росс., XII, 129; Никоновская летопись, VIII, 195; Кедров, «Русский Архив», 1886, VIII, стр. 504.

ников они отвечали бранью и насмешками. Виданное ли дело, чтобы дворяне сдавались скопищу мужиков, торгашей и попов! Они отсылали воинов Трубецкого к сохам, ополченцев Пожарского в церковь, а Козьму Минина к его мясному промыслу.⁴⁵⁴ А между тем около середины октября они уведомили Ходкевича, что у них съестные припасы иссякли; тогда предполагали, что они преувеличивают свои лишения; может быть, это и было так, ведь дисциплина очень ослабела с появлением Струся в Кремле. Но вскоре затем, когда Ходкевич уже не мог помогать им, поляки говорили сущую правду, утверждая, что съели последний кусок хлеба. И все-таки они еще сопротивлялись, питаясь крысами и кошками, травой и кореньями. Предание говорит, что они пользовались для приготовления пищи греческими рукописями, найдя большую и бесценную коллекцию их в архивах Кремля. Вываривая пергамент, они добывали из него растительный клей, обманывавший их мучительный голод.⁴⁵⁵

Когда эти источники иссякли, они выкапывали трупы, потом стали убивать своих пленников, а с усилением горячечного бреда дошли до того, что начали пожирать друг друга; это – факт, не подлежащий ни малейшему сомнению: – очевидец Будзило сообща-

---

⁴⁵⁴ Будзило, Русск. Ист. Библ., I, 326.

⁴⁵⁵ Brückner. Przegl(d Polski, Krakow, 1900, CXXXVII, 194.

ет о последних днях осады невероятно ужасные подробности, которых не мог выдумать, тем более что во многом повторялось то же, что происходило в этой несчастной стране несколько лет перед тем ввремя голода. Будзило называет лиц, отмечает числа. лейтенант и гайдук съели каждый по двое из своих сыновей; другой офицер съел свою мать! Сильнейшие пользовались слабыми, а здоровые – больными. Ссорились из-за мертвых, и к порождаемым жестоким безумием раздорам примешивались самые удивительные представления о справедливости. Один солдат жаловался, что люди из другой роты съели его родственника, тогда как по справедливости им должны были питаться он сам с товарищами. Обвиняемые ссылались на права полка на труп однополченца, и полковник не решился круто прекратить эту распрю, опасаясь, как бы проигравшая тяжбу сторона из мести за приговор не съела судью. Будзило уверяет, что возникало много подобных дел; томясь голодом, наполняя рот кровавой грязью, по словам записок, обгладывая себе руки и ноги, грызя камни и кирпичи,⁴⁵⁶ все эти люди, несомненно, впадали в безумие! Войны обыкновенно вызывают одичание, но нигде в других стра-

---

⁴⁵⁶ Будзило, Русск. Ист. Библ., I, 279, 347; Никоновская летопись, VIII, 197; Муханов. Сборник, 303 и след.; Собрание государственных грамот и договоров, II, №№ 226–257.

нах, даже во время жестоких войн XVI и XVII веков, не бывало в новой истории такого людоедства. А между тем вполне естественно, что эта осада оказалась исключением из общего уровня: она подвергала жесточайшим испытаниям людей, которые долгое время находились в соприкосновении с варварским еще обществом, пришедшим в состояние полного разложения; это соприкосновение способно было убить в них все возвышенные побуждения, прививаемые цивилизацией; к тому же эту осаду нельзя считать только простым военным предприятием. Для осажденных 1612 года Кремль служил «плотом Медузы»,⁴⁵⁷ на котором носилась над бездной их жизнь, судьба их и вместе с нею судьба их родины. Поляки имели полное основание не полагаться на условия сдачи, которые им предлагали, а иные из них, хотя и смутно, чувствовали, что с польским знаменем, развивающимся над этим древним городом Московии, связана судьба обоих народов, со славной будущностью, властью и богатством, со всем, о чем они мечтали, вступая на эту почву, теперь ускользавшую из-под их ног; цепляясь за нее с безумием отчаяния, эти восторженные воины

---

⁴⁵⁷ После кораблекрушения пассажиры «Медузы» искали спасения на плоту; их отчаянное положение изображено на знаменитой картине Жерико «Плот Медузы», находящейся в Люксембургском музее в Париже. – Прим. перев.

или отчаянные игроки боролись и отбивались слепо, безумно и беспощадно.

Они ждали своего короля, прислушиваясь к вестям о его прибытии под Смоленск с королевичем и двумя полками немецкой пехоты для подкрепления стоявшего уже в окрестностях этого города отряда кавалерии. В послании московским боярам Сигизмунд ссылался на нездоровье Владислава, которое будто бы задержало его проезд. А кавалерия, со своей стороны, ожидала раздачи жалованья за четверть года и, не получив его, отказалась идти дальше. После долгих переговоров Сигизмунд выступил вперед только со своими наемниками и несколькими эскадронами гусар или легкой конницы своей гвардии. При выезде его из города «царские ворота» сорвались с петель и с грохотом упали, загородив дорогу государю; ему пришлось выбраться другим путем; так, по крайней мере, рассказывали в то время. Дорогой к нему присоединился Адам Жолкевский, племянник гетмана, с отрядом конницы в 1 200 лошадей; король прибыл в Вязьму в конце октября. Было уже слишком поздно!

22-го октября казаки Трубецкого взяли приступом Китай-город. В Кремле поляки продержались еще несколько дней, приказав сидевшим с ними боярам выслать своих жен. Между осаждавшими вспыхнули новые ссоры, что дало полякам немного надежды и

маленькую отсрочку. Пожарский намеревался с честью принять выпущенных боярынь, запрещая грабить и оскорблять их, но голытьба воспротивилась этому. Раздались крики: «Долой изменника!» Среди взбунтовавшегося лагеря восставал окровавленный призрак Ляпунова. Но диктатор не поддался казакам. Плотный окруженный и хорошо охраняемый, он не боялся никакого нападения, и 26-го октября поляки сдались. Бояре первые вышли из крепости; когда они переходили Неглинный мост, Пожарскому пришлось опять вступить и защищать их. Тут был цвет московской аристократии – князя Ф. И. Мстиславский и И. М. Воротынский, двое Романовых, Иван Никитич с племянником Михаилом, будущим царем, и его мать. Поляков поделили между обоими лагерями, поручившись им всем за сохранение жизни, но очень немногие уцелели из тех, которые достались Трубецкому. Принадлежавший к числу счастливых Будзило уверяет, что сами ополченцы Пожарского принимали участие в резне; сосланная в Галич рота Будзило, действительно, погибла там вся до последнего. Сам капитан был сослан отдельно от своих людей в Нижний Новгород, где в течение девятнадцати недель страдал в ужасном застенке.⁴⁵⁸ Андропова подвергли пытке, и ему пришлось расплачиваться за разграбление

---

⁴⁵⁸ Платонов. Очерки по истории смуты. 558.

Кремля, следы которого нашли после сдачи поляков.

На другой день (23-го) два крестных хода – один из церкви Казанской Божией Матери, а другой от Ивана Великого, отряды ополченцев и казаков сошлись на Лобном месте (Красной площади), где архимандрит Троицкой лавры отслужил благодарственный молебен; сюда же крестным ходом прибыло духовенство, неся с собою икону Владимирской Божией Матери. При виде этой неоцененной иконы, которую считали погибшей, изрубленной поляками, все множество народа зарыдало. Затем войско и народ вошли в священную ограду Кремля, из которой удалось, наконец, изгнать поляков, – и радость сменилась скорбью перед раздирающим душу зрелищем: разрушенные и оскверненные церкви, поруганные и обезображенные иконы, а в подвалах склады внушающей ужас провизии: омерзительное крошево, в котором изображение кое-кого из москвитян рисовало себе части тела друга или родственника!

Торжественная обедня и благодарственный молебен в Успенском собор завершили этот день. Такой же день древней столице пришлось вновь пережить ровно через двести лет, после отступления Наполеона.

Москва была возвращена москвитянам. Но Сигизмунд все еще подвигался вперед. Соединившись под Вязьмой с Ходкевичем, он осадил Погорелое-Городи-

ще; на свои предложены сдаться он получил от воеводы кн. Юрия Шаховского такой ответ, что он мог его принять за поощрение: «Идите к Москве; если столица будет вашей, я тоже буду ваш». Король послушался этого совета и из Волоколамска послал к воротам города небольшой отряд своих войск с двумя парламентарями. Эту обязанность согласились еще взять на себя бывший член великого посольства кн. Данило Мезецкий и дьяк Грамотин.

И Москва, возвращенная москвитянам, испугалась! Ополченцы и казаки уже рассеялись; поэтому первые вести от Мезецкого и Грамотина внушили Сигизмунду полную уверенность: из ополчения Пожарского осталось только две тысячи дворян и с ними четыре тысячи казаков.⁴⁵⁹ Однако, благодаря деятельному вмешательству диктатора и Минина, столица держалась твердо. Приближение зимы доделало остальное. Испытав силы своей маленькой армии на плохих стенах Волоколамска и потеряв напрасно много людей после нескольких отчаянных приступов, король, в свою очередь, испугался грозившей впереди опасности начать гораздо более трудную осаду под угрозой холода и голода; тот же Мезецкий быстро повернул в сторону более правого дела и, переменив свою обязанность, известил своих соотечественников, что поляки уходят.

---

⁴⁵⁹ Hirschberg. Polska a Moskwa, стр. 361.

За этой счастливой вестью последовала другая. Покинув Михайлов, Заруцкий был разбит М. М. Бутурлиным и бежал лишь с горстью приверженцев.

Теперь временное правительство поняло, что его задача исполнена, и что ему следует увенчать дело, дав стране то, чего ей еще не доставало – государя. Еще в Ярославле поговаривали о том, что надо приступить к избранию царя, но необходимость преградить путь Ходкевичу, приближавшемуся к столице, оказалась более неотложной. Пожарский и Минин притом благоразумно отступали перед ответственностью, которую они взяли бы на себя со своим «земским советом», в сущности временным военным учреждением. Через две недели после сдачи поляков новые окружные грамоты призывали области к выбору более полноправных представителей.⁴⁶⁰

IV. Избирательный собор в Москве

Ни одной из этих грамот не сохранилось; мы еще не знаем, ни обстановки, при которой происходили выборы уполномоченных, ни характера самых полномочий. Мы знаем только,⁴⁶¹ что временное правитель-

---

⁴⁶⁰ Акты исторические, Дополнения, I, № 166.

⁴⁶¹ Собрание государственных грамот и договоров, III, 1.

ство советовало избрать и прислать «лучших и самых разумных людей». Обращение к всеобщему голосованию совсем невероятно. Ни в одном подобном этому собрании того времени не находим его следов. Более вероятно участие местных властей. Опираясь на указания, которые дают подписи под избирательной грамотой Михаила Феодоровича Романова,⁴⁶² делали заключение, что представительство организовалось по сословиям. Действительно, расписывались за целые группы населения. Так, Федор Дьяков расписался «за всех выборных дворян, городских и уездных людей».⁴⁶³ Но это сомнительно; другие историки,⁴⁶⁴ напротив, предполагают, что выборщики руководились только личными достоинствами кандидатов. Город Кашин, например, прислал только одного выборного, монаха Порфирия. Тверь имела представителями двух архимандритов, нескольких дворян и горожан. Но можно допустить также,⁴⁶⁵ что монах Порфирий был представителем одного только кашинского духовенства, так как некоторые местности роскошно и полно организовывали свое представительство, другие – обезлюдившие вследствие войны и приве-

---

⁴⁶² Собрание государственных грамот и договоров, I, № 03.

⁴⁶³ Загоскин. История права Московского государства, I, 239.

⁴⁶⁴ Беляев. Земские соборы, стр. 27.

⁴⁶⁵ Таково мнение Сергеевича, в Сборнике Гос. знаний, II, 18.

денные в состояние полной анархии – могли снарядить одного уполномоченного, или вовсе никого не присылали.

Можно сомневаться даже в подлинности указанных подписей. В самом деле, избирательная грамота помечена маем 1613 г., тогда как Михаил был избран в феврале; далее, среди 277 подписавшихся князь Д. М. Пожарский, И. Б. Черкасский, И. Н. Одоевский и Б. М. Салтыков являются здесь в чине бояр, а между тем они получили его только впоследствии, – оба первых в июле, а двое других в декабре этого года. Строго говоря, этот документ не имеет никакой исторической ценности. Предназначенный служить протоколом великого события, он в значительной части состоит из буквальной копии избирательной грамоты Годунова; самая речь, которую произнес перед Борисом патриарх Иов, влагается здесь в уста архиепископа Феодорита, обращающегося к Михаилу.

Состав этого знаменитого собрания тоже представляется очень неясным. Подписи соответствуют представительству пятидесяти городов и уездов на пространстве от берегов Северной Двины к югу до Оскола и Рыльска, от Осташкова Тверской области до Казани и Вятки на востоке. Однако из других источников мы знаем, что присутствовал и представитель г. Торопца, хотя ни одна подпись не свидетельствует об

этом. От представителей Новгорода имеются четыре подписи, а другие документы сообщают о девятнадцати представителях этого города – попах, горожанах и стрельцах.⁴⁶⁶

277 более или менее достоверных подписей принадлежат людям всех классов, с казаками включительно, только за исключением крестьян, прикрепленных к земле, и холопов; но количественного соотношения этих элементов нельзя учесть. Служилые люди выступают в огромном большинстве, а казаков очень мало; но это указание только ослабляет веру в подлинность документа, так как установившееся предание упорно настаивает на том, что товарищи Трубецкого имели очень важное, даже преобладающее влияние на соборе; поляки называли Михаила их избранником, и даже в 1614 году шведский генерал Горн писал новгородцам, что и тогда казаки распоряжались в Москве как хозяева.⁴⁶⁷

Несомненно, что большинство областей неторопливо откликалось на призывы временного правительства, поэтому некоторые историки пришли к догадке,

---

⁴⁶⁶ Акты исторические, Дополнения, I, № 166; Собрание государственных грамот и договоров, I, № 203; Дворцовые разряды, I, 1083–1086.

⁴⁶⁷ Акты исторические, Дополнения, II, 80. Срав. Забелин. Минин и Пожарский, стр. 299; Платонов, Журн. Мин. Нар. Просв., март 1883, стр. 10–11; Латкин. Земские соборы, стр. 122 и след.

что будто бы за ноябрьским собранием последовал новый созыв выборных в январе 1613 г. Но если в этом смысле можно истолковать одно письмо Гонсевского, все-таки нельзя допустить возобновления в такой короткий срок столь сложной процедуры; об этом не упоминает ни один русский источник.

Когда именно открылся этот новый собор и заменил совет, который учрежден был в Ярославле, тоже невозможно установить. Первый известный нам признак его жизни проявился не ранее января 1613 года, – в выражении благодарности начальнику гольтьбы: князю Трубецкому пожаловали область Вагу, отобранную у Салтыкова. Но и эти числа сомнительны. Опять-таки эта щедрая награда, несомненно, состоялась в течение того же года и еще раз указывает на весьма высокое положение, которое сохраняли за собой в Москве казаки, сдерживаемые, правда, и до некоторой степени дисциплинируемые силами противников смуты. В самом деле, с Пожарским хуже обращались. Наградив его гораздо позже боярским чином, сам Михаил, должно быть, считал, что покончил с ним все свои счета. Только с возвращением Филарета бывший диктатор был снова вознагражден за свои подвиги увеличением своих и без того обширных вотчин. Впрочем, карьера обоих деятелей была уже окончена. С 1614 г. Пожарский поступил в

ряды служилых людей, а за местнические счета с Борисом Салтыковым был даже наказан «выдачей головой» своему противнику, довольно темной личности. Трубецкой принимал участие в походе 1618 года против поляков и ничем не отличился. Что касается Минина, он просто исчез, без сомнения, возвращенный на прежнее положение, как того желали поляки.⁴⁶⁸

Допустимо, что вследствие больших расстояний и трудности сообщения выборные съезжались понемногу, постепенно, и за все время продолжительных совещаний, тянувшихся несколько месяцев, намечаемый Платоновым кворум в семьсот человек не мог ни разу состояться, тем более что, за неимением в Москве здания подходящих размеров, местом заседаний назначили Успенский собор, который тоже с трудом мог вместить такое множество людей. Совещания были довольно бурны и продолжительны, хотя ни один отзвук этих бурь не проник в официальные документы. Но если они так медлили с установлением согласия между собою, должно быть, они жестоко и упорно спорили. Вначале слишком много недоставало собранию, чтобы хоть приблизиться к соглашению. Было решено, что будущий государь «будет

---

⁴⁶⁸ Собрание государственных грамот и договоров, III, № 48 и 56; сравн. Waliszewski. Ivan le Terrible, 67; Древняя Российская Вивлиофика, изд. 1896 г. III, IV, ч. 8-ая, стр. 113.

дарован Богом», но, несмотря на горячие молитвы и строгие посты, вдохновение свыше заставляло себя ждать.

Из среды бояр сперва послышались голоса, напоминавшие о присяге Владиславу. В ноябре один москвитянин, захваченный Мезецким и Грамотиным, когда они еще служили Сигизмунду, сообщил, что бояре и «все лучшие люди» все еще стоят за королевица, но не смеют об этом говорить, боясь казаков, которые разделили свои голоса между сыном Филарета и сыном Марины, пренебрегая знатью и дворянством, «делают все, что хотят».⁴⁶⁹ Мы видели, что возможность делать все, что угодно, была для них не особенно широка, но что касалось избрания, здесь, действительно, голытьба все время держала дело в своих руках; так как казаки решительно отвергли шведскую кандидатуру, которую поддерживали одни только новгородцы, то скоро выяснилось, что большинство стоит за туземного кандидата.

Но здесь поле действий оказалось удивительно узким. За отсутствием Василия Васильевича семья Голицыных не могла выставить достаточно чтимого народом кандидата. С Шуйскими было то же самое; к тому же мешал страх, что сродник бывшего царя будет мстить за оскорбления, нанесенные его семье. Ф.

---

⁴⁶⁹ Hirschberg. Polsha a Moskwa, 363.

И. Мстиславский и И. С. Куракин слишком навредили себе своими сношениями с поляками. Скромный И. М. Воротынский добровольно отстранился. Предание, сохранившееся в роде Трубецких, говорит, что имел сторонников начальник голытьбы; и он мог бы по своему честолюбию дать себя увлечь, если бы Пожарский, со своей стороны, не истратил двадцати тысяч рублей на защиту своей кандидатуры, как его в этом впоследствии подозревали. Все еще не совсем примирившись, эти соперники, оба борца за народное дело, взаимно исключали друг друга. Так устранялся весь круг князей. Среди высшей знати группа соперничавших бояр казалась обезглавленной с тех пор, как во главе ее не было Филарета. Годуновы наверное не шли в счет. Но Романовы сохранили любовь к себе в народе, едва затронутую пребыванием главы семьи в Тушине и вполне восстановленную поведением лишённого престола патриарха среди великого посольства и его недавним пленом. В течение всей смуты велась темная работа, о которой по временам только догадывались, чтобы использовать эту любовь народа, и несомненно происки продолжались и теперь, во время собора. И вот путем исключений, с одной стороны, и рядом пока еще неизвестных происков, с другой, — колебавшиеся голоса вдруг обратились в эту

V. Романовы

Я говорил уже о происхождении этого рода в другом месте;⁴⁷¹ но мне нужно здесь указать еще некоторые дополнительные подробности. Прусское происхождение этого рода, хотя и признанное большинством историков, не может быть точно установлено. Гланд-Камбил Дивонович, брат прусского князя, который приехал в Россию в конце XIII-го века и положил начало роду Романовых, – легендарная личность; его имя, как и славянское прозвище Кобыла, данное его сыну Андрею Ивановичу, скорее указывают на Литву. В Литве как раз в это самое время, после смерти великого князя Миндовга (1263), происходило сильное эмиграционное течение. Современник Симеона Гордого, Андрей Иванович Кобыла уже принадлежит истории. Сын его, Феодор Андреевич Кошка, – отсюда Кошкины, – прозвище, под которым первое время была известна семья, – вместе с родителем получили звание бояр и исполняли важные поручения. В 1391 г. Феодор Андреевич выдал свою дочь за сына вели-

---

⁴⁷⁰ Маркевич. Избрание Михаила Романова, Журн. Мин. Нар. Просв., сентябрь и октябрь 1891 г.; Лавровский, Избрание Михаила Романова.

⁴⁷¹ Ivan le Terrible, 178.

кого князя Михаила Александровича Тверского; впоследствии брачные связи с домом Рюрика часто обновлялись. В конце правления Василия III-го (1425–1462) кн. Василий Васильевич Шуйский занял первое место в чиновной иерархии, а второе – Михаил Юрьевич Кошкин.⁴⁷² Многочисленное потомство Кобылы распространялось кроме того на двадцать других родов – бояр и просто дворян, – Шереметевых, Жеребцовых, Беззубцевых, Колычевых, Ладыгиных и др. Впоследствии Кошкины именовались Захарьиными, потом Юрьевыми, наконец, Романовичами или Романовыми; обычай долго требовал, чтобы к прозвищу лица прибавлялись прозвища одного или нескольких ближайших предков, с окончанием, указывающим на отчество. Никита Романович Захарьин-Юрьев, т. е. сын Романа, происшедшего от Юрия и Захара, имел сестру, Анастасию Романовну, – это была первая жена Грозного. Сам Никита был женат первым браком на Варваре Ивановне Ховриной, а вторым – на Евдокии Александровне, дочери Александра Борисовича Горбатого-Шуйского; он имел сына (от которой из них, – неизвестно) Феодора, в иночестве Филарета. Под давлением правителя Феодор должен был же-

---

⁴⁷² Белов, Журн. Мин. Нар. Просв., январь 1886 г., стр. 102; Г. М., «Русская Старина», июль 1886, стр. 114.

ниться на Ксении Ивановне Шестовой.⁴⁷³ Несмотря на все усилия Годунова подорвать опасное влияние этой семьи, память об Анастасии и личные достоинства некоторых ее близких родственников поддерживали его в прежней силе; впоследствии в своих жалобах, что Филарет сносился с Гермогеном для устранения Владислава, с Шеиным – чтобы способствовать сопротивлению Смоленска во время осады, поляки только повторяли мнение, давно сложившееся среди москвитян, и этим содействовали Романовым стяжать народную любовь в 1613 году.

Тушинский патриарх принадлежал к самым образованным русским людям того времени. Горсей говорит, что составил для него латинскую грамматику, которую тот весьма прилежно изучал. По свидетельству Массы, это был очень изящный, обходительный молодой человек, видной наружности, хороший наездник и первый щеголь в Москве. Про умевшего красиво носить национальный костюм москвитянина говорили: он точно Феодор Никитич! Вынужденный облачиться в рясу и жить под строгим надзором в монастыре, как в тюремном заключении, Филарет сумел сохранить свои разнообразные связи с миром и участвовать в событиях, потрясавших его родину. Из польского плена он продолжал сноситься с родными и дру-

---

⁴⁷³ См. стр. 84.

зьями и, конечно, не оставался безучастным к совещаниям избирательного собора и их окончательному исходу. Он не мог уже сам притязать на престол, но до пострижения он не ограничился одной мечтой о нем. В середине прошлого века в Коломне, в митрополичьих палатах, среди картин, перенесенных в Москву, нашли портрет Филарета в патриаршеском облачении. Хранители музея очень заинтересовались замеченной на полотне короной; они скоро открыли, что очень плохая живопись мастера XVIII-го в. покрывала другую, более старую; очистив от нее картину, увидели Феодора Никитича в царском облачении с порфирой на плечах и со скипетром в руке и надпись: «Феодор, царь всея Руси».⁴⁷⁴

Человек, способный поддаться такой странной фантазии, имел, как известно, сына Михаила, который вместе со своей матерью, тоже постриженной под именем Марфы, на себе переиспытал бедственные времена. Пережив все испытания польского господства и страшную осаду, мать с сыном удалились в свои поместья близ Костромы. Преданию угодно было, чтобы они подверглись здесь новой опасности – похищению или умерщвлению от шайки поляков, спасением своим были бы обязаны только преданности крестьянина Ивана Сусанина, который погиб в муках,

---

⁴⁷⁴ «Русский Архив», 1863, стр. 348.

но не указал полякам дороги к их жилищу. Этот смиренный мужик вошел в славу, вдохновлял поэтов и художников и получил заметное место на памятник тысячелетию России, где собраны главные герои народной истории. Избавление Московии мясником Мининым в 1612 году и это новое вмешательство сына народа, защитившее основателя новой династии, соединились здесь в символическом воспроизведении.

К несчастью, легенда о прославленном герое не выдерживает критики. Рассказы современников, всегда богатые подробностями, ни словом не обмолвились о его подвиге. Единственное указывающее на него свидетельство – грамота от 30 марта 1619 г., которой жалуются некоторые льготы зятю Сусанина, Богданке Сабину. Но грамота эта свидетельствует только, что истязаемый поляками Сусанин отказался указать, где находятся Михаил и его мать, но вовсе не упоминает, что свобода или жизнь будущего царя зависели от того, что Сусанин сохранил молчание о его местопребывании. Грамота имела на это основание: в дни этого события, в 1613 г., Марфы и ее сына на самом деле не было ни в селе Домнине, где оно произошло, ни в его окрестностях. Так как места эти были небезопасны, Романовы уже избрали себе пребывание в самой Костроме, укрепленном городе; без сомнения, поляки знали дорогу к нему, но не могли и ду-

мать овладеть им со своей маленькой шайкой. Очень мало вероятно, впрочем, и самое присутствие поляков в этой области. Сусанин, должно быть, имел дело с казаками, которые, вероятно, искали вотчину Романовых не ради них самих, а ради грабежа в их отсутствии. Отказавшись служить им проводником, мужик, может быть, и оказал услугу будущему царю; а семейство его, обращаясь к доброй и доверчивости Марфы, несомненно преувеличило значение происшествия, а легенда доделала остальное.

В том виде, как это предание излагается теперь, оно, очевидно, сложилось под влиянием книг, и притом довольно недавно, так как имя Сусанина было вовсе неизвестно до появления в 1804 г. хвалебной статьи в третьем томе географического словаря Щекатова.⁴⁷⁵ Что касается местного предания, на которое ссылаются защитники героя, оно не имеет никакого значения ввиду перемен, происходивших в составе населения прославленного им села.⁴⁷⁶ Однако даже несогласные с истиной народные сказания имеют такую ценность, что зачастую она заслужива-

---

⁴⁷⁵ Стр. 748.

⁴⁷⁶ См. об этом предмете полемику Костомарова, Исторические монографии и исследования, I, 431; XIII, 382, и Погодина, Борьба... с ист. ересями, стр. 93. – См. также и защитников легенды: Дорогобужинов, «Русский Архив», 1871, стр. 1 и след., Самаринов. Памяти Ивана Сусанина, 1882 г., брошюра.

ет больше внимания, чем явное противоречие предания с фактами. Предание это соответствует истинному историческому явлению, которое имело в ту пору первостепенное значение и оказало решающее влияние при основании новой династии: – я говорю о народном чувстве. Михаил, призванный принять наследие «боярского царя» при обстоятельствах, нам хорошо известных, должен был во многих смыслах стать «царем крестьянским». Не питая теплых чувств к высшей аристократии, как это показывает его поведение, – я сказал бы даже его неблагодарность, – относительно Пожарского, он собирался искать опоры главным образом в среде малопоместных дворян, в среднем сословии служилых людей; а эта политика вела к неизбежному последствию – усилению крепостного права, без которого это сословие не могло существовать. Между тем как на «белых землях» служилых людей сельский рабочий был принесен в жертву их собственникам, на «черных землях»,⁴⁷⁷ местопребывании свободных крестьян, и на землях государственных другой класс земледельцев пользовался милостями нового правительства до тех пор, пока развитие правящего класса, происшедшего из окрепших аристократов, не принялось расшатывать установившееся было равновесие. Тогда чувства, вдохнов-

---

⁴⁷⁷ См. Ivan le Terrible, 71.

лявшие к смиренной преданности, оказались обманутыми и глубоко оскорбленными; но они все-таки пережили и это испытание и долго дремали в глубине народной души, пока их не разбудили освободительные веяния 1861 г.

В 1613 г., когда заседал избирательный собор, Михаилу было семнадцать лет; в нем не замечали больших способностей. Озабоченная лишь тем, как бы не подвергнуться вместе с ним новым бедствиям, Марфа вовсе не собиралась выдвигать его вперед; в никому неизвестном, ничем не выдающемся мальчишке сам Филарет не замечал возможного кандидата. Зачинщиком и главным деятелем в пользу его кандидатуры был, по-видимому, Феодор Иванович Шереметев, женатый на Ирине Борисовне Черкасской, племяннице бывшего патриарха. С большим влиянием, очень ловкий этот боярин отличился в нескольких сражениях перед занятием Москвы поляками и потом с большой твердостью сопротивлялся Андронову и полякам; он все время поддерживал деятельную переписку с дядей жены и В. В. Голицыным. Из своего заключения в Мариенбурге Филарет советовал просто выбрать какого-нибудь боярина и предписать ему условия. Он и в плену выказывал вполне определенную склонность к польской конституции. Говорили, будто на одном из заседаний собора Шереметев показал выбор-

ным письмо пленника, чтобы убедить их в его бескорыстии;⁴⁷⁸ но вместе с тем он внушал боярам, что юный и неопытный Михаил неминуемо будет вынужден предоставить им действительную власть; он писал В. В. Голицыну: – «Мы выберем Мишу Романова, он молод и еще незрел умом, и нам с ним будет по-вадно».⁴⁷⁹

Избрание деятельного участника недавних событий в особенности не улыбалось аристократам: на престоле оказался бы неприятный свидетель общих прегрешений остальных деятелей; избрание же такого юноши удовлетворяло большинство избирателей; ведь Александры Великие назначают на высшее звание достойнейших, а инстинкт всякой демократии побуждает предоставлять его самому незначительному.

VI. Избрание Михаила

В последнюю минуту, по-видимому, Минин и даже

---

⁴⁷⁸ Stralenberg. Das Nord- und Oestliche Theil von Europa, 205; Vokerodt. Russland unter Peter dem Grossen, 22–23. (Русск. перев.: Чтения в Общ. Ист. и Др. Росс., 1874, II).

⁴⁷⁹ Текст письма передавался различно, сомневались даже в подлинности письма, но, по-моему, без достаточных оснований; см. Костома-ров. Исторические монографии и исследования, VI, 294; Барсуков. Род Шереметевых, II, 311; Латкин. Земские соборы, 127; Бестужев-Рюмин. Письма о Смутном времени, 30.

Пожарский тоже высказались за эту кандидатуру. С другой стороны, она естественно льстила духовенству. Епископы и архимандриты имели видения, указывавшие на Михаила, как «избранника Божия», а это производило впечатление на народ. Летописи говорят, что воинские люди, дворяне, дети боярские и казаки, собравшись в большом числе, прислали на собор послание в этом же смысле, а Палицын хвалился, что служил посредником в этой демонстрации. В той или иной форме, одно только вмешательство казаков здесь несомненно; они волновались и громко заявляли, что не желают другого кандидата. Из этих элементов, засвидетельствованных историей, возникла новая легенда. Собору приходилось обсудить предварительный вопрос: имеются ли налицо представители рода бывших царей? Духовенство просило отложить решение до следующего дня и распорядилось служить молебны. На другой день утром один галицкий дворянин передал собору лист с генеалогическими выписями, которыми старался установить родство Михаила с царем Феодором. Послышались возражения. Никто не знал составителя документа. Угрожающие голоса выражали негодование на его дерзость, спрашивали, откуда он явился, и заседание принимало оборот, неблагоприятный для Романовых, когда встал какой-то донской атаман, потрясая бумагой.

– Что это еще? – строго спросил Пожарский. Но казак невозмутимо ответил:

– Грамота, подтверждающая природные права царя Михаила Феодоровича.

Сличили обе рукописи; содержание их оказалось тождественным, и тотчас собор единогласно провозгласил избранным указанного ими государя.⁴⁸⁰

За отсутствием вполне точных сведений, вот что можно предположить на основании событий. Когда заботами Шереметева большинство было достаточно подготовлено, 4-го февраля назначили предварительное голосование. Результат, несомненно, обманул ожидания, поэтому, ссылаясь на отсутствие многих избирателей, постановили решительное голосование отложить на две недели. Несколько влиятельных бояр и ожидаемых выборных, действительно, отсутствовали; в том числе и Ф. И. Мстиславский; жестоко измученный испытаниями во время осады Кремля, он отдыхал в своей вотчине. Но сами вожаки, очевидно, нуждались в отсрочке, чтобы успешнее подготовить общественное мнение. Даже официальные документы говорят о тайных агентах, разосланных по

---

⁴⁸⁰ Хронограф Оболенского, в Архиве ист. и юрид. знаний Калачева, I, 85; Забелин. Минин и Пожарский, Доп. № 16, стр. 310; Соловьев. История России, VIII, 461; срав. Латкин. Земские соборы, 129.

областям.⁴⁸¹ Избрание выяснялось медленно, с большим трудом, в этом нет сомнений. По одному свидетельству, собор выразил еще желание видеть кандидата, прежде чем постановить решение. Большинство избирателей никогда не видали его, а о нем ходили не особенно лестные слухи. По совету Шереметева, Марфа отказалась привезти или прислать сына в Москву. Лишенный всякого воспитания среди бурных событий, окружавших его детство и раннюю юность, не умея, вероятно, ни читать, ни писать, Михаил мог все испортить, явившись перед лицом собора; и выборные тщетно настаивали перед Шереметевым на его приезде. Проливая ручьи слез, этот ловкий человек притворялся невинностью; он ни во что не вмешивался и рассчитывал продолжать дело, не возбуждая подозрений, будто он руководится своекорыстными расчетами. Его отречение соответствовало лицемерным обычаям того времени и произвело превосходное впечатление. 21-го февраля 1613 года, в первое воскресенье великого поста, представители Собора вышли на Лобное место, чтобы выслушать голос народа. Как и следовало ожидать, народ кликами провозгласил Михаила; то же сделал и Собор.⁴⁸²

---

⁴⁸¹ Собрание государственных грамот и договоров, I, 613.

⁴⁸² Официальный отчет об избрании составлен в приказе посольских дел в 1672—3 гг. на основании более старого документа, частью издан-

Оставалось получить согласие избранника, вернее – его матери. Многочисленное посольство с рязанским архиепископом Феодоритом во главе, за неимением патриарха, отправилось ради этого в Кострому, куда и прибыло 13-го марта 1613 г. Марфа проживала тогда в Ипатьевском монастыре, основанном Мурзой Четом, предком Годунова. Река Кострома при своем впадении в Волгу отделяет его от города. На следующий день посольство двинулось сюда внушительной процессией, как при выборах Бориса: с хоругвями, иконами и чудотворным образом Феодоровской Божией Матери. Марфа, по примеру Ирины, не обнаружила ни малейшей радости. Она, напротив, плакала, гневалась; только после долгих упрашиваний решилась идти с челобитчиками в церковь Св. Троицы, а на пути туда еще горячо препиралась с ними. Ее сын слишком молод, и «большие люди» земли обезумели, избрав его на царство. Ни ему, да и никому другому не лестно занять престол после того, как стольким царям изменяли, оскорбляли их или убивали те же самые,

---

ного в Собрании государственных грамот и договоров, III, №№ 1 и 16; этот отчет в свою очередь был напечатан в 1856 г. моск. архив. комиссией, под редакцией Бессонова, с предисловием кн. М. А. Оболенского. – См. также: Львов. Избрание Михаила Романова, брошюра; Полевой, «Библ. для чтения», июль 1834 г.; Лавровский. Избрание Михаила Романова; Хмыров, то же заглавие; Bauer. Historische Zeitschrift, 1886, LVI. Самое полное исследование принадлежит Маркевичу, Журн. Мин. Нар. Просв., сент. и окт. 1891 года.

кто теперь избрал им преемника!

Это препирательство чересчур близко напоминает комедию 1598 г. в Новодевичьем монастыре, так что кажется, как будто оно было пересказом этого образа, судя по некоторым подробностям, сообщаемым в летописях; но на этот раз прения эти, пожалуй, действительно были ближе к правде и чистосердечнее. Борис, Дмитрий и Василий по очереди показали, в самом деле, во что обошлось им обладание престолом Грозного. Тем не менее, в тот же день 14-го марта Марфа вняла мольбам и «дала Михаилу свое благословение» на принятие скипетра, который ему тотчас же вручил Феодорит вместе с избирательной грамотой. Значит, этот документ был уже в то время составлен и подписан. Этот факт нужно запомнить. Какой-то Феодорит находился в числе следователей по угличскому делу; возможно, что это то же самое лицо.

19-го марта новый царь покинул Кострому, но, подобно Пожарскому, отнюдь не торопился в Москву. Он надолго остановился в Ярославле, что объяснялось половодьем и бездорожьем; однако, он останавливался и в других местах по дороге. Царственно-го путника задерживали, несомненно, иные опасные трясины. Несмотря на единогласное избрание, столица еще кипела. Люди спорили, и не без основания, если не о личности нового государя, то об условиях,

знаменитых условиях Филарета, которые тот намеревался предписать будущему повелителю. Еще лучше поступал собор. Как будто слушаясь приказаний Михаила или принимая внушения его приближенных, он распоряжался очень самостоятельно. На деле, продолжая свою деятельность до 1615 г., собор должен был разделять с царем отправление верховной власти, а теперь, ожидая его приезда, выборные решились, не спросив его, завести переговоры с Сигизмундом о приостановке военных действий и обмене пленными.⁴⁸³ Царь предоставил им свободу действий; в конце апреля они принуждены были отправить к нему новое посольство, прося царя поторопиться. Тогда он решился и на 2-ое мая назначил торжественный въезд в Кремль, где ему с трудом нашли сколько-нибудь приличное помещение. Михаилу пришлось довольствоваться полуразрушенным теремом царицы Анастасии. Марфа с гораздо бóльшим удобством поместилась в Вознесенском монастыре. 11-го июля в Успенском соборе совершилось венчание на царство.

Началось царствование Романовых.

Они впоследствии самостоятельно пользовались самодержавною властью, в основных чертах вполне тождественною с той, строгий образец которой заве-

---

⁴⁸³ Собрание государственных грамот и договоров, III, № 7; Иванов. Описание Гос. Разрядного Архива, № 9, стр. 131.

щали им властители из рода Рюрика. Однако вопрос об ограничении власти еще раз был поставлен и, судя по многим свидетельствам, был даже разрешен в пользу изменения формы правления. Но в этой стране конституционные идеалы имеют печальную историю.

VII. Вопрос об образе правления

Официальная избирательная грамота, которая дошла до нас, не носит никаких следов такой победы либеральных требований; как я уже указывал, это несомненно апокрифический документ; но в нем отчетливо указана более ранняя грамота, которую Феодорит в марте передал в руки Михаила; она предшествовала официальной редакции, составленной в мае — единственной, сохранившейся до нашего времени.⁴⁸⁴ С другой стороны, первая редакция могла тоже умалчивать насчет ограничительных условий, хотя уничтожение ее и самая замена ее другой редакцией уже указывает на нечто иное. Предполагали, что Михаил принял обязательства относительно одного боярства, подписавши некоторые условия, подобные тем, на которые сперва согласился Шуйский. Самые точ-

---

⁴⁸⁴ См. Wichman. Urkunde, предисловие, стр. VII; Bauer. Hist. Zeitschrift, 10 и след.

ные сведения о событии дает нам Страленберг;⁴⁸⁵ взятый в плен под Полтавой, он долго жил в России и занимался собиранием драгоценных сведений. Михаил обещал, будто бы, не менять старых законов и не издавать новых без согласия собора или боярской думы, объявлять войну и заключать мир только с их одобрения; судить важнейшие дела по законам и старым обычаям, наконец присоединить свои личные имущества к государственным. Это – не единственное свидетельство, хотя оно и признано многими историками.⁴⁸⁶ Псковская летопись⁴⁸⁷ сообщает другое, тем более важное, что оно враждебно боярам, обвиняя их в том, что они жертвовали государственными интересами ради своих личных расчетов. Котошихин и Татищев тоже считают несомненным, что Михаил принял приблизительно такие условия.⁴⁸⁸ Первый жил в XVII в., второй в первой половине XVIII в.; оба они могли лучше знать предания и видеть документы, ныне исчезнувшие.

Следует думать, что они были хорошо осведомле-

---

⁴⁸⁵ Настоящая фамилия его – Тальберг. См. Nord- und Oestliche Theil von Europa, 209; срав. Baer. Beiträge zur Kenntniss Russlands. Dorpat, 1816, XVI, 12.

⁴⁸⁶ Фокеродт. Россия при Петре Великом. Чтения Об. И. и Др. Росс. 1874 г., I. Schmidt (Phiseldeck). Materialien, II, 15.

⁴⁸⁷ Полное собрание летописей, V, 46–60.

⁴⁸⁸ Котошихин. О России, гл. VIII, стр. 104; «Утро», 1859, стр. 373.

ны; но эта ограничительная грамота, подобно предшествовавшим, была осуждена остаться мертвой буквой. По словам Фокеродта, Михаил считался с нею до возвращения Филарета, которому удалось, ввиду благоприятных обстоятельств, обуздать республиканские настроения, оставив за собором только честь утверждения постановлений государя. Это объяснение вряд ли вполне верно. Избранник 1613 г. правил вместе с собором до 1615 г., а распустив это собрание, должен был несколько раз созывать другие, даже по возвращении своего отца. В отношениях, установившихся между государем и представителями страны, незаметно, однако, никаких признаков республиканских настроений, ни даже склонности к конституционному строю. Собор 1612 г. приобрел на первое время весьма большую независимость, отчасти сохранял ее и позже, сперва благодаря отдаленности местопребывания государя, а затем этой узурпации власти способствовали и исключительные обстоятельства, сопровождавшие его восшествие на престол. Но тут, очевидно, был только захват власти, сложившееся положение дел, а не проявление права, простая случайность без всякого отношения к приведенным Страленбергом условиям или каким-либо другим, принятым, как предполагали, новым царем.⁴⁸⁹

---

⁴⁸⁹ Чичерин. О народном представительстве. Спб., 1899, 545. Сравн.

Если подобный договор и состоялся, Михаил не ждал помощи своего отца, чтобы взять все уступленное обратно, и, без сомнения, полное восстановление самодержавной власти не стоило ему больших усилий. Как и в XVI веке, соборы, созываемые после 1615 г. в неопределенные сроки, когда и как было угодно государю, действовали только как совещательные комитеты или палаты регистрации; когда, же царь пожелал обходиться без их содействия, – ни из среды выборных, ни из недр самой страны не раздалось ни одного протеста, эхо которого донеслось бы до нас.

Я говорил в другой книге,⁴⁹⁰ как в 1730 году императрица Анна, по просьбе офицеров своей гвардии, разорвала грамоту, которую позволила верховникам навязать себе. В 1613 году терем царицы Анастасии был, может быть, свидетелем такой же сцены. Попытки ввести конституционный строй не имели надежды на успех в этой уже глубоко демократизировавшейся стране именно потому, что они всегда шли сверху. Масса не интересовалась ими, относилась к ним даже враждебно. Она инстинктом понимала, что, идя по следам поляков, реформаторы вели не к свободе, а к олигархии. К тому же одинокие, оторванные опрични-

---

Латкин. Земские соборы, стр. 145 и след.

⁴⁹⁰ Waliszewski, K. L'héritage de Pierre le Grand, p. 149.

ной от покровительствуемого ими слоя мелкого дворянства, который составлял силу польских олигархов, их русские подражатели только неумело повторяли дурно выученный урок. Разоренные, с корнем вырванные из старых гнезд, они не имели за собой трех веков политического воспитания; а вне их среды стояли добровольцы казачины, одни – враги всех политических или социальных узд, другие – способные отказаться от своей независимости за какое-либо вознаграждение; масса утратила уже чувство свободы и самое представление о ней. Московские великие князья едва успели тяжелой и твердой рукой обтесать свой народ рабов и ввести его мягким, приниженным и покорным в политическое здание своего изобретения – огромную железную клетку с толстой решеткой. Тщетно недавний революционный вихрь распахнул двери ее, выбрасывая вон узников: сперва обрадованные, но вскоре смущенные, они рано возвращались к своей темнице, блуждали, словно души в чистилище, около ее дверей, готовые идти за первым встречным тюремщиком, Богданком или Сидоркой, протягивая шею в хомут.

К тому же в этой стране революция носила характер скорее социальный, чем политический. Только в этом первом смысле она и могла мощно развиваться. С этой стороны движение могло бы привести к глу-

боким изменениям социального строя, если бы внешняя опасность не стала на его пути; предписав ему не терпящие отлагательства задачи, она отвлекла народное сознание от задач внутреннего порядка, которыми скоро пренебрегли и предоставили их разрешение далекому будущему. Кроме сохранения национальной неприкосновенности, единственным приобретенным после кризиса результатом было окончательное распадение аристократического элемента; простонародью, однако, не удалось получить его наследия. Оно досталось товарищам Пожарского, а через посредство служилых людей – их позднейшим представителям в организации современной России: придворной камарилье и бюрократии.

Но эта эволюция уже касается истории первых Романовых, к которой я подойду, если силы мне позволят, в другой книге.⁴⁹¹

К царствованию Михаила Феодоровича относятся и последние эпизоды героического романа, трагическую развязку которого я должен уже здесь рассказать, чтобы не заслужить упрека в невнимательном умолчании. Предваряя события, я прослежу судьбу Марины и Заруцкого до конца их изумительного пред-

---

⁴⁹¹ Книга эта вышла в 1909 г. под заглавием: *Le berceau d'une dinastie. Les premiers Romanov (1613–1882)*. См. К. Валишевский. Первые Романовы. – Прим. ред.

приятя.

VIII. Конец Марины

Покинув Михайлов, с которым он беспощадно обращался, и оставив в нем преданного себе воеводу, Заруцкий в марте 1613 г. отправился в Епифань, городок той же области, лежащей немного южнее. Но уже вокруг него становилось пусто. Вскоре после его отъезда жители Михайлова посадили в тюрьму его воеводу с его немногочисленными казаками. В апреле войско, присланное из Москвы под начальством князя Ивана Одоевского, заставило атамана отступить, настигло его под Воронежем и разбило наголову. Марина с любовником бежали вплоть до самой Астрахани. Они, казалось, еще не покидали тогда своих честолюбивых мечтаний; обдумывали фантастический план водворения на границах Персии, начав ради этого переговоры с шахом Аббасом. Следует помнить, что Астрахань еще недавно была столицей независимого царства. По дошедшим до Москвы сведениям, Заруцкий один увлекался этим планом; Марина, напротив, советовала ему устроиться на Украине, чтобы быть поближе к Польше.

Одоевский не решился так далеко преследовать своего отозванного противника, который был еще

опасен своими обширными связями с Волгой, Днепром и Доном. Он ограничился посылкой грамот казакам нижней Волги с приглашением не стоять за безнадёжное дело. Одновременно из Москвы пытались поднять ногайских татар против нового повелителя Астрахани и удалить донских казаков, отправив их в Северщину против польских отрядов. Донцы с восторгом приняли подарки, которыми подогревали их преданность; они звонили в колокола, служили молебны и наказали кнутом одного из своих товарищей, который упорно настаивал на том, что «калужский царек» ещё жив; но они отказывались от похода. Скоро посылаемые Одоевским известия о победах сменились новыми грозными вестями. Казаки с Волги и Терека, все те, что жили на обширных землях юго-востока, этом притоне множества воинственных людей, собирались под знамена Заруцкого. В это же время, переходя через центральные области, толпы голытьбы шли к ним на соединение из северных уездов Белозерья и Пошехонья. Прежде враждебно относившиеся к нему ногайский князь Истерек заключил с ним договор, обещая следующей весной идти осаждать Самару. В это же время на готовившемся караване судов сам атаман должен был двинуться вверх по Волге, чтобы напасть на Казань.⁴⁹²

---

⁴⁹² Акты исторические, III, 412, 421, 424, 445.

Таково было огромное, по видимости, движение, созданное мятежником, которого перестали было считать опасным! Большое расстояние помогло преувеличить его размеры и опасность в глазах людей, жаждавших покоя после длинного ряда жестоких испытаний. Тревога охватила почти беззащитную, как известно, Москву. За недостатком войск царь и собор разослали новые послания и новые подарки. Сам Заруцкий получил послание, составленное в примирительном тоне, с обещанием полного прощения, если он изъявит покорность.

Но он не мог соблазниться этими мирными обещаниями, тем более что в посланиях к его казакам его, атамана, называли изменником, виновником всех бедствий, от которых страдала Московия. Но его новые силы были далеко не так значительны, как уже мерещилось с перепугу его противникам. Прежде взятия Казани и устрашения Москвы он должен был охранять свое весьма непрочное положение в самой Астрахани. Население не выражало ему вполне успокоительного расположения; Марина же, памятуя 17-е мая, дошла до того, что запретила звонить в колокола, под тем предлогом, что гул их пугает ее сына.⁴⁹³ Приближенные царицы производили тяжелое впечатление на жителей. Набожная духовная дочь самбор-

---

⁴⁹³ Акты исторические, IV, 412.

ских бернардинцев держала около себя целый мирок католических монахов, собранных за время ее скитаний, польских бернардинцев, испанских августинцев и итальянских кармелитов; один из них, отец Джованни Фаддеи, долго живший в Персии, вероятно, внушал Заруцкому его рискованные планы. Близ своего дома Марина устроила им капеллу, которую отец Николай Мелло освятил 28 августа 1613 г.⁴⁹⁴ Сам Заруцкий внушал больше страха, чем расположения; он разгонял иностранных купцов неумением защищать их от своих татар и казаков, да и сам подчас грабил их; вообще его присутствие разоряло город. Подобно второму Дмитрию в Калуге, он держался только тем, что наводил страх и, подобно Грозному, пируя со своими полковниками и мурзами, ежедневно проливал кровь на плахах и в застенках.

Следует думать, что он тогда выдавал себя за Дмитрия, так как сохранилась челобитная 1614 г., обращенная к «царю Дмитрию Ивановичу, царице Марии Юрьевне и царевичу Ивану Дмитриевичу».

На эту комедию последовал вскоре зловещий ответ, довольно точное повторение событий, которыми в Москве закончилась карьера первого супруга Марины. Около Пасхи в апреле 1614 г. по городу распро-

---

⁴⁹⁴ Pierling. Марина Мнишек после майского погрома, отд. оттиск из «Русской Старины», 1903, стр. 256.

страшился слух, что Заруцкий, пользуясь прибытием значительного подкрепления из казаков, задумал перебить всех подозрительных ему жителей. В среду на святой неделе вспыхнул бунт; после страшной резни Заруцкий вынужден был запереться в Кремле. Наступал конец.

Упорствуя в бессмысленном предприятии в Персии, доблестный авантюрист имел дерзость в это время отправить к Аббасу послов с проектом договора.⁴⁹⁵ В вознаграждение за немедленную помощь он предлагал шаху столицу своей астраханской империи. Но уже эта империя разрушалась всем составом. Терский воевода Петр Головин возбуждал подозрения Заруцкого; но когда этот мнимый царь послал схватить его, жители отказались выдать чиновника и, возмущенные, перешли на сторону Михаила. Головин тотчас послал в Астрахань маленький отряд стрельцов в 700 чел. под начальством Василия Хохлова, а с его приближением к этому отряду присоединился Истерек со своими ногайцами. Находясь в открытой войне с жителями своей столицы, часто осаждаемый в крепости, служившей ему убежищем, Заруцкий не мог предотвратить такой поворот; астраханцы обезумели перед огнем его пушек; узнав о событии, они бросились все, мужчины, женщины и дети, вон из города

---

⁴⁹⁵ Акты исторические, III, 412.

и отдались под защиту Хохлова. Предупрежденный в свою очередь, Одоевский подходил усиленным маршем. Заруцкий и Марина, услышав о его приближении, 12 мая 1613 г. бежали вверх по течению Волги. Хохлов преследовал их, но настиг только несколько казаков и Варвару Казановскую, верную приближенную царицы.⁴⁹⁶ Сам Заруцкий с Мариной и ее сыном удачно добрались до моря, а затем, поднимаясь по р. Уралу, собирались, говорят, пробраться в Персию. Беглецы нашли временный приют в казачьем городке на правом берегу этой реки. Но Одоевский скоро открыл их след и послал туда своих лучших стрельцов с Гордеем Пальчиковым и Севастьяном Онучиным. Им досталась честь захватить пленников, которым наверху придавали особое значение. Будучи осаждены, атаман Треня Ус и его товарищи выдали своих гостей.

25 июня 1614 года Заруцкий, Марина, маленький Иван и Николай де Мелло были направлены в Москву через Астрахань и Казань. Прочие монахи, по-видимому, разбежались раньше, а отец Фаддеи состоял, вероятно, в посольстве, отправленном недавно в Персию. Пленники путешествовали под сильным конвоем, который получил приказание в случае тревоги убить их, и можно догадаться, каким мучительным крестным путем оказался для Марины этот переезд.

---

⁴⁹⁶ Акты исторические, III, 441.

Заруцкий умер в Москве на коле. Сына Марины, несмотря на его нежный возраст, повесили на той виселице, на которой в то же время испытил свои злодеяния Федька Андронов.⁴⁹⁷ Относительно Марины сведения противоречивы. По русским известиям, она умерла с горя в тюрьме; польские летописцы думают, что ее там задушили или утопили подо льдом. У самборских бернардинцев сохранилось третье предание: Марину утопили вместе с отцом Антонием, который последнее время делил с нею заключение, а ее сын, переданный Сигизмунду и воспитанный заботами короля в иезуитской коллегии, пережил их, чтобы прозябать в неизвестности; однако, несомненно, что отца Антония не было при царице в дни ее кончины. Кармелит Джованни Фаддеи, по-видимому, вернулся в Испанию и принес туда новые известия о совершившейся драме; он рассказывал, что схваченные вместе с Мариной отец Мелло и Варвара Казановская, несмотря на жестокие пытки, отказались принять православие.⁴⁹⁸ Подробности, вероятно, навсегда останутся неизвестными.

Сандомирский воевода сошел в могилу, на целый год упредив смерть дочери; вся эта семья, появившаяся

---

⁴⁹⁷ Русск. Ист. Библ. XIII, 128 (Иное сказание); Попов, Изборник, 362 (Хронограф Столяра).

⁴⁹⁸ Pierling, Nicolas de Mello, 311.

яся одно время в сиянии яркого света, тотчас и надолго скрылась в тени. Она вышла из нее при Иосифе Мнишеке, великом маршале двора и краковском кастиеляне, т. е. первом чине государства при Августе III, в середине XVIII-го века. В наши дни один из последних представителей этой фамилии уступил московским музеям картины, грубо нарисованные, но крайне интересные, где изображены торжественные выходы Марины в Москве, ее въезд в столицу царей, ее свадьба и коронование. Изменившая своей родине по избытку гордости, честолюбивая подруга двух Дмитриев и Заруцкого не оставила в ней ни одного памятника своего мимолетного сияния.

IX. Общий обзор

История Европы не знает другой революции, которая казалась бы столь бесплодной по своей развязке и по своим последствиям. В течение десяти лет эта революция расшатывала всю страну, заливала ее потоками крови и покрывала развалинами, но сама не внесла в народную жизнь ни одного нового начала, не указала нового пути ее будущему развитию. Она пронеслась разрушительным и бесплодным ураганом. Пройдя сквозь многие смены династий и политических и социальных порядков, Россия самодер-

жавных царей путем этого длинного обхода вернулась к исходной точке. Обострившись до открытых столкновений, которые, казалось, коснулись всех основ совместного существования, борьба классов не выдвинула ни одной победоносной программы, выражавшей хотя бы частные интересы. Высшая аристократия ради защиты своих привилегий умела находить одни временные уловки, порождать и принимать искателей престола, прибегать к вмешательству иностранцев; она выставляла Дмитрия против Годуновых, шведов против поляков, продавались всякому, кто больше сулил, в конце концов погрузилась в бездну вполне заслуженной непопулярности. Для московских бояр XVII-го века смутное время имело те же последствия, как война алой и белой розы для английских баронов XV-го в. Но британская аристократия, действуя в интересах государства, вместе с ним восстала из общего бедствия. Себялюбивая политика московских олигархов довела их до непоправимой утраты не только привилегий, но и всякого общественного влияния.

Соучастник вреднейших уклонений с прямого пути, куда давали себя увлекать верхи общества, средний класс под конец восстановил свою честь, выступив на защиту национальной независимости и порядка; но, быстро запыхавшись в своем великодушном порыве,

он не сумел сохранить и крупицы власти, которой было завладел. Эта власть словно жгла ему руки, так спешил он отделаться от нее отречением самым бескорыстным, но вместе с тем самым малодушным, обратившись к тому началу самодержавия, которое вернуло его в его рабское состояние.

Тотчас после борьбы, казалось, одни казаки, хотя и они не более других отличались в ней, имели вид победителей. Из людей вне закона, живших на окраине владений общества, которое извергло их из своей среды, они быстро перешли на ступень руководящего класса, заявив на соборе 1613 г., что возвратили себе свои гражданские права. Но и они тоже скоро проявили неспособность создать идеал или хотя бы какое-нибудь подобие мысли о политической или социальной реформе. Они только восставали против всех форм порядка, чтобы впоследствии, жалким образом обнаружив свое нравственное бессилие, в звании зрителей за каторжными, сделаться покорным орудием общего порабощения.

Итак, этот кризис, прервавши в начале XVII в. естественное течение национальной истории, оказался как бы случайным погружением в пустоту, в небытие. Россия вышла из него тяжело изувеченной и истерзанной, с двойным вырезом у своих границ и страшно израненным центром; эти раны, требовавшие для сво-

его излечения всего ее внимания, ее полного усилия, должны были надолго остановить ее внешнее расширение, сдавить ее внутреннее развитие и отвлечь ее внимание от тех забот, которые заря умственного и нравственного возрождения начала было ей внушать.

Испытание, несомненно, помогло ей сознать свое национальное единство и оценить те силы, которыми она располагала, чтобы защищать его. Но этот славный подъем мощной энергии имел последствием только несвоевременное возвращение к худшим преданиям прошлого, которое казалось уже упраздненным или по крайней мере к тому готовым, усиление узкого национализма, подозрительного и сурового, в котором чада «святой Руси» и без того замуровались слишком долго и упорно, а теперь, обернувшись назад, готовились утратить большую часть уже установившихся было сношений с западной цивилизацией. В доме с заново припертыми дверями, с ревниво законопаченными окнами они зажили в духоте и одиночестве – до первых ударов топора Петра Великого, до внезапного стремительного наплыва поверхностного западничества, нахлынувшего словно лавина или мгновенный переворот, по многим условиям зловерного и бесплодного во многих отношениях.

Продолжительное тесное сближение с космополитическими шайками Рожинского, Жолкевского и Де-

лагарди тоже не оставило заметного следа на нравах страны; вынося это сближение, она показала себя неподатливой к его влиянию. Если в повторявшихся попытках преобразования государственного строя угадывается польское влияние, мы видели, каким образом, как просто оно исключалось.

С этой точки зрения смута имела иное следствие, более глубокое, более прочное, но, увы, крайне злополучное. Как это заметил Костомаров, – она сделалась практической школой измен, раздора, политических безумств, двуличности, легкомыслия, распущенности и личного эгоизма.⁴⁹⁹ Русский историк думает, что урок этот исходил от Польши, и что она сама же к нему вернулась. Революционируя Россию, польские сторонники первого и второго Дмитрия сами проникались роковым ядом и, возвращаясь домой, заражали им свою родину, не причиняя им вреда родине Минина и Пожарского, способной быстро отвергнуть отраву, с отвращением выплюнуть ее.

Это только патриотический парадокс. Поляки не имели никакой надобности проделывать над Москвой опыты анархических привычек. Rokosz Зебржидовского готовился в их стране ранее, чем появился в ней первый Дмитрий. С другой стороны, вовсе еще не доказаны ни польское происхождение первого или

---

⁴⁹⁹ Смутное время, III, 321 и след.

второго претендента, ни польский источник революционного движения, которое разразилось с их появлением. Несомненно, оба народа были слишком близки друг к другу особенно в эту пору своей истории, чтобы не возник между ними обмен умственных и нравственных начал, и польское влияние могло приобрести в некоторых отношениях решающее значение в общих заблуждениях. Я это признавал в начале изложения.⁵⁰⁰ У обеих сторон был яд в жилах, и они его сохранили. Верно одно, что, испытывая одновременно такие кризисы различной напряженности и потом сталкиваясь в борьбе, которую они вызывали, и в которой ставилась на карту судьба обеих стран, Польша и Московия проявили весьма различную силу сопротивления. Тлетворные зародыши, заразив их одновременно, неодинаково повредили им: одной стороне они привили смертельную болезнь, а в более сильный организм другой – внесли только некоторую порчу, причинили ей недомоганье, наследственную печать которого он носит и поныне.

Наконец, следует отметить, что, вопреки видимости, не все было безумием и преступным развратом в этой ужасной смуте. Зарождались в этой атмосфере благородные инстинкты и выходили на свет законные стремления, хотя, утопая в разливе нездоровых стра-

---

⁵⁰⁰ Стр. 85.

стей, они бывали осуждены на временное исчезновение в общей бездне. Свобода требует долговременной выучки. В России телосложение населения ведет к медлительности, и нравственный прогресс подчиняется тому же закону. Глубоко вспахав ее, революционная буря XVII в. заложила в эту сухую почву семена, присутствие и жизнеспособность которых нельзя уже теперь не признавать.

15 декабря (н. с.) 1905 г.